ИСКУССТВО ШАХМАТ

ЮРИЙ АВЕРБАХ

О ЧЕМ МОЛЧАТ ФИГУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

- О чем молчат фигуры
  -
  - Вместо предисловия
  - Перед Первой мировой
  - В годы войн и революций
  - Первые шаги
  - Объединительный съезд
  - Герой того времени
  - Московский международный
  - «Рокировка» Боголюбова
  - Александр Алехин — чемпион мира
  - Судьба проблемиста
  - Молодежь выходит вперед
  - Матч Ботвинник — Флор
  - Чистка и забота о смене
  - В Москве и Ноттингеме
  - В чем сумбур?
  - Верховный главнокомандующий
  - Большой террор
  - Во время Великой Отечественной
  - «Матч столетия»
  - Реабилитация Пауля Кереса
  - На Политбюро
  - Генерал командует спортом
  - Ботвинник обыгрывает Берию
  - Я — шахматный профессионал
  - Путь наверх
  - У последнего барьера
  - Турнир претендентов
  - Не спорь с начальством
  - Поездка со Спасским
  - Олимпиада в Москве
  - По новым правилам
  - Мальчики для битья
  - Работа в редакции
  - В федерации
  - Взлет Роберта Фишера
  - Поединок в Рейкьявике
  - Кто встретится с Фишером
  - Возвращение короны
  - Проблемы ФИДЕ
  - Корчной выходит на Карпова
  - В Багио и Буэнос-Айресе

- Дела журнальные
- В Фельдене и спор с ФИДЕ
- В Лондоне и Вильнюсе
- Тринадцатый чемпион
- Противостояние продолжается
- Большие перемены
- В Москве и Париже
- Вместо заключения
- Научно-популярное издание

О чем молчат фигуры

Автор, бывший очевидцем и активным участником самых острых коллизий, сотрясавших порой весь шахматный мир, откровенно рассказывает о том, что десятилетиями таилось за семью печатями.

Книга рассчитана на всех любителей шахмат, и не только на них.

Фотографии из архива музея шахмат ЦДШ и личного архива Ю. Авербаха

Юрий Авербах

Москва, 2007

Серия «Искусство шахмат» основана в 2001 году.
В оформлении использованы работы художницы Г. Сатониной

РИПОЛ
КЛАССИК

Вместо предисловия

Так уж получилось, что в шахматах мне приходилось выступать в самых различных ипостасях. Я увлекся ими в 1935 году во время проходившего тогда в Москве II международного турнира. На самом турнире мне побывать не удалось, но я был зрителем на сеансе Ласкера для московских школьников и видел, как чемпион моей школы Алик Прорвич победил экс-чемпиона мира.

В том же году мне посчастливилось прослушать лекцию мастера Николая Григорьева, и она произвела на меня неизгладимое впечатление. Когда Григорьев показывал свои пешечные этюды, тонкими артистичными пальцами передвигая фигуры на демонстрационной доске, я скорее почувствовал, чем понял, все богатство, всю глубину и красоту шахмат, увидел, как человеческая мысль одухотворяет маленькие деревянные фигурки, и они, словно заправские актеры, начинают разыгрывать чудесный спектакль, способный затронуть человеческую душу. Восприятие шахмат как искусства сблизило меня с этой игрой.

В 1940 году, уже кандидата в мастера и студента, меня пригласили поработать демонстратором на XII чемпионате страны. Турнир проходил в Большом зале консерватории, там я впервые увидел шахматную элиту не из зрительного зала, а из-за кулис. В 1944 году я стал мастером и вошел в эту элиту. За свою долгую жизнь мне пришлось быть не только игроком, но и тренером, секундантом, спарринг-партнером ряда ведущих шахматистов, в том числе чемпионов мира. Я выполнял обязанности арбитра и главного арбитра самых ответственных соревнований — матчей на первенство мира, Олимпиад, различных международных встреч и турниров. Десятки лет входил в руководство нашей федерации и ФИДЕ и почти 40 лет проработал главным редактором журналов «Шахматы в СССР» (впоследствии «Шахматы в России») и «Шахматный бюллетень».

Нужно ли теперь говорить, что я знаю шахматную жизнь и шахматную элиту вдоль и поперек не только с внешней, парадной стороны, но и с внутренней, закулисной, во многом скрытой от любителей шахмат. Ведь шахматы многолики. С одной стороны, это игра царей, ставшая поистине царицей игр, игра джентльменов, высокоинтеллектуальный благородный спорт. С другой — постоянный, иногда исключительно острый конфликт личностей, даже целых поколений, столкновение самолюбий и честолюбий, высочайший эгоцентризм. Вокруг шахматной доски нередко переплетается самое высокое и самое низкое.

Недавно, работая над сборником своих избранных партий, я пытался показать не только то, что происходило на шахматной доске, но и рассказать о том, что происходило за кулисами шахматной сцены. Выяснилось, что этого самого «закулисья» оказалось так много, что мне ничего другого не оставалось, как посвятить ему еще одну книгу.

Эта книга перед вами.

Добавлю только, что почти полвека я занимаюсь историей шахмат. И, чтобы лучше понять события, очевидцем которых мне пришлось быть начиная со второй половины 30-х годов, читателю будет полезно познакомиться с тем, что происходило в шахматной жизни страны раньше.

Перед Первой мировой

В XIX веке Россия заметно отставала по уровню развития шахмат от таких стран, как Англия, Франция и особенно Германия.

А как обстояли дела в начале XX века?

Именно тогда, в 1903 году, в печати разгорелась дискуссия между двумя издателями П. Бобровым и Д. Саргиным. Оспаривая утверждение Боброва о распространении шахмат в нашей стране, Саргин писал, что из двухсотмиллионного населения России не нашлось 400-500 подписчиков на шахматный журнал. Далее он развивал свою мысль: «Шашки, те, действительно, у нас распространены; много есть велосипедистов и футболистов, и лыжников, но партнера в шахматы, особенно в провинции, не часто встретишь. А больше всего до последнего времени распространение имел у нас алкоголизм, как известно, враг всякого спорта, будет ли этот последний чисто умственный, как шахматы и шашки, или чисто физический, как велосипед, борьба и т. д.»

Признавая горькую правду слов об алкоголизме, тем не менее с доводами Саргина согласиться нельзя. Как раз в конце 1903 года начало свою деятельность Петербургское шахматное собрание. Хотя в его уставе было записано, что учащиеся туда не допускаются, но руководство собрания смотрело на это сквозь пальцы и ставило своей главной задачей поиск способных молодых дарований. Поэтому неудивительно, что из стен собрания вышли такие шахматисты как будущие чемпионы страны Г. Левенфиш и П. Романовский. Шахматным премудростям учился там и отец будущего седьмого чемпиона мира В. Смыслова.

В 1909 году, после смерти М. И. Чигорина, в Петербурге удалось провести крупный турнир, посвященный его памяти. Деньги на него собирали всем миром. Как теперь принято говорить, спонсорами явились сам император Николай II, а также ряд членов императорской фамилии, промышленник князь Е. Демидов Сан-Донато, сахарозаводчик М. Терещенко, табачный фабрикант М. Бостанжогло. Основательную поддержку оказал финансовый клуб, под вывеской которого в Петербурге процветал игорный дом. Однако о возраставшем интересе к шахматам ярче говорят значительно более скромные спонсоры, такие, например, как скинувшиеся по гривеннику 18 юнкеров артиллерийского училища, чьи имена остались неизвестными.

Своими связями заметно способствовал организации турнира

член Государственного Совета Российской империи П. А. Сабуров. Он, в частности, пробивал разрешение на приезд русских и иностранных мастеров, евреев по национальности, не имевших права жить в столице.

Соревнование это буквально всколыхнуло интерес к шахматам в стране, тем более, что победу в нем праздновал вместе с чемпионом мира Эм. Ласкером Акиба Рубинштейн из Лодзи, за два года до этого выигравший первенство России.

А в проведенном параллельно с международным состязанием Всероссийском турнире любителей победу одержал молодой москвич Александр Алехин. За этот успех ему было присвоено звание маэстро. С тех пор в подобных всероссийских соревнованиях стало возможным получать это высокое звание.

В 1913 году Петербургское шахматное собрание отметило свое десятилетие. Этому событию был посвящен Всероссийский съезд шахматистов. В его программу вошли: чемпионат высших учебных заведений Петербурга, Всероссийский турнир любителей, Всероссийский турнир мастеров и, уже в 1914 году,— крупный международный турнир.

В студенческом чемпионате первое место разделили П. Романовский и С. Фрейман. В турнире любителей победил А. Эвенсон. В турнире мастеров первое место разделили А. Алехин и А. Нимцович. Дополнительный матч между ними завершился вничью, и оба молодых мастера были допущены в международный турнир, который с полным правом может быть назван сильнейшим международным соревнованием начала XX века. В него приглашались лишь мастера, ранее уже бравшие первые призы на международных состязаниях. Поэтому он был назван гроссмейстерским турниром. Соревнование состояло из двух этапов — предварительного и финала.

На предварительном этапе победил Х. Р. Капабланка, опередивший на полтора очка разделивших второе и третье места Эм. Ласкера и З. Тарраша, на четвертом-пятом местах оказались А. Алехин и Ф. Маршалл. Эта пятерка и составила финал. Его участникам предстояло сыграть друг с другом по две партии.

В свободный день между этапами турнира Петербургское шахматное собрание чествовало своих гостей банкетом. На нем Е. Фаберже (совладелец известной ювелирной фирмы) преподнес каждому из участников соревнования позолоченный эмалированный кубок в русском стиле, как он объявил: «На память и из уважения к талантам присутствующих маэстро».

В финале успех сопутствовал чемпиону мира. В решающей встрече он победил Капабланку и опередил его на пол-очка. На третьем месте оказался А. Алехин, выдвинувшийся в число

сильнейших шахматистов мира.

В середине соревнования произошло событие, о котором в свое время мечтал еще М. И. Чигорин: состоялось учредительное собрание Всероссийского шахматного союза (зарегистрирован он был под названием Всероссийского шахматного общества: слово «союз» не понравилось Министерству внутренних дел, и его пришлось заменить). На собрании были представлены 65 единичных членов и 800 групповых, от 22 местных отделений, в том числе даже сибирских. Прибалтика ограничилась одним человеком — А. Нимцовичем: Балтийское и Финляндское шахматные общества отказались примкнуть к созданной организации.

Среди гостей съезда был председатель Германского шахматного союза профессор Р. Гебгардт. Он заявил, что жаждет заключить с РШС самую тесную дружбу.

Поэтому не случайно, что вскоре в Маннгейм на турниры, посвященные тридцатилетию Германского шахматного союза, отправились свыше двадцати пяти представителей России. Однако этим соревнованиям не суждено было закончиться: началась мировая война.

Раздать призы решили согласно турнирному положению участников, правда, сократив суммы призовых, поскольку оказалось сыграно меньше партий, чем предполагалось. Примечательно, что во всех трех турнирах победителями стали российские шахматисты. В турнире мастеров — А. Алехин, турнире «А» — А. Рабинович (Вильно), в турнире «Б» — Н. Руднев (Харьков).

Отзвуком Петербургского турнира явился фильм «Шахматы жизни» с участием Веры Холодной. Это был первый русский фильм, связанный с королевской игрой.

Оценивая в целом положение с шахматами в нашей стране перед Первой мировой войной, нельзя не отметить, что по числу мастеров Россия уже тогда превосходила все страны, хотя, может быть, и уступала некоторым из них по массовости.

В годы войн и революций

Война застала большую группу российских шахматистов в Маннгейме, в том числе четырех участников турнира мастеров — Александра Алехина, Д. Яновского, Е. Боголюбова и А. Флямберга. Все они решили немедленно уехать в Швейцарию, но прежде чем сумели привести в исполнение свой замысел, были арестованы. А когда их вскоре выпустили, то все пути в нейтральные государства были отрезаны.

По совету испанского консула в Маннгейме они отправились в Баден-Баден, где были сосредоточены все русские подданные, задержанные в герцогстве Баден. Однако по дороге их снова арестовали и отправили в тюрьму, где шахматистам пришлось провести 10 дней. Поскольку в подавляющем большинстве они были людьми молодыми, немецкие власти решили их интернировать, чтобы, вернувшись на Родину, они не приняли участие в войне против Германии. Однако некоторым, как, например, Алехину, Ф. Богатырчуку и Н. Рудневу, удалось выбраться из немецкого плена. А семь человек, потом переведенные в Триберг, вынуждены были остаться там на несколько лет. Среди них оказались будущий гроссмейстер Боголюбов, будущие мастера А. Селезнев, П. Романовский, А. Рабинович, а также секретарь Всероссийского шахматного союза С. Вайнштейн.

В октябрьском номере «Шахматного вестника» за 1914 год появилось обращение ко всем русским шахматистам о сборе пожертвований в пользу тех, кто оказался в немецком плену. С началом войны шахматная жизнь в Петербурге, переименованном вскоре в Петроград, совершенно замерла: помещение Шахматного собрания было отдано под лазарет. Московский шахматный кружок также лишился своего помещения: в нем разместились различные организации, занимающиеся помощью раненым. Однако через два месяца кружок снова начал действовать в другом месте. Там состоялся сеанс одновременной игры вернувшегося из Германии Алехина, весь сбор с которого пошел в пользу пленных русских шахматистов. Затем он повторил подобный сеанс в Петрограде. Его примеру последовали О. Бернштейн, Е. Зноско-Боровский, Г. Левенфиш.

В журнале «Шахматный вестник», с 1913 года издаваемым Алексеем Алехиным, братом Александра, стали регулярно печатать сообщения об убитых и раненых шахматистах. Журнал установил через Швейцарию регулярную связь с трибергскими пленниками, которые провели несколько турниров: большинство

их выиграл Боголюбов. Для одного турнира, названного «английским», деньги на призы были присланы через Красный Крест Британским шахматным союзом. Из Триберга пришло сообщение, что из 876 членов Германского шахматного союза, призванных на войну, 57 убито, 77 ранено, среди них сын Тарраша Фриц.

В 1916 году стало ясно, что война затягивается, и антигерманские настроения выплескиваются на страницы шахматного журнала. Так Д. Саргин выступил с критикой работ Ван дер Линде и предложил переименовать шахматного короля в царя.

В качестве курьеза публикуется статья д-ра Тарраша из одного шахматного отдела немецкой газеты под названием «Краткая критика наиболее употребительных шахматных дебютов». Как сказано в предисловии к статье, «патриотическое одушевление, охватившее воюющие страны, порой принимает уродливые формы, переходя в шовинистический экстаз». Приведем краткое изложение этой статьи почтенного доктора, которую иначе как юмористической назвать нельзя.

«Французская партия была прежде очень популярна, но от нее давно отказались».

«Также и Русскую партию нельзя рекомендовать».

«Надлежит совершенно отвергнуть Английскую партию».

«Итальянская партия долгие годы считалась корректной, в новейшее время однако, достоинство ее подвергается большому сомнению».

«Такова же и Сицилианская партия».

«Следует очень рекомендовать Венскую партию».

«Также ничего нельзя возразить против и Венгерской партии».

«Совершенно корректна и Скандинавская партия».

«Лучшим началом всегда и по праву считалась Немецкая партия, названная так Корделем. Она обеспечивает самую сильную и самую продолжительную атаку, защита против которой чрезвычайно трудна, а по мнению некоторых теоретиков даже и вообще невозможна».

«Совершенно неотразимую атаку дает Прусская партия. Она всегда имела самую лучшую славу, блестяще оправдала себя на всех турнирах (с одним единственным исключением) и влечет для противника при наиболее употребительном продолжении, по большей части, немедленный разгром». Заметим, что «немецкой» партией Тарраш называет испанскую, а «прусской» — защиту двух коней.

Из «Шахматного вестника» мы также узнаем, что в конце апреля Алехин гастролировал в Одессе, в мае — в Киеве, а затем

добровольцем отправился на фронт в качестве уполномоченного одного из санитарных отрядов, а точнее начальником «летучки» Красного Креста.

«На позициях А. А. Алехин,— как сообщает журнал, — самоотверженно оказывал помощь раненым, часто под неприятельским артиллерийским и пулеметным обстрелом и награжден за это двумя Георгиевскими медалями. Однажды он вынес с поля битвы раненого офицера, за что представлен к ордену Станислава с мечами. Оказывая раненым помощь в наиболее опасных местах, А. А. Алехин был дважды контужен, причем второй раз настолько серьезно, что ему пришлось пролежать в госпитале г. Тарнополя несколько недель. В этом госпитале, уже поправляясь, он испытал сильное желание поиграть в шахматы. И администрация госпиталя устроила ему сеанс, едва ли не единственный в истории шахматной игры. В госпиталь были приглашены тарнопольские шахматисты, и против пятерых из них наш маэстро играл наизусть (т.е. вслепую. — *Ю.Л.)*. Все партии были им выиграны в этом необыкновенном сеансе».

Журнал «Шахматный вестник» поступал к читателям почти до конца 1916 года, но в конце концов прекратил свое существование. А «Британский шахматный журнал» выходил все военные годы, и в нем был опубликован чрезвычайно интересный документ:

«Секретный циркуляр Адмиралтейства и военного ведомства от 4.04.1916 года, присланный в редакцию журнала. Из сообщений, полученных от военного ведомства, следует запретить публикацию прессе шахматных задач во время войны. В настоящее время и для того, чтобы вызвать как меньше неудобств для редакторов газет и журналов, просят не публиковать шахматные задачи, если только нет уверенности, что посылают их люди английской национальности и совершенно лояльные». Дело в том, что в то время в Англии было немало немецких шпионов, и военные власти опасались, что задачи могут служить своеобразным шифром, содержащим важную для противника информацию. Стоит обратить внимание и на то, что в «Британском шахматном журнале» было опубликовано большинство партий, игранных русскими пленниками в Триберге. Видимо, эта связь осуществлялась либо через нейтральные страны, либо через Красный Крест.

В конце августа 1916 года возвратился из германского плена председатель Петроградского шахматного собрания и товарищ (то есть заместитель) председателя правления Всероссийского шахматного союза Б. Е. Малютин. Его освобождение явилось

результатом долгих переговоров, в конце концов его обменяли на важного чиновника, взятого в плен во время вторжения русских войск в Восточную Пруссию.

С приездом Малютина возобновил свою деятельность Всероссийский шахматный союз, и впервые после начала войны собралось его правление. На 1917 год были запланированы несколько мероприятий — ряд турниров по переписке, а также конкурс составления задач.

Однако все эти планы оказались нарушены грозными революционными событиями начала следующего года. Экономическое положение в стране ухудшается, обостряется политическая ситуация, функции власти заметно ослабевают, и ставший непопулярным Николай II отрекается от престола.

Немногие тогда скорбели о кончине монархии, большинство ждало социальных перемен и свободы. Нам неизвестно, что об этих событиях думал сам Александр Алехин, но его отец А. И. Алехин, предводитель Воронежского дворянства, с восторгом поддержал произошедшее, произнеся пламенную речь на губернском земском собрании. В частности, он сказал следующие слова:

«Совершилось великое дело, пала старая власть, и на ее месте временно возникла новая, которая в свою очередь в непродолжительном будущем должна будет уступить место постоянной, организованной уже согласно свободно выраженной воле самого народа.

Открылась новая глава в истории свободной России».

Однако, как известно, и Временное правительство не смогло стабилизировать положение. Уставший от 4 лет изнурительной войны народ хотел мира, армия стала разлагаться, и создавшейся ситуацией воспользовались большевики во главе с Лениным. 25 октября (7 ноября) свершилась Октябрьская революция, в которой самое непосредственное участие принимал будущий шахматный мастер А. Ильин-Женевский. В Петрограде в помещении Шахматного собрания на некоторое время расположился отряд красногвардейцев, вследствие чего не только шахматные комплекты оказались перемешаны, но исчезли все... шахматные кони. Впрочем, ценнейшую библиотеку собрания удалось спасти, ее перевез к себе домой Ю. Сосницкий, библиотекарь, а затем вице-председатель собрания. Однако в феврале 1919 года он стал жертвой свирепствовавшей тогда по России эпидемии сыпного тифа, и библиотека перешла в руки вернувшегося из немецкого плена С. Вайнштейна.

На протяжении 1918 года петроградские шахматисты собирались на квартире председателя собрания П. П. Сабурова,

но вскоре он уехал за границу, и Петроградское шахматное собрание фактически перестало существовать.

В 1919 году из Киева пришла печальная весть — расстрелян деникинцами А. Эвенсон, многообещающий молодой мастер. Он был призван большевиками на службу в качестве следователя военно-революционного трибунала.

Осенью 1918 года Алехин предпринял крайне опасную по тем временам поездку через Киев в Одессу. Тогда много людей покидали Москву и Петроград, пробираясь на юг. Среди них были шахматный мастер О. Бернштейн с семьей, будущий писатель В. Набоков с отцом-сенатором и другие. Все они стремились покинуть Родину, чтобы избежать не только голода и холода, но и репрессий, так называемого «красного террора».

Официальной причиной поездки Алехина считается желание принять участие в намечавшемся в Одессе шахматном турнире.

Турнир этот так и не состоялся, и Алехин был вынужден играть легкие партии на ставку в одном из местных кафе, чтобы иметь хоть какие-то средства для существования. Наверное, уже тогда Алехин думал о том, чтобы покинуть Россию, но для этого нужны были немалые средства, которых у него не было. Не хватало и денег, чтобы вернуться в Москву.

А жизнь в Одессе была несладкой. Сначала ее оккупировали австро-германские войска, в конце 1918 года им на смену пришли англо-французские части. В то время в Одессе скопилось немало приезжих (в их числе был писатель И. Бунин), искавших возможность эмигрировать.

В начале апреля 1919 года обстановка в Одессе снова изменилась — в город вошла Красная армия. Началась волна арестов представителей дворянства и буржуазии. В местной газете стали ежедневно публиковаться списки расстрелянных. Неожиданно был арестован и Алехин. Что явилось причиной ареста, неизвестно, но он был потомственным дворянином, титулярным советником, сыном члена Государственной думы и дочери фабриканта. Всего этого вполне достаточно, чтобы считать его врагом советской власти.

Существует несколько версий о том, что произошло далее. Приведу наиболее вероятную: одесский шахматист Я. Вильнер, работавший тогда в ЧК, узнав об аресте Алехина, немедленно телеграфировал об этом в Киев, и оттуда за подписью председателя Всеукраинского ревкома Раковского пришла телеграмма с требованием его освободить. Более того, сразу же после освобождения Алехин был принят на службу в жилотдел Одесского губисполкома. К концу июля Алехин, видимо, заработал достаточно денег, чтобы вернуться в Москву. Несмотря

на житейские трудности, московские шахматисты встречались тогда на частной квартире Г. Бермана. Вернувшись, Алехин бывал там почти ежедневно. Там же, после четырехлетнего перерыва, прошел чемпионат Москвы 1919—1920-го годов, а также ряд других турниров. Сказать, что условия игры были исключительно тяжелыми,— значит не сказать ничего. Часто гасло электричество, квартира из-за отсутствия дров не отапливалась. Играли в пальто и валенках, но и это не спасало от холода. Как вспоминал переехавший вместе с правительством из Петрограда в Москву А. Ильин-Женевский, «мерзли носы, руки и в особенности ноги. Думая над ходом, приходилось одновременно ногами под столом вытанцовывать польку-мазурку, чтобы вовсе не окоченеть. Но любовь к шахматам была так велика, что никто не роптал, и все спокойно и с большим удовольствием просиживали целые вечера над шахматными партиями». В чемпионате Москвы первое место занял Алехин, выигравший все партии. Как гроссмейстер, он играл вне конкурса, а чемпионом стал занявший второе место Н. Греков.

Первые шаги

В начале 1920 года Александр Ильин-Женевский, известный шахматист еще со времен его дореволюционной эмиграции в Швейцарии, начал работать в Главном управлении всевобуча (то есть всеобщего военного обучения) и вскоре был назначен комиссаром. Участвуя вместе со специалистами по физической культуре в разработке программ по допризывной подготовке, он предложил включить в них изучение шахмат. Как он сам рассказывал, на эту мысль его навело то, что, говоря о спорте, эти специалисты утверждали, что он вырабатывает в человеке качества, чрезвычайно важные для бойца. А ведь шахматы, даже больше, чем иные виды спорта, вырабатывают в человеке смелость, находчивость, хладнокровие, волю и, чего нет в спорте, развивают в нем стратегические способности. Это предложение было принято и утверждено главным начальником всевобуча Николаем Подвойским. По всем территориальным округам было разослано распоряжение о культивировании шахмат и о содействии в организации шахматных кружков. Одновременно в издаваемом Главным управлением всевобуча журнале «К новой армии» Ильин-Женевский открыл первый при советской власти шахматный отдел.

Начальником всевобуча Московского военного округа был в то время Василий Руссо, известный шашист и любитель шахмат. Его не надо было агитировать. На одной из конференций всевобуча он сам выступил в поддержку шахмат и шашек, и конференция приняла постановление, одобряющее новое начинание. И первое, что было сделано, — в Москве появился Центральный шахматный клуб. Здесь наряду с серьезными шахматными состязаниями стали проводиться и молниеносные турниры. Шахматная жизнь в Москве заметно оживилась. Вскоре во всевобуче стали поговаривать об организации Всероссийской спортивной олимпиады, а Ильин-Женевский предложил включить туда и шахматы. В качестве аргумента он сообщил, что в Стокгольме, на Олимпийских играх 1912 года, проходили шахматные соревнования. Предложение понравилось, и Ильин-Женевский немедленно создал организационный комитет, в который вошли кроме него Н. Григорьев, Н. Греков и будущий чемпион мира А. Алехин. Несмотря на то, что спортивная олимпиада так и не состоялась, шахматные состязания, получившие название Всероссийской шахматной олимпиады, этой группе энтузиастов осуществить удалось. Впервые в истории шахмат организация шахматных состязаний проводилась

военными органами. Главной задачей было разыскать и собрать в Москве всех сильнейших шахматистов России. Для этого, если можно так сказать, провели своего рода их мобилизацию. Вот образец телеграммы, разосланной во все территориальные округа всевобуча:

«Первого октября Москве состоится шахматный турнир. Приказываю широко оповестить округ настоящем турнире. Помещение и продовольствие Москве обеспечено. Не позднее 15 сентября представить Москву Главупрвсевобуч сведения желающих участвовать турнире: имя, фамилия, адрес службы, занимаемая должность, степень незаменимости, год рождения, начало занятий шахматами, название шахматного общества, каких состязаниях участвовал, занятое место, нуждается ли Москве помещении. О допущенных участию турнире будет сообщено телеграфно. 17 августа 1920 года. № 648/1516.

Замначглавупрвсевобуча Закс».

Одновременно с подобными телеграммами был послан список сильнейших российских шахматистов, персонально приглашаемых в чемпионат. Можно себе представить удивление начальников территориальных округов, получивших подобные приказы. Однако приказ есть приказ, и в округах начали активно разыскивать шахматистов. Так в Минске обнаружили мастера А. Рабиновича, а в городке Черикове Гомельской губернии — сильного московского шахматиста Дмитрия Павлова. Найдя того или иного шахматиста, местные военные власти немедленно рапортовали в Москву, одновременно сообщая дату его отправки. Всего удалось собрать 16 участников (в том числе 5 мастеров) в главный турнир и 27 — в побочный.

Жили все участники в казармах, где и зачислялись на весьма скудное довольствие. Проблема с питанием явилась постоянной головной болью организаторов; в то время Москва жила впроголодь и в придачу к красноармейским обедам необходимо было доставать еще какое-нибудь продовольствие. Ильин-Женевский и Григорьев, одновременно принимавшие участие в главном турнире, просто разрывались на части, в то время как Алехин с началом игры устранился от каких бы то ни было организационных дел.

В середине соревнования группа участников предъявила Ильину-Женевскому, как главному организатору, своего род ультиматум:

Заявление

Участников Всероссийской шахматной олимпиады.

Ввиду значительного ухудшения продовольственного положения мы считаем необходимым заявить, что при

создавшихся условиях мы не в состоянии продолжать турнир и вынуждены его прекратить с воскресенья 17 октября в случае неудовлетворения следующих требований:

Выдача аванса в размере 15 ООО р. на человека.

Немедленная выдача оставшегося сыра на руки участникам.

Увеличение хлебного пайка или компенсирование хлеба другим способом.

Немедленная выдача папирос.

И подписи: П. Романовский, А. Куббель, И. Рабинович, И. Голубев, Я. Данюшевский, А. Мунд, Г. Левенфиш.

Здесь необходимы небольшие комментарии. Так 15 тысяч были на самом деле небольшой суммой: рубль в то время был сильно девальвирован. Что же касается сыра, который тогда являлся настоящим лакомством, то организаторам удалось раздобыть несколько кругов, но, видимо, его выдавали не весь сразу. Судя по тому, что турнир благополучно окончился, претензии участников были удовлетворены.

Победителем турнира, а значит, и первым чемпионом Советской России стал Алехин. Занявший второе место Петр Романовский был удостоен звания мастера. На третьем месте оказался Григорий Левенфиш. Написанный от руки аттестат, это удостоверяющий, можно увидеть сейчас в Москве, в Музее шахмат России.

Для самого Ильина-Женевского соревнование кончилось не слишком хорошо, хотя он был в числе немногих, кто сделал ничью с победителем. На финише волнения и хлопоты, связанные с турниром, подорвали его силы, он заболел и последние две партии провел лежа в постели. В итоге — дележ 9—10-го мест.

Несколько слов о ближайших поворотах в судьбе первого чемпиона Советской России. С марта 1920 года Александр Александрович начал работать переводчиком в Коминтерне, а с августа того же года стал кандидатом в члены партии. В декабре он сопровождал делегатов конгресса Коминтерна в их поездке на Урал. Именно тогда он, вероятно, сошелся со швейцарской социал-демократкой Анной Лизой Рюгг, развелся со своей первой женой и в марте 1921 года зарегистрировал второй брак. И уже в начале мая вместе с новой женой выехал за рубеж. Вряд ли замнаркома иностранных дел Карахан, давая разрешение на выезд, предполагал, что он отпускает будущего чемпиона мира. А сам Алехин, прибыв в Берлин, немедленно выпустил небольшую брошюру «Шахматная жизнь в Советской России», которая заканчивалась следующими словами: «Кажется невероятным, что на таком несолидном фундаменте (под этим Алехин подразумевает личное влияние кого-нибудь из представителей

власти — любителя шахмат.— *Ю. А.)* можно построить что-нибудь значительное. Ныне русским шахматистам приходится уповать лишь на случайные шансы и использовать их, разумеется, как можно продуктивнее, пока не случится наконец то событие, которого русская шахматная общественность ожидает с той же горячей надеждой, что и вся честно мыслящая Россия». Брошюра Алехина была выпущена на немецком языке, небольшим тиражом и, видимо, долгое время была у нас неизвестна властям предержащим. Между тем слова Алехина ясно показывают его отношение к советской власти. Более того, на обложке брошюры он назвал себя не Алехин, а фон Алехин, как бы подчеркивая свое отнюдь не пролетарское происхождение.

Объединительный съезд

В то время как в Москве, с 1918 года ставшей столицей Советской России, шахматы начали возрождаться при помощи Всевобуча — государственной организации, в бывшей столице — Петрограде, восторжествовала частная инициатива и произошло восстановление институтов довоенного периода — сначала Шахматного собрания, а позднее, в 1923 году, — Всероссийского шахматного союза.

В этом большую роль сыграл возвратившийся из плена С. Вайнштейн. Он явился одним из инициаторов издания «Листка шахматного кружка Петрогубкоммуны», в 1922 году преобразованного в журнал «Шахматный листок». В 1923 году ему удалось провести второй Всероссийский турнир (чемпионом стал П. Романовский) и организационный съезд ВШС, на котором он был избран его председателем.

Важно отметить, что в стране наступил так называемый НЭП. Была разрешена частная коммерческая деятельность, в магазинах появились товары, произошло укрепление рубля — короче говоря, экономика страны начала заметно улучшаться. Улучшение жизни привело к повышению интереса к шахматам. Не только в Москве и Ленинграде, но и в провинции стали стихийно возникать шахматные кружки. Причем эти кружки часто создавались при профсоюзных и даже государственных клубах.

Одним из несомненных достижений РШС явилась организация гастролей экс-чемпиона мира Эм. Ласкера, первого иностранного гроссмейстера, посетившего Советскую Россию. Его выступления в Москве и Ленинграде (после смерти Ленина город на Неве был переименован в Ленинград) прошли с большим успехом. Стоит отметить, что в Москве в одном из сеансов Ласкеру противостояли ответственные партийные работники во главе с редактором газеты «Правда» Ю. Стекловым. Можно сказать, что в те годы были опробованы два пути развития шахмат. Один основанный на частной инициативе, членских взносах и пожертвованиях, второй построенный на связи с профсоюзными и государственными организациями, следовательно, на помощи государства. По первому пути пошел Ленинград, по второму — Москва, где шахматная секция была создана при МГСПС (Московском государственном совете профессиональных союзов), причем столичный шахматный актив демонстративно вышел из ВШС. Назревал серьезный конфликт.

Шахматисты огромной страны, вобравшей в себя ряд республик и с 1922 года получившей название СССР, с тревогой

наблюдали за дальнейшим развитием событий. Показательна резолюция, принятая, например, съездом украинских шахматистов:

«Съезд констатирует, что взаимоотношения между Москвой и Ленинградом носят ненормальный характер и тормозят развитие шахмат в СССР. Не считая возможным входить в оценку этих взаимоотношений по существу, съезд считает настоятельно необходимым скорейшее выяснение и урегулирование их».

К счастью для советских шахмат, противоборствующие стороны нашли способ урегулировать все противоречия и объединиться. Я подробно рассказываю всю эту историю, потому что в 1992 году, после распада СССР, у нас возникла подобная ситуация. Однако она привела к расколу и нанесла большой вред и нашим и мировым шахматам. Следы этого раскола мы ощущаем до сих пор.

Однако вернемся в 1924 год. Конечно, в объединении важным фактором стало то, что в том же году был создан Высший совет физической культуры (ВСФК), в который наряду с другими видами спорта вошли и шахматы. Это означало, что они получили государственную поддержку. И тогда становится понятен восторженный пафос передовой статьи, опубликованной в «Шахматном листке» накануне объединительного съезда. Приведем две выдержки из нее: *«Мы находимся сейчас накануне величайшего шахматного события, которое когда-либо знала не только Советская республика, но и вообще Россия, а с нею и весь мир. Третий Всесоюзный шахматный съезд, открывающийся 20 августа в Москве, должен положить прочное начало новой эры в развитии шахматного искусства, не только русского, но и международного».*

«На этом съезде в семью пролетарской культуры будет окончательно принята в равноправные члены ее прекрасная творческая шахматная мысль. Велико значение 3-го Всесоюзного шахматного съезда! Дата 20 августа должна огненными буквами запечатлеться в истории русского шахматного искусства!»

Съезд проходил в торжественной обстановке, подчеркивающей его важность. Был избран почетный президиум, который возглавил Н. Крыленко. В него вошли из первых лиц рабоче-крестьянского государства Н. Рыков и Л. Троцкий. Сталин тогда в эту категорию не попадал.

Григорьев огласил письмо находившегося в отпуске Н. Крыленко, занимавшего пост заместителя наркома юстиции. В этом письме тот высказал свои идеи о том, как должны будут развиваться шахматы в нашей стране: «Никто не отрицает значения шахмат, и мы должны их использовать как мощное

орудие интеллектуальной культуры. Мы только против того, чтобы увлечение ими переходило в культ, ибо если за пределами 64 полей не видеть ничего, то сами клетки превращаются в решетки».

«...Наш лозунг: иди с шахматами в самую гущу жизни, но не уходи с ними от жизни. И когда в каждой избе, каждой читальне шахматы будут пользоваться почетом наравне с газетами, когда на международный турнир поедет представитель рабоче-крестьянской страны — рабочий от станка, — наша цель будет достигнута, и мы получим бесспорное право на существование».

Съездом была принята важная резолюция о том, что шахматная секция при ВСФК объединяет все шахматные кружки республики Советов, и был высказан ряд пожеланий. Стоит отметить два из них:

1. Организовать во время будущего IV съезда международный турнир.

2. Отменить во всех состязаниях денежные призы, допуская исключения только для шахматистов высокой квалификации.

В заключение состоялись выборы пленума секции и Исполбюро. Примечательно, что предложения по их составу были сделаны от имени президиума съезда и фракции коммунистов. Уже тогда партия брала под свой контроль возникающие общественные организации. Председателем Исполбюро оказался избран Крыленко.

В программу съезда входило большое число различных турниров, которые начались сразу же после заседаний. Был разыгран III чемпионат страны, в котором легкую победу одержал приехавший из Германии Боголюбов, сделавший всего 4 ничьи. Предыдущий чемпион Романовский отстал от победителя на 2,5 очка.

Как отмечал «Шахматный листок»: *«На горькие мысли наводит нас результат этой встречи европейского профессионализма с лучшими силами нашего любительства, и здесь мы определенно должны признать свое поражение. Не победа Боголюбова — она была вероятна — а легкость ее и стиль настолько убедительны, что ставят под сомнение прогресс русского шахматного искусства».*

Да, советским мастерам предстояло еще много учиться, чтобы с успехом противостоять лучшим представителям мировых шахмат.

Герой того времени

Лозунги, провозглашенные III шахматным съездом — «Дорогу шахматам в рабочую среду» и «Шахматы — могучее орудие пролетарской культуры», должны были стать лейтмотивом для шахматных секций, в первую очередь профсоюзных. Естественно, требовались молодые энергичные энтузиасты шахмат.

Как говорится, каждое время рождает своих героев: одним из них стал ленинградский студент Яков Рохлин. Как шахматист он выдвинулся в студенческих и профсоюзных турнирах. Был сильным первокатегорником, претендовавшим на звание мастера. Его избрали делегатом на III съезд: он, правда, без особого успеха, участвовал в параллельно проходившем турнире городов, но познакомился с Н. Крыленко, А. Ильиным-Женевским, Н. Григорьевым и другими шахматными деятелями. А вернувшись в Ленинград, энергично принялся выполнять решения съезда и начал работать инструктором культотдела Губпрофсовета. Была образована шахматная секция, вокруг нее сплотился шахматный актив. А председателем секции стал А. Ильин-Женевский. Как уже было сказано, он вернулся в Ленинград и работал заместителем уполномоченного Наркоминдела СССР по Ленинграду.

С его помощью ленинградцам уже в феврале 1925 года удалось открыть во Дворце труда хорошо оборудованный Центральный шахматный клуб: Рохлин стал его директором. В отличие от элитного Шахматного собрания, которое было ликвидировано, этот клуб действительно стал центром, где проводились турниры самого различного ранга, и который охотно посещали рабочие, служащие, студенты. Оживилась шахматная жизнь в различных клубах, Домах просвещения, вузовских и школьных кружках. Шахматные секции стали возникать при всех профессиональных союзах.

И уже полгода спустя в Ленинграде было зарегистрировано свыше двухсот кружков и свыше 7000 шахматистов, принявших участие в различных личных и командных соревнованиях. Мотором всех этих мероприятий был Яков Рохлин. Неудивительно, что в Ленинграде появилась целая группа юных шахматистов, которые в дальнейшем прославили нашу шахматную школу. Назову только некоторых — М. Ботвинника, В. Алаторцева, В. Рагозина, А. Толуша, Г. Лисицына, В. Чеховера.

Деятельность шахматного клуба ЛГСПС (первого в СССР!) была отмечена в речи Н. Крыленко на следующем IV Всесоюзном шахматном съезде.

«Я укажу на один факт — на то, что сделали в Ленинграде по

линии массовых состязаний в профсоюзах...

Если сумели дело поставить так, что каждый профсоюз мог выделить шахматную команду в 50 человек и если они сумели организовать двухтысячное состязание — это значит, что они стали на правильный путь...

Что для этого нужно? Хорошо поставленные шахматные школы и шахматная пропаганда — и только...

Опыт Ленинграда показывает ту линию работы, которой нужно держаться...»

Видимо, успехами в развитии шахмат объясняется тот факт, что Рохлина назначили секретарем Оргкомитета по проведению в Ленинграде очередных турниров на первенство страны. Первым порученным ему заданием было отыскать удобное помещение для игры. Вот как он сам об этом рассказывает:

«...Выполняя возложенное на меня поручение, я заехал в Дом ученых, чтобы получить согласие на проведение в нем упомянутых турниров. Дом ученых помещался (как и сейчас) на набережной Невы в великокняжеском особняке, до революции принадлежавшем дяде царя.

Заместитель директора Дома холодно выслушал мою просьбу, а затем коротко возразил:

— Ради шахмат я не буду менять план мероприятий клуба.

Тогда я решился на крайнюю меру: показал присланное мне из Москвы письмо Всесоюзной шахматной секции.

Кто такой Крыленко? — спросил, посмотрев на подпись, зам. директора.

Как,— воскликнул я,— вы не знаете, кто у нас заместитель наркома юстиции?

Тут произошла метаморфоза. Смущенный администратор придвинул ко мне кресло и сказал:

- Сколько комнат вам надо?

Видя, что "эндшпиль" выигран, я ответил:

- Всесоюзных турниров несколько, зрителей ожидается много, ваш Дом нужен целиком.

На том и порешили...»

К сожалению, Рохлин не оставил мемуаров, а ему было что рассказать. Как, например, ему удалось уговорить Капабланку во время Первого московского международного турнира 1925 года в свободный от игры день поехать в Ленинград и дать там трудный сеанс одновременной игры на тридцати досках? Большой гонорар и отдельное купе в поезде вряд ли могли настолько увлечь чемпиона мира, что он рискнул отправиться в Ленинград. Существует версия, что когда в 1913 году Капабланка служил консулом Кубы в России, у него, экзотического красавца кубинца,

в Санкт-Петербурге была пассия. Рохлин случайно узнал об этом и, заинтересовав чемпиона мира перспективой встречи с ней, уговорил-таки на поездку, результат которой известен. Вернувшись в Москву, Капабланка в следующем туре без всякого сопротивления уступил Б. Берлинскому. За всю свою шахматную карьеру он проиграл всего 34 партии, но эту встречу провел, пожалуй, слабее всех. В турнире кубинец в итоге оказался на третьем месте, пропустив вперед Е. Боголюбова и экс-чемпиона мира Эм. Ласкера.

В шахматном клубе Рохлин обратил внимание на скромного 14-летнего школьника Мишу Ботвинника, который к тому времени уже получил I категорию, и персонально пригласил его участвовать в сеансе Капабланки. Миша оправдал надежды, оказавшись среди четырех победителей чемпиона мира. Существует легенда, что, проиграв эту партию, Капабланка похлопал по плечу Ботвинника и предсказал победителю блестящее будущее. Однако сам Ботвинник опроверг этот миф, рассказав, что чемпион мира был очень недоволен своим проигрышем и просто смел фигуры с доски.

С тех пор Яков Герасимович стал опекать молодого шахматиста, всячески его поддерживать. Приведу только один пример.

Когда в Москве на пленуме Совета шахсекций в 1927 году обсуждался состав участников V чемпионата страны, 16-летний Ботвинник считался только вторым кандидатом на участие (первый был В. Раузер). Сам Рохлин был включен в основной состав за то, что добился почетной ничьей в матче на звание мастера с А. Ильиным-Женевским, хотя звание мастера ему за это не дали.

«Я,— вспоминал он позднее,— убеждал присутствующих включить Ботвинника в основной список участников, считая такое решение не только правильным по существу, но и делом престижа Ленинграда — ведущего шахматного центра страны. Однако мое предложение вызвало возражения. Тогда я решился на отчаянный шаг: сказал, что отказываюсь от участия в чемпионате, с тем чтобы на мое место был включен Ботвинник. Хорошо помню, как москвичи Н. Григорьев и В. Руссо сразу же подхватили мой отказ, но вакантное место предложили отдать победителю Среднеазиатского турнира мастеру Н. Рудневу, а не первокатегорнику Ботвиннику.

Завязался длительный спор. Меня активно поддержал только Алексей Алехин (брат будущего чемпиона мира), представлявший шахматную организацию Украины. Н. В. Крыленко, председательствуя, при голосовании воздержался, и выдвинутое

мной предложение было большинством отвергнуто.

После заседания, когда присутствующие покидали зал, я, опечаленный, продолжал сидеть в кресле. И тогда Николай Васильевич подозвал меня и, произнеся несколько ободряющих слов, добавил: "Нет оснований отчаиваться. Невский любимец, которого вы весьма смело причислили к сильнейшим шахматистам страны, я думаю, будет играть в чемпионате. А ваше место оставьте за собой..."

И Крыленко что-то записал в лежащем на столе блокноте. Так оно и получилось».

Ботвинник выступил успешно, завоевав звание мастера.

О том, что Рохлин действительно заботился о дальнейшей, и не только шахматной, судьбе Ботвинника, говорит следующий факт, рассказанный последним в книге «Портреты», опубликованной, правда, уже после его смерти.

«1 мая 1934 года отправился я на Васильевский остров к Я. Г. Рохлину. К тому времени мой приятель уже женился на молодой солистке балета Валентине Лопухиной. Опаздывал: все уже собрались.

Сел за стол, глянул на свою соседку справа — обомлел...

И появилась через год жена — жгучая брюнетка с чернымипречерными глазами, стройная и изящная. От нее исходило очарование».

Зная предприимчивость Якова Герасимовича, рискну предположить, что в данном случае он выступил в роли свахи. Кроме того, что Гаяне Давидовна, как справедливо отмечал Капабланка, и хороша, и красива, она обладала еще одним немаловажным достоинством — была дочкой профессора Политехнического института Д. Ананова и племянницей ректора того же института профессора П. Калантарова. Именно в Политехе учился Ботвинник и позднее защищал там кандидатскую диссертацию.

Считалось мифом, а оказалось правдой. Когда Ботвинник собирался поступать в высшее учебное заведение (тогда, предпочтение отдавалось детям рабочих), то Рохлин снабдил его справкой, в которой черным по белому было написано что Михаил — сын врача-рабочего! Как известно, отец будущего чемпиона мира был зубным техником.

Яков Герасимович создал еще один миф. В двадцатых годах, будучи на приеме у участника Октябрьской революции, старого большевика-ленинца Н. Подвойского, он спросил:

- А правда, что Ленин считал шахматы гимнастикой ума?

- Правда — ответил Подвойский. Однако подобного высказывания вы в сочинениях Ленина не найдете. Более того,

похожая мысль, как было установлено историками, высказывалась еще в 1803 году в Англии неким Питером Праттом, довольно посредственным шахматистом.

Однако у нас в стране с легкой руки Рохлина лозунг *«Шахматы — гимнастика ума»* стал настолько популярным, что его можно было найти на стене любого шахматного клуба от Москвы до самых до окраин. Эти слова производили магическое впечатление на чиновников любого ранга, даже если они ничего не смыслили в шахматах. Это помогало открывать шахматные клубы и организовывать соревнования самого различного уровня.

В заслугу Рохлину следует поставить организацию первой в СССР кафедры шахмат в Ленинградском институте физкультуры. Он же оказался первым в стране, а может быть, и в мире человеком, защитившим кандидатскую диссертацию на тему о методике преподавания шахмат.

Я увидел его первый раз в 1937 году, когда Рохлин переехал в Москву. Довелось послушать его лекцию об истории шахмат, и могу сказать, что лектором он был великолепным. Ведь именно после его лекции я заинтересовался историей шахмат. До этого меня интересовала только их теория. Позднее, в сороковые и пятидесятые годы, я имел возможность с ним хорошо познакомиться. Он поражал своими организаторскими способностями, своей энергией и пробивной силой. Со словами «Вы же понимаете!» он обращался к тому или иному руководителю, и хотя часто тот на самом деле ничего не понимал, но признаться в этом не хотел и соглашался с предложениями или требованиями Рохлина. Нельзя не отметить и то, что Яков Герасимович — в духе времени — чутко прислушивался к политической ситуации в стране и немедленно на это реагировал.

Так его статья «За ликвидацию прорывов» («Шахматный листок» № 10 за 1931 год) с подзаголовком «Шахматное руководство — под огонь самокритики» начиналась эпиграфом из Карла Маркса и заканчивалась цитатой самого Сталина. Кстати, с тех пор в каждой его книге в списке использованной литературы обязательно значились произведения классиков марксизма-ленинизма.

Оказавшись в Москве, Рохлин немедленно создал шахматную секцию в ДСО «Искусство», организовал уникальный матч двух музыкантов, больших любителей шахмат — Сергея Прокофьева и Давида Ойстраха. И, конечно, не без его участия в Центральном доме работников искусств состоялся матч Ботвинник — Левенфиш за звание чемпиона страны. Наконец, то, что каждое крупное шахматное соревнование, как правило, заканчивалось

великолепным концертом,— в этом тоже была его заслуга.

И где он бы потом ни работал — в Спорткомитете СССР, в Спорткомитете РСФСР, в ЦС ДСО профсоюзов,— там везде кипела шахматная жизнь. Иногда своими действиями Яков Герасимович напоминал великого комбинатора, незабвенного Остапа Бендера с той лишь разницей, что персонаж Ильфа и Петрова работал исключительно на себя, а Рохлин — на благо шахмат, которым он был предан.

Московский международный

Когда на III Всесоюзном съезде было высказано пожелание о проведении международного турнира, то многие делегаты лишь скептически улыбались: настолько невероятной казалась сама эта мысль.

Однако Исполбюро под руководством Крыленко энергично принялось за дело. Поскольку советские мастера, за исключением Боголюбова и Селезнева, почти не имели опыта международных встреч, было решено отправить на турнир в Баден-Баден П. Романовского. Его не отпустили со службы, и он был заменен И. Рабиновичем. На этом турнире победил Алехин, Боголюбов был четвертым, а Рабинович взял седьмой приз, опередив таких известных шахматистов, как Э. Грюнфельд, А. Нимцович, Р. Рети, Р. Шпильман. Результат И. Рабиновича показывал, что советские мастера могут с успехом соревноваться с западными.

Но возникла другая, чисто политическая проблема. В 1923 году в Гамбурге был создан Шахинтерн — Рабочий шахматный интернационал, международное объединение рабочих-шахматистов, стоящее на платформе классовой борьбы и международного рабочего движения. В уставе Шахинтерна был пункт, запрещающий встречи ее членов с представителями буржуазных шахматных организаций. А поездка И. Рабиновича и готовящийся международный турнир прямо противоречили этому пункту устава.

Исполбюро находит выход из такой, прямо скажем, щекотливой ситуации. Оно принимает весьма пространное специальное постановление «По поводу участия шахматистов СССР в международных турнирах». Вот несколько выдержек из него. Во-первых, Исполбюро «признает органическое участие в них для себя, как пролетарской организации, принципиально недопустимым. Всесоюзная шахматно-шашечная секция не может рассматривать свою работу и шахматное движение СССР вне связи с рабочим движением вообще, а следовательно, и с принципиальными воззрениями и взглядами руководящих рабочих революционных организаций на их отношение к буржуазии». «Всесоюзная шахматная секция не усматривает поэтому никаких оснований для отступления от этих принципов. В силу этого Всесоюзная шахматная секция еше в октябре прошлого года оставила без ответа переданное ей товарищем Вайнштейном и адресованное в б. Всероссийский шахматный союз приглашение вступить в члены Международного шахматного союза, образовавшегося в конце прошлого года во

Франции. В силу тех же оснований Всесоюзная шахматная секция приостановила готовившийся в конце прошлого года матч московской организации с Ригой, поскольку Латвийский шахматный союз был возглавлен латвийским министром и вся организация представляла собой типичную буржуазную организацию».

«В силу изложенного, Всесоюзная шахсекция считает нецелесообразным и **политически вредным** органическое вхождение в какой-либо международный буржуазный союз и систематическое и постоянное участие в международных шахматных состязаниях».

«Это не значит, однако, что Всесоюзная шахсекция считает для себя принципиально недопустимым такое участие всегда и **при всех условиях,** даже тогда, когда это может быть политически выгодно для рабочего движения вообще и шахматного движения среди рабочих СССР в частности. Принципы рабочего движения и существо тактики рабочего класса в отношении своих классовых врагов заключались всегда не в том, чтобы отговариваться от них, а в том, чтобы бороться против них и бить их».

«Шахсекция считает, что в известных условиях участие рабочих шахматистов в буржуазных состязаниях было бы политически выгодным, поскольку сплачивало бы рабочих вокруг идеи классовой солидарности и противопоставлении себя, как класса, буржуазии.

С этой точки зрения шахсекция считала бы в известных условиях возможным участие шахматной пролетарской организации в международных турнирах с тем, чтобы победой над буржуазными мастерами поднять в среде пролетарских масс уважение к себе и веру в свои силы и молодые дарования».

«Буржуазная культура, в том числе шахматная, богаче молодой культуры рабочего класса, и заимствовать от нее все, что можно,— эта обязанность шахсекции, как и обязанность всякой иной пролетарской организации в отношении всякой другой области культуры. Вот почему шахсекция считала возможным пригласить в феврале прошлого года в СССР д-ра Ласкера, считает вполне возможным, приемлемым, допустимым, целесообразным устройство у себя в СССР своими силами международного шахматного турнира с участием лучших шахматных талантов, считает, наконец, возможным в отдельных случаях и отдельные состязания-матчи наиболее мощных из своих организаций с буржуазными организациями и участие отдельных своих членов в международных турнирах с целью **поднять квалификацию мастеров,** помочь им взять у буржуазных

мастеров то, чего еще не хватает им самим. Шахсекция ставит в этом отношении для членов своих организаций только одно условие: обязательное предварительное обращение в шахсекцию и ее предварительное согласие».

После такого убедительного «доказательства» возможности, приемлемости, допустимости, целесообразности устройства в СССР международного турнира можно было приступить к его организации. Несколько позже Крыленко от имени Всесоюзной шахсекции направил в Международную шахматную федерацию (ФИДЕ) ответ на приглашение принять участие в ее очередном съезде.

В этом ответе, в частности, говорилось следующее:

«Так как § 2 пункт 4 Вашего устава указывает на то, что Междун. шахм. союз "абсолютно нейтрален в вопросах международной и национальной политики", в то время как Всесоюзная шахсекция ВСФК не только ***не нейтральна*** *в этих вопросах, но и вполне определенно стоит на платформе международной пролетарской борьбы и рабочего движения — Всесоюзная шахсекция ВСФК считает для себя неприемлемым вхождение в Межд. шахм. союз и участие в его конгрессах».*

Немало воды утекло, прежде чем позиция Всесоюзной шахсекции по отношению к ФИДЕ изменилась.

Оправдав идеологически идею проведения международного турнира, Исполбюро приступило к ее осуществлению. Во-первых, нужны были деньги, и деньги немалые. Только Крыленко мог решить такой вопрос. Ему удалось добиться, чтобы Совнарком выделил на проведение международного турнира 30 тысяч рублей, что примерно соответствовало ста двадцати тысячам долларов. Это позволило пригласить таких шахматных звезд, как чемпион мира Х. Р. Капабланка и экс-чемпиона мира Эм. Ласкер. К ним присоединились Ф. Маршалл (США), С. Тартаковер и А. Рубинштейн (Польша), Р. Рети (Чехословакия), Э. Грюнфельд и Р. Шпильман (Австрия), Ф. Ейтс (Англия), Ф. Земиш (Германия). С советской стороны в турнире участвовали чемпион СССР Е. Боголюбов, семь других призеров IV чемпионата страны, бывшего отборочным соревнованием, — Г. Левенфиш, И. Рабинович, Б. Берлинский, Ф. Дуз-Хотимирский, С. Готгильф, А. Ильин-Женевский, П. Романовский и победитель еще одного отборочного турнира Н. Зубарев. К ним был добавлен Ф. Богатырчук, из-за занятости на работе не сумевший принять участие в отборе. К иностранцам прибавился молодой мексиканский мастер К. Торре, который сообщил в Оргкомитет, что хочет принять участие в турнире и готов приехать за собственный счет. Возникает вопрос — почему не был приглашен

А. Алехин, в то время сильнейший российский шахматист с мировым именем. Позднее объясняли это его враждебным отношением к Советской России. Однако в конце 30-х годов я видел в редакции газеты «64» письмо Алехина Н. Григорьеву, в котором тот сам просил не присылать ему приглашения, потому что он все равно не сможет участвовать в этом турнире. Не знаю, куда потом делось это письмо.

Надо сказать, что в то время у иностранцев было самое смутное представление о нашей стране. Как свидетельствует В. Еремеев, Грюнфельд прибыл в Москву с чемоданом, полным банок мясных консервов, застраховав себя от возможного голода. А Торре, не имея представления о климате России, прибыл без пальто и головного убора, в то время как в Москве в ноябре был уже трескучий мороз. Как писал Еремеев, «быстро усадив К. Торре в машину, я отвез его в гостиницу и оттуда же по телефону рассказал обо всем Н. В. Крыленко, который попросил меня тотчас свести Торре в лучший магазин и купить ему шубу на меху и шапку. Так и пришлось сделать. Торре был в восторге».

Международный турнир вызвал в Москве шахматный бум. Как отмечал на старте турнира Тартаковер, «такого наплыва посетителей, такого необычайного интереса к нашему искусству нигде и никогда еще не встречалось. Ежедневно толпятся в помещении турнира по тысяче человек, в то время как еще почти столько же ждут очереди у дверей. И все это — настоящие энтузиасты шахмат».

Во всех общественных местах только и было разговора, что о турнире. Были выпущены галстуки «а-ля Капабланка», шахматные запонки и заколки для галстуков, носовые платки и носки в клетку и многое другое. «Совкино» поставило небольшой комедийный фильм «Шахматная горячка», в котором одну из ролей сыграл Капабланка. В этом фильме хорошо переданы напряженная атмосфера турнира и всеобщее увлечение шахматами. Как я уже говорил, турнир закончился сенсационной победой Боголюбова, опередившего и Ласкера (второе место), и Капабланку (третье). Хорошо себя проявили и два других российских шахматиста — Романовский разделил 7-8-й призы с Рети, а Ильин-Женевский, одержавший сенсационную победу над Капабланкой, разделил 9-10-й призы с Грюнфельдом. Удовлетворительно сыграл Богатырчук, занявший последнее призовое место. Он набрал 50% очков, опередив Рубинштейна и Шпильмана. У остальных россиян были только отдельные успехи. Так Берлинский победил Капабланку и Рубинштейна, Левенфиш — Ласкера.

Подводя итоги турнира, Тартаковер писал: «Рабочая Россия

смело встала на шахматном поприще во главе всех остальных стран, и от нее самой зависит удержать за собой эту идейную и фактическую гегемонию шахматной культуры.

Итак, то, что никакие торговые или иные договоры так быстро не смогли сделать, шахматные маэстро, благодаря почину Всесоюзной Секции, дали толчок к мирному сближению между Россией и Западной Европой (да и Америкой!), толчок, основанный на том уважении и даже восхищении, которым проникнут весь цивилизованный мир к шахматному празднику человечества, устроенному в Москве правительством Советской России».

Иностранная шахматная печать отмечала в первую очередь мощную поддержку государства, приравнявшего шахматы к другим видам искусства, и что это не могло не содействовать огромному подъему шахматной жизни в России. Как пророчески было написано в «Deutsche Schachzeitung», «Турнир показал, что в настоящее время Россия занимает в шахматном мире первое место, что там повсюду нарождаются новые силы и что звание чемпиона мира рано или поздно должно достаться русскому».

Волна интереса к шахматам, поднятая в стране во время турнира, не иссякла. Повсюду рождались шахматные кружки, проводились различные соревнования. Знаменательно, что «Шахматная горячка» особенно заразила молодежь, и в первом массовом турнире, организованном газетой «Комсомольская правда», число участников превысило 10 тысяч.

С турниром 1925 года косвенно связана и одна история, которую много позднее мне поведал известный конферансье М. Н. Гаркави, кстати, большой любитель шахмат, не пропускавший ни одного сколь-нибудь крупного шахматного состязания.

— Иду я как-то во время турнира по Тверской,— рассказывал Михаил Наумович,— и встречаю одного из участников этого соревнования Г. Я. Левенфиша.

После взаимных приветствий Григорий Яковлевич объяснил, что на турнире свободный от игры день, и он спешит в «Националь». Там его ждут Ласкер и Шпильман. И тут же спросил:

- А вы ненароком не играете в бридж. Нам не хватает четвертого.

- Бридж мне был незнаком,— продолжал Гаркави,— но я неплохо играл в преферанс и слышал, что эти карточные игры близки друг к другу. К тому же перспектива познакомиться с великими шахматистами выглядела очень соблазнительной.

- А была не была,— решил я,— чем черт не шутит.— И скромно сказал:

- Немного.

- Отлично,— обрадовался Левенфиш. И вместе с ним мы отправились в «Националь».

После того, как Григорий Яковлевич представил меня Ласкеру и Шпильману, мы, не тратя времени, сели за ломберный столик.

Однако игра продолжалась недолго. Как только наступила моя очередь хода и я выложил свою карту, Ласкер, внимательно посмотрев сначала на нее, затем на меня, сложил свои карты на стол и произнес:

- С этим юношей я никогда больше не буду играть в бридж!

Мне пришлось извиниться и признаться, что играть в бридж я в действительности не умею, но уж очень сильно было желание познакомиться с великими шахматистами. Ласкер рассмеялся, инцидент был исчерпан.

А Гаркави потом не раз с гордостью рассказывал, как он играл в бридж с самим Ласкером!

«Рокировка» Боголюбова

Победа Боголюбова выдвинула его в ряды самых популярных людей молодой Советской страны. Он немедленно был избран в руководящий шахматный орган — в Исполбюро Всесоюзной шахсекции ВСФК. Ему также поручили ответственное и почетное дело — пригласили вести открывшийся шахматный отдел в высшем партийном органе — газете «Правда», и он осуществил несколько выпусков.

А затем, к концу года, Боголюбов вернулся к себе в Триберг и оттуда прислал следующее короткое письмо:

«Триберг, 6 декабря 1926 года.

Сим извещаю Шахсекцию, что я вынужден выйти из советского подданства, о чем я и подаю 12 декабря заявление в представительство СССР в Берлине. Препятствия, на которые мне постоянно приходиться наталкиваться, были бы для моей семьи в дальнейшем безусловно гибельными.

С сов. почтением.

Боголюбов».

Что же подтолкнуло чемпиона СССР на такой резкий шаг? Он в чем-то не поладил с Шахсекцией или с Крыленко? Отнюдь нет. Причина оказалась самой прозаической и носила материальный характер. Исполбюро официально объявило, что оно не возражает против участия Боголюбова в трех турнирах — в Меране, Нью-Йорке и Гаване. Однако в Италии к власти пришел Муссолини, и в визе Боголюбову, как гражданину советской страны, было отказано.

В письме к Крыленко Боголюбов так объясняет свое решение:

«Триберг, 5 декабря 1926 года.

Глубокоуважаемый Николай Васильевич!

Как советский подданный, я не получил визу на въезд в Италию (та же участь, вероятно, постигла и Берлинского). Между тем это был последний шанс вернуть утерянное материальное равновесие. Само собой понятно, что прибегать к помощи шахсекции я не собирался и не мог бы таковой принять, так как СССР — страна бедная.

Так или иначе — я, благодаря моему подданству, был в этом году лишен возможности достаточно заработать на содержание моей семьи, несмотря на экономность моей жены.

Заработок, который в этом году для меня окончательно утерян, равняется девяти тысячам рублей. Берлинский турнир дал мне очень мало, а работа над сборником международного турнира в Москве, за которую мне пришлось взяться исключительно изза

принципиальных соображений, принесла мне, конечно, только убыток. Мои дела окончательно пошатнулись. Надежда только, что Нью-Йоркский комитет будет вынужден принять мои условия. Пока что, однако, я не имею возможности выполнить мои долговые обязательства. Я не могу долее скрывать от моей жены, что настал момент выполнить данное ей мною слово: начать заботиться только о моей семье, устранив все встречающиеся к тому препятствия.

Посему — я сообщаю Вам, что одновременно с получением этого письма в Москве мною будет подано в Советское представительство (Берлин) заявление о необходимости моего выхода из советского подданства. Каким образом это заявление будет истолковано различными советскими инстанциями, безразлично: никакое оскорбительное толкование не заставит меня реагировать.

Мой выход из советского гражданства будет являться только попыткой упрочить материальное положение моей семьи.

С совершенным почтением, Ваш преданный Боголюбов».

Это решение чемпиона СССР и одного из сильнейших шахматистов мира не только смазало весь пропагандистский эффект от московского турнира. Оно нанесло ущерб имиджу молодой Советской страны, пошатнуло авторитет шахсекции и лично ее руководителя. Письмо Боголюбова нуждалось в ответе, и он последовал в виде Постановления Исполбюро Всесоюзной шахсекции. Исполбюро констатировало, что, поставив вопрос о своем выходе из гражданства СССР, Боголюбов показал:

«1. Что интересы собственного кармана и личного материального благополучия (хотя никто не мешал ему вернуться в СССР и принести на пользу рабочих масс свои исключительные шахматные дарования и здесь зарабатывать себе необходимые средства к существованию) стоят выше вопросов чести и права именовать себя гражданином первого в мире рабочего социалистического государства.

2. Что связь его с буржуазными мастерами капиталистической Европы оказалась крепче, чем связь с рабочим классом и шахматными организациями СССР. Что, желая на словах, как он не раз заявлял, всяческого процветания шахматного дела в СССР, он на деле предпочел нанести ему прямой политический и культурный ущерб.

Что после такого заявления ни о возвращении Боголюбова в СССР, ни тем самым об использовании его дарований на пользу шахматных организаций в СССР не может быть и речи.

Исходя из всего изложенного и считая, что гражданин Боголюбов, пойдя по стопам Алехина, и явившись не первым, а

может быть, и не последним ренегатом в этой области, сам поставил себя вне рядов шахматных организаций СССР, Шахсекция постановляет:

1. Лишить гражданина Боголюбова звания шахматного чемпиона СССР.

2. Гражданина Е. Д. Боголюбова из числа членов шахматной организации СССР исключить.

3. Настоящее свое постановление широко опубликовать».

Однако, видимо, этого показалось мало, и в последнем, 24-м номере журнала «64» Шахматы и шашки в рабочем клубе» за 1926 год публикуется передовая статья под красноречивым названием «Измена Боголюбова». Конечно, это сказано с некоторым перехлестом. До 1914 года Боголюбов был подданным Российской империи, а с начала войны оказался интернирован в Германии, там женился, завел семью. В Советский Союз он приехал только в 1924 году и победил в двух чемпионатах страны подряд. Однако постоянным местом его жительства оставалась Германия. Строго говоря, можно сказать, что Боголюбов не оправдал доверия. Автор статьи, заместитель Крыленко по Исполбюро, С. Левман заканчивает ее весьма самокритично:

«Боголюбов — ярко выраженный тип буржуазного шахматного профессионала, профессионала без традиции, без любви к искусству, профессионала с болезненным самомнением. Несмотря на все эти недостатки, которые мы знали, мы пытались использовать его большое шахматное дарование в интересах нашей работы. Мы ошиблись. В другой раз мы постараемся быть осторожнее».

Заметим, что следующий раз произошел ровно полвека спустя, когда за границей остался шахматист примерно такого же класса В. Корчной. Как и Боголюбову ему удалось сыграть два матча на мировое первенство, но чемпионом мира он тоже не стал.

В отличие от истории с Корчным, поступок Боголюбова не привлек широкого внимания западной шахматной печати. Так, например, английский журнал «Чесс аматер» уделил ему следующие несколько строк: «Сообщают, что Российская Советская шахматная ассоциация лишила Боголюбова, который сейчас находится на гастролях за границей, титула чемпиона Советской России. Причиной этого явилось решение Боголюбова отказаться от советского гражданства, так как это причинило ему неудобство».

А сам Крыленко сделал вывод, что основной упор в работе надо делать на молодежь.

В своем письме к Крыленко Боголюбов писал, что сможет

поправить свое финансовое положение, если Нью-Йоркский комитет примет его финансовые условия. Из печати известно, что переговоры затянулись, так как он потребовал экстра-гонорар в 1500 долларов. И в это время сделал крайне неудачный ход — послал каблограмму Капабланке, в которой предложил чемпиону мира вместо «среднего качества турнира» устроить матч на мировое первенство Капабланка — Боголюбов. Об этой каблограмме стало известно организаторам турнира, и они усмотрели в словах Боголюбова желание дискредитировать турнир и даже его сорвать. В результате переговоры были прерваны, Боголюбова заменил Тартаковер. А самому Ефиму Дмитриевичу пришлось ограничиться небольшим турниром в Мюнхене, где он занял только второе место, пропустив вперед польского мастера Д. Пшепюрку.

В 1929 году, подводя итоги матча Алехин — Боголюбов, Г. Левенфиш писал: «Продолжавшийся 2 месяца матч на мировое первенство закончился. Борьба между представителем Франции Александром Александровичем Алехиным и представителем Германии Ефимом Дмитриевичем Боголюбовым завершилась решительной победой "француза".

Такова гримаса истории. Два лучших представителя русского шахматного искусства, прямые продолжатели Чигорина, оказались в стане врагов своей родины и сражались, нарядившись в шутовские тоги "знатных иностранцев". Итак, мы были свидетелями борьбы двух дезертиров. Для Алехина, наследника черноземных поместий и прохоровских мануфактур, бывшего правоведа, тяготение к белоэмигрантскому "раю" естественно и понятно, но почему по его следам пошел бывший бедный киевский студент, которого еще в 1925 году горячо чествовали советские шахматисты, представляется, на первый взгляд, странным.

Разгадка несложна: мещанство заело. Обосновавшись случайно в мелком немецком городишке Триберге, Боголюбов не смог выбраться из обывательской тины окружающих его трактирщиков и поспешил избавиться от советского паспорта, из-за которого он потерял какую-то сотню марок. И крупный шахматный художник может, очевидно, оказаться с душонкой титулярного советника.

Политически нам чуждые и враждебные, Алехин и Боголюбов тем не менее продолжают оставаться крупнейшими шахматистами нашего времени, и матч между ними является весьма значительным событием с точки зрения шахматного искусства».

Эта статья в свое время очень нравилась Крыленко как

пример удачного совмещения политики и шахматного искусства.

Александр Алехин — чемпион мира

В конце 1927 года в Буэнос-Айресе проходил матч Капабланка — Алехин. Хотя у нас в стране было немало поклонников кубинца, большинство любителей шахмат желало победы нашему соотечественнику. И вот 29 ноября по телеграфу пришло сообщение: Капабланка сдал отложенную накануне 34-ю партию матча. Таким образом, матч закончился с результатом +6 — 3 = 25 в пользу Алехина, ставшего новым чемпионом мира.

За этими скупыми строчками — почти вся жизнь Алехина: годы подготовки и совершенствования в шахматах, скрупулезное изучение партий своего будущего соперника, поиски слабых мест в его игре и характере, борьба за право считаться претендентом на высший шахматный титул, поиски меценатов для организации матча. Да и сам матч — более чем два месяца чрезвычайно нервного напряжения, бессонные ночи, проведенные за анализом отложенных позиций, горечь поражений и радость побед.

Без преувеличения победу Алехина можно назвать подвигом. За те семь лет (с 1921 по 1927 г.), что Капабланка был шахматным королем, он потерпел всего три поражения, а Алехин за два месяца выиграл нужные для победы в матче шесть партий. Об исключительно упорной борьбе говорит красноречивая цифра — 25 ничьих!

Капабланка был настолько сломлен и подавлен исходом сражения, что не нашел в себе сил ни публично сдаться в последней отложенной партии, ни явиться на заключительный банкет. Он ограничился коротеньким письмом.

«Дорогой Алехин! Я сдаю партию. Итак Вы — чемпион мира. Примите мои поздравления. Поздравьте также от моего имени госпожу Алехину.

Искренне Ваш

Хосе Рауль Капабланка»

По возвращении из Буэнос-Айреса в Париж, отвечая на вопрос корреспондентов, Алехин сказал:

«Как отнесся Капабланка к своему поражению? По-видимому, он был потрясен. Но расстались мы с ним дружески. Все же я пожалел, что он не счел нужным прийти на прощальный банкет, где меня провозгласили чемпионом. …Я уверен, конечно, что Капабланка вызовет меня на реванш. Я приму вызов на условиях предыдущего матча и обязуюсь играть новый матч не позднее чем через год с момента получения официального вызова. Капабланка возвращается в Нью-Йорк в феврале. Следовательно, в марте я могу ожидать его вызова».

Однако Капабланка с вызовом не торопился. Вернувшись в Нью-Йорк, он отправил письмо в Европу, но не Александру Алехину, а другому Александру — Рюэбу, президенту образованной в 1924 году Международной шахматной федерации.

В этом письме он писал:

«На основании моего опыта в Буэнос-Айресе мне представляется необходимым предложить только два изменения первоначальных условий. Первое изменение следующее: число партий должно быть ограничено и не должно превышать, по моему мнению, шестнадцати. Таким образом, измененное правило должно гласить: матч играется до шести выигранных партий, но если после шестнадцати партий ни тот, ни другой участник не выиграет требуемых шести партий, победителем в матче и чемпионом мира признается тот, у кого окажется фактический перевес в выигранных очках.

Конечно, в случае равенства очков матч объявляется закончившимся вничью, и чемпион мира сохраняет свое звание.

Второе изменение касается продолжительности игры. По моему мнению, необходимо установить контроль времени после четырех часов игры (т. е. делать 30 ходов за 2 часа), причем надлежит играть в два приема по 4 часа ежедневно с перерывом от полутора до двух часов для отдыха. Всякий анализ во время перерыва запрещается, в противном случае партия считается проигранной. Предлагаемые мной изменения основаны на том соображении, что матч без ограничения числа партий может, в сущности, продолжаться неопределенно долго и исход его будет в конечном итоге зависеть только от физической и моральной выносливости участников. Другими словами, вопрос будет заключаться в том, кто раньше выдохнется, а не в том, кто лучше играет. При этом не принимаются во внимание и расходы в течение матча, которые непомерно возрастут, если последний затянется».

Копию письма Рюэбу Капабланка отослал Алехину.

Письмо Капабланки вызвало резкую реакцию Алехина. Отбросив всякую дипломатию, он ответил кубинцу открытым письмом:

«После того, как Вы потеряли Ваше звание, Вы хотите изменить условия, которые Вы заставили подписать в Лондоне Ваших будущих противников. Это Вы сделали несмотря на то, что при нашей последней встрече 12 декабря 1927 года я категорически заявил, что принципиально ни на какие изменения регламента не соглашусь. Вы предлагаете сократить число партий до 16 и ссылаетесь при этом на Ваш опыт в Буэнос-Айресе. Хотя в нашем

матче я фактически мог быть победителем, начиная с 12-й партии, в любой момент, я полагаю, что ни меня, ни весь шахматный мир такая победа не могла бы удовлетворить...

Я выиграл у Вас в честном, тяжелом бою шесть партий, и я признаю только того сильнее меня, кто выиграет у меня шесть партий.

Если кто-нибудь, пока он — чемпион мира, выставляет условия, которые затрудняют вызов, а после потери звания требует изменения условия в сторону их облегчения, такой человек пренебрегает мнением спортивных кругов. В этом я убежден».

Любопытна реакция президента ФИДЕ на письмо Капабланки. По поводу предстоящего матча-реванша он заявил, что сочувствует взглядам, высказанным Алехиным, но одновременно от имени ФИДЕ предложил свои условия борьбы на первенство мира. Первый пункт этих предложении гласил: ежегодно ФИДЕ называет четырех лучших шахматистов мира, из которых первый считается официальным претендентом на матч с чемпионом. Рюэб назвал и первого официального кандидата — Ефима Боголюбова, только что победившего в матче М. Эйве и ставшего чемпионом ФИДЕ.

Так впервые в споре двух великих шахматистов появилось третье имя. На конгрессе ФИДЕ, который состоялся в августе 1928 года в Гааге, в присутствии делегатов от 17 стран Боголюбов был официально утвержден чемпионом ФИДЕ.

Между прочим, одним из пунктов повестки дня конгресса было обсуждение условий матча на первенство мира. После жарких дебатов вопрос был передан для дальнейшей разработки в специально созданную комиссию. В нее, кстати, вошел и Алехин.

А что же Капабланка? Во второй половине 1928 года он приехал в Европу и выступил подряд в трех международных турнирах. А ведь раньше он не играл годами. Создавалось впечатление, что Капабланка серьезно готовится к реваншу, старается «набить руку», приобрести уверенность. На турнире в Бад-Киссингене его ожидала относительная неудача — он занял второе место, отстав на очко от победителя Боголюбова, но в Будапеште и Берлине праздновал победу. Однако во всех этих соревнованиях Алехин не участвовал.

В октябре из Берлина Капабланка отправил Алехину коротенькое письмо: *«Дорогой сэр, сим письмом я официально вызываю Вас на матч на первенство мира по принятым лондонским правилам 1922 года.*

Искренне Ваш

Х. Р. Капабланка

P. S. Этот вызов написан для того, чтобы подтвердить письмо

д-ра Ледерера, отправленное несколько недель тому назад. Как я понял из его телеграммы, Вы требуете письменного вызова. Мой залог в 500 долларов находится у д-ра Ледерера что, я уверен, он уже Вам сообщил».

Ответ последовал незамедлительно — 12 октября:

«Подтверждаю получение Вашего письма от 8 октября. В связи с тем, что я в принципе принял вызов Боголюбова от 28 августа на матч, который должен состояться в 1929 году, я сожалею, что одновременно не предусмотрел возможности еще одного матча на первенство мира. Тем не менее я принял во внимание Ваше письмо и написал Боголюбову, предоставив ему трехмесячную отсрочку (до 15 января 1929 года), пока он не даст мне гарантий, предусмотренных Лондонским соглашением 1922 года.

В случае, если мой матч с Боголюбовым состоится и я смогу сохранить свое звание, буду готов принять Ваш вызов по окончании этого матча. ...Письмо господина Ледерера, упоминаемое Вами, не носит официального характера, поэтому я рассматриваю Ваш вызов со времени его отправления, т. е. с 8 октября.

Поступая таким образом, я исхожу из условий, предложенных Вами, когда Вы были чемпионом мира и которые всегда считал справедливыми».

Можно себе представить реакцию Капабланки, когда он получил этот ответ.

Говоря языком шахмат, это был «ход», которого кубинец не предвидел и «просрочил время» — тянул, тянул с вызовом и опоздал!

Еще в конце августа, через три дня после победоносного окончания турнира в Бад-Киссингене, Боголюбов отправил Алехину официальный вызов.

«Глубокоуважаемый г-н Алехин! Настоящим имею честь официально вызвать Вас на матч на первенство мира и буду признателен, если Вы поставите меня в известность, согласны ли Вы в принципе играть этот матч в течение 1929 года».

Письмо Боголюбова, было написано на немецком языке.

11 сентября Алехин ответил из Виши (по-французски!)

«Этими строчками я ставлю Вас в известность, что в принципе принимаю Ваш вызов — первый с тех пор, как я завоевал титул,— и что с моей стороны нет возражений против того, чтобы матч состоялся в 1929 году. Само собой разумеется, что осуществление матча может иметь место только на условиях, выработанных в Лондоне в 1922 году и, кстати сказать, нами обоими подписанных. Окончательное назначение места и времени нашей встречи будет зависеть от тех гарантий, которые на основе вышеуказанного соглашения Вы сами или заинтересованные

организации смогут мне предложить».

Мы не будем углубляться в сложные перипетии, связанные с организаций этого матча. Лишь к середине 1929 года стало ясно, что матч Алехин — Боголюбов состоится. 9 июля в Висбадене было подписано соглашение, существенно отличавшееся от Лондонского. Матч игрался на большинство из 30 партий, победителем признавался тот, кто наберет 15,5 очка, при наличии, однако, не менее 6 побед. Независимо от исхода поединка Алехин получал 6 тысяч долларов, Боголюбов — все, что было собрано сверх этой суммы. Эта формулировка, записанная в условиях матча, показывала, что претенденту не удалось собрать те 10 тысяч долларов, которые были необходимы по условиям Лондонского соглашения, и был принят компромиссный вариант, означающий, что, по существу, Боголюбов играл только за титул. Поскольку средства на проведение матча собирались в Германии и Голландии, то и матч игрался в различных городах этих двух стран. Он начался 6 сентября и закончился досрочной победой чемпиона мира в 25-й партии. Окончательный счет поединка 15,5 : 9,5 (+11 -5 = 9).

Матч-реванш Алехин — Капабланка так и не состоялся. Он был намечен на конец 1930 года, но крах на Нью-Йоркской бирже привел к тому, что США, а затем и весь мир вступил в эпоху экономического кризиса. Деньги для матча кубинцу собрать так и не удалось...

А теперь нам предстоит вернуться в 1927 год, чтобы посмотреть, какова была реакция у нас в стране на победу Алехина. Его матч с Капабланкой широко освещался в печати, причем не только в шахматной. Печатались партии с подробными комментариями мастеров, приводились высказывания ведущих шахматистов мира. Однако бурного восторга по поводу того, что чемпионом мира впервые стал русский шахматист и что сбылась мечта Чигорина, я не увидел.

Когда Алехин вернулся в Париж, то русская эмиграция чествовала его в шахматном кружке имени Потемкина. Тут были мастера О. Бернштейн и Е. Зноско-Боровский, художник Малявин, товарищ чемпиона мира по училищу правоведения Половцев. Были представители от всех издававшихся в Париже русских газет и журналов. На этом банкете Алехин сделал несколько неосторожных политических заявлений.

Чрезвычайно резкий ответ последовал немедленно. В «Шахматном листке» появилась передовая, подписанная Н. Крыленко с красноречивым названием: «О новом белогвардейском выступлении Алехина».

Приведя частично эти высказывания, автор заключает:

«С гражданином Алехиным у нас теперь покончено — он наш враг, и только как врага мы отныне можем его трактовать».

Затем Крыленко обращается к нашим любителям шахмат:

«Все, кто еще у нас в СССР среди шахматных кругов лелеяли в душе надежду на то, что когда-нибудь Алехин вернется, должны сейчас эти надежды оставить. Вместе с тем они должны сделать отсюда ряд выводов и для себя, для своего практического поведения.

Прикрываясь ссылками на то, что в Алехине они ценят только шахматный талант, некоторые из наших шахматных работников и даже издательств позволяют себе поддерживать сношения с Алехиным. Так, журнал "Шахматы" до сих пор считает для себя возможным пользоваться его постоянным сотрудничеством. Госиздат не только издает произведения Алехина — это еще куда ни шло,— но и сопровождает их литературным введением, представляющим из себя сплошной панегирик Алехину без тени критики и даже без малейшего упоминания о его политическом лице. С этого рода маниловщиной и с этого рода политическими попытками "умолчания" нужно покончить.

Алехин — наш политический враг, и этого не может и не должен забывать никто. Тот, кто сейчас с ним хоть в малой степени,— тот против нас. Это мы должны сказать ясно и это должен каждый понять и осознать. Талант талантом, а политика политикой, и с ренегатами, будь то Алехин, будь то Боголюбов, поддерживать отношения нельзя».

Крыленко полагал, что Н. Греков, Н. Григорьев, не говоря уже о брате чемпиона мира Алексее, проживавшем тогда в Харькове, переписываются с чемпионом мира. Старший брат Александра принимал активное участие в украинской шахматной жизни, поэтому не стоит удивляться, что он был вынужден обратиться в редакцию «Шахматного листка» с письмом, в котором заявил, что осуждает всякое антисоветское выступление от кого бы оно ни исходило, будь то, как в данном случае, его брат или кто-либо иной. Что с тех пор как Александр Алехин покинул в 1921 году пределы СССР, он никакой связи с ним не поддерживал и не поддерживает, и что он целиком согласен со статьей Крыленко.

Судьба проблемиста

Среди многих инициатив, с которыми выступило Исполбюро шахсекции во главе с Крыленко, было открытие во многих газетах шахматных отделов, в которых наряду с информацией и партиями печатались задачи и этюды. Тем самым к шахматам привлекалось большое число решателей. А затем некоторые из них сами начинали составлять задачи и этюды. Число шахматных композиторов стало стремительно расти. И в 1926 году Исполбюро приняло специальное постановление о создании при Всесоюзной шахматной секции Общества любителей шахматных задач и этюдов. Возглавил эту организацию один из наиболее авторитетных шахматных композиторов СССР Лев Борисович Залкинд. Он еще в 1913—1916 годах редактировал задачный отдел в «Шахматном вестнике», а после революции совместно с Л. Исаевым вел отдел задач в журнале «Шахматы».

В конце 20-х годов целая плеяда композиторов отмечала четверть века своей творческой деятельности. Это широко освещалось в нашей шахматной печати, в адрес юбиляров было высказано немало лестных слов. Вот что было, например, написано в передовой журнала «Шахматы» № 12 за 1928 г.

«В текущем году исполнилось 25 лет деятельности на поприще шахматного искусства трех русских композиторов, стяжавших себе громкую мировую известность, братьев Василия Николаевича и Михаила Николаевича Платовых и Лазаря Борисовича Залкинда».

Отметив роль братьев Платовых как основоположников (наряду с А. Троицким и Г. Ринком) современного художественного этюда, автор статьи (им, вероятно, был Н. И. Греков) переходит к рассказу о Залкинде:

«Л. Б. Залкинд выступил на поле задачной композиции в период, когда первое поколение русских задачных составителей во главе с А. В. Галицким уже было на закате. В композициях русских составителей этого периода все больше начинали преобладать формальные и технические элементы. <…> Л. Б. Залкинд, сохранив в своих произведениях все лучшие традиции русской задачной композиции конца 19-го века, внес в них новую оживляющую струю — комбинационный элемент». И далее:

«В итоге своей 25-летней деятельности на поприще задачной композиции Л. Б. Залкинд занял одно из самых первых мест среди русских проблемистов. Своими произведениями он оказал чрезвычайно сильное влияние на окончательное упрочение среди русских проблемистов принципов художественной школы». <…>

«Л. Б. Залкинд является не только составителем задач, но пользуется почетной известностью и как композитор этюдов. На этюдном поприще Л. Б. выступил несколько позднее, чем на задачном, в 1903—10 гг. Во всем этюдном творчестве Л. Б. сильно сказывается проблемист. Его увлекает не столько борьба фигур, сколько осуществление "комбинации" в этюдной форме. <…> В течение последних трех-четырех лет Л. Б. уже определенно становится поборником сближения этюда с задачей. <…> Общее количество составленных Л. Б. композиций достигает 500, из них до 375 задач и 125 этюдов». <…>

«Сборника композиций Л. Б. Залкинда до сих пор не было издано, и об этом нельзя не пожалеть».

Поэтому в вышедшем в том же году сборнике задач и этюдов (№ 6) сообщается что Л. Б. Залкинду будет посвящен специальный сборник (№ 9).

В марте 1929 года на пленуме Совета шахсекций Залкинд выступил с отчетом о деятельности ЦК объединения проблемистов СССР. Деятельность одобрили, были отмечены крупнейшие достижения советской шахматной композиции как в пределах СССР, так и за границей. Одновременно было принято к сведению постановление шахкомиссии ВЦСПС об отказе членов профсоюзных шахсекций от участия в конкурсах, организуемых буржуазными изданиями.

В апреле в Москве состоялся вечер московского объединения проблемистов, посвященный юбилею Залкинда и братьев Платовых.

Хотя Залкинд сравнительно редко выступал в конкурсах композиторов, он, тем не менее, завоевал свыше 60 отличий. Особенно плодотворным для его творчества оказался конец 20-х годов. Так в 1928 году он разделил 1—2-й призы на конкурсе трехходовок главной партийной газеты страны «Правды», занял первое место на конкурсе этюдов журнала «64» за первую половину того же года, повторил этот успех на конкурсе журнала «Шахматы» за первое полугодие 1929 года и, наконец, на Международном конкурсе этюдов имени А. А. Троицкого в 1929-1930 гг., который присуждал сам Троицкий, разделил 1—2-й призы.

А затем... Затем грянул гром. Залкинд был, как тогда говорили, «спецом». Он работал заместителем начальника экономического управления Наркомторга СССР, был членом союзного Статплана. Кроме этого Залкинд преподавал в МГУ, имел звание доцента.

В молодости Залкинд активно занимался политикой, в 1903 году вступил в РСДРП и примыкал к большевикам. Однако после

февральской революции перешел на меньшевистские позиции и с апреля 1917 года вел работу по выборам в Учредительное собрание. Впрочем, после Октябрьской революции он совершенно отошел от политики.

В конце 20-х — начале 30-х годов в стране прошел ряд громких политических процессов. В одном из них — это был процесс так называемого «Союзного бюро меньшевиков» — на скамье подсудимых оказался и Залкинд.

По этому поводу А. Солженицын пишет в «Архипелаге ГУЛАГ»:

«ГПУ имело такую схему: чтобы было два от ВСНХ, два от Наркомторга, два от Госбанка, один от Центросоюза, один от Госплана. <...> Поэтому брали подходящих по должности. А меньшевики они на самом деле — это по слухам». Короче, Залкинду напомнили его меньшевистское прошлое. Трагизм ситуации был в том, что обвинителем на процессе выступал руководитель советских шахмат Н. Крыленко. Он потребовал изоляции Залкинда на длительный срок, и его приговорили к восьми годам лишения свободы. Судьба Льва Борисовича, как и многих тысяч репрессированных, оказалась трагичной. После отбытия наказания ему не только не разрешили вернуться в Москву: «Особое совещание» добавило ему еще пять лет исправительно-трудовых лагерей. Когда истек срок второго приговора, его оставили «на вольном поселении» без права покидать место ссылки. Он так и умер в Сибири. В 1956 году, 11 лет спустя, его дело пересмотрели. За отсутствием состава преступления Лев Борисович Залкинд был реабилитирован. Посмертно.

А тогда, в 1931-м, в журнале «Шахматный листок» процессу над меньшевиками была посвящена передовая статья «После суда». В ней Залкинда заклеймили как предателя, контрреволюционера и вредителя:

«Как известно, одной из видных фигур на скамье подсудимых являлся Л. Б. Залкинд, тот самый Залкинд, который до недавнего времени был руководителем Всесоюзного объединения любителей шахматных задач и этюдов. Теперь, когда контрреволюционная деятельность этого предателя установлена приговором Верховного суда, всем известно, какую политическую линию стремился проводить меньшевик Залкинд во всей своей "советской" работе, в том числе и в шахматной.

Небесполезно поэтому напомнить нашим проблемистам и этюдистам, что именно Залкинд являлся ярым сторонником их участия в буржуазной печати. На пленуме Совета шахсекции союзных республик в марте 1929 года он, с невинным ликом

"аполитичного" агнца, мотивировал свою сознательно-буржуазную точку зрения интересами... "будущности советской композиции" (цитируем по стенограмме). О том, как он рисует себе эту "будущность", контрреволюционер и вредитель Залкинд, разумеется, умалчивал. На том же пленуме он имел наглость предложить «выход из положения» в виде организационного обособления композиторов. "В таком случае",— виляла хвостом меньшевистская лиса,— "мы могли бы участвовать в международных конкурсах в буржуазной печати, не вызывая (?!) протеста со стороны рабочих шахматных организаций"».

Отметив ряд публикаций советских проблемистов в буржуазной шахматной печати, статья заканчивалась неприкрытой угрозой: «Всему этому должен быть положен конец, решительно и бесповоротно. Давно пора уже и шахматистам понять, что в нашу эпоху ко всем без исключения относятся слова поэта — "кто поет не с нами,— тот против нас"».

Так политическая линия, провозглашенная Крыленко в шахматах, привела к тому, что столь отдаленная от политики область, как шахматная композиция, оказалась втянутой в ожесточенную идеологическую, можно даже сказать, классовую борьбу.

Вот пример.

Исполбюро шахматно-шашечного сектора ВСФК СССР принимает следующую резолюцию:

Признать, что в условиях настоящего момента — обостренной классовой борьбы и возросшей враждебной активности со стороны буржуазии по отношению к Советскому Союзу — никакие сепаратные выступления советских проблемистов в зарубежной печати, не регулируемые советскими политическими шахматными организациями, не могут иметь места, поскольку всякий факт выступления в заграничной печати советских проблемистов тем самым получает уже определенный политический оттенок. Констатировать, что до настоящего времени выступления советских проблемистов в заграничной печати были бессистемны и находились вне контроля со стороны шахорганизаций, в результате чего со стороны отдельных проблемистов имели место совершенно недопустимые политические промахи и ошибки. Целиком солидаризируясь с решением последнего пленума шахсектора ВСФК о необходимости немедленно ликвидировать такое положение, комиссия в развитие резолюции шахсектора о проблемистском движении считает необходимым дальнейшее развитие проблемистского движения направить по пути, который бы целиком соответствовал основным политическим установкам международного шахматного

рабочего движения, и поэтому полагает необходимым предложить всем советским проблемистам:

а)в случае направления своих произведений в заграничную печать направлять их в первую голову и преимущественно в органы рабочей печати шахматных рабочих организаций;

б)помимо этого помещение произведений советских проблемистов может иметь место лишь в лояльно относящихся к советской власти органах — по списку, проработанному руководящими шахорганизациями;

в)участие в международных конкурсах задач и этюдов может иметь место не иначе как каждый раз с специального разрешения комиссии проблемистов и последующего утверждения Исполбюро шахсектора ВСФК СССР».

К этому образцу политического бюрократизма вскоре было добавлен еще один не менее примечательный документ.

«По поводу сотрудничества советских проблемистов в западноевропейской буржуазной шахматной прессе.

Наряду с активной поддержкой со стороны советских проблемистов западной революционной печати, как общей, так и специально шахматной, путем самого широкого печатания своей продукции в данных изданиях и организационной помощи ей в развертывании работы, надо признать безусловно целесообразным использование шахматной композиции как одного из каналов, по которому могло бы идти развитие культурной связи с Западом, на основе существующих установок Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

Покончив с бессистемными и беспринципными выступлениями советских проблемистов в иностранной печати, как это имело место в прошлом, мы переходим к организованному выпуску нашей продукции в заграничную прессу, используя для этой цели аппарат ВОКСа».

Далее приводился список шахматных изданий, в которых выступления советских проблемистов «признается допустимым и целесообразным.

«Всю корреспонденцию с оригинальными работами советских проблемистов (задачи, этюды, статьи) необходимо направлять по адресу ВОКСа». Так за произведениями наших композиторов, посылаемыми за границу, стало наблюдать «государево око».

И в заключение необходимо отметить, как это ни прискорбно, хотя доброе имя Л. Б. Залкинда восстановлено, но сборника его задач и этюдов как не было, так и нет.

Молодежь выходит вперед

После Московского международного турнира 1925 года прошло большое количество городских состязаний, особенно среди профсоюзов, где приняло участие множество молодежи, пришедшей в шахматы на волне интереса, поднятого международным турниром.

Всесоюзные шахматные съезды наряду с чемпионатом страны сопровождаются целым рядом дополнительных соревнований типа командного турнира областей и республик, профсоюзных командных турниров, женских турниров, чемпионатов Красной армии.

В итоге конкуренцию шахматистам старшего поколения, родившимся еще в прошлом веке, стала составлять молодежь, появившаяся на свет уже в XX столетии. V чемпионат СССР (1927 г.) привел к появлению двух таких мастеров, а после VI чемпионата (1929 г.) к ним добавилось еще шесть. Сначала молодые шахматисты начали теснить «стариков» в чемпионатах Москвы. Так, если в 1928 году чемпионом столицы стал мастер Берлинский (1887 г. р.), а на втором месте был мастер Ненароков (1890 г. р.), то уже в следующем году победителем стал В. Панов (1906 г. р.), а вторым — Н. Рюмин (1908 г. р.).

Ленинградские мастера были сильнее московских, поэтому там старшее поколение держалось на ведущих позициях дольше. В 1928 году чемпионом города стал И. Рабинович (1891 г. р.), за ним был Левенфиш (1889 г. р.). В 1929-м в чемпионате победил Ильин-Женевский (1894 г. р.), а на втором месте оказался

А. Модель (1895 г. р.). И лишь в чемпионате 1930/31 годов победил Ботвинник (1911 г. р.), опередивший Романовского (1892 г. р.).

Генеральное сражение между молодежью и мастерами старшего поколения произошло на VII всесоюзном съезде, состоявшемся в Москве в 1931 году. Этот турнир проходил несколько иначе, чем предыдущие. Раньше существовала система персональных приглашений, правда, существовал и кандидатский список. Так на V чемпионат СССР в 1927 году были приглашены, включая кандидатов, 28 человек, а в 1929-м их число составило уже 46.

Во-первых, такая система была недемократична, во-вторых, слишком громоздка. Уже VI чемпионат проводился в три этапа — 4 предварительных группы, два полуфинала и финал из 4 человек в два круга. Однако один из финалистов — П. Измаилов, кстати, получивший звание мастера, по не совсем понятным причинам не

принял участие в финале. И тот получился куцым.

На этот раз предварительные отборочные соревнования, в которые допускались шахматисты I категории и мастера, должны были состояться на местах. Старые заслуги мастеров не давали им права уклоняться от отбора. Принцип персональных приглашений был отвергнут.

В постановлении Исполбюро было также указано, что в этих соревнованиях по специальному ходатайству шахматных организаций могут участвовать и шахматисты, формально не имеющие первой категории, но играющие в их силу. Для этого требовалось специальное разрешение Высшей квалификационной комиссии. Примечательно, что в ходатайстве наряду с фамилией, именем и отчеством шахматиста, местом его работы и должностью должны были быть указаны соцположение, партийность, является ли он ударником или нет, какую выполняет общественную работу. Несколько позднее Исполбюро частично изменило свое решение: к предварительным турнирам приравняли чемпионаты Москвы, Ленинграда, Харькова, Тифлиса, Ташкента и Минска. Кроме того, по усмотрению местных организаций в предварительные турниры допускались все сильнейшие шахматисты независимо от их квалификации. В итоге в предварительных состязаниях приняло участие свыше четырехсот человек. По положению сам чемпионат был рассчитан на 70 человек, которые должны были быть разбиты Оргкомитетом турнира на 7 групп по 10 участников в каждой. Первые два победителя группы выходили в финал. В случае равенства очков решала система Бергера.

Однако перед самым началом съезда Исполбюро скорректировало финальную часть. Увеличило число участников до 80, а также все-таки допустило без отбора ряд мастеров — ИльинаЖеневского, Берлинского, Богатырчука, Измайлова и Н. Григорьева. Был допущен и участвовавший в отборе мастер Рохлин, хотя в предварительной группе он разделил предпоследнее место. **В** итоге вместо семи групп стало восемь. Результаты групповых турниров были ошеломляющими. **В** шести из них победу праздновала молодежь, и только в двух во главе турниров стали испытанные бойцы Романовский и Ильин-Женевский.

Однако в одной из групп возникла ситуация, не предусмотренная регламентом: два молодых участника К. Кан и А. Замиховский, разделившие второе-третье место, оказались наравне и по таблице Бергера. Кроме того, по таблице Бергера не попадал в финал молодой чемпион Москвы Н. Рюмин, которому очень симпатизировал Н. Крыленко. Первоначально, не без

давления сверху, Оргкомитет решил включить в состав турнира всех трех, но тогда резко запротестовал Романовский, который демонстративно вернул делегатский мандат съезду и отказался участвовать в финальном турнире. А победитель одной из групп мастер С. Готгильф не стал играть в финале, так как ему не нравилось жить в общежитии, как всем остальным участникам. На одном из заседаний съезда поведение обоих было осуждено как проявление крайней недисциплинированности. Хотя Романовский написал покаянное письмо, где он объяснял свое поведение болезненным состоянием, объяснение не было принято, и Романовского на год дисквалифицировали. С Готгильфом поступили еще строже — его поступок был признан антиобщественным, и он был исключен из шахматной организации СССР.

После этого Готгильф совершенно отошел от шахмат, что много позднее привело к следующей истории. В начале 60-х годов историк И. Романов, редактировавший в издательстве «Физкультура и спорт» материал для «Шахматного словаря», приехал в Ленинград, чтобы уточнить какие-то даты и события. Увидев в шахматном клубе А. Толуша, он его спросил:

- Когда умер Готгильф?

- Это могло произойти только сегодня, потому что вчера я его встретил на Невском проспекте! — ответил Толуш.

Однако вернемся к чемпионату. Ввиду исключения Романовского и Готгильфа из числа финалистов, освободились два места. И Оргкомитет турнира решил поступить демократично — участникам чемпионата были предложены два варианта. Один — довести состав участников до 20 человек и разыграть его в двух группах, второй — допустить в чемпионат Кана, Замыховского и Рюмина, а также занявших третьи места мастеров Богатырчука и Берлинского. Участники единогласно высказались за второе предложение.

Борьба в финале носила поистине драматический характер. На старте вперед вырвался Рюмин, выигравший первые четыре партии. Он лидировал и дальше, причем расстояние между ним и преследовавшим его по пятам Ботвинником составляло одно очко. После 14-го тура дистанция между лидерами сократилась до полуочка. А в 15-м туре произошла встреча между ними, которая и должна была определить победителя чемпионата. Однако настоящей борьбы в этой партии не получилось: Рюмин плохо разыграл дебют и ничего не мог противопоставить энергичной и техничной игре своего соперника. Это поражение его так деморализовало, что он проиграл и последние две партии. Будущий победитель турнира, наоборот, наращивал темп и в

итоге оторвался от Рюмина на целых два очка. Ботвинник блестяще провел все это соревнование от начала до самого конца. Уже тогда он считался большим знатоком дебютной теории, отличался методической подготовкой к каждой партии. Его результат — + 12 — 2 = 3 показывал, что у нас в стране появился мастер мирового класса. А Рюмин еще за полгода до чемпионата числился первокатегорником и стал мастером после того, как в квалификационном матче победил Н. Григорьева, причем с разгромным счетом +6—1 = 1.

Самым знаменательным итогом турнира явилось то, что победу в нем завоевали представители молодого поколения. Ведь и третье — шестое места вместе с опытными Богатырчуком и Берлинским разделили В. Алаторцев (1906 г. р.) и М. Юдович (1911 г. р.). На турнире родились пять новых мастеров, которым всем вместе насчитывалось немногим больше ста лет. Это, кроме уже упомянутых Алаторцева и Юдовича, И. Мазель (1911 г. р.), Г. Лисицын (1909 г. р.) и В. Кириллов (1908 г. р.). Печать особенно отмечала, что это были шахматисты, выросшие уже в советское время, воспитанники местных шахсекций.

В 1931 году исполнилось десять лет журналу «Шахматный листок», ведущему свое начало от «Листка шахматного кружка

Петрогубкоммуны» и с 1924 года ставшего официальным изданием шахсекции. Название «Шахматный листок» было признано не отвечающим насущным задачам шахмат того времени. Было предложение назвать журнал «Шахматный фронт», но в конце концов предпочли доходчивое и простое «Шахматы в СССР». С таким названием он и начал выходить со второй половины 1931 года.

Матч Ботвинник — Флор

Три сильных ленинградских мастера не играли в VII чемпионате страны — Романовский, Левенфиш и Илья Рабинович. Все они встретились с молодыми мастерами на следующем первенстве, которое прошло в Ленинграде уже на следующий год. Однако и им не удалось сдержать натиск молодежи. Победителем снова стал Ботвинник, который уже выдвинулся в признанные лидеры молодого поколения. Вторым был Алаторцев, только год назад получивший звание мастера. И лишь 3—5-е места с еще одним представителем молодежи Лисицыным разделили Левенфиш и Рабинович. Как рассказывал Ботвинник, на последнем туре соревнования присутствовал Б. Позерн, старый большевик, один из руководителей Ленинградской партийной организации, близкий к С. Кирову. По окончании тура молодые мастера попросили его помочь в организации встреч с иностранными мастерами.

— Что ж, теперь это имеет смысл,— будто бы сказал Позерн, — мы вас поддержим.

И как по мановению волшебной палочки, из Праги от Ильина-Женевского, тогдашнего советника нашего полпредства, пришло письмо с сообщением, что Флор, чешский гроссмейстер, предлагает Ботвиннику сыграть матч. Как объясняет Ботвинник, «Сало Флор всегда отличался предприимчивым характером — тогда он был шахматной надеждой Запада — и рассчитывал, по-видимому, на нетрудную победу».

Однако возникает вопрос: зачем Флору, тогда уже считавшемуся одним из сильнейших гроссмейстеров мира, нужен был этот матч? Как мне кажется, все было несколько иначе: познакомившись с Флором, Ильин-Женевский, опытный дипломат, намекнул ему, что если он вызовет Ботвинника на матч, то его у нас примут по высшему разряду. Как выяснилось, Ильин-Женевский послал также письмо Флора Крыленко.

Слово — Ботвиннику:

«И вот ленинградцы едут в Москву на заседание Исполбюро шахсектора ВСФК (Высшего совета физкультуры). Вернулись и рассказывают: все москвичи горячо убеждали Крыленко отказаться от матча и дать согласие на турнир.

Почему? — задумавшись, спрашивает Николай Васильевич. Ему объясняют, что Ботвинник в матче обречен, а вот турнир — дело другое, там все возможно...

Выражение лица у Крыленко стало жестким.

Будет матч,— сказал он.— Мы должны знать свою подлинную

силу.

Вопрос был решен».

Как и ожидалось, матч был организован по высшему разряду. Участников разместили в гостинице «Националь», в ресторане у них был открытый счет. И это в то время, когда в стране была карточная система и продукты строго лимитировались. Первая половина матча проходила в Колонном зале Дома Союзов, и она разочаровала публику, заполнившую Колонный зал. После шести партий счет был +2 = 4 в пользу чехословацкого гроссмейстера. Ботвиннику не удалось выиграть в Москве ни одной партии. Казалось, сбываются пессимистические прогнозы некоторых мастеров старшего поколения, считавших, что Флор должен победить, так как у советского чемпиона практически нет опыта международных встреч, если не считать пару партий, сыгранные со шведским мастером Г. Штольцем в матче Ленинград — Стокгольм.

Однако в Ленинграде ситуация изменилась. После двух ничьих Ботвинник выигрывает 9-ю партию, а затем и 10-ю. Счет сравнивается.

Удивительно, но перед крайне важной 11-й партией Флор дает труднейший сеанс одновременной игры, который затянулся далеко за полночь. После чего партия складывалась в пользу чемпиона СССР, но Флору все-таки удалось добиться ничьей.

Снова слово Ботвиннику:

«Осталась последняя партия. Через С. О. Вайнштейна Флор мне передает, что раз противники уже показали примерное равенство сил, он предлагает в двенадцатой партии ничью. Я, конечно, не возражаю — мог ли я мечтать о ничейном исходе матча накануне девятой партии!»

На заключительный банкет из Москвы специально приехал Крыленко. Он не скрывал своей радости по поводу итогов матча и, выступив, подчеркнул:

«— Ботвинник в этом матче проявил качества настоящего большевика...»

Итак, чемпиону СССР удалось доказать, что он не уступает в силе лучшим представителям шахматной молодежи Запада. Однако были и другие молодые мастера, как в Ленинграде, так и в Москве, которым тоже хотелось испытать себя во встречах с сильнейшими шахматистами Запада.

Такая возможность представилась уже в следующем, 1934 году.

Голландский чемпион Макс Эйве тогда готовился к матчу на первенство мира с Александром Алехиным. Он только что разделил второе место вслед за чемпионом мира на крупном

международном турнире в Цюрихе и по приглашению Крыленко вместе со своим другом и секундантом мастером Гансом Кмохом сначала посетил Москву, затем отправился в Крым, побывал в Севастополе и Ялте, а также в Одессе. После чего поехал в Ленинград, где вместе с Кмохом ему предстояло участвовать в соревновании с девятью советскими мастерами во главе с Ботвинником. Семь из них представляли молодежь, три — старшее поколение. Турнир этот был организован Ленинградскими профсоюзами. Эйве полагал, что подобное состязание будет хорошей практической подготовкой перед матчем с чемпионом мира. Можно не сомневаться, что он надеялся на хороший результат. На самом деле ему удалось набрать лишь 50% очков и занять лишь шестое место. А победил в турнире Ботвинник, на полочка опередивший Рюмина и Романовского. Впереди Эйве были также И. Рабинович и И. Кан. Кмох разделил 7-8-е места с М. Юдовичем.

В интервью, опубликованном тогда же в газете «Красный спорт», Эйве сказал, что такие отличные шахматисты, как Романовский, Рюмин, Алаторцев, Рабинович, являются мастерами международного класса. А Ботвинник, по его мнению, входит в десятку лучших шахматистов мира.

Со свойственным ему научным подходом Эйве отметил позже характерные черты, общие для всех советских мастеров:

Стремление к захвату инициативы.

Впечатляющий боевой дух.

При защите стремление к контратаке.

Тщательная дебютная подготовка.

Очень конкретная оценка позиции.

Впоследствии эти черты стали определяющими для всей нашей шахматной школы.

Чистка и забота о смене

В 1934 году исполнилось десять лет с тех пор как был ликвидирован Всероссийский шахматный союз и избрано Исполнительное бюро шахматной секции ВСФК, бессменным руководителем которого стал Н. Крыленко. За это время, благодаря поддержке государства и профсоюзов, произошел огромный рост числа организованных шахматистов, а числом мастеров и первокатегорников СССР превзошел ведущие шахматные страны мира. Следующая таблица это ярко показывает:

Место и время конгресса	Манила 1983	Грац 1985	Севилья 1987
Зарегистрировано делегатов	91	90	89
Фактически присутствуют	52	53	58
«Прокси»	39	37	31

Столь большое число любителей шахмат потребовало разработки и введения квалификационной системы, единого квалификационного билета: ведь кроме высококвалифицированных шахматистов, указанных в таблице, были еще игроки низших категорий — второго, третьего, четвертого и пятого разрядов.

Всего 43 мастера на полмиллиона организованных шахматистов — это сравнительно небольшое число. Их можно было разделить на три группы — на тех, кому нет еще тридцати лет, не достигших еще пика своих успехов; на тех, кому нет еще сорока—сорока пяти, находящихся на пике успехов; и старше сорока пяти, чей пик успехов уже позади.

Как раз в 1934 году на страницах шахматных журналов развернулась дискуссия на тему — какова должна быть сила советского мастера. После того, как в передовой статье журнала «Шахматы в СССР» этот вопрос был поднят, там же в поддержку требований об ужесточении правил присвоения этого высшего шахматного звания выступили ведущие наши мастера М. Ботвинник, Г. Левенфиш и П. Романовский. В то время партией в промышленности был брошен лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны». Его и взяли за основу авторы статьи: «Наша цель — помочь нашим кадрам мастеров разрешить в

шахматной области задачу огромной важности — догнать и перегнать буржуазных шахматистов».

Для этого они предложили провести чистку рядов мастеров и лишить этого звания всех тех, кто не удовлетворяет поставленным ими же повышенным требованиям. В предлагаемом мероприятии нетрудно увидеть аналогию с партийными чистками, регулярно проводимыми в те годы с целью очищения от «классово чуждых и враждебных элементов».

Исполбюро немедленно откликнулось на это предложение, и для его разработки была создана специальная комиссия под председательством члена Исполкома Ф. Сулковского. В нее вошли Ботвинник, Гинзбург, Григорьев, Зубарев и Романовский. Комиссия решила проверить всех мастеров возраста до пятидесяти лет. Рассматривались их выступления за пять лет, начиная с 1 января 1930 года. Окончательный список мастеров должен был быть утвержден Исполкомом.

С критикой предполагаемого проекта выступил мастер Ф. Богатырчук, по профессии врач-рентгенолог. Он справедливо указал, что проект совершенно не учитывает интересы мастеров-непрофессионалов. По его мнению, звание мастера должно вообще присуждаться пожизненно. Богатырчук также отметил, что цифра 50 лет взята с потолка.

Однако его мнение не было учтено. После проведенной проверки решением Исполбюро 14 мастеров (32% от общего их числа) были переведены в первую категорию, а двум мастерам предложили в течение года подтвердить свое звание.

Сейчас хорошо известно, что после 40—45 лет, за самым редким исключением, успехи шахматистов начинают снижаться. Поэтому с научной точки зрения именно этот возраст должен был быть назван предельным. А из числа пострадавших пять человек были этого возраста. К тому же оправдался прогноз Богатырчука — большинство исключенных составили непрофессионалы. Так Смородский (1888 г. р.) был военным, А. Куббель (1889 г. р.) служил бухгалтером, Выгодчиков (1892 г. р.) — статистиком, Розенталь (1890 г. р.) был врачом, а Сергеев (1897 г. р.) — инженером.

Двое пострадавших — Модель и Рохлин являлись друзьями члена комиссии Ботвинника, но он, видимо, придерживался старинной поговорки «Платон мне друг, но истина дороже».

Из этих 14 исключенных самым несправедливым было решение относительно первого и единственного мастера Сибири и Дальнего Востока Петра Измайлова (1906 г. р.). Окончив институт, он работал в геологоразведочных партиях, более полугода проводил в тайге. В 1929 году, когда он стал мастером,

Измаилов вошел в четверку сильнейших шахматистов страны, но начиная с 1930 года смог принять участие лишь в одном турнире, где можно было подтвердить мастерское звание. И вместо того, чтобы предоставить ему хотя бы еще одну попытку, дать еще год для подтверждения, у него это звание отняли. А из двух мастеров, кому был на год продлен срок,— Константинопольский (1910 г. р.) не только подтвердил свое звание, но вскоре стал одним из сильнейших мастеров страны, а другой — известный теоретик Созин (1896 г. р.) не смог этого сделать и впоследствии отошел от шахмат. Не говоря уже о чувстве обиды, которое должны были испытывать все исключенные, эта чистка принесла больше вреда, чем пользы. К счастью, она оказалась первой и последней.

А четверо исключенных, кому в то время не было и сорока лет, смогли впоследствии снова стать мастерами.

«Шахматная горячка», возникшая еще во время международного турнира 1925 года, конечно, заразила пионеров и школьников. Однако в основном детские шахматы развивались стихийно, главным образом на местах. Только в 1934 году по инициативе газеты «Пионерская правда» было решено провести на зимних школьных каникулах первый всесоюзный детский турнир. Ему предшествовали отборочные соревнования в различных городах страны, охватившие около ста тысяч школьников. Только в одном Ленинграде в турнирах участвовало свыше 14 тысяч ребят.

В финал командного турнира вышли школьники Москвы, Ленинграда, Минска и Ростова-на-Дону. В своих группах они выиграли все матчи. Борьба в финале, несмотря на короткую дистанцию, была исключительно упорной. Ни одной из команд не удалось избежать поражения. Ленинград проиграл Москве, Минск — Ленинграду, а Москва Ростову и Минску. В итоге победителем вышла команда Ленинграда, которой было вручено почетное знамя «Комсомольской правды». Второе место заняла команда Ростова-на-Дону, на пол-очка опередившая москвичей.

В индивидуальном турнире победил ивановский школьник Шлопак, в дальнейшем ничем себя не проявивший, а вторым стал будущий мастер В. Люблинский из Москвы. Победители соревнований награждались кроме грамот лыжными костюмами, свитерами, коньками, фотоаппаратами и т, п. Все это было отнюдь не лишним: в то время подобные вещи можно было приобрести только по ордерам.

На торжественном закрытии турниров его участники (конечно, с подачи взрослых) послали приветствие отцу и учителю — великому Сталину (такая форма окончания любых массовых мероприятий тогда начала входить в моду). Они

обещали «бороться за то, чтобы догнать и перегнать капиталистические страны в области техники шахматной игры».

Весьма примечательно, что в том же 1934 году в Германии на открытии матча на первенство мира Алехин — Боголюбов было тоже послано приветствие, правда, не самому фюреру, а его министру пропаганды г-ну Геббельсу!

Второе первенство прошло, как и первое, в дни зимних каникул 1936 года. Как и раньше, игрались командные и индивидуальные турниры. В Ленинград приехали команды 24 областей страны. Каждая из них состояла из четырех человек: двух шахматистов, девочки-шахматистки и шашиста.

Уже в отборочных турнирах произошла сенсация — в одной из групп победила команда Киевской области, оставив позади ленинградцев. Не менее сенсационными стали итоги финала — москвичи снова смогли занять только третье место. Их на полочка опередили команды Азово-Черноморского края и Одессы. В турнире мальчиков победил представитель Ленинградской области Рентер, третьим был будущий гроссмейстер Болеславский.

Где-то в середине 30-х годов власть обратила внимание на воспитание молодежи, и повсеместно стали сознаваться Дворцы и дома пионеров и школьников. Как правило, в них возникали шахматные кружки и шахматные клубы. Могу засвидетельствовать, что когда я в 1935 году увлекся шахматами, в Москве уже были, по крайней мере, три детских шахматных клуба — на стадионе Юных пионеров, в доме пионеров Хамовнического района и в доме пионеров Замоскворецкого района. А в 1936 году открылся Московский дворец пионеров, где тоже начал работать шахматный клуб. Дворцы пионеров тогда же возникли в Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси: их шахматные клубы стали настоящей кузницей кадров.

В начале января 1938 года в Ленинграде прошло третье всесоюзное первенство. Соревнования проводили в Аничковом дворце: эта резиденция российской императрицы стала Ленинградским дворцом пионеров и школьников. В них приняли участие команды 18 крупнейших городов страны.

В группе юношей первенствовал будущий чемпион мира Василий Смыслов (Москва), в группе мальчиков чемпионом удалось стать мне.

Конечно, всесоюзные соревнования явились прекрасной школой для всех их участников, но регламент соревнований оказался исключительно трудным: в финале пришлось играть по две партии в день. Только чисто игровое время составило 8 часов, что для многих было непосильной нагрузкой. Так явный фаворит

турнира мальчиков талантливый ростовчанин Марк Стольберг в финале явно сдал и смог занять лишь пятое место.

Более до войны всесоюзных первенств среди школьников не проводилось.

В Москве и Ноттингеме

Массовые соревнования, организуемые регулярно профсоюзами, привели к тому, что в 1935 году общее число их участников составило 700 ООО. Это был своеобразный рекорд, вполне достойный Книги Гиннесса. По числу организованных шахматистов СССР намного превосходил все другие страны. А результаты матча Ботвинника с Флором и турнира мастеров с участием Эйве показали, что наши лучшие мастера не уступают сильнейшим мировым гроссмейстерам. И Крыленко решил, что пора устраивать международное состязание, сравнимое с международным турниром 1925 года. Он поставил этот вопрос на заседании Президиума ВСФК при ЦИК СССР, и было принято решение провести такой турнир в начале 1935 года в Москве. Среди приглашенных иностранцев были экс-чемпионы мира Капабланка и Ласкер, гроссмейстеры А. Лилиенталь (Венгрия), В. Пирц (Югославия), Р. Шпильман (Австрия), Г. Штальберг (Швеция), С. Флор (Чехословакия), а также чемпионка мира среди женщин, нередко успешно выступавшая в мужских турнирах В. Менчик. Из советских мастеров персональное приглашение получили М. Ботвинник, П. Романовский, К. Кан и чемпион Закавказья В. Гоглидзе, первый грузинский шахматист, завоевавший звание мастера. Остальные восемь мест были разыграны в 9-м первенстве страны в Ленинграде на рубеже 34—35-го годов. В этом турнире блеснули представители старшего поколения: первое-второе места разделили Г. Левенфиш и И. Рабинович, на третьем-четвертом вместе с Н. Рюминым был Ф. Богатырчук. Однако последующие четыре путевки завоевала молодежь — В. Алаторцев, Г. Лисицын, В. Рагозин и В. Чеховер.

Важность, которая придавалась Второму Московскому международному турниру, подчеркивало то, что его почетным председателем был секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе, но все организационные проблемы легли на плечи председателя Оргкомитета Крыленко и ответственного секретаря Оргкомитета В. Еремеева.

Учитывая большой интерес москвичей, да и не только москвичей, предстояло выбрать такое помещение, которое вмещало бы достаточно большое число зрителей и в тоже время было удобно для участников.

Остановились на Музее изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. Пушкина). Было что-то символичное в том, что лучшие представители шахматного искусства творят среди произведений великих мастеров живописи

и скульптуры прошлого.

Правда, с первым туром произошел конфуз: зрителей пришло свыше четырех тысяч, и порядка было мало. Однако вскоре все наладилось. Уже в первом туре случились две сенсации — Ботвинник в 12 ходов победил Шпильмана, попавшего на дебютную заготовку, а Капабланка на 30-м ходу просрочил время в проигранной позиции против Рюмина. Тот вообще выиграл первые три партии, но затем в лидеры вышел Ботвинник, набравший в семи турах шесть с половиной очков. В дальнейшем борьба за победу в турнире шла между ним и Флором. Перед последним туром они делили первое-второе места. Флору предстояло играть с Алаторцевым, Ботвиннику с Рабиновичем. А теперь предоставим слово Ботвиннику:

«Стук в дверь, и входит Николай Васильевич Крыленко.

- Что скажете,— спрашивает он,— если Рабинович вам проиграет?

Если пойму, что мне дарят очко, то сам подставлю фигуру и тут же сдам партию...

Крыленко посмотрел на меня с явным дружелюбием:

- Но что же делать?

—Думаю, что Флор сам предложит обе партии закончить миром: ведь нечто подобное он сделал во время нашего матча...

Я хитро усмехнулся.

- К тому же он может бояться, что Рабинович мне "сплавит" партию.

Тут же заходит С. Вайнштейн: Флор предлагает две ничьи.

Крыленко просиял. Рабинович дал согласие, но Алаторцев уперся — решил поиграть на выигрыш. Посоветовались с Флором.

Пусть играет. Будет ничья...

Началась игра. Несмотря на запрещение Крыленко, я первый предлагаю ничью. Задача Флора была сложной, так как Алаторцев все же умудрился попасть в трудное положение, но честный Флор сделал ничью».

Насчет этических проблем, связанных с предварительным соглашением на ничью в последнем туре, мы еще поговорим специально в дальнейшем, а сейчас вернемся к турниру. Третьим был экс-чемпион мира Эм. Ласкер. Старейший участник турнира (ему было уже 67 лет) не проиграл ни одной партии и победил своего старого соперника Капабланку. Последний оказался только на четвертом месте. Пятым был Шпильман, а 6—7-е места поделили Кан и Левенфиш. В первой десятке, вместе с Лилиенталем, оказались Рагозин и Романовский. Первый из них получил специальный приз за лучший результат против иностранцев — 6 очков из 8. Самое же важное, что в отличие от

турнира 1925 года советские участники в сумме набрали более 50% очков. Всего на пол-очка, но более.

За этот успех Ботвиннику было присвоено звание гроссмейстера, а нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе премировал его легковой машиной: «за умелое сочетание технической учебы с мастерством шахматной игры», как было сказано в постановлении. В то время Ботвинник уже был аспирантом Политехнического института.

Турнир исключительно широко освещался в средствах массовой информации. Газеты печатали подробные отчеты о каждом туре, о результатах сообщалось по радио. И неудивительно, что шахматы тогда привлекли многих московских школьников. Среди них был и я, ученик 6-го класса. Сыграв в школьном турнире, я получил начальную, пятую категорию, и был счастлив, получив квалификационный билет.

Ласкер вместе с женой прибыл в Москву из Лондона, где он проживал в скромном пансионе. После прихода нацистов к власти в Германии он был вынужден покинуть родину, бросив все — квартиру, дачу, сбережения. Ласкер обратился к Крыленко с просьбой разрешить ему переехать в Москву. Во время турнира этот вопрос был решен. В центре города ему предоставили отдельную квартиру. С. Флор и А. Лилиенталь нашли в Москве подруг жизни и тоже остались жить в Москве.

Вскоре по окончании турнира произошло еще одно важное событие — начала регулярно выходить (один раз в 5 дней) шахматно-шашечная газета «64», в которой широко освещалась шахматная жизнь страны.

Следующий международный турнир пришлось ждать недолго. Как рассказывал Ботвинник, в начале 1936 года он написал Крыленко письмо, в котором, проанализировав итоги соревнования 1935 года, предложил провести в Москве новый турнир.

Как он объяснял, в 1935 году играли и сильные гроссмейстеры, и мастера, уступающие им в классе, и по итогам этого соревнования трудно судить о подлинной силе каждого участника. Иное дело турнир, где встречаются лишь сильнейшие. Поэтому Ботвинник предложил пригласить в новый турнир пять сильнейших иностранцев и отобрать пять лучших советских мастеров. Он утверждал, что это будет настоящей проверкой и хорошей тренировкой.

Однако здесь возникала проблема — как отобрать эту пятерку. Конечно, наиболее справедливым было бы устроить специальный отборочный турнир, однако, видимо, посчитали, что времени для него нет, и пошли по пути персональных

приглашений. Советскими участниками стали Ботвинник, Кан, Левенфиш, Рагозин и Рюмин. Первые четверо — согласно результатам турнира 1935 года. Последний, по-видимому, как чемпион Москвы.

Конечно, были и недовольные этим решением. В первую очередь Романовский, разделивший 9—10-е места с Рагозиным. Был недоволен сильнейший мастер Украины Богатырчук, много позднее писавший, что его не пригласили из-за того, что он систематически обыгрывает Ботвинника. Выражал недовольство и Алаторцев — второй призер чемпионата страны 1933 года. Он даже спрашивал Крыленко, почему его не пригласили, и, как рассказывала его жена, получил ответ: будто бы Ботвинник заявил — «Если пригласят Алаторцева, я играть не буду!»

Из иностранцев вновь пригласили Капабланку, Ласкера, Флора и Лилиенталя. Хотели добавить хотя бы одного из молодых американцев, но Фаин и Решевский отказались от участия из-за того, что сроки турнира почти совпадали с чемпионатом США. И вместо них добавили Э. Элисказеса, сильнейшего шахматиста Австрии.

На этот раз соревнование, проходило в Колонном зале Дома Союзов. Игра продолжалась 7 часов, с одним часовым перерывом. После первой половины турнира лидировал Капабланка, а преследующие его Ботвинник, Ласкер и Рагозин отставали на полтора очка. Во втором круге Ботвиннику удалось сократить разрыв до пол-очка перед последним туром. Однако после финиша разрыв между ним составил очко. Третьим был Флор, отставший от второго призера на два с половиной очка. Четвертым стал Лилиенталь, а пятым — Рагозин. Лишь шестое место занял заметно сдавший к концу соревнования Ласкер. Турнир проходил в июне. В Москве стояла сильная жара, кондиционеров тогда еще не было, и от жары страдали и сами участники, и многочисленные зрители.

Подводя итоги турнира, Ботвинник писал:

«На сей раз советские участники сыграли лучше, чем в 1935 году,— зарубежные участники не продемонстрировали очевидного перевеса, а испытание было серьезным. Цель соревнований была достигнута — появилась уверенность в силе советских мастеров, можно было с надеждой взирать в будущее...»

Строго говоря, оценку Ботвинника можно принять лишь с большой натяжкой. В отличие от предыдущего турнира советские участники проиграли матч иностранцам со счетом 43 : 47, то есть набрали менее 50% очков. Из наших шахматистов своим результатом могли быть довольны лишь двое: Ботвинник, опередивший своего уже постоянного конкурента С. Флора, и

Рагозин, вошедший в первую пятерку. Остальное трио, разделившее вместе с Элисказесом 7-10-е места, вряд ли было удовлетворено итогами турнира. Однако для Ботвинника уже стало привычным, говоря «Мы — советские участники», подразумевать фактически только себя.

Вот Капабланка, несомненно, был доволен: он не только завоевал первый приз, но наконец-то опередил своего старого конкурента Ласкера. На радостях экс-чемпион мира совершил большую гастрольную поездку по Украине, посетив Киев, Днепропетровск, Одессу и Харьков, причем первый раз в своей жизни летал на самолете. Перед этим он прямо на аэродроме попросил листок бумаги и... написал завещание.

Позднее, вернувшись в Нью-Йорк, Капабланка рассказывал своей жене Ольге, по происхождению русской, что на одном из туров в Москве побывал сам Сталин. Он будто бы сидел за занавеской, но экс-чемпион с ним встретился и разговаривал. Впрочем, других свидетельств о посещении Иосифом Виссарионовичем турнира нет.

В 1936 году Ботвинника ждало новое испытание. Еще в начале года он получил приглашение на крупный международный турнир в Ноттингеме, в который наряду с четырьмя англичанами были приглашены все сильнейшие шахматисты мира — чемпион мира М. Эйве, три экс-чемпиона — Алехин, Капабланка и Ласкер, а также Флор, Файн, Решевский, Боголюбов, Видмар и Тартаковер. Крыленко добился разрешения на поездку и отправил в Англию положительный ответ.

- Николай Васильевич, может быть, можно послать со мной жену? — обратился Ботвинник к Крыленко. Тот видел: когда жена Ботвинника появилась в Москве на последних турах, его игра значительно улучшилась.

Однако в то время выезд за границу был исключительным событием, а с женой тем более. Подобные вопросы решались на самом верху. Однако при помощи Крыленко проблема была решена.

В Ноттингеме долгое время лидировал чемпион мира Эйве, а Ботвинник его преследовал. Как рассказывает Ботвинник, в свободный день перед одним из туров к нему в номер зашел Ласкер.

- Я сейчас живу в Москве — заявил он,— и как представитель Советского Союза, считаю своим долгом играть завтра на выигрыш против Эйве, поскольку играю белыми...

В Ноттингеме Ласкер выступал не слишком успешно: возраст давал себя знать.

- Что вы, что вы! — Ботвинник даже замахал руками и

добавил: — Милый доктор, если вы сделаете ничью, это будет хорошо.

Ласкер облегченно вздохнул:

- Ну это дело простое.

И, пожав Ботвиннику руку, Ласкер удалился.

А на следующие день экс-чемпиону мира удалось победить Эйве и сильно помочь не только нашему гроссмейстеру, но и Капабланке. К последнему туру они оба вышли в лидеры. Хотя Ботвинник играл с несильным англичанином Винтером, а Капабланка с Боголюбовым, обе встречи завершились ничьей.

За выступлением Ботвинника в Ноттингеме следила вся страна. Он еще раз доказал, что является одним из сильнейших шахматистов мира. Ведь позади него были и Эйве, и Алехин, и Ласкер, и молодые американцы Решевский и Файн. Турнир примечателен еще тем, что четыре участвовавшие в соревновании англичанина сыграли все партии между собой вничью и при этом заняли четыре последних места.

Советская пропагандистская машина использовала выдающийся успех Ботвинника «на всю катушку».

Сначала в печати появилось письмо Ботвинника Сталину. В Центральный Комитет ВКП(б) Товарищу Сталину

Дорогой, родной, любимый наш учитель и руководитель!

С сознанием величайшей ответственности ехал я на международный шахматный турнир в Ноттингем отстаивать честь советского шахматного искусства в наиболее ответственном из шахматных состязаний, которые знал шахматный мир за последние годы.

Горячее желание поддержать честь советского шахматного мастерства заставляла меня вкладывать в игру все силы, все знания , всю свою энергию.

Я бесконечно рад тому, что могу доложить: представитель советского шахматного искусства разделил в турнире первое место вместе с бывшим чемпионом мира Капабланкой.

Это могло произойти лишь потому, что я чувствовал за собой поддержку всей моей страны, заботу нашего правительства и нашей партии и прежде всего ту повседневную заботу, которую проявляли и проявляете Вы, наш великий руководитель и вождь, чтобы поднять на неслыханную высоту нашу великую родину и выпестовать из нас, представителей советской молодежи, здоровую, радостную смену во всех областях нашего социалистического строительства. Одушевленный данным Вами великим лозунгом «догнать и перегнать», я рад, что смог реализовать его хотя бы на том маленьком участке, бороться на котором мне доверила наша страна.

Михаил Ботвинник Лондон, 29.VIII.36 г.

Много позднее Ботвинник отрицал, что он сам писал это письмо. Вот что он рассказывал:

«Николай Васильевич принимал меня чрезвычайно довольный, подробно расспрашивал о турнире.

Ваше письмо товарищу Сталину мы направили на дачу, и сразу же была наложена резолюция: "В печать",— сказал Крыленко. Собственно все это он и организовал. Тогда все писали письма Сталину о своих достижениях. Крыленко меня изучил вполне и понимал, что по скромности сам я писать не буду, а отсутствие письма может нанести ущерб шахматам. Еще когда я был в Лондоне, меня вызвал к телефону Д. Гинзбург, сотрудник «64».

Мы получили ваше письмо,— сказал он.— Но все же, может, у вас есть какие-либо исправления, и поэтому я вам его прочту...

Я, конечно, смекнул, в чем дело, выслушал письмо и сказал, что все правильно, дополнять и изменять нечего. Тогда письмо и было направлено Сталину».

Главная партийная газета страны «Правда» победе Ботвинника посвятила передовую статью. В ней, в частности, говорилось: «СССР становится классической страной шахмат. Знаменитые шахматные мастера Западной Европы и Америки с изумлением и завистью смотрят на рост нашей шахматной культуры. Ничего похожего нет в их странах. Никто не может соперничать с нашей страной в развитии шахматного движения».

Насчет «изумления и зависти» можно сомневаться, но в основном эти утверждения были правильны. И объяснялись наши успехи следующим образом: «Единство чувств и воли всей страны, огромное влияние и забота о людях советской власти, Коммунистической партии и прежде всего товарища Сталина — вот первоисточники побед советской страны...»

Возвращение Ботвинника было обставлено с большой помпой. Уже на границе, в Негорелом, его встречали журналисты и репортеры, в Минске, на вокзале, его приветствовала большая толпа любителей шахмат, а в Москве, на площади Белорусского вокзала, состоялся митинг.

Постановлением ЦИК Союза ССР Ботвинник был награжден орденом «Знак Почета» «за выдающиеся достижения в области шахматного искусства».

А теперь снова предоставим слово самому Ботвиннику:

«В те времена ордена вручались на заседании Президиума ЦИК СССР. М. И. Калинин был в отпуске, и председательствовал А. Червяков. Сначала он поздравил большую группу военных и вручил им ордена. В это время за столом президиума появился Н. Крыленко, и подошла моя очередь. Председательствующий стал

говорить обо мне, объяснять, почему правительство решило отметить мои достижения, и заявил:

— Ботвинник награждается орденом потому, что его успех в Ноттингеме способствует...— тут он запнулся, но заключил: — делу социалистической революции.

Вот это была похвала!»

Так Михаил Ботвинник встал в первые ряды героев того времени. Таких, как летчик Валерий Чкалов, как шахтер Алексей Стаханов, как скрипач Давид Ойстрах.

В чем сумбур?

В начале 1936 года в № 3 журнала «Шахматы в СССР», в котором, кстати, сообщалось о предстоящем III Московском международном турнире, появилась резкая критическая статья «Сумбур в композиции». Ее авторами были ответственный редактор журнала Л. Спокойный — профессор, преподававший философию, и М. Ботвинник, после турнира 1935 года ставший чрезвычайно популярным в стране и пользовавшийся огромным авторитетом. Уже в самом названии статьи нетрудно увидеть желание авторов провести аналогию с разгромным материалом «Сумбур вместо музыки», опубликованном ранее в «Правде»: это была жестокая критика и обвинения в формализме выдающегося композитора XX века Дмитрия Шостаковича.

«...Давно наступило время,— заявляют авторы,— пересмотреть идеологические позиции наших композиторов и указать им на их заблуждения и ошибки. Вначале целесообразно заняться этим шахматистам-практикам...» Соглашаясь с тем, что композиция — родная сестра практической партии, авторы далее патетически вопрошают — «так кому же, как не брату поучать родную сестру, если она сбилась с правильного пути». «Основное в шахматах — практическая игра»,— безапелляционно утверждают они. «Все остальное: теория дебютов, задача, этюд играют подчиненную роль и нам нужны лишь поскольку, поскольку они помогают развитию практической игры».

Определив свое весьма утилитарное понимание задачи и этюда, авторы немедленно «берут быка за рога»: «Все современное течение в композиции, в первую очередь в двухходовке, которая с исключительным вниманием насаждается советскими композиторами, может быть определено двумя словами — формалистическое трюкачество».

Заканчивалась статья вполне в духе того времени: «...формализму в задачной композиции должна быть объявлена беспощадная борьба, как это сделано уже на фронте искусства».

Если мы углубимся в историю шахмат, то увидим, что, например, этюды появились, как только шахматисты стали записывать и собирать интересные случившиеся в партиях позиции. Первые известные нам этюды датируются IX веком. Что же касается задач, где условием является мат в определенное число ходов, то они появились значительно позже, только в XIII веке. Появление таких условных задач уже означало отход от практики. Тогда же появились условные задачи и другого рода, где мат нужно было дать или определенной фигурой, или на

заранее заданном поле. Наконец, родились задачи на обратный мат, противоречащие самому смыслу игры: в них нужно было заставить противника дать мат.

Уже тогда шахматная композиция вышла на самостоятельный путь и развивалась далее, иногда приближаясь к практической игре, а иногда отдаляясь. Вот это отдаление от практики Спокойный и Ботвинник обозвали формализмом и призвали к крестовому походу против него.

Композиторы попытались защищаться. Вскоре в том же журнале был напечатан ответ известного проблемиста М. Барулина. Его статья называлась «Сумбур в мыслях», в ней он пытался отстаивать самостоятельный путь задачной композиции.

Рядом был опубликована краткая реплика Спокойного и Ботвинника. Она начиналась словами, что читатели сами разберутся, где же сумбур — в композиции или в мыслях авторов, — а заканчивался неприкрытой угрозой:

«Если т. Барулин мнит свою задачную деятельность абсолютно автономной и самодовлеющей, то тем хуже не для массового шахматного движения и не для композиции, которая будет развиваться именно по линии связи с шахматной партией, тем хуже для т. Барулина и ему подобных композиторов, неизвестно кому нужных. Теория искусства для искусства в СССР решительно осуждена и нашим задачным композиторам это хорошо известно. Мы полагаем, что Исполбюро Всесоюзной шахсекции скажет по этим вопросам свое веское слово, которое определит дальнейшее развитие нашей этюдной и задачной композиции».

И «веское» слово было сказано: «Считать необходимым перестроить работу советской шахматной композиции таким образом,— говорилось в постановлении Исполбюро,— чтобы она при наличии свободы идейного творчества протекала в общих рамках шахматного реализма и тесной связи с практической шахматной партией».

«От советских композиторов требуется только одно — составлять такие задачи, которые были бы по-настоящему интересны, то есть оригинальны, трудны и богаты шахматным содержанием. Такие задачи нужны шахматным массам».

«С трюкачеством, безыдейностью и пренебрежением к запросам шахматных масс должно быть раз и навсегда покончено».

Решение Исполбюро было опубликовано в № 3 журнала «Шахматы в СССР» за 1937 год, когда волна репрессий и показательных процессов, начатых после убийства Кирова, достигла своей кульминации. Еще ранее, в № 8 журнала за 1936

год, в том самом, где на первой странице было опубликовано письмо Ботвинника Сталину, рядом соседствовала передовая статья с угрожающим названием «Трепещите, враги народа». Она была посвящена процессу над троцкистами и начиналась следующими словами:

«Свершилось правосудие: разящий меч революции отсек голову мерзкой гадине контрреволюционного терроризма. Уничтожена главная шайка растленных мерзавцев, мечтавшая задержать бег истории...» А далее звучала неприкрытая угроза:

«Подобное отребье контрреволюции будет выявлено до конца! От могучего гнева сталинской семьи народов не укроется ни один опричник троцкизма. И горе тем, кто в сердце своем затаил подлость измены, кто продолжает копить злобу против победного шествия социализма».

Весьма знаменательно, что начиная с этого номера журнала исчезла фамилия его ответственного редактора Спокойного. Он оказался троцкистом и был репрессирован. Стоит добавить, что в последнем номере журнала за 1936 год отсутствует указатель, рассказывающий о содержании журнала за год. Видимо, редакция получила указание не упоминать имени Спокойного.

Мне думалось, что Ботвинник должен был стыдиться потом своей статьи, во всяком случае, ее безапелляционного уничтожающего тона. Ан нет! Он ее привел в своем четырехтомнике, выпущенном в 1987 году, правда, сопроводив небольшим предисловием:

«Статья "Сумбур в композиции" написана вместе с профессором Л. Ф. Спокойным. Он преподавал философию, был тогда редактором журнала "Шахматы в СССР", однако шахматистом слабым. Поэтому шахматную часть статьи писал я, идеологическую — Спокойный. Вследствие этого читатель найдет здесь то, чего в других моих статьях нет. Уже даже название имело "политическую" окраску: незадолго до этого в "Правде" была опубликована статья "Сумбур вместо музыки" с малооправданной критикой в адрес великого нашего музыканта Д. Шостаковича. Впрочем, должен оговориться, что критика в обсуждаемой статье о композиции и сейчас представляется мне вполне принципиальной и обоснованной.

Единственное, что я сейчас уже не могу принять,— отрицательное отношение к задачной композиции. Хотя задачи в известной степени независимы от практической игры, они несомненно способствуют популярности шахмат».

Заметим, что популярности шахмат способствуют любые задачи, независимо от того, близки они к практике или нет. Главное, чтобы они привлекли внимание решателей,

заинтересовали, заставили бы поломать голову над их решением.

В этой книге к композиции нам придется возвращаться еще не раз. Как мы уже говорили, казалось бы, такая далекая от политики область шахмат в нашей стране оказалась на арене ожесточенной, можно сказать, даже классовой борьбы. Так уже в следующем году было обнаружено, что в издававшемся в фашистской Германии журнале по композиции «Die Schwalbe» («Ласточка») напечатаны оригинальные задачи трех советских авторов Р. Александрова, А. Ротиняна и Р. Кофмана. Немедленно последовали оргвыводы — Александрова и Ротиняна вывели из состава ленинградской комиссии по композиции и исключили из шахматной организации страны. Кофмана, пославшего свою задачу два года назад и больше с немецким журналом не сотрудничавшего, на полгода дисквалифицировали. Р. Александрова также уволили с поста редактора отдела журнала «Шахматы в СССР».

Специальным постановлением Исполбюро шахсекции был также установлен строгий порядок — отныне задачи и этюды в иностранные журналы надлежало направлять в централизованном порядке — исключительно через редакцию газеты «64».

Верховный главнокомандующий

Я уже рассказывал, что на третьем всесоюзном съезде в 1924 году заместитель народного комиссара юстиции Н. В. Крыленко был избран председателем Исполбюро шахсекции при ВСФК. Как и почему это произошло?

Дело в том, что в те годы референтом Крыленко был некий М. М. Греков — большой любитель шахмат. Узнав об этом, Крыленко стал приезжать на работу намного раньше, чем нужно, чтобы успеть сыграть с ним хотя бы одну партию.

Однажды Греков привел его в клуб госслужащих, место встречи сильнейших шахматистов Москвы. После этого Крыленко стал регулярно посещать шахматный кружок этого клуба, принял там участие в турнирах, но, самое важное, познакомился с Н. Григорьевым, В. Ненароковым, В. Блюменфельдом, А. Рабиновичем и другими, стал широко известен в московских шахматных кругах.

Когда возник вопрос о создании новой шахматной организации, члены кружка обратились к Крыленко с просьбой возглавить организационный комитет по созыву третьего объединительного съезда. Более авторитетную фигуру трудно было тогда найти. Соратник Ленина, профессиональный революционер, принимавший активное участие в Октябрьской революции, первый Верховный главнокомандующий Российской армии! И в последующие годы Крыленко занимал высокие и ответственные посты — был председателем Верховного трибунала, прокурором РСФСР.

Персонально Крыленко в заслугу может быть поставлено проведение трех крупных международных турниров, 1925, 1935 и 1936 годов. Средства на проведение этих дорогостоящих мероприятий мог достать только он.

С его помощью в 1924 году был открыт журнал с красноречивым названием «64. Шахматы и шашки в рабочем клубе». Журнал долго не окупался и продолжал существовать только благодаря Крыленко. Однако, будучи политиком, фанатично преданным марксизму-ленинизму, Крыленко не мог не политизировать шахматы. Это стало той ценой, которую заплатили шахматы за государственную и профсоюзную поддержку.

Весьма примечательно, что организаторы массовых соревнований стали обращать внимание на социальный состав участников. Так в итогах массовых турниров, проведенных в начале 1929 года редакцией «Комсомольской правды» совместно

с МК ВЛКСМ, специально отмечалось, что в них приняло участие 57% рабочих, 17% служащих, 26% учащихся. Из них 55% беспартийных и 45% партийных.

По этому поводу Крыленко писал:

«Эти цифры чрезвычайно характерны в том отношении, что представляют собой безусловно новый этап нашего шахматно-шашечного движения. Никто не может после этого говорить о том, что остался пустым, неосуществленным лозунг, данный нами еще в 1924 г. на заре нашего организованного шахматно-шашечного движения: "Дорога шахматам в рабочую среду, шахматы — в рабочую массу"».

Однако политизация шахмат нравилась далеко не всем. И когда «Шахматный листок» в том же 1929 году разослал читателям анкету, в которой среди других был вопрос: «Чем вы объясняете снижение тиража журнала?», то были получены следующие ответы:

«Шахматы для шахмат,— пишет один читатель,— статьи Крыленко и его подпевал вносят распад и раскол в среду организации и сулят гибель дела, а не расцвет. Примечание к статье Кмоха о матче (речь идет о матче Алехин — Боголюбов на первенство мира.— *Ю. А.*), что Алехин и Боголюбов для нас антиобщественники, не способствуют успеху "Шахматного листка"». Другой читатель предлагает: «...Избавить читателей от глупых статей Крыленко, зря занимающих место». Третий отмечает: «Журнал не политический, а шахматный, поэтому должен касаться только шахмат». Четвертый констатирует: «Много ненужной и бесполезной политики, ничего общего с шахматами не имеющей».

Любопытен следующий ответ: «Как шахматист-любитель, я требую от своего журнала большего углубления в шахматы: о политике я могу читать в газетах и других журналах».

В ответ на вопрос: «Какие новые отделы вы считаете нужным открыть в журнале?», один из читателей отвечает: «Взамен революционного, возглавляемого товарищем Крыленко, усилить отдел шахматных партий». Или еще один ответ: «Желательно статьи Крыленко видеть не в "Шахматном листке", а в других журналах, больше содержанию статей соответствующих».

Подобных отзывов, видимо, было немало. И это вызвало появление в «Шахматном листке» большой (4 полосы) и гневной передовой самого Крыленко, к тому времени ставшего прокурором РСФСР, под названием «Еще о политике в шахматах». Чисто по-прокурорски он отметил, что только анонимным характером анкеты можно объяснить эту своеобразную политическую «смелость» отвечающих. «Пламенный трибун

революции», как иногда называли Крыленко, немедленно дает политическую оценку подобным ответам:

«...Эти люди, вопящие теперь против политики, на самом деле тем самым творят политику, только политику иную, чем та, которую творим мы, политику враждебную нам и враждебную трудящимся массам».

А отсюда вытекает финальный абзац статьи:

«Исполбюро будет еще с большей резкостью подчеркивать политические моменты в своем руководстве, еще более резко проводить лозунг Шахматы — орудие политики. С этого момента, — снова по-прокурорски угрожающе заключает Крыленко,— сторонники лозунга Шахматы вне политики — наши враги».

В статье Крыленко говорится и о судьбе журнала «Шахматы», с 1922 года издававшегося шахматистом, литератором и историком Н. И. Грековым. Отметив ряд достоинств журнала — академизм, теоретическую ценность помещаемых в нем комментариев к партиям и статей, он называет и его основной недостаток — «журнал принципиально аполитичен, за все время в нем не было помещено ни одной политической статьи». И тут в Крыленко снова проснулся прокурор: «Для той категории политиков, о которой мы писали выше, этот журнал был находкой — он объективно был центром, вокруг которого они группировались, он был их политическим знаменем. И недаром же в ряде анкет пишут о том, что если политика будет занимать место в "Шахматном листке", они уйдут в "Шахматы". Мы можем их разочаровать. "Шахматы" больше существовать не будут!», не без злорадства отвечает Крыленко.

Казалось, после всего сказанного об этом журнале критике будет подвергнут его издатель — редактор Греков. Однако здесь неожиданно у Крыленко проявляются человеческие нотки. Он заявляет, что не считает нужным проявлять по отношению к Грекову какие-либо репрессивные меры. «Н. И. Грекова мы не хотим заподозрить в каком бы то ни было отношении, он — достаточно известная фигура в шахматной среде, и данных, которые бросили бы на него какую-либо тень с какой-либо стороны, у нас нет». Крыленко даже предложил трудоустроить Николая Ивановича...

Здесь стоит остановиться на экономическом положении страны. После отмены НЭПа и начала коллективизации, а затем и индустриализации оно значительно ухудшилось. Проводимые с кавалерийским наскоком преобразования шли с трудом, вызывая недовольство самых различных слоев населения. И чтобы исключить всяческое сопротивление, в конце 20-х — начале 30-х годов И. Сталин, ставший фактически единоличным диктатором,

проводит один за другим ряд громких политических процессов — «Шахтинское дело», «Промпартии», «Крестьянской партии» и меньшевиков. На всех этих процессах государственным обвинителем выступает Крыленко. У процессов есть и другая цель — свалить вину за неудачи на капиталистическое окружение, остатки недобитых классовых врагов, «вредителей» и политических противников. С этой точки зрения «меньшевики» явились идеальной мишенью. Среди тех, кто попал на скамью подсудимых, оказался проблемист с мировым именем Л. Б. Залкинд, руководитель Всесоюзного объединения любителей задач и этюдов. О судьбе Льва Борисовича Залкинда и о положении дел с композицией мы уже рассказывали раньше. Отметим только, что по отношению к собрату-шахматисту Крыленко на процессе не проявил ни малейшего снисхождения. Для фанатика-коммуниста он был политическим врагом и, значит, заслуживал самого сурового наказания. Ему впаяли 8 лет лагерей.

Дело меньшевиков было последним процессом, на котором Крыленко выступал в качестве государственного обвинителя. В 1931 году его назначили народным комиссаром юстиции РСФСР, освободив от обязанностей прокурора. То ли Сталину не нравилась его прямолинейность и отсутствие гибкости, то ли самому Крыленко хотелось освободиться от этой работы. Будучи наркомом юстиции, он занимался вопросами так называемой «социалистической законности». Как написано в энциклопедическом справочнике «СССР» издания 1979 года — «Один из первых руководителей советской юстиции Крыленко дал правильную марксистскую трактовку права, его материальной обусловленности, классовой сущности, назначения». Однако там не написано, что он поддерживал постулат Вышинского, гласящий: «Для признания обвиняемого виновным в измене Родине, шпионаже и диверсии, в любом контрреволюционном преступлении никаких доказательств не требуется. Достаточно одного признания вины самим обвиняемым». А как мы знаем, признания выколачивались любыми способами, в том числе истязаниями и пытками. «На органах юстиции,— писал Крыленко в 1935 году,— лежит задача предвидеть все возможные вылазки классового врага, умело распознать их и направить против врага мощное оружие репрессий, которое дано им в руки». Несмотря на то, что Крыленко не раз демонстрировал свою лояльность сталинскому режиму, его звезда начинает закатываться. Так на XVII съезде партии (1934 г.) его не выбрали в ЦК. Это был тревожный сигнал.

Осенью 1935 года я впервые посетил Московский шахматный

клуб, который находился тогда на Ильинке, в помещении Народного комиссариата юстиции. Там в первый и единственный раз я увидел Крыленко, который, переходя от стола к столу, наблюдал за игравшимися партиями. Он оказался небольшого роста, с бритой, гладкой как бильярдный шар большой головой. На нем был темно-синий френч, а на ногах сапоги. Меня поразили его глаза, большие, с красноватым оттенком. Много позднее я понял, что это были глаза систематически не высыпавшегося человека.

И было от чего! В конце 1934 года убили С. М. Кирова, и Наркомат юстиции готовил показательные процессы троцкистов и бухаринцев. Крыленко оставался одним из немногих уцелевших соратников Ленина. Понимал ли он, что и над ним нависает разящий меч сталинского правосудия? В начале 1938 года в «Правде» появилась карикатура — лобастый человек, в котором легко можно было узнать руководителя советских шахмат, в альпинистском снаряжении, с ледорубом в руке, сидя на пеньке, играет в шахматы. Как известно, Крыленко, кроме шахмат, активно занимался альпинизмом, сам совершал высокогорные восхождения. Из газеты можно было узнать, что работа Наркомюста подвергнута на сессии Верховного Совета страны самой жесткой критике. И когда был опубликован новый состав правительства, Крыленко в нем уже не оказалось. А 4-й номер газеты «64» от 20 января не содержал ни одного слова о шахматах. Он целиком был посвящен итогам сессии Верховного Совета СССР и решениям очередного Пленума ЦК ВКП(б). Постановление Пленума называлось так: «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям: исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». В этом решении говорилось, что еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии».

Этот номер еще был подписан Крыленко как ответственным редактором, но уже через два номера его фамилия исчезает и заменяется обтекаемым словом «редколлегия». Тогда же в Москве среди шахматистов пронесся слух, что Крыленко арестован.

В воспоминаниях В. Иванова-Разумника («Тюрьма и ссылки», Нью-Йорк, 1953 г.) упоминается что он сидел с Крыленко в одной камере в Бутырках, и место руководителя советских шахмат было под нарами.

Историк А. Антонов-Овсеенко так рассказывает о последних днях Крыленко: «Пять дней он сдавал дела див-воен-юристу Н. М. Рычкову, работавшему до этого в бригаде Ульриха. Потом Крыленко уехал на дачу.

Неожиданный звонок из Кремля, голос Сталина: "Слушай, Николай Васильевич, ты не расстраивайся. Мы тебе доверяем. Продолжай порученную тебе работу над новым кодексом".

В ту же ночь группа оперативников НКВД окружила дачу и арестовала бывшего наркома. Опирался ли Сталин в этом случае на революционное правосознание, теперь уже не установить. Но Крыленко он уничтожил. Николая Васильевича застрелил в подвале на улице 25 Октября лично Ульрих».

Остается добавить, что В. Ульрих был одним из самых кровавых палачей Сталина, председателем Военной коллегии Верховного суда страны.

Со смертью Крыленко шахматы лишились не только авторитетного руководителя, но и могущественного покровителя. Московский шахматный клуб немедленно был выдворен из помещения, принадлежащего прокуратуре. На стадион Юных пионеров был переведен с Арбата клуб шахматно-шашечного мастерства ВЦСПС. Издательство «Физкультура и спорт» уменьшило число выпускаемой по шахматам литературы. Да и спорткомитеты стали сокращать число шахматных инструкторов. Наконец, еще позднее, в «Правде» появился фельетон «Голос пинг-понга», в котором содержались нападки на газету «64» и на шахматистов. Впрочем, эта атака на шахматы не носила долгосрочного характера и не нанесла шахматному движению существенного вреда.

Имя Крыленко, первого руководителя советских шахмат, надолго исчезло из шахматной печати, а книга «Матч Ботвинник — Флор» с портретом Крыленко и его предисловием была изъята из библиотек. И лишь во времена Хрущева после XX съезда КПСС он был реабилитирован.

Большой террор

Наступил 1937 год. Сталин публично заявил, что жить стало лучше, жить стало веселее. Действительно, жить стало немного лучше — были отменены карточки, в магазинах можно было купить некоторые продукты. В Москве произошло большое событие — открылась первая линия метро. А вот с весельем дело обстояло хуже: вокруг один за другим начали исчезать люди.

Самое страшное — пропал и мой отец. Он служил бракером в тресте Экспортлес, большую часть года проводил в командировках на лесоразработках, то в Котласе, Архангельской области, то в Юрьевце и Кинешме на Волге, то в Тейкове Ивановской области. В его обязанности входил отбор древесины для производства целлюлозы. В Экспортлесе скопом посадили все руководство: они были связаны с заграницей, поэтому их обвинили в шпионаже. Заодно замели и всех остальных...

Забегая несколько вперед, скажу, что отцу несказанно повезло. Когда в 1938 году народного комиссара внутренних дел Н. Ежова, с помощью которого Сталин взял страну в «ежовые рукавицы», заменил Л. Берия, наступило некоторое послабление. Пленум ЦК осудил «перегибы», Ежов, как и его жертвы, исчез. А на свободу выпустили часть тех, кто еще не успел получить срок. Среди них был и мой отец.

Вспоминаю красивого стройного мальчика, с кем мы весной и в начале лета 1936 года регулярно сражались в шахматы в ЦПКиО. Звали его Юра Каменев. А потом он исчез. Навсегда...

Так получилось, что уже после войны я узнал об его несчастливой судьбе. Сын проходившего по процессу троцкистов Леонида Каменева, он после расстрела отца был выслан с матерью в Нижний Новгород. Там он иногда встречался за шахматной доской с другим московским школьником, приехавшим в Нижний к тетке на летние каникулы. Тот мне и рассказал, что произошло далее. Однажды к его тетке прибежала Юрина мать и со слезами умоляла, чтобы та разрешила ее сыну хотя бы неделю у нее пожить. Однако, опасаясь за свою участь, тетка отказала. Л когда через несколько дней этот мальчик отправился к Юре, то ни его, ни его матери там уже не оказалось...

Совсем недавно я узнал, что мать Юры, сестра *Л.* Троцкого, была расстреляна в 1941 году в Орле, а Юра умер от тифа в лагере.

В разгар репрессий Сталин заявил, что сын за отца не отвечает, но карательные органы чаще придерживались другой

поговорки — «яблоко от яблони недалеко падает».

Вспоминаю, что много позже, когда я уже учился в МВТУ им. Баумана, одному из окончивших студентов выдали характеристику, в которой были такие слова: «Своевременно сообщил в деканат, что его отец арестован как "враг народа"».

В моем архиве до сих пор хранится текст неоконченной партии, начатой в том же злосчастном 1937 году. Белые Юрий Авербах. Черные — Борис Эмиль Август Джоунопатеро. То была партия по переписке. Черными играл калужский шахматист Борис Швайковский, молодой человек лет на десять меня старше. Не знаю, почему он выбрал столь странный псевдоним.

Было только известно, что Борис увлекается эсперанто и ведет оживленную переписку с заграницей.

Наша партия длилась недолго — всего десять ходов. А затем письма от него приходить перестали. Позднее я узнал, что Борис был арестован и исчез...

Весной 1936 года, в течение нескольких вечеров, в шахматном клубе стадиона Юных пионеров проходил конкурс решений задач и этюдов, привлекший много ребят. Душой и организатором этого мероприятия был проблемист Петр Муссури, молодой красавец брюнет в дымчатых очках. На подведение итогов конкурса ему удалось привести самого экс-чемпиона мира Эмануила Ј1 аскера, и я, оказавшись в числе призеров, получил первый шахматный трофей — «Учебник шахматной игры» с автографом автора. А победителем этого необычного соревнования стал будущий гроссмейстер Владимир Симагин.

Сам Муссури считался неплохим композитором. Начав заниматься составлением задач, главным образом двухходовок, он к 1936 году опубликовал 125 произведений, из которых около пятидесяти были удостоены отличий.

Звездным часом Петра Степановича как журналиста, несомненно, стал турнир в Ноттингеме. Впрочем, об этом лучше послушать непосредственного свидетеля происходившего Михаила Ботвинника.

«Вместе с П. Муссури едем в Париж. Муссури был греческим подданным, но жил в Москве, сотрудничал в газете "64" и составлял шахматные задачи. Когда в Москве Н. Крыленко получил разрешение на выпуск специального бюллетеня, посвященного турниру, надо было срочно послать корреспондента в Ноттингем. Проще всего это было сделать, послав Муссури, поскольку он был иностранцем, и вот Муссури в Ноттингеме. Работал он без устали и передавал в Москву много материала. Когда мы вместе с Капой ехали в поезде Ноттингем — Лондон, Муссури уговорил кубинца продиктовать примечания к

двум партиям».

Вернувшись в Москву, Петр Степанович выступает с лекциями, делится своими впечатлениями о турнире. Затем в журнале «Шахматы в СССР» (№ 10, 1936) появляется его очерк «Три недели в Ноттингеме». Заканчивался он так: "Мистер Муссури,— кричат мне.— Москва! К телефону". Москва! Вот где умеют ценить шахматы и шахматное мастерство!»

Мог ли он предположить, что этот его замечательный очерк станет последним?

И в Париже Муссури время даром не терял. В первом февральском номере «64» за 1937 год сообщается, что газетой французских коммунистов «Юманите» объявлен международный конкурс составления двухходовых задач, судья конкурса — П. Муссури. А в последнем номере «64» за февраль публикуются итоги конкурса составления двухходовок за 1936 год. Задача, составленная П. Муссури совместно с Л. Гугелем, отмечена первым почетным отзывом.

Дальше — тишина. Начиная с марта 1937 года фамилия Муссури напрочь исчезает со страниц шахматных изданий. Исчезает и сам Петр Степанович. Уже в 90-е годы я спросил старейшину российских композиторов А. Гуляева, что произошло с Муссури, он ответил так:

« Муссури погиб, несправедливо обвиненный в шпионаже. Я был с ним близко знаком, нас связывал общий интерес к композиции. Однако я не знал, на что и где он жил, был ли женат. Ни о чем другом, кроме шахмат, мы с ним не разговаривали.

То, что он — иностранец и что его арестовали, в 37-м году воспринималось как обычное явление...»

А ответ на свой вопрос о судьбе Муссури я нашел в газете «Вечерняя Москва» от 5 ноября 1994 года. В опубликованном там под рубрикой «Жертвы Компартии — КГБ» расстрельном списке № 30 Донского кладбища значится и Петр Степанович Муссури, 1911 года рождения, проживавший на 3-й Миусской улице, арестованный 20 марта и расстрелянный 1 августа 1937 года. Рядом в том же списке значится Миссури Анна Петровна (1888 г. р.) проживавшая по тому же адресу и арестованная в тот же день. Нет сомнения, что фамилия Анны Петровны просто искажена, и весьма вероятно, что это — мать Петра Степановича...

Не исключено, что невинная корреспондентская поездка в Англию оказалась роковой и для Муссури, и для его матери.

Репрессиям подверглись и другие советские композиторы. Был арестован и осужден как враг народа, один из братьев Платовых — Михаил, работавший инженером. Трагическая участь

ожидала и друга Ботвинника Сергея Каминера, выдающегося композитора, выросшего уже в советское время. Он был инженером-химиком, работал в тресте «Союзхиммонтаж».

Вот что рассказывает Ботвинник:

«Была осень 1937 года. Я играл в Москве матч на первенство СССР с Г. Левенфишем. Неожиданный телефонный звонок, и в номер гостиницы " Националь" является Сережа Каминер.

— Здесь, в тетради,— говорит он,— все мои этюды, некоторые еще недоработаны. Возьмите их себе. Боюсь, что у меня они пропадут.

Увы, тревога оказалась обоснованной...»

Каминер был расстрелян в 1938 году.

Уже после смерти Сталина, когда началась реабилитация всех людей, кто был незаконно репрессирован, Ботвинник известил, что тетрадь Каминера у него. И в 1981 году были, наконец, опубликованы его этюды.

В 1938 году был расстрелян один из братьев Куббелей — Арвид. Он был и прекрасным составителем задач, и мастером практической игры. Работал скромным бухгалтером. Его жене сообщили, что он осужден на десять лет без права переписки. Сейчас мы знаем, что это на самом деле означало расстрел.

И еще одна трагическая история, произошедшая далеко от Москвы, в культурном центре Сибири Томске.

Петр Измаилов в 18 лет становится чемпионом Поволжья, затем чемпионом Сибири и в 22 — первым чемпионом РСФСР. Перед ним открывается прекрасное будущее, его включают в число участников VI первенства СССР. Соревнование это проходило по трехступенчатой системе. Измаилов успешно сыграл в предварительной группе, в полуфинале разделил 1-2-е с Каном, опередив Ботвинника и победив его в личной встрече. Финальный турнир должен был состоять всего из 4 человек, однако по непонятной причине ему пришлось уехать. Тем не менее, Измайлову было присвоено звание мастера, он стал первым шахматистом обширного региона от Урала до Дальнего Востока, удостоенным этого высокого звания.

Успешно окончив Томский университет, Петр Николаевич начал работать в геологоразведочных партиях. Времени на шахматы не оставалось, поэтому редкие его выступления в турнирах уже не так успешны.

А теперь послушаем его сына, который на страницах журнала «Шахматы в СССР» (№ 1—3, 1999 г.) рассказал о горестной судьбе своего отца:

«Мать вспоминала, что в день ареста отец позвонил ей днем с работы и предупредил, чтобы не волновалась: он придет позже,

чем обычно, так как его пригласили зайти в местное НКВД, чтобы уточнить какие-то незначительные вопросы. Это был их последний разговор. Из стен НКВД он уже не вышел...»

Когда много позднее сын Измайлова познакомился с делом отца, то написал:

«Прочитанное потрясло своей абсурдностью. Он обвинялся в том, что состоял в "контрреволюционной троцкистско-фашистской террористической организации" (какой набор слов! — *Ю. А.*), возглавляемой профессором Индустриального института Галаховым, которая ставила целью свержение существующего строя и установление фашистской диктатуры, причем во главе государства организация хотела поставить не кого-нибудь, а ближайшего сподвижника Гитлера Розенберга, того самого, который после войны по решению Нюрнбергского трибунала был приговорен к смертной казни.

Организация якобы планировала убийство Сталина и его ближайших соратников. Даже поездка отца на последний турнир была представлена как попытка установить связи с аналогичной организацией в Ленинграде: он якобы участвовал там в совещании, на котором намечалось убийство Жданова».

Хотя Измаилов виновным себя не признал и в последнем слове заявил, что ни в какой контрреволюционной организации не состоял, пресловутая тройка приговорила Петра Николаевича к расстрелу. А спустя 20 лет в его деле появилась справка, выданная Военной коллегией Верховного суда СССР, в которой были такие слова:

«Приговор Военной коллегии от 28 апреля 1937 года в отношении Измайлова П. Н. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Измаилов П. Н. реабилитирован посмертно».

Где он похоронен неизвестно.

Остается добавить, что жену Измайлова на 8 лет отправили в Магадан, а двухлетнего сына поместили в ясли, из которых его потом забрала бабушка.

В том же 1937 году Эм. Ласкер выехал из Москвы в НьюЙорк. Как всегда, его сопровождала жена. Официальной причиной отъезда, как писали биографы экс-чемпиона, было желание его жены повидать детей от ее первого брака, живших в Америке. По случайности в день отъезда его посетил мастер Дуз-Хотимирский, но Ласкер не сказал ему, что уезжает. Мне кажется, что события в Москве — такие как исчезновение Муссури, с которым он был близок,— напомнили ему то, что он уже видел в Берлине в 1934 году. И Ласкер решил, пока не поздно, покинуть нашу страну.

Массовые репрессии, организованные Сталиным после убийства Кирова и достигшие своего максимума в 1937 году, оказали огромное влияние на все советское общество: возникла атмосфера всеобщей подозрительности, когда любое неосторожно сказанное слово могло быть истолковано как «антисоветская агитация и пропаганда».

Это привело к моральной деградации, к появлению метастазов наушничества и доносительства. Это особенно проявилось в 1941 году, в самом начале войны. И шахматисты не явились исключением. Так в Ленинграде был арестован и расстрелян как немецкий шпион Георгий Степанов, за год до этого получивший звание мастера. Когда в 1939 году наступил короткий период дружбы с фашистской Германией, на свою беду он вспомнил, что его отец — немец по фамилии Шнейдеман. И он поменял свою такую типичную русскую фамилию на немецкую. По делу Степанова в НКВД был вызван в качестве свидетеля Романовский. Как он впоследствии рассказывал, у следователя в руках было письмо-донос, и Романовский успел заметить, что донос написан характерным почерком одного из ленинградских шахматистов.

В то же время в Москве были арестованы сотрудники шахматных изданий — Михаил Барулин, секретарь Центральной комиссии по шахматной композиции, известный шахматный композитор, удостоенный еще в 1934 году звания мастера, и художник Юрий Юзепчук, который в течение десяти лет, с 1931-го по 1941-й, рисовал карикатуры и шаржи почти на всех ведущих шахматистов страны. Если про первого известно, что он умер в ГУЛАГЕ в 1943 году, то второй просто ушел в небытие...

Трагична судьба первого латвийского гроссмейстера Владимира Петрова, русского по национальности. Он играл в Ростовском полуфинале, когда разразилась война, и уже не мог вернуться в Ригу, так как Латвия была быстро оккупирована немецкими войсками. Приехав в Москву, он стал работать переводчиком на Всесоюзном радио. Сыграл в нескольких турнирах: в чемпионате Москвы 1941/42 года — 2-е место, в турнирах мастеров в Москве и Свердловске 1942 года — 2-е место. В том же году он был арестован, пробыл некоторое время на Лубянке. Один из его сокамерников, Альфред Мирек, написавший книгу о своем пребывании в тюрьме, рассказывал, что Петров не мог понять, за что его арестовали. Следователя особенно интересовали его контакты с Западом, ведь до 1940 года, когда Латвия «добровольно» вошла в Советский Союз, он участвовал в целом ряде крупных международных соревнований, включая также и Олимпиаду 1939 года в Буэнос-Айресе.

Особое совещание приговорило его к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1946 году его жена, оставшаяся в Риге, пыталась выяснить дальнейшую судьбу латвийского гроссмейстера. Ей ответили, что он умер по пути в ГУЛАГ. Однако в 1989 году, когда в нашей шахматной печати были опубликованы статьи о Петрове, КГБ ответило, что на самом деле он умер в Котласе в 1943 году от воспаления легких. Однако еще позже из Грузии пришло сообщение, что будто бы ссыльный гроссмейстер работал на руднике в Чиатурах. Там он и умер. Так или иначе, место, где похоронен Петров, до сих пор неизвестно.

В предвоенные годы

X чемпионат страны проходил в апреле и мае 1937 года в Тбилиси. Ботвинник его пропустил, готовя кандидатскую диссертацию. В турнире победил представитель старшего поколения Григорий Левенфиш, хотя все последующие высокие места были заняты молодежью. Левенфишу уже было под пятьдесят, но он как бы переживал в шахматах вторую молодость. Крыленко отказ Ботвинника не понравился, и вскоре он объявил о проведении матча между экс-чемпионом и чемпионом СССР. Надо было определить, кто у нас в стране самый сильный.

Долгое время в матче лидировал Ботвинник, но на финише Левенфишу удалось сравнять счет и сохранить звание чемпиона. Вопрос, кто же все-таки сильнейший, не нашел ответа.

Второй призер чемпионата Вячеслав Рагозин, приятель Ботвинника, был послан играть в сильном двухкруговом матч-турнире, где участвовали также Капабланка, Файн, Решевский, Керес, Флор, Элисказес и Петров. Турнир рекламировался как соревнование кандидатов в чемпионы мира и закончился победой самого молодого его участника Пауля Кереса, на очко опередившего Ройбена Файна. Далее встали Капабланка с Самуэлем Решевским. Сало Флор оказался пятым, а Рагозин разделил предпоследнее место с Эрихом Элисказесом.

Как ни странно, но эта неудача подняла реноме Ботвинника. Она показала, что пока только Ботвинник может с успехом играть за рубежом. Вопрос, кто должен представлять советские шахматы на мировой арене носил яркую политическую окраску. Крыленко считал своей целью завоевание советским шахматистом звания чемпиона мира. И относительная неудача Ботвинника в матче с Левенфишем, несомненно, должна была его насторожить: Левенфиш был одного возраста с Капабланкой и на четыре года старше Алехина.

Осенью 1938 года в Голландии намечался двухкруговой турнир восьми сильнейших шахматистов мира. Возник вопрос, кто должен представлять там нашу страну — Ботвинник или

Левенфиш. Поскольку вопрос этот решался за кулисами, представим мнение некоторых лиц.

Ботвинник писал, что Левенфиш настаивал, чтобы он представлял Советский Союз, но с ним все же не согласились. Корчной, много позднее, уже покинув СССР, утверждал, будто бы Ботвинник писал в ЦК партии, доказывая, что Левенфиш, выросший при Николае Втором, не должен представлять Советский Союз в таком престижном соревновании. А племянник Ботвинника Игорь признавал, что тот действительно обращался с письмами в ЦК партии, если считал, что это в интересах наших шахмат. В то время Крыленко уже исчез, и Ботвиннику приходилось искать новых покровителей.

В итоге в Голландию отправился Ботвинник, а Левенфиш впоследствии жаловался, что он получил сильный моральный удар, который фактически закончил его шахматную карьеру.

О любопытных подробностях, связанных с этой поездкой, рассказывает сам Ботвинник:

«Снова прошу, чтобы меня послали с женой. Комитет физкультуры сообщает что все в порядке, и мы приезжаем в Москву за документами. Отъезд завтра, но дают один паспорт, жене в паспорте отказывают. Что делать? Комитет физкультуры подчинялся тогда зампредсовнаркома Булганину. Это неплохо, мы познакомились в 1936 году в Париже, когда возвращались из Ноттингема, тогда Булганин возглавлял делегацию Моссовета. Звоню его помощнику по Госбанку и объясняю положение.

— Хорошо,— говорит он,— я доложу товарищу Булганину».

В результате паспорт был получен, и Ботвинник уехал вместе с женой. Регламент турнира оказался трудным: его участники жили в Амстердаме, а туры проходили в различных городах страны. Пожилым участникам — Капабланке и Алехину пришлось от этого хуже всего. Естественно, что в итоге победила молодежь: Керес и Файн разделили первое-второе места. Третьим стал Ботвинник, но в его активе были победы и над Капабланкой, и над Алехиным, который еще в конце 1937 года вернул себе корону чемпиона мира. Следующие три места разделили Алехин, Эйве и Решевский. На предпоследнем месте оказался Капабланка, на последнем — Флор.

Еще до начала турнира было объявлено, что его победитель получит преимущественное право на матч с Алехиным. Однако на открытии выступил сам чемпион мира и заявил, что будет играть с любым известным гроссмейстером, который обеспечит призовой фонд.

Как рассказывает Ботвинник, получив благословение нашего полпреда в Бельгии, на закрытии турнира попросил Алехина

назначить ему аудиенцию. Тот согласился. На следующий день, прихватив в качестве свидетеля Флора, Ботвинник появился в отеле, где жил Алехин. Можно себе представить, как себя чувствовал при этом Флор: за год до этого он сам договаривался о матче с Алехиным. Однако после того как Чехословакия была оккупирована нацистами, вопрос о его матче отпал.

Условия поединка были быстро согласованы. Вопрос о месте соревнования Алехин предложил решить Ботвиннику (но только не в Голландии), если же матч состоится в Москве, то за три месяца до него чемпион просил пригласить его в какой-нибудь турнир, чтобы приобщиться к московским условиям. Призовой фонд — 10 тысяч долларов.

- А сколько должны получить вы? — спросил Ботвинник.
- Две трети в случае победы.
- То есть шесть тысяч семьсот долларов?
- Да, конечно.
- Эта сумма достаточна и при ином исходе матча?

Алехин засмеялся и кивнул головой.

Договорились, что когда все будет согласовано, в Москве объявят о предстоящем матче. До этого все держится в секрете. Вернувшись, Ботвинник встречается с Булганиным и рассказывает ему о своих планах. Тот порекомендовал написать письмо на имя председателя Совнаркома В. Молотова.

Через некоторое время фельдъегерской почтой пришел ответ: *«Если решите вызвать шахматиста Алехина на матч, желаем вам полного успеха. Остальное нетрудно обеспечить.*

Молотов».

В то время власть в стране была полностью сосредоточена в руках Сталина, поэтому Ботвинник считал, что телеграмма была продиктована самим «отцом народов».

Весной 1939 года в Ленинграде прошло XI первенство страны. Лишь победив в последнем туре успешно конкурировавшего с ним дебютанта Александра Котова, Ботвинник обходит его на очко и становится после шестилетнего перерыва чемпионом СССР. Для него это очень важно: ведь вызов Алехину уже послан. Казалось, что матч Алехин — Ботвинник на мази, но судьба рассудила иначе. 1 сентября началась вторая мировая война...

Осенью 1940 года в Москве игралось XII первенство СССР. В результате соглашения между СССР и гитлеровской Германией прибалтийские республики, а также часть Польши (Западная Украина и Западная Белоруссия) отошли к нам, и в турнире приняли участие П. Керес (от Эстонии), В. Петров (от Латвии), В. Микенас (от Литвы), Э. Гернстенфельд (от Польши). Среди участников были и другие новички: три молодых шахматиста,

родившихся уже после революции,— И. Болеславский, В. Смыслов и М. Стольберг.

Я в то время был студентом, кандидатом в мастера, и меня пригласили поработать на турнире в качества демонстратора. Поэтому я видел это соревнование не из зала, а из-за кулис. Скажу сразу, что мой кумир — Ботвинник поразил меня своей подозрительностью. Узнав, что среди демонстраторов есть кандидаты в мастера, он потребовал, чтобы мы не подходили ни к его столу, ни к столу Смыслова, видимо, опасаясь, что москвичи будут последнему подсказывать. К тому же играл Ботвинник нервно, особенно во второй половине турнира. Впоследствии он объяснял свою нервозность шумом в зале, который, кстати, всегда был переполнен: москвичи проявили к соревнованию большой интерес.

Как бы то ни было, но первое-второе места поделили И. Бондаревский и А. Лилиенталь, Смыслов стал третьим, Керес — четвертым, а Ботвинник и Болеславский заняли пятое-шестое места. Было объявлено, что между двумя победителями турнира состоится матч.

Ботвиннику снова нужно было доказывать, что он в нашей стране шахматист № 1.

В своих мемуарах он пишет, что им было послано письмо завотделом шахмат Спорткомитета СССР В. Снегиреву. В нем Михаил Моисеевич «иронизировал» по поводу того, что лидером советских шахмат должен стать победитель матча Бондаревский — Лилиенталь, у которых не было высших шахматных достижений, в то время как у Кереса и Ботвинника они были.

По версии Ботвинника, «Снегирев и сам сознавал, что этот матч для противоборства значения не имеет; он понял мой намек и взялся за дело— как всегда бесшумно и энергично. Как он сумел убедить начальство — не знаю, он этого не рассказывал, но месяца через два было объявлено об установлении звания "абсолютного чемпиона" и проведения матч-турнира шестерых в четыре круга.

Смысл, который вложил Снегирев в понятие "абсолютный", был ясен: именно абсолютный чемпион СССР должен играть матч с Алехиным». Какое начальство сумел убедить Снегирев? Ведь, по словам того же Ботвинника, тогдашний председатель Спорткомитета Снегов относился к нему недружелюбно, да и вряд ли председатель Спорткомитета самостоятельно мог решить такой вопрос. Существует другая версия произошедшего: в Москве муссировались слухи, что Ботвинник или кто-то из его покровителей написал письмо вождю ленинградских коммунистов Жданову, тогда одному из самых влиятельных

партийных деятелей страны. В тексте Ботвинника есть одно многозначительное слово «бесшумно». Это означало, что ни один из участников предстоящего матч-турнира не ведал, что им снова скоро предстоит встретиться за шахматной доской. Лилиенталь, например, жаловался, что когда он получил из Москвы вызов, то думал, что его приглашают играть матч с Бондаревским. Ведь об этом уже было официально объявлено. Подготовился Ботвинник к матч-турниру, как сам он пишет, отлично. Вместе со своим тренером Рагозиным жил в доме отдыха Ленинградского горкома партии. Из-за того, что в XII чемпионате он страдал от шума и табачного дыма, то тренировочные партии играл при включенном радиоприемнике и спал в прокуренной комнате.

В соревновании, которое проходило частично в Ленинграде, а частично в Москве, Ботвинник победил весьма убедительно, выиграв все матчи, Керес отстал на два с половиной очка, Смыслов финишировал третьим.

Как с торжеством заключил новый «абсолютный» чемпион СССР: «Стало ясно, кто должен играть с Алехиным».

Однако через два месяца гитлеровская Германия напала на Советский Союз и вопрос о матче Алехин — Ботвинник отпал сам собой...

Во время Великой Отечественной

На осень 1941 года был намечен финал XIII первенства страны. Перед ним должны были состояться 4 отборочных полуфинала. Первый из них проходил в Ростове-на-Дону. В воскресенье 22 июня 9-й тур только начался, когда в турнирном зале появилась взволнованная жена Ильина-Женевского и шепотом сообщила А. Моделю: «По радио передали, что Германия напала на Советский Союз!» Эта новость быстро распространилась среди участников. Хотя из Москвы пришла команда продолжать игру, ряд шахматистов поспешил домой, особенно те, кто жил вблизи западной границы.

Меня война застала в Коломне. Наша учебная группа тогда проходила производственную практику на местном паровозостроительном заводе. Помню, как прямо в цехе мы слушали по радио речь Молотова, закончившуюся словами: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!» А затем состоялся общезаводской митинг.

В стране была объявлена всеобщая мобилизация. Институт имени Баумана, в котором я учился, готовил кадры для военной промышленности, и его студенты имели отсрочку от призыва. Тем не менее, в первые дни войны тех, кто был в Москве, отправляли в народное ополчение. Когда же в начале июля мы вернулись в столицу, разнарядка на ополчение, видимо, была выполнена, и нас сразу же послали под Наро-Фоминск слесарями на бронетанковую ремонтную базу. Там все лето мы обычно работали по 12 часов в день, но иногда объявлялось казарменное положение, и тогда по несколько дней мы не выходили из цеха, пока не заканчивали ремонт отправлявшихся на фронт машин. Спали урывками, прямо в танках, положив на днища войлочные кошмы. Танки «БТ» (их звали любовно «бэтешки»), которые мы ремонтировали, были быстроходными, но лобовая броня у них немногим превышала 20 миллиметров и пробивалась даже крупнокалиберным пулеметом. Когда же на базу привезли первый трофейный «панцерваген» чехословацкой фирмы «Шкода», то выяснилось, что его лобовая броня почти в три раза толще.

В Наро-Фоминске я увидел и наши, позже ставшие знаменитыми «Т-34». Отсюда они отправлялись под Ельню, где немцам впервые был нанесен сильный ответный удар.

Хотя в конце 30-х годов песня «Если завтра война» была исключительно популярной: ее пели и в армии, и в детских садах, война застала нашу страну врасплох. И немецкие танковые армады стремительно двигались к Ленинграду, к Москве и на юг

страны.

В начале сентября, когда фронт стал приближаться к столице, нас вернули в институт. И хотя обстановка была тревожной, началась обычная студенческая жизнь — лекции, семинары, лабораторные работы. Как-то я зашел в шахматный клуб (он располагался в помещении Спорткомитета Москвы на улице Мархлевского) и узнал, что организуется показательный турнир мастеров и кандидатов в мастера. Среди участников были шахматисты трех поколений — мастера старшего возраста В. Блюменфельд и Н. Зубарев, среднего — Н. Рюмин, С. Белавенец и М. Юдович, а также молодые кандидаты, в основном студенты — Л. Аронин, Ю. Гусев, В. Тарасов, Б. Станишнев.

Я тоже к ним присоединился.

По замыслу организаторов соревнование должно было продемонстрировать всему миру, что Москва живет спокойной, нормальной жизнью.

Однако что это была за жизнь? Фактически после первых же начавшихся в конце июля бомбежек столица превратилась в прифронтовой город. Высоко в небе повисли аэростаты противовоздушной обороны, при появлении вражеских самолетов выли сирены — объявлялась воздушная тревога, и люди спешили в метро или в специальные бомбоубежища. Не раз мне приходилось дежурить на чердаке нашего дома и гасить «зажигалки» (зажигательные бомбы), цепляя их крючьями, чтобы затем бросить в ящик с песком или в бочку с водой.

Играли в турнире два раза в неделю. Со старта в лидеры вырвался студент Института связи Борис Станишнев. Насколько помню, уже после девяти туров он выполнил норму мастера. Близок к выполнению нормы был и я. 12 октября, в воскресенье днем, состоялся очередной, оказавшийся последним тур, в котором мне удалось победить мастера Белавенца. А в понедельник 13-го Николай Николаевич Рюмин пригласил меня к себе домой, чтобы сыграть заранее партию следующего тура. Она закончилась вничью, когда вернулась с работы его жена, служившая в Наркомате вооружения. Она сообщила, что многие предприятия Москвы эвакуируются и что наш институт отправляется в Ижевск. На следующее утро я помчался в институт, но там узнал, что опоздал: эшелон уже ушел, и добираться туда нужно самостоятельно.

Зима 1941 года была ранней. Снег выпал уже в октябре. Наступили холода. 16 октября после сообщения по радио, что положение на фронте ухудшилось, в Москве наступила паника. Тысячи москвичей кто как мог двинулись на восток. Среди них был и я. В Муроме мне удалось догнать институтский эшелон, и в

доверху набитом людьми и вещами товарном вагоне я благополучно добрался до Ижевска.

Москва перешла на осадное положение: немцы были совсем рядом. Тем не менее в ноябре был проведен очередной чемпионат города. Тогдашнему директору шахматного клуба В. Алаторцеву удалось собрать 8 человек, из них 5 мастеров. Турнир игрался в два круга и закончился победой лейтенанта И. Мазеля, который сразу же после победы отправился на фронт.

Ленинград оказался окруженным, а после того, как немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады, казалось, что судьба города решена. Однако и там, несмотря на тяжелейшие условия, в ноябре-декабре состоялся первый блокадный чемпионат. В нем участвовали 4 мастера — Г. Лисицын, И. Рабинович, Г. Равинский, В. Чеховер, а всего 8 человек. К месту очередного тура (играли в госпиталях) добирались пешком: городской транспорт уже не действовал. Не подавалась электроэнергия. Введен был строгий рацион хлеба: рабочим — 250 граммов в день, остальным — 125. Артобстрелы и бомбежки были ежедневно. Игра в госпиталях имела свои преимущества: иногда участники получали тарелку каши и стакан горячего чая. После 6 туров соревнование было прервано. Еще в самом начале войны перестали выходить журнал «Шахматы в СССР» и газета «64». На дверях редакции вывесили объявление: «Редакция закрыта. Все ушли на фронт». С уходом на фронт главного редактора В. Е. Германа, бывшего одновременно председателем Всесоюзной шахматной секции, она фактически распалась...

В январе 1942 года Б. С. Вайнштейн, энтузиаст шахмат, занимавший в то тяжелое время пост начальника планового отдела НКВД, позвонил зампреду Совнаркома Р. С. Землячке и сообщил, что шахсекция страны перестала существовать, между тем шахматы и сейчас полезны.

Какой толк от них во время войны? — удивленно спросила она.

Вайнштейн объяснил, что шахматы могут помочь в госпиталях: среди раненых наверняка много любителей этой игры.

Я поняла,— ответила Землячка,— напишите мне записку.

Записка была отправлена. Кроме Вайнштейна ее подписали мастера — директор шахматного клуба В. Алаторцев, работник Спорткомитета Н. Зубарев, ответственный секретарь газеты «Патриот Родины» М. Юдович.

Землячка переслала записку со своей положительной резолюцией председателю Спорткомитета В. Снегову. В результате была заново сформирована шахсекция. Вайнштейна

назначили ее председателем де-факто, а потом на пленуме выбрали деюре. Кроме подписавших письмо в секцию вошел работавший на военном заводе в Москве гроссмейстер А. Котов, а также ряд других лиц.

Секция совместно со Спорткомитетом немедленно развернула шефскую работу в госпиталях. Когда в 1945 году, по окончании войны, подводились итоги этой работы, то оказалось, что, например, в Главном военном госпитале, где начальником был большой любитель шахмат генерал-майор медицинской службы Крупчицкий, за четыре года прошло около трехсот различных шахматных мероприятий, в которых участвовало более пяти тысяч раненых. Особый интерес зрителей вызывали встречи с гроссмейстерами: так на сеансе М. Ботвинника присутствовало несколько сот человек.

Только в одной Москве над отдельными госпиталями шефствовали свыше ста квалифицированных шахматистов. Над авиагоспиталем, например,— члены спортобщества «Крылья Советов» — гроссмейстер Смыслов, мастера Алаторцев и Константинопольский. А будущая чемпионка мира Быкова одна провела 340 лекций, сеансов и различных соревнований, охвативших около семи тысяч раненых.

Военным комендантом Москвы в самое трудное для столицы время был назначен генерал-лейтенант Синилов. Козьма Романович оказался также большим любителем шахмат, и с его помощью была организована работа по обслуживанию воинских частей. Специально созданная бригада мастеров, в которую вошли Алаторцев, Зубарев, Дуз-Хотимирский, Панов и Юдович, систематически выступала в воинских частях, проводила сеансы одновременной игры среди солдат и офицеров.

Несмотря на огромные трудности, связанные с размещением и питанием, даже в 1942 году удалось провести турниры мастеров не только в Москве, но также в Куйбышеве и Свердловске. В первом турнире победил Бондаревский, во втором — Болеславский, в третьем — Рагозин. Чемпионом Москвы в 1942 году стал Смыслов. А где же Ботвинник?

Как он сам рассказывал, из-за слабого зрения на фронт его не взяли. В августе 1941 года Ленинградский театр оперы и балета, в котором была балериной его жена, эвакуировался в Пермь. Секретарь Выборгского райкома партии, к которому Ботвинник обратился, решил этот вопрос быстро: «Вы еще пригодитесь советскому народу как шахматист. Уезжайте».

Так Ботвинник оказался в Перми. Устроился на работу по специальности инженера-электрика. В немногие свободные минуты по вечерам комментировал партии матч-турнира на

звание абсолютного чемпиона страны.

«Играть,— как он пишет,— мне некогда было, да и не было соответствующего настроения. Но вперед смотреть надо — вот я и занимался аналитической работой».

В январе 1943 года его послали на лесозаготовки. Работу над книгой пришлось прервать. И Ботвинник пишет письмо Молотову, от которого в 1939 году получил разрешение на матч с Алехиным.

Письмо было переправлено наркому электростанций Д. Жимерину со следующей резолюцией: «Надо обязательно сохранить тов. Ботвиннику боеспособность по шахматам и обеспечить должное время для дальнейшего совершенствования». Нарком отдал распоряжение предоставить Ботвиннику три дня в неделю для занятий шахматами. Правда, директор предприятия, на котором работал Михаил Моисеевич, включил в эти три дня и выходной.

Когда весной 1943 года Ботвинника пригласили на турнир мастеров в Свердловск, для подготовки к этому состязанию Пермский облисполком послал его на две недели в местный совхоз.

«Питание в совхозе было просто отличным,— вспоминал Михаил Моисеевич,— два раза в день жареная свинина с картошкой, литр парного молока да хлеб. Ел, гулял, спал, а работал с бешеной энергией!»

Вряд ли остальные участники — Смыслов, Болеславский, Рагозин и другие имели столь благоприятные условия для подготовки. Неудивительно, что Ботвинник легко завоевал первый приз.

В июне-июле 1943 года в тяжелейших условиях блокады состоялся второй военный чемпионат Ленинграда. Победил в нем кандидат в мастера, известный ленинградский врач Ф. Скляров.

В апреле 1943 года наш институт вернулся из Ижевска в Москву. После очередной летней экзаменационной сессии всех студентов отправили на дровозаготовки. И тут я узнал, что в августе, когда я еще должен был быть «в лесу», в Москве пройдут полуфинальные турниры на первенство Москвы. В Ижевске я не только учился, но и работал. Времени на шахматы почти не оставалось. А тут появилась возможность сыграть в интересном соревновании. Что делать? Я решил стать стахановцем — выполнить за один месяц двухмесячную норму. Подобрал себе соответствующего напарника, и мы начали энергично валить и распиливать лес. Однако, когда через месяц, вооруженный соответствующей бумагой я отправился к начальнику дровозаготовок, то получил отказ — многие студенты с одной нормой не справляются, а тут такой работник. «Ни за что вас не

отпущу». Пришлось обратиться к самому высокому начальству, отвечающему за снабжение столицы дровами. Оно и дало мне разрешение на отъезд.

В полуфинале я стал первым, опередив мастеров В. Рагозина и Н. Зубарева, а также будущего мастера В. Симагина.

Чемпионаты страны ни в 1942, ни в 1943 году не проводились. Эту роль, по существу, сыграло первенство Москвы 1943/ 1944 годов. В нем наряду с москвичами Алаторцевым, Котовым, Пановым, Смысловым, Юдовичем участвовали ленинградцы — Ботвинник, Рагозин, Равинский, Толуш, Лисицын, а также вильнюсец Микенас. Им противостояла московская молодежь — Зимагин, Люблинский, Хачатуров и я. Победил в турнире Ботвинник, игравший вне конкурса. Чемпионом столицы стал Смыслов. Я же занял шестое место, выполнив норму на получение звания мастера. Важный рубеж, к которому я вплотную подошел еще перед войной, оказался взят.

После того, как я стал мастером, меня пригласили участвовать в полуфинале первенства страны. Но возникла проблема — я заканчивал учебу в институте, предстояла дипломная работа. И когда с письмом Спорткомитета, просившего освободить меня на время полуфинала от занятий, я явился к ректору института профессору Г. Николаеву, он сказал:

Согласен. Но при одном условии.

Каком?

Что вы на этом письме сбоку припишете: продления срока окончания учебы в институте просить не буду!

Пришлось написать, хотя это означало, что у меня, по крайней мере, на месяц сокращалось время на диплом. В такой ситуации ни о какой подготовке к соревнованию не приходилось и мечтать. В турнире я играл удачно, все время находился в лидирующей группе. Однако преследовала мысль: если попаду в финал, то времени на диплом совсем не останется. И кончились мои терзания тем, что на финише я на пол-очка отстал от тех, кто получил право играть в финале. Это был урок на всю жизнь. Ведь в спорте сомнения до добра не доводят. И не реализовав свой шанс с ходу попасть в главный турнир страны, я сумел это сделать только четыре года спустя!

Финал XIII чемпионата страны прошел летом 1944 года в Москве. Как и ожидалось, чемпионом стал Ботвинник, к тому времени уже переехавший в столицу, вторым был Смыслов, отставший от чемпиона на два очка. В следующем, XIV чемпионате страны, закончившемся почти одновременно с окончанием войны, Ботвиннику удалось установить абсолютный рекорд — он набрал 16 очков из 18, выиграл 14 партий и 4 свел

вничью!

Война, длившаяся без малого четыре года, нанесла нашей стране невосполнимые потери. По самым скромным подсчетам погибло 27 миллионов человек. Почему-то считается, что в шахматах, как ни в какой другой области культуры, удалось сохранить кадры. Действительно, если считать мастеров, то на фронте мы потеряли только С. Белавенца, М. Стольберга, М. Макагонова, Л. Кайева и В. Силича. К ним, правда, следует добавить в 1941 году выполнившего мастерскую норму, но не успевшего ее оформить москвича Б. Станишнева, а также ленинградца В. Васильева, вернувшегося с фронта калекой, без руки и ноги, и вскоре ушедшего из жизни. И это еще не все. При эвакуации из осажденного Ленинграда погиб под бомбежкой А. Ильин-Женевский, а в самом городе — В. Раузер. И. Рабинович, хотя и был вывезен из Ленинграда, но выжить уже не смог.

В дни блокады погибли от голода А. Троицкий, Л. Куббель, И. Голубев, С. Вайнштейн. Из-за различных болезней, связанных с трудностями и тяготами военной жизни, умерли Н. Рюмин, А. Мазель, А. Рабинович.

Если же говорить о кандидатах в мастера и первокатегорниках, павших на поле боя, то счет пойдет на десятки, если не на сотни. Назову лишь некоторых, с кем был знаком лично: москвичей Бориса Ваксберга, Александра Ельцова, Михаила Кролюницкого, Александра Курышкина, Сергея Орлова, Базю Дзагурова, Вениамина Левина, Александра Фирдмана, Федора Фогелевича, калужанина Юрия Гонака....

«Матч столетия»

Несмотря на потери, советские шахматы сохранили тот огромный потенциал, который был накоплен еще до начала войны. И он ярко проявился в первой же послевоенной международной встрече, в матче по радио СССР — США. Это необычное соревнование было организовано по предложению американцев в самом начале сентября 1945 года. Соперников разделяли тысячи километров. Из-за разницы в часовых поясах игра в Москве начиналась в 17 часов, а в Нью-Йорке — в 10 часов утра.

На официальном открытии матча в Москве выступил посол США г-н А. Гарриман и, в частности, сказал: «Матч помогает осознать, что мы действительно близкие соседи и что, таким образом, мы имеем возможность установить самые близкие и дружественные связи во всех областях культуры». А в Нью-Йорке мэр города Ф. Ла Гардиа отметил «большое значение этого соревнования для укрепления дружественных связей между народами Советского Союза и Соединенных Штатов».

Игра проходила на десяти досках в два круга.

Надо сказать, что американцы, четырехкратные победители Всемирных шахматных олимпиад, не совсем ясно представляли, с каким грозным противником они имеют дело. Ведь кроме Ботвинника, Флора и Лилиенталя имена остальных участников мало что им говорили. Кроме того, в Америке еще не знали главного секрета советской шахматной школы — умения готовиться к ответственным соревнованиям. А наша команда действительно была подготовлена блестяще.

Результат первого тура стал сенсационным — 8:2! Наши шахматисты выиграли 7 партий, проиграли одну и две свели вничью. Причем в двух встречах — Денкер — Ботвинник и Смыслов — Решевский, выигранных нашими гроссмейстерами, исход борьбы был, по существу, предопределен уже в дебюте. Наиболее трудные задачи в первом туре пришлось решать Болеславскому. В партии с Файном (белые) он испытывал серьезные проблемы, но искусной защитой сумел добиться ничьей. Единственной победой американцев завершилась партия Бондаревский — Стейнер. По дебюту наш шахматист получил отличную игру, но затем черным удалось перехватить инициативу и добиться успеха. Столь внушительный перевес, достигнутый советской командой в первом туре, явился для американцев совершенно неожиданным. Они считали, что на первых пяти досках у них вообще лучшие шансы, а в итоге набрали всего пол-

очка, не сумев выиграть ни одной партии.

Однако и во втором туре их успехи были не намного лучше. Они сумели набрать лишь на пол-очка больше, чем накануне. И общий счет стал 15,5 : 4,5. Это было сокрушительное поражение. В нашей команде половина участников выиграла свои мини-матчи со счетом 2 : 0: Ботвинник, Смыслов, Котов, Рагозин, Бронштейн. Болеславский и Макагонов набрали по полтора очка из двух, Флор и Лилиенталь — по очку, и только Бондаревский проиграл мини-матч Стейнеру со счетом пол-очка на полтора.

Как пишет Ботвинник, неофициально участникам матча передали слова Сталина: «Молодцы, ребята».

Американцы не могли смириться со столь чувствительным поражением и на следующий год прибыли в Москву, чтобы сразиться уже в очном соревновании. Экс-чемпион мира М. Эйве был приглашен в качестве арбитра. Американцы на этот матч привезли более сильную команду и даже надеялись на успех.

«Честно говоря, мы думали, что счет матча может быть между 11 : 9 в пользу советской команды,— рассказывал А. Денкер,— и 10,5 : 9,5 в нашу пользу». Это показывает, насколько оптимистично были настроены наши соперники.

Однако, надо сказать, что очный матч происходил в совершенно иной политической обстановке, чем заочный. Уже выявились серьезные противоречия между СССР и его союзниками во второй мировой войне. Уже была произнесена знаменитая речь Черчилля в Фултоне, знаменующая начало новой, «холодной» войны. И в этой обостряющейся обстановке встрече с американцами придавалось особое значение. Их необходимо было разгромить.

Поэтому вечером накануне начала матча с советской командой встретился первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов. Его сопровождал председатель Спорткомитета Н. Романов. Ничтоже сумняшеся, Михайлов поставил команде задачу победить с большим преимуществом, чем в заочном матче. На это Ботвинник от имени участников ответил, что если каждый участник наберет полтора очка из двух, то этого будет достаточно, и счет 15 :5 станет вполне достойным результатом. Комсомольскому лидеру этот ответ явно не понравился, но он промолчал, тем более, что

Ботвинник особо подчеркнул — каждый из участников сознает свою ответственность перед страной.

Вряд ли эта «накачка» способствовала поднятию боевого духа команды, скорее наоборот. Тем не менее, первый тур закончился убедительной победой нашей команды со счетом 7 : 3. Стало ясно, что реванша американцам добиться не удастся. И, хотя

второй тур закончился с минимальным перевесом 5,5 : 4,5 в пользу команды СССР, в целом счет матча 12,5 : 7,5 показал, что советские шахматисты намного превосходят своих соперников. Героями матча стали Смыслов и Рагозин, со счетом 2 : 0 победившие своих противников, соответственно Денкера и Пинкуса. Ботвинник набрал полтора очка против Решевского, а Керес — против Файна. У американцев отличались Кэжден и Кевиц, набравшие полтора очка против Котова и Бондаревского. Ответный матч намечался на следующий год в Нью-Йорке, но в связи с ухудшившейся международной обстановкой его удалось провести лишь восемь лет спустя.

Однако вернемся снова в 1945 год. В редакционной статье журнала «Шахматы в СССР», возобновившего свое издание с мая того же года, в связи с победой нашей команды в радиоматче были сказаны следующие слова: «В матче с шахматистами Соединенных Штатов Америки мы выиграли командное первенство мира. Идя вперед к новым вершинам шахматного творчества, мы завоюем и индивидуальное звание чемпиона мира по шахматам, которое должен носить и будет носить лучший шахматист Советской страны».

Строго говоря, первая фраза на самом деле не соответствует действительности — мы победили сильнейшую шахматную команду мира, но до выигрыша командного первенства мира было еще далеко. Для этого нужно было вступить в Международную шахматную федерацию и победить во Всемирной шахматной олимпиаде.

В этой же статье ставились задачи на будущее — «следует широко практиковать встречи советских шахматистов с иностранными мастерами путем организации в СССР международных турниров, проведения матчей советских мастеров с иностранными, выездов советских мастеров на международные турниры за рубежом и приглашения в СССР сильнейших иностранных мастеров для тренировочных встреч».

«Выезды советских мастеров на международные турниры за рубежом» — это было что-то новое. До войны на турниры за рубежом выезжал практически лишь один Ботвинник.

И, как бы предваряя эти поездки, в отделе «За рубежом» № 8 журнала сообщалось, что в конце декабря 1945 года и в начале 1946 года в Англии состоятся международные турниры.

Приглашения посланы в СССР и США.

В конце декабря за подписью председателя Спорткомитета Н. Романова организаторы турнира в Лондоне получили телеграмму, подтверждающую участие советских шахматистов. Затем ТАСС официально сообщил, что в Лондон приедут

Смыслов, Болеславский, Котов, Флор и Рагозин.

А дальше — тишина. Не было никакой информации о дне приезда советских участников. В день первого тура, когда уже вовсю шла игра, за исключением, конечно, пяти партий, по необходимости отложенных, из посольства СССР пришло письмо за подписью первого секретаря, в котором сообщалось, что советские шахматисты не смогут принять участие в турнире. Как писал английский журнал «Чесс», британские любители шахмат были разочарованы тем, что советские мастера не приехали. Даже больше, чем разочарованы, немного обижены и оскорблены произошедшим. «Мы можем только гадать о том, какие проблемы помешали русским приехать,— сообщалось в журнале,— страна разорена войной и транспорт напряжен до последней степени».

Стоит добавить, что наши шахматисты получили соответствующие визы и экипировку, которая тогда полагалась всем выезжающим за границу.

Что же в самом деле произошло?

Причина была чисто политической. В самый последний момент обнаружилось, что среди участников турнира оказался испанец — 14 летний Артуро Помар, а у нас с франкистской Испанией все отношения были разорваны. В итоге наверху решили наших шахматистов в Лондон не посылать. Вероятно, вряд ли будет возможно подтвердить или опровергнуть утверждение Алехина, что его статьи были фальсифицированы,— они настолько нелепы, что не могли нанести никому никакого вреда, и что наша реакция на бичевание «Баруха Вуда — бирмингамского еврея, например, была сплошным хохотом, мы давно так не смеялись». (Барух Вуд не был евреем.— *Ю. А.)*

Однако, как свидетельствуют письма читателей в тот же «Chess», большинство европейских любителей шахмат, четыре года находившихся под пятой нацистов, гораздо жестче восприняли контакт Алехина с нацистами и вышедшие за его подписью явно антисемитские статьи.

И когда Алехин получил из Англии приглашение на международный турнир в Лондоне, в начале 1946 года, это вызвало резко отрицательную реакцию не только в Голландии и Франции, но также в Англии и США.

Под давлением общественного мнения англичане были вынуждены отозвать свое приглашение.

В ответ Алехин отправил открытое письмо организатору турнира. Оно было опубликовано в январе 1946 года одновременно в «Chess» и «British chess magasine».

«Дорогой мистер Хэттон-Уард,

Я получил Ваше письмо, возвратившись 28 ноября с

Канарских островов. Прежде чем я узнал то, что Вы мне сообщаете, я не мог что-либо предпринять, так как не знал о мотивах, которые заставили Вас отозвать Ваше приглашение.

Сейчас я могу и должен высказаться, не потому, что Вы организуете турнир, какой бы чисто шахматный интерес это для меня ни имело, но прежде всего из-за мотивов, которые Вы привели.

Вы сообщаете, что в определенных кругах люди высказали возражения, основанные на приписываемых мне симпатиях во время войны.

Однако любой незаинтересованный человек должен представлять, какими должны быть мои настоящие чувства по отношению к людям, которые отняли у меня все, что имеет значение в жизни; к людям, которые разрушили мой дом, ограбили виллу моей жены (и очевидно все, чем я обладаю) и, наконец, украли даже мое имя!

Отдав всю свою жизнь служению шахматам, я никогда не интересовался тем, что не имело отношения к моей профессии.

Однако, к несчастью, всю мою жизнь и особенно после того, как я завоевал титул чемпиона, люди старались представить меня в абсолютно фантастическом политическом свете. Более двадцати лет я носил ярлык "белогвардейца", что было особенно разрушительно, так как делало невозможным контакты с моей родной страной, которую я никогда не переставал любить и ею восхищаться.

В 1938—39 годах я надеялся, в результате переговоров и переписки с чемпионом СССР Ботвинником, положить конец этой абсурдной легенде, так как вопрос о матче между нами в СССР был уже практически решен.

Однако... началась война, и после ее окончания я теперь "пронации", обвиняемый в коллаборационизме и т. п. и т. п.

Я далек от того, чтобы думать о Вас плохо, наоборот, я благодарен Вам за то, что Вы высказали это обвинение,— неопределенная ситуация, в которой я находился в течение двух последних лет, была для меня морально невыносимой.

То, что протестовал доктор Эйве, меня не удивляет — было бы удивительнее, если бы он не протестовал. Среди массы чудовищных глупостей, опубликованных в "Pariser Zeitung", были оскорбления членов Комитета, который организовал наш матч 1937 года: Голландская шахматная федерация даже направила гну Посту протест по этому поводу.

В то время я был абсолютно бессилен сделать то, что полностью объяснило бы ситуацию — заявить публично, что эти статьи **не были написаны мной.** Д-р Эйве был так убежден в

моем влиянии среди нацистов, что написал мне два письма с просьбой предпринять соответствующие меры, чтобы облегчить участь бедного Ландау и моего друга д-ра Оскама... однако в Германии и в оккупированных странах мы находились под постоянным наблюдением гестапо и угрозой самим попасть в концентрационный лагерь. Поэтому реакция др. Эйве на мое приглашение абсолютно естественна. Однако, как и многие другие, он сильно ошибается.

Ваш основной довод, приведший к отзыву приглашения,— "ультиматум" (как вы назвали) Шахматной федерации США. Это — очень серьезно, так как эти люди, очевидно, приняли такое решение и привели аргументы, которые по их мнению его оправдывают. Мне в данный момент они неизвестны, но кажется разумным предположить, что это вопрос коллаборации с нацистами. Обвинение в "коллаборационизме", в основном, направлено против тех, кто присоединился к правительству Виши. Однако я никогда не имел ничего общего ни с этим правительством, ни с его чиновниками.

Я играл в Германии и оккупированных странах, потому что это не только было нашим единственным средством существования, но также ценой свободы моей жены. И возвращаясь в моей памяти к ситуации, в которой оказался четыре года назад, я утверждаю, что и сегодня действовал бы точно таким же образом.

В нормальной ситуации моя жена была способна и имела возможности заботиться о себе сама. Однако не во время войны и не в руках нацистов. Я повторю, если обвинение в "коллаборационизме" базируется на моем вынужденном временном пребывании в Германии, мне нечего добавить — моя совесть чиста!

Совсем другое дело, если я обвиняюсь в фабрикациях, в частности, статей, которые появились в "Pariser Zeitung". Против этого я должен официально протестовать. В течение трех лет, пока Париж не был освобожден, я был вынужден молчать. Однако при первой же возможности в различных интервью представить факты в их истинном свете. В статьях, которые появились в 1941 году во время моего пребывания в Португалии и о которых я узнал в Германии, после того, как они были перепечатаны в "Deutsche Schachzeitung", ничто не было в действительности написано мной. Я представил материал, связанный с необходимой реконструкцией ФИДЕ (Международной шахматной федерации), а также критику теории Стейница и Ласкера, написанную еще до 1938 года.

Я был удивлен, когда получил письма от мистеров Хелмса и

Стургиса о реакции, какую эти статьи — чисто технические — вызвали в Америке, и соответственно ответил м-ру Хелмсу.

Только когда я узнал, какие появились бесподобно глупые фабрикации, наполненные нацистскими идеями, я понял в чем дело. Но тогда я был пленником нацистов, и нашей единственной надеждой на сохранение было молчание. Прошедшие годы разрушили мое здоровье и мои нервы, и я даже удивляюсь, что еще могу играть в шахматы.

Моя преданность моему искусству, уважение, которое я проявлял к своим коллегам, и вся моя предвоенная жизнь должны заставить людей понять, что статьи были поддельными.

И я особенно опечален тем, что не могу приехать в Лондон и высказаться.

Ваш А. А. Алехин».

В Лондоне в январе 1946 года прошли одновременно два международных турнира. В одном победил Герман Стейнер (США) — 9 из 11, во втором Макс Эйве — 9,5 из 11.

По окончании соревнований большинство участников пришло на собрание в отель «Great Eastern», чтобы обсудить вопрос об Алехине. Председателем собрания был единогласно избран д-р Эйве.

Вначале д-р Тартаковер, который под псевдонимом лейтенанта Картье принимал активное участие в борьбе с нацистами, предложил участникам собрания принять следующую резолюцию:

«Шахматные мастера, собравшиеся в 1946 году в Лондоне на международном турнире, с удовлетворением отмечают, что Международная шахматная федерация, представленная в Европе доктором Рюэбом, совместно с Французской шахматной федерацией предпринимает расследование относительно обладателя титула чемпиона мира д-ра Алехина, обвиняемого в коллаборационизме. Подписавшие это обращение мастера надеются:

Что это расследование будет осуществлено возможно быстрее.

Что выводы будут совершенно объективными и д-ру Алехину будут предоставлены все возможности для ответа.

Что этот вопрос, который отравляет шахматный мир, в конце концов будет закрыт».

Это исключительно ясное и справедливое предложение не удовлетворило всех присутствовавших и не было принято, после чего собрание затянулось на несколько часов. Как адвокат, д-р Тартаковер особенно возражал против требований некоторых из присутствовавших, чтобы д-р Алехин вернулся во Францию. Он

рассматривал это требование как эквивалент судебному решению еще до рассмотрения дела в суде, хотя нежелание д-ра Алехина возвращаться во Францию могло быть связано с исключительными обстоятельствами, не имеющими никакого отношения к его истории.

Как было написано в «British chess magazine», совещание грозило превратиться в судилище, где ораторы выступали и как обвинители, и как судьи. Понадобился такт и авторитет председателя собрания, чтобы повернуть его к желаемой цели: убедить ФИДЕ принять необходимые меры, которые бы прояснили невыносимую ситуацию.

Все присутствовавшие согласились с тем, что этот неприятный вопрос не должен появится в прессе, после чего была принята следующая резолюция, копия которой послана д-ру Алехину.

Настоящее собрание шахматных мастеров решило:

Что существует обвинение м-ра Алехина в коллаборационизме с врагом.

Важно, чтобы это обвинение было быстро расследовано во Франции.

Желательно, чтобы м-р Алехин был приглашен вернуться во Францию, чтобы предстать перед соответствующими органами.

Что ФИДЕ должно содействовать и ускорить этот процесс и действовать в зависимости от обнаруженных обстоятельств».

Журнал снабдил этот текст следующими комментариями:

«Мы надеемся, что эта проблема будет так или иначе решена. Однако не следует быть слишком оптимистичными. ФИДЕ находится сейчас в процессе реорганизации, и ее первое заседание пройдет только летом, так что быстрого решения вопроса ожидать не следует.

Мы по-прежнему считаем, что это вопрос юрисдикции соответствующих органов Франции. Только они могут решить, есть ли здесь основания для обвинения или нет».

После войны во Франции прошел целый ряд процессов лиц, обвиняемых в сотрудничестве с нацистами. Среди них оказались такие известные фигуры, как актер и драматург Саша Гитри, шансонье Морис Шевалье и боксер Карпантье. Суд отнесся к ним весьма либерально, и все трое были оправданы. Совсем иным было отношение к подобным лицам у советской власти. Они, как правило, считались военными преступниками и подвергались суровому наказанию.

Мы напомним, что Ботвинник еще до войны получил разрешение властей на матч с Алехиным. И уже в 1944 году, когда стало ясно, что война скоро закончится, начал готовить

почву для возобновления переговоров. Однако выяснилось, что против этого матча председатель шахматной секции страны Б. Вайнштейн, полковник НКВД. Он пригласил Ботвинника к себе домой и стал объяснять, что Алехин — военный преступник, что он был офицером французской армии и после капитуляции Франции перешел на сторону врага.

Как писал Ботвинник: «Спокойно, резко и твердо высказываю свою точку зрения и откланиваюсь. Ясно, что с таким председателем матча с Алехиным не сыграешь».

И Ботвинник ставит вопрос о матче на заседании Бюро секции. Поскольку рассказы Вайнштейна и Ботвинника об этом заседании сильно отличаются, я приведу обе версии.

Сначала предоставим слово Вайнштейну («Шахматный вестник» № 8-9 за 1993 г.).

«Когда вопрос о матче с Алехиным был поставлен на голосование, я заявил, что одновременно ставлю вопрос о своей отставке: если Бюро шахматной секции выскажется за матч, это будет означать, что я уже не председатель. Голосование дало результат 5 : 4 против матча! Я, понятно, воздержался: и как председатель, и как поставивший вопрос о своей отставке.

Голосование было открытым, и я хорошо помню, что Котов и Рагозин (многолетний тренер Ботвинника) голосовали против Ботвинника! И тут кто-то из присутствующих (по-моему Абрамов) сказал, обращаясь к Котову: «Саша, а ведь было заседание партбюро, и мы решили, что матч должен состояться».

Котов пробормотал: «Я об этом не знал... Надо переголосовать».

Мы переголосовали, и на сей раз все члены партии подняли руку «как надо».

Но Вячеслав Рагозин — я хочу это подчеркнуть — повторно голосовал против матча!

А теперь послушаем Ботвинника («У цели», М., 1997 г. «Поляри»):

«Наконец состоялось заседание Всесоюзной секции и был поставлен вопрос об отставке Вайнштейна. Он отчаянно упирался. Но вот слово взял Вася Смыслов: "Бывший председатель секции товарищ Вайнштейн..."— начал он. Вайнштейн не дал ему договорить, всплеснул руками и тут же капитулировал!»

Когда я спросил обо всей этой истории Смыслова, он ответил:

«На самом деле я ошибся. Мне казалось, что Вайнштейн уже ушел в отставку».

Стоит добавить, что перед этим заседанием Ботвинник на всякий случай посетил ЦК партии.

После матча по радио СССР — США, закончившегося

разгромом американской команды, группа советских мастеров написала письмо Сталину о необходимости организации матча Ботвинника с Алехиным. Ответ был положительным. И снова предоставим слово Ботвиннику:«Ситуация была деликатной: во-первых, Алехина ни в коем случае нельзя было приглашать в Москву, ибо это связано было с предварительным расследованием обвинений, и, во-вторых, нежелательно было вступать с ним в прямые переговоры. Я и предложил, чтобы весь матч был проведен в Англии, а переговоры сначала шли через посредство г-на Дюмонта, редактора журнала "Бритиш чесс магазин" (по материалам, опубликованным в журнале, можно было догадаться, что Дюмонт с Алехиным состоит в переписке) и при содействии известного шахматного мастера А. Томаса. Предложение было принято, и переговоры начались».

Англичане оказались готовы провести матч, тем более, что призовой фонд обеспечивал Советский Союз.

Алехин в это время перебрался из Испании в Португалию, в небольшой курортный городок Эшторил, расположенный на берегу моря недалеко от Лиссабона.

В начале марта 1946 года Алехин получил телеграмму от тогдашнего президента Британской шахматной федерации Дербишира. Он уведомлял чемпиона мира о том, что Ботвинник вызывает его на матч. Вскоре Алехина пригласили в Британское посольство в Лиссабоне и передали письмо Ботвинника. В письме говорилось:

«Я сожалею, что война помешала нашему матчу в 1939 году. Я вновь вызываю Вас на матч за мировое первенство. Если Вы согласны, я жду Вашего ответа, в котором прошу Вас указать Ваше мнение о времени и месте матча.

4 февраля 1946 года

Михаил Ботвинник».

Для загнанного на край Европы Алехина матч с советским чемпионом давал хорошую возможность реабилитироваться. Он приободрился, стал полон планов, надежд. Жизнь снова приобрела смысл. Ответная телеграмма с согласием на поединок была отправлена в тот же день. И Алехин усердно начал готовиться к предстоящему матчу.

23 марта в Лондоне состоялось заседание Исполкома Британской шахматной федерации, на котором окончательно был решен вопрос о матче. После заседания Алехину была направлена телеграмма с официальным предложением сыграть матч на первенство мира с чемпионом Советского Союза. Не знаю, получил ли чемпион мира эту телеграмму, но ответить на нее он не успел: 24 марта мир облетела весть о его неожиданной

кончине...

Реабилитация Пауля Кереса

Эстонский гроссмейстер впервые приехал в нашу страну почти сразу по окончании АВРО-турнира, в котором добился выдающегося успеха. Его пригласили принять участие в тренировочном турнире 1939 года, в нем, за исключением Ботвинника, приняли участие все лучшие советские мастера, а также четыре гроссмейстера — Флор, Решевский, Лилиенталь и Левенфиш. Турнир закончился победой Флора, реабилитировавшего себя после провала в АВРО-турнире. А результат Кереса стал сенсацией — он сумел разделить только 12-13-е места при 18 участниках. Проиграл 4 партии, выиграл лишь 3, явно недооценив силу советских участников. В 1940 году, когда Эстония «добровольно» вошла в Советский Союз, Керес играл в XII первенстве страны, но смог занять лишь 4-е место, хотя и опередил Ботвинника. И лишь в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона СССР он стал вторым, что и определило его позиции как второго шахматиста страны, главного конкурента Ботвинника. Когда началась война, Эстония была быстро оккупирована немецкими войсками. Будучи шахматным профессионалом, Керес принял участие в нескольких турнирах в фашистской Германии: в 1942 году в Зальцбурге и Мюнхене, каждый раз занимал второе место позади Алехина; в 1943 году в Зальцбурге разделил первое место с Алехиным, в Праге снова стал вторым позади Алехина, в Познани был первым. В 1944 году, находясь в Швеции, он выиграл матч у мастера Ф. Экстрема. К моменту взятия Таллина советскими войсками Керес вернулся из Швеции на родину. Чемпион СССР по прыжкам в воду мастер спорта И. Баркан, во время войны служивший в морской пехоте, еще в 50-е годы рассказал мне, что он входил в состав десанта, высадившегося в Таллинн с моря, и у него был ордер на арест Кереса, но того в городе не оказалось.

Полковник НКВД Б. Вайнштейн, бывший в то время главой Всесоюзной шахматной секции, прибыл в Таллин по служебным делам на другой день после вступления туда сухопутных войск и имел беседу с начальником эстонского НКВД. В конце беседы тот спросил, не мог ли Вайнштейн как председатель шахсекции решить вопрос об участии Кереса в чемпионате СССР, и добавил, что шахматы для Пауля единственный источник существования. Он предложил Вайнштейну встретиться с Кересом, но тот отказался, объяснив, что взять на себя решение такого вопроса он все равно не может: есть общая установка — тех, кто во время войны находился на оккупированных территориях, в первый

послевоенный чемпионат не пускать. А с Кересом ситуация еще сложней.

«Сам я отношусь к нему с большой симпатией,— добавил Вайнштейн,— и как к шахматисту, и как к человеку, хотя пока с ним лично и не знаком. Но если по закону, то ему за сотрудничество с немцами надо 25 лет давать, и вы это знаете не хуже меня. Он же в их турнирах играл, с Алехиным якшался...»

Поэтому Керес не участвовал ни в XIV первенстве СССР, ни в матче по радио СССР — США.

Могу добавить, когда в конце 1945 года в Москве проходило первое послевоенное командное первенство профсоюзов, Керес почти каждый день появлялся на турнире, и в руках у него была папочка, в которой, видимо, лежали какие-то документы.

Позиция руководства страны по отношению к лицам, оказавшимся не по своей воле на оккупированных немцами территориях, да к тому же сотрудничавшим с немцами, была исключительно жесткой, ее и отразил Б. Вайнштейн. И неизвестно, что произошло бы с Кересом, если бы его не взяло под свою защиту партийное руководство Эстонии и лично первый секретарь ЦК партии Эстонии Н. Г. Каротамм. Видимо, они и подсказали Кересу идею обратиться с покаянным письмом к В. М. Молотову, бывшему тогда первым заместителем председателя Совета Министров СССР. Приведем этот документ:

«Тов. В. М. Молотову Москва, Кремль.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Оказавшись во время фашистской оккупации во власти немцев на территории Эстонской ССР, я был оторван от советских шахматистов в течение трех с лишним лет. Не будучи в силах отказаться от шахматной игры, я за это время, при оккупантах, принял участие в пяти турнирах. По-видимому, по этой причине Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта не считает возможным допустить меня к участию в турнире на первенство СССР, хотя я в 1941 году был признан гроссмейстером СССР по шахматам.

Вполне сознавая свою ошибку, прошу все же принять во внимание сложившиеся для меня в годы оккупации исключительно тяжелые обстоятельства. Мне очень хочется быть восстановленным в правах высококвалифицированного советского шахматиста и доказать на деле, что я в состоянии с честью выполнять обязанности, связанные с почетным званием советского гроссмейстера. Со своей стороны хочу приложить все старания к тому, чтобы мое участие в шахматных турнирах СССР шло бы на пользу всему Советскому Союзу. Хочу также посвятить все силы на поднятие уровня шахматной культуры в Эстонской

ССР.

Прошу Вас, Вячеслав Михайлович, помочь мне стать опять полноправным членом советской шахматной семьи.

Таллин, 7 апреля 1945 года.

Паул Керес».

Много позже Николай Николаевич Романов, уже будучи пенсионером, рассказывал мне лично, что в связи с делом Кереса он был вызван к Молотову. У того в кабинете уже находился В. Абакумов — министр госбезопасности. Романов стал защищать Кереса, особенно напирая на то, что Керес возвратился в Эстонию накануне прихода советских войск, хотя вполне мог остаться в Швеции. Позиция Абакумова была такой же, что и у Вайнштейна.

Выслушав обе стороны, Молотов неожиданно спросил:

Как вы думаете, если бы Керес остался в Швеции, он бы жил лучше, чем у нас?

Наступила пауза. И тогда, не дожидаясь ответа, резюмировал:

Все ясно. Вопрос решен. Пусть Керес играет!

В сентябре 1945 года он принял участие в чемпионате Эстонской ССР, в котором вне конкурса выступали гроссмейстеры Котов, Флор и Лилиенталь, а также мастер Толуш, и был первым. Затем в марте 1946 года его самого отправили играть вне конкурса в чемпионате Грузинской ССР, где он также вышел победителем. В июне того же года Керес в составе сборной СССР сыграл в радиоматче СССР — Англия на второй доске, набрал полтора очка из двух против мастера Е. Клейна. Тем не менее на крупный международный турнир в Гронингене в августе 1946 года, несмотря на то, что он имел персональное приглашение, его не послали.

Можно считать, что Керес был полностью реабилитирован только в 1947 году, когда в феврале он принял участие в XV первенстве СССР и занял первое место, на очко опередив И. Болеславского.

О дальнейшей судьбе Кереса разговор еще впереди.

На Политбюро

В начале 1948 года наши спортсмены потерпели крупное поражение на первенствах мира по лыжам и конькам. Началась «холодная война», и зарубежная печать язвительно отметила, что страны, в которых число жителей меньше числа советских спортсменов, выступили удачнее.

А теперь слово председателю Спорткомитета того времени Николаю Романову: «Через несколько дней вопрос о провале мужской команды на первенстве мира по конькобежному спорту был вынесен на обсуждение Политбюро ЦК ВКП(б). Кроме меня вызвали еще 3 человека из состава делегации, выезжавшей на первенство мира. Обдумывая свое выступление на Политбюро, я решил, что оправдываться не буду. Докладывал я в течение 10—15 минут и, как мне теперь кажется, держался спокойно, без видимого волнения. И. В. Сталин, прохаживаясь по кабинету, три или четыре раза подходил ко мне почти вплотную и, вынув трубку изо рта, пристально смотрел прямо в глаза. Я и раньше слышал, что у Сталина есть такая привычка, и продолжал свое выступление, по-прежнему стараясь держаться спокойно. В заключение я сказал, что был убежден в неизбежном проигрыше наших конькобежцев и обязан был написать записку в Политбюро. Этого мною сделано не было — принимаю вину на себя.

После того как я закончил говорить, Сталин тут же обратился к Ворошилову с вопросом:

Что вы можете сказать?

Товарищ Сталин,— стал объяснять Ворошилов,— в том, что наша команда участвовала в первенстве мира, большая доля моей вины. Романов мне докладывал, что у него есть серьезные возражения против поездки, и был против участия в соревнованиях, где нас ждал заведомый проигрыш.

Услышав такое признание, Сталин пришел в негодование и с раздражением дважды переспросил Ворошилова:

Так почему же вы не поддержали Романова? Почему допустили провал?

Он в столь резкой форме раскритиковал Ворошилова, что я не считаю уместным приводить здесь его слова. Заканчивая обсуждение, Сталин сказал примерно так:На Западе стараются поймать нас на любых промахах, для того чтобы потом раздуть их, поднять в печати шумиху и дискредитировать Советское государство. Товарищ Романов — молодой работник, и он на этом попался. Надо укрепить Комитет» .

Романов написал свои воспоминания через 39 лет после этого

заседания. А один из неудачно выступивших конькобежцев, Алексей Пискарев, очевидец происходившего, в свое время рассказывал все это несколько иначе:

Сначала мы долго ждали в «предбаннике», наполненном людьми. Затем открылась дверь, кто-то спросил, где люди из Спорткомитета, и нас вызвали «на ковер».

В огромном зале за длинным столом сидели вожди. В центре Сталин, рядом с ним с одной стороны Берия, с другой — Ворошилов. Романов держал в руках папку, в которой у него был припасен доклад о положении дел в спорте. И он начал докладывать. Послушав несколько минут, Сталин поднялся, подошел к нему и резко прервал его:

Так вы тот самый Романов, что позорит наш спорт!

Здесь необходимо небольшое отступление. Вскоре после окончания Великой Отечественной войны к нам приехала болгарская команда футболистов. Они сыграли несколько матчей, причем один в Сталинграде с местной командой «Трактор», и победили. Информация об этом будто бы дошла до Сталина, и он произнес следующую историческую фразу:

Как это могло случиться, что мы в Сталинграде выиграли войну и проигрываем в футбол? Это — позор!

Тогда-то Сталин, видимо, услышал впервые фамилию Романова и хорошо ее запомнил. А теперь вернемся на заседание Политбюро.

Можно себе представить состояние Романова. Он, конечно, смешался, а Сталин, повернувшись к Ворошилову, который был тогда куратором спорта, добавил:

Как же ты допустил такое?

Меня неправильно информировали,— стал тот оправдываться. Сталин пришел в негодование и раздраженно бросил:

Вопрос мне кажется ясен. Товарищ слаб, и его следует заменить!

Как у тебя, Лаврентий, обстоят дела со спортом? — обратился он к Берии.

У меня хорошо,— ответил Берия. Спортивным обществом Министерства внутренних дел было «Динамо» — одна из сильнейших спортивных организаций страны.

А кто у тебя руководит спортом?

Генерал-полковник Аполлонов, мой заместитель.

Тогда я предлагаю назначить генерала Аполлонова руководителем спорта нашей страны. Согласны?

Возражений не последовало, и вопрос был решен. Спортсмены во главе с уничтоженным Романовым покинули

заседание.

Вскоре было обнародовано постановление Совета министров, в котором сообщалось о назначении Аполлонова. К нему прилагалось секретное постановление (которое, естественно, не публиковалось в открытой печати), определявшее финансирование спорта. Лучшим спортсменам устанавливались специальные стипендии. Они должны были им позволить отдавать себя спорту, не думая о хлебе насущном. Это решение, несомненно, во многом способствовало быстрому подъему советского спорта. Однако, строго говоря, оно противоречило тогдашней позиции Международного олимпийского комитета, считавшего спорт делом любительским, и в Олимпийских играх имели право участвовать только спортсмены-любители. Однако, как известно, шила в мешке не утаить, и уже на Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году наших спортсменов называли «государственными любителями»! Впрочем, и на Западе среди участников Олимпиад в основном были студенты, полицейские и военные.

Своим решением Совет Министров определил генеральную линию, которой надлежало следовать спортивным организациям, — отныне советский спорт должен был стать лучшим в мире, наглядно показывать все преимущества нашего советского образа жизни.

Да, но что было делать с Романовым? На заседании Политбюро этот вопрос решен не был. Конечно, можно было снова обратиться к Сталину, но, видимо, (и не без оснований), опасались, что Романов в этом случае мог загреметь в места не столь отдаленные...

В таком подвешенном состоянии он находился почти год. Каждый день приходил в Спорткомитет и работал в кабинете без всякой вывески. И лишь потом на двери появилась табличка: «Первый заместитель председателя».

Генерал командует спортом

Итак, генерал-полковник госбезопасности оказался во главе советского спорта. И чуть ли не первым международным соревнованием, прошедшим при Аполлонове, стал матч-турнир на первенство мира по шахматам. Первая половина матч-турнира (точнее, две пятых) прошла в Гааге, вторая (три пятых) — в Москве. Колонный зал Дома союзов ВЦСПС, где проходила игра, был всегда переполнен. Уверенно лидировал Ботвинник, и публика громом аплодисментов встречала каждую победу нашего чемпиона. Тем не менее, когда в 14-м туре Решевский нанес лидеру первое поражение, объективные москвичи устроили американцу настоящую овацию. Я был среди зрителей, и мне запомнилось искаженное яростью лицо Аполлонова, присутствовавшего в зале. Было видно, что он крайне возмущен тем, что публика восхищается успехом американского шахматиста. Еще бы! Наши союзники во второй мировой войне уже официально считались политическими противниками, даже врагами: «холодная война» была в самом разгаре.

В лице Аполлонова спорт получил типичного «фельдфебеля в Вольтеры». Его боялись, и не без оснований. Резкий, безапелляционный, он, как и многие другие руководители того времени, со всеми подчиненными был на «ты», частенько сопровождал свои сентенции грубым, чисто солдатским юмором и прибаутками.

Игорь Бондаревский, например, рассказывал, что на одной из первых встреч с генералом он пожаловался на трудности, Аполлонов его оборвал:

«А что легко? Легко только ссать в бане!»

Любопытной чертой генерала была его непредсказуемость. Так в 1949 году по окончании матча Москва — Будапешт все члены московской команды (и я в том числе) были приглашены для подведения итогов к председателю Спорткомитета. Один из судей матча, мастер Зубарев, начальник отдела шахмат, подготовил обстоятельный отчет о матче.

Когда все приглашенные расселись вокруг длинного стола, Аполлонов вдруг сказал:

— А что обсуждать? В Будапеште вы играли не слишком, но в Москве реабилитировались.

Действительно, в столице Венгрии наш перевес был не слишком значительным: 38 : 26, но общий итог матча оказался 86 : 41 в нашу пользу.

Аполлонов между тем продолжил свою мысль:

Николай Михайлович! — сказал он, обращаясь к Зубареву.— Лучше расскажите, как идет подготовка к матчу претендентов?

Чего-чего, а подобного вопроса Зубарев никак не ожидал. А ведь он был хорошим, исполнительным работником. И в Спорткомитете пользовался авторитетом. А здесь ему в буквальном смысле пришлось изворачиваться, чтобы не вызвать гнев начальства.

Уже не помню, по какому случаю, однажды я попал на заседание Коллегии Спорткомитета, где основным был вопрос о состоянии футбола в стране. Все уже заняли места, когда, опираясь на палку, дверь отворил Николай Энтин — инвалид войны, заместитель председателя спортобщества «Крылья Советов». Замечу, что на обсуждение важных вопросов обычно приглашались председатели обществ.

Увидев незнакомого человека, Аполлонов с присущей ему прямотой спросил:

—А ты кто такой?

Энтин представился, объяснил, что пришел вместо председателя спортобщества Петрова. Реакцию генерала невозможно было предсказать:

Пошел вон! Ты мне не нужен.

И когда за растерявшимся Энтиным закрылась дверь, буркнул:

—Ишь, до чего дошли. На заседание по футболу хромых присылают!

Парадоксально, но Аполлонов любил шахматы и неплохо в них разбирался. Вспоминаю, как мы уезжали на международный турнир в Щавно-Здруй. Самолет улетал поздно ночью, и около полуночи шахматисты собрались в помещении Спорткомитета. В те времена из-за привычки Сталина работать по ночам все начальство следовало его примеру. Как обычно, генерал находился у себя в кабинете.

Наша делегация — Керес, Бондаревский, Тайманов, Геллер, Симагин и я, а также Алаторцев — руководитель и Вересов — тренер, получила твердое указание выиграть турнир, а затем Аполлонов предложил Кересу сыграть партийку. Он играл достаточно грамотно, и партия затянулась. Нам уже было необходимо уезжать, а увлеченный игрой генерал не торопился. Пунктуальный Зубарев, не смея вмешаться, просто извелся, пока партия не закончилась. К счастью, в аэропорт мы все-таки успели вовремя.

На старте игра у нас не особенно ладилась. Лидерство захватил венгр Ласло Сабо. И тогда через наше посольство в Польше мы получили краткую, но очень выразительную

телеграмму: «Приказываю немедленно усилить игру в турнире. Аполлонов». На следующее утро, часов в восемь, я был разбужен настойчивым стуком в дверь.

— Немедленно вставай! — раздался за дверью голос руководителя делегации.— И выходи на зарядку!

Я правда, с детских лет привык делать зарядку самостоятельно, но приказ есть приказ! И вот, под руководством нашего тренера мастера Вересова мы начали дружно разучивать так называемый «суворовский комплекс» — зарядку, введенную тогда для комсостава в армии. Лишь Володя Симагин категорически отказался принимать участие в этих физических упражнениях. Вместо этого он предложил нашему руководителю начать ходить на игру строем...

Не знаю, что помогло — телеграмма Аполлонова или «суворовский комплекс», но мы подтянулись и в итоге выступили удачно. Пауль Керес стал победителем турнира, остальные советские участники заняли призовые места. Успешно выступил даже пренебрегавший зарядкой Симагин. Через несколько лет наверху, видимо, решили, что генерал навел в спорте порядок. И вернули его в органы безопасности с повышением — он был назначен командующим пограничными войсками страны. Помню, как в автомобиле с охраной он приезжал прощаться в Спорткомитет. А председателем снова стал Романов.

Так уж случилось, что в последний раз мне довелось встретиться с Аполлоновым в середине 60-х годов, когда он уже был на пенсии и председательствовал, видимо по старой памяти, в Федерации тяжелой атлетики Москвы. В Центральном шахматном клубе проходило какое-то их совещание, и во время перерыва, увидев Аполлонова, я пригасил его на чашечку кофе к нам в редакцию журнала, благо она находилась в том же здании.

Как выяснилось из нашего дальнейшего разговора, он продолжал увлекаться шахматами, следил за шахматной жизнью, систематически читал наш журнал и даже решал печатаемые у нас этюды и задачи. Уходя, сказал не без горечи:Недавно зашел в Спорткомитет. И там никто меня не узнал!

Аркадия Николаевича Аполлонова давно уже нет в живых, и мне придется выступить в его защиту.

Сочинитель Е. Гик несколько своих баек посвятил Аполлонову. Вот что он поведал в одной из них: «В конце 40-х годов председателем Комитета физкультуры (впоследствии Спорткомитета СССР) был то ли танковый генерал, то ли генерал КГБ некто Аполлонов. Шахматистов он поражал своей "компетентностью". Вот один пример. В матч-турнире на первенство мира 1948 года Ботвинник практически обеспечил

себе первое место и шахматную корону. Но когда он проиграл единственную партию Решевскому, зал встретил успех американского гроссмейстера бурными аплодисментами. Аполлонов усмотрел в этом демонстративное проявление симпатии зрителей к США, вызвал к себе главного судью гроссмейстера Котова и гневно спросил:

А ты куда смотришь? Уволю!

Понимая всю нелепость вопроса, арбитр ответил уклончиво:

Мое дело следить за флажками,— он имел в виду шахматные часы и цейтноты участников матч-турнира. Но Аполлонов в этом ничего не понимал и был уверен, что Котов говорит о государственных флагах, которые обрамляли сцену.

Позволь,— усомнился генерал,— но они же крепко прибиты. Я лично проверял».

В этом опусе, не считая недовольства Аполлонова поведением публики, нет ни одного слова правды. И главным судьей матчтурнира был не Котов, а югославский гроссмейстер Милан Видмар-старший. Могу свидетельствовать, Аполлонов был достаточно компетентен в шахматах, чтобы не говорить приписываемые ему Е. Гиком глупости.

Или байка о том, что Ботвинник однажды опоздал на прием к Молотову из-за того, что его задержал Аполлонов, и объяснил причину опоздания. После чего, как с явным удовольствием рассказывает сочинитель, «в тот же день Аполлонов был с треском изгнан с занимаемой должности. Так закончилась славная спортивная карьера генерала». Кроме того, что у Ботвинника действительно не сложились отношения с Аполлоновым, здесь опять нет ни одного слова правды. Как я уже сказал, Аполлонов ушел из Спорткомитета на повышение — стал командующим пограничными войсками нашей страны!

Ботвинник обыгрывает Берию

Матч-турнир на первенство мира по шахматам закончился убедительной победой наших шахматистов. Чемпионом мира стал Михаил Ботвинник, второе место занял представитель молодого поколения наших шахмат Василий Смыслов. Многолетняя работа по развитию шахматного искусства в СССР наконец-то принесла свои плоды.

С начала 30-х годов Михаил Ботвинник был признанным лидером советских шахмат, одним из создателей нашей шахматной школы. Его выдающиеся шахматные успехи и у нас в стране, и за рубежом принесли ему огромный авторитет и популярность. Им восхищались, ему следовали, ему подражали. О влиянии Ботвинника на мое поколение стоит рассказать особо.

С детства я изучал его партии, учился на них. Память до сих пор сохранила, как в 1936 году в пионерском лагере мы стояли, затаив дыхание, у репродуктора в ожидании новостей из английского городка Ноттингема, где наш чемпион Ботвинник сражался с сильнейшими шахматистами буржуазного мира. И побеждал их!

Помню, как в 1943 году, будучи кандидатом в мастера, я впервые сел с Ботвинником за шахматную доску в чемпионате Москвы. Написал на бланке «Ботвинник» и не поверил себе, настолько не поверил, что когда он отвернулся, ущипнул себя за руку. Неужели это не сон? Неужели я наяву играю один на один с самим Ботвинником?

Теперь, когда его шахматный путь стал достоянием истории, можно беспристрастно и объективно оценить место Ботвинника в мировых шахматах. Несомненно, что с конца тридцатых годов по 1948 год, когда он стал чемпионом мира де-юре, Ботвинник был сильнейшим в мире де-факто. Как мне кажется, наиболее убедительно его превосходство проявилось на сильном по составу XIV чемпионате СССР в 1945 году. Он победил, сделав всего четыре ничьи, не проиграв ни одной партии. Этот своеобразный рекорд не был никем побит!

Должны быть отмечены заслуги Ботвинника в развитии и углублении теории шахмат. Многие его партии стали классикой, на них сейчас учатся поколения молодых шахматистов.

В свое время Ботвинником была разработана специальная система подготовки шахматиста к соревнованиям, которая была взята на вооружение всеми советскими мастерами. Важное место в ней занимала психологическая подготовка, умение нащупать слабые места в творчестве соперников и умение это использовать.

Завладев шахматной короной, Ботвинник занялся подготовкой докторской диссертации (по специальности он был инженерэлектротехник), а затем успешно ее защитил. Конечно, это прибавило ему респектабельности, но на три года вывело из игры. Перед началом его матча с Давидом Бронштейном в 1951 году большинство экспертов полагало, что Ботвинник легко сокрушит претендента. Однако на самом деле лишь на финише ему удалось сравнять счет и сохранить звание чемпиона. Да и следующий матч за мировое первенство с Василием Смысловым, также закончившийся вничью, отчетливо показал, что Ботвинник утратил былое превосходство над конкурентами, стал, по его же собственным словам, только «первым среди равных». Перерыва в игре богиня шахмат Каисса не простила: его догнали представители более молодых поколений.

Коньком системы подготовки Ботвинника были тренировочные партии. Он играл их с Вячеславом Рагозиным, Ильей Каном, Семеном Фурманом. В период с 1955 по 1957 год его спарринг-партнером был я. В то время, близко общаясь с чемпионом мира, я пытался понять его характер, его сущность. Поначалу, как собеседник, он меня просто очаровал. Его взгляды, его суждения были нестандартны, оригинальны, иногда даже парадоксальны. Он рассуждал здраво, логично, стремился ухватить самую суть явлений. Я слушал его не прерывая, но однажды попытался в чем-то возразить. И тотчас натолкнулся на стену. Мои доводы его не интересовали: создавалось впечатление, что он считал свои суждения истиной в последней инстанции.

Стремление Михаила Моисеевича на все иметь собственное мнение могло навлечь на него крупные неприятности. Так в 1954 году, когда началась «оттепель», он отправил секретарю ЦК КПСС по идеологии письмо, в котором высказал свои взгляды на вопрос — возможна ли социалистическая революция на Западе без третьей мировой войны.

Точка зрения Ботвинника была резко раскритикована партийным бонзой в записке «Об ошибках М. М. Ботвинника», хранящейся в архивах ЦК КПСС. Весьма примечателен последний абзац этого уникального документа: «"Заметки" Ботвинника представляют интерес как проявление буржуазной идеологии лейбористского типа и боязни капиталистического окружения. Полагаю, что следует вызвать М. Ботвинника в Отдел пропаганды и агитации ЦК и разъяснить ему антимарксистский характер его заметок. Если же он будет настаивать на своих некоммунистических взглядах, то он не может, мне кажется, оставаться членом партии».

Видимо, беседа в ЦК состоялась. Ботвинник понял, что нужно

брать ход назад. Об этом говорит хранящееся в архиве покаянное письмо чемпиона мира, в котором он благодарит за внимание и терпеливое разъяснение своих ошибок. На этом история закончилась.

Когда Ботвинник проиграл матч Петросяну и был отменен матч-реванш, он решил отказаться от попыток вернуть звание чемпиона мира и занялся работой с молодыми шахматистами. Через его руки прошли все перспективные юноши, начиная с Карпова и Каспарова. В первую очередь он их учил самостоятельно работать над шахматами.

Примерно в то же время Ботвинник занялся проблемой «искусственного интеллекта», взялся за создание компьютерной шахматной программы «Пионер», которая должна была «думать» так, как думает человек, а точнее сказать, как мыслит он сам. Проблема эта исполинской трудности: ведь мы еще плохо знаем, как действует наш мозг. Ботвинник работал над программой около тридцати лет, но так и не смог выполнить свой честолюбивый замысел.

Приходит на память один вечер, когда у Ботвинника на даче мы с женой встречали Новый год. Он был в ударе, выпил целый бокал шампанского, хотя обычно к алкоголю не притрагивался, соблюдая строжайший режим.

Затем начались танцы. Михаил Моисеевич лихо отплясывал танец своей юности чарльстон, бойко выделывая сложнейшие па. Я был немало удивлен и сказал, что никогда не подозревал у него такого таланта. Слова эти он воспринял как должное и без ложной скромности тут же похвастался, что однажды ему довелось танцевать с Галиной Улановой, и даже она, сама великая Уланова, уступала ему в танце!

Да, прав был Илья Кан, когда-то сказавший мне, что Ботвинник считает себя авторитетом буквально во всем.

Не могу не отметить, что хотя в Ботвиннике было немало хорошего, поражало его недоверие к людям, мнительность, подозрительность. Не исключено, что в борьбе за шахматной доской эти качества могут оказаться полезными, заставляя опасаться замыслов противника, всегда быть начеку, настороже. Однако в повседневной жизни, в общении с людьми...

Приведу один, но очень характерный пример: однажды в воскресенье моя жена приехала на дачу к Ботвинникам и привезла с собой свежий торт из кафе «Националь», в те годы славившегося отменным качеством кондитерских изделий. Надо было видеть, с каким удовольствием вкушали этот торт все сидевшие за столом. Кроме самого хозяина. Он к нему даже не прикоснулся. И лишь вечером, когда остатки торта снова

появились на столе, Ботвинник позволил себе его отведать, убедившись, что все, кто ел торт ранее, в полном порядке.

О подозрительности и мнительности Ботвинника ходили легенды, в которых сейчас уже невозможно отличить, где правда, а где вымысел. Вот одна из таких историй, озвученная Марком Таймановым, которую я приведу в несколько сокращенном виде:

«С горечью и обидой делился со мной однажды Сало Флор — верный друг и секундант Ботвинника — по поводу поразившего его эпизода, который случился во время матча на первенство мира Ботвинник — Бронштейн».

Напомним читателям, что 23-я партия этого матча, в которой чемпион мира играл белыми, была отложена в лучшем для него положении, и Ботвинник записал свой секретный ход. Выигрывая эту встречу, он сравнивал счет в матче, и в последней 24-й партии ему было достаточно ничьей, чтобы сохранить чемпионский титул.

А теперь снова предоставим слово Тайманову:

«...Чемпион мира в хорошем настроении покинул Зал им. Чайковского. Его встретил радостный Флор, и они, как обычно, пешком отправились домой к Ботвиннику. По дороге секундант приводил по памяти варианты, которые должны принести желанную победу. Поужинав, сели за доску и вместе проанализировали позицию из отложенной партии.

К ночи Флор удалился домой для скрупулезной шлифовки анализа, договорившись, что утром они расставят все точки над "i". Так и случилось. С учетом очевидного "секретного" хода, который был должен накануне записать Ботвинник, сомнений в его победе уже не оставалось.

В игровой день они вместе прогулялись, пообедали и отправились на доигрывание этой, по существу, решающей партии.

Эмоциональный Флор не скрывал своей радости по поводу ожидавшейся развязки, а Ботвинник охотно ему поддакивал. Наконец они пришли к турнирному помещению. Сало пожелал ему "ни пуха, ни пера", и только здесь, у входа в зал, Ботвинник неожиданно признался. Тихо, чтобы никто не мог услышать, он шепнул Флору:

— Соломончик! Я записал другой ход!

Флор чуть не плакал и долго не мог забыть обиду, нанесенную другом».

В этой истории, красочно расписанной Марком Евгеньевичем, есть одна небольшая неувязка — секундантом Ботвинника на матче с Бронштейном был не Флор, а Вячеслав Рагозин, которому чемпион мира безусловно доверял. Где же был он —

официальный секундант? Обычно именно Рагозин сопровождал Ботвинника по дороге на игру и обратно домой, именно Рагозин обычно принимал участие в домашнем анализе. И отсутствие Рагозина заставляет усомниться в правдивости всей этой истории. Либо Флор что-то перепутал, либо Тайманов...

Несомненно, главным качеством Ботвинника была его исключительная целеустремленность. Еще юношей он поставил перед собой высокую цель — стать чемпионом мира по шахматам и последовательно шел к ней, отсекая все лишнее, что мешало движению. Эта целеустремленность отличала не только Ботвинника-шахматиста, но и не в меньшей мере Ботвинника-человека. Если он ставил перед собой цель, не было силы, способной его остановить.

Вот история, рассказанная мне заместителем председателя Спорткомитета Дмитрием Постниковым, в конце сороковых и пятидесятых годах курировавшего шахматы:

«Став чемпионом мира, Ботвинник решил построить дачу. И не где-нибудь, а в одном из самых престижных мест Подмосковья — на Николиной горе. Стоит добавить, что там проживали самые сливки общества — поэт С. Михалков, писатель Ф. Панферов, академик П. Капица, авиаконструктор В. Мясищев. Николина гора находится вблизи Москвы-реки, в районе водоохранной зоны столицы и контролировалась Министерством внутренних дел. Написав на имя министра внутренних дел Л. Берия письмо, Ботвинник обратился к тогдашнему председателю Спорткомитета Аполлонову с просьбой о поддержке. Через некоторое время Аполлонов приказал Постникову вызвать Ботвинника и сообщить, что Берия ему отказал. Постников пригласил Михаила Моисеевича и передал ему слова председателя Спорткомитета.

Разрешите воспользоваться вашей "вертушкой",— неожиданно попросил Ботвинник и, получив согласие, быстро набрал номер. Было очевидно, что он готов к такому повороту событий и отступать не намерен.

В трубке послышался голос:

У телефона Маленков. С кем я говорю?

Здравствуйте, Георгий Максимилианович! Говорит чемпион мира Ботвинник. Прошу принять меня по небольшому вопросу.

В то время (конец 40-х годов) Г. Маленков был одним из ближайших сподвижников Сталина.

Откуда вы звоните?

Из Спорткомитета.

Через двадцать минут жду вас на Старой площади. Пропуск вам будет заказан. (На Старой площади располагался Центральный комитет партии.) Попрощавшись с Постниковым,

Ботвинник поспешил на Старую площадь. А через неделю в Спорткомитет пришла телефонограмма. Ее содержание:

«По поводу заявления тов. Ботвинника М. М.

Министру лесного хозяйства тов. Орлову. Выделить столькото кубометров леса для тов. Ботвинника М. М.

Министру путей сообщения тов. Бещеву. Обеспечить доставку леса до поселка Николина гора.

Председателю Моссовета тов. Попову. Выделить участок земли на Николиной горе для дачи тов. Ботвинника М. М.

Главному архитектурному управлению Моссовета. Представить тов. Ботвиннику М. М. стандартный проект дачи.

Все расходы за счет тов. Ботвинника М. М.»

Но главное, конечно, было в подписи — И. Сталин.

Так Ботвиннику удалось обыграть всемогущего Берию!

Это — рассказ свидетеля. А теперь небольшой отрывок из байки Е. Гика.

«...Ботвинник после победы в крупнейшем довоенном турнире в Ноттингеме получил дачный участок, причем на соответствующей бумаге стояла подпись самого Берии». На трех строчках сочинитель умудрился сделать рекордное число ошибок. Во-первых, крупнейшим довоенным турниром был матч-турнир радиокомпании АВРО, проходивший в 1938 году в Голландии, во-вторых, в 1936 году, когда проходил турнир в Ноттингеме, и до начала второй мировой войны Ботвинник жил в Ленинграде. В-третьих, только в 1938 году Берия заменил Ежова на посту народного комиссара внутренних дел. Здесь все от начала до конца — вымысел.

Я — шахматный профессионал

Вообще-то я не собирался становиться шахматистом-профессионалом. Ни тогда, когда выиграл первенство страны среди мальчиков до 16 лет, ни тогда, когда, пройдя сито отборочных соревнований, попал в финал чемпионата Москвы среди взрослых, ни тогда, когда завоевал звание мастера. Окончив среднюю школу, я поступил в МВТУ имени Баумана, получил специальность инженера-механика и начал работать в качестве младшего научного сотрудника в «ящике». Однако чем выше я поднимался по ступеням шахматной квалификации, тем все труднее и труднее становилось сочетать сначала учебу, а затем работу с регулярным участием в соревнованиях. Им, как правило, я отдавал свой оплачиваемый отпуск, но, кроме этого, иногда брал отпуск без сохранения содержания.

Став мастером, я регулярно подтверждал это звание: выиграл первенство Прибалтики, разделил первое-второе места в мастерском турнире памяти Рюмина, победил в полуфинале чемпионата страны 1947 года и вышел в финал, где, правда, сыграл средне. К подобным турнирам высокого класса, какими были тогда первенства СССР, надо тщательно готовиться, а у меня на это времени катастрофически не хватало.

К тому же у меня была интересная работа, я поступил в заочную аспирантуру, успешно сдал кандидатский минимум, начал работать над диссертацией. Короче говоря, оказался на распутье.

Становилось все более очевидным, что попытка сидеть на двух стульях ни к чему хорошему не ведет. Нужно было делать выбор.

Да и освобождаться от работы для участия в соревнованиях становилось все труднее и труднее. Не говоря уже о том, что первая же зарубежная поездка вызвала новые проблемы. Ведь я работал в «ящике». В шахматном отделе Спорткомитета меня считали молодым, перспективным шахматистом. Я был чемпионом

Москвы, участником чемпионата страны. И, видимо, не случайно, в конце 1949 года мне предложили перейти на стипендию и бросить работу.

Об этом как-то я рассказал моему руководителю «в ящике» профессору Константину Константиновичу Ушакову. Выслушав меня, он неожиданно предложил: «Если хотите, могу отпустить вас года на два. Попробуйте добиться крупных успехов. Если не получится, возьму вас снова на работу».

Такой поворот определил мою дальнейшую судьбу. Хотя жена и родители были против моего перехода в шахматные профессионалы, я все-таки решил рискнуть, хотя, как выяснилось позже, сильно потерял в заработке.

План действий был предельно ясен — за отпущенные годы стать гроссмейстером. В то время это звание можно было получить, либо выиграв первенство страны, либо став претендентом на мировое первенство. Что и говорить, задача неимоверной трудности. И все же я решил рискнуть.

Как раз в то время гроссмейстер Андрэ Лилиенталь пригласил меня помочь ему готовиться к турниру претендентов и быть его секундантом на турнире. Он должен был состояться в Будапеште летом 1950 года. Приглашение отвечало моим планам начать серьезно работать над шахматами, а заодно и познакомиться с обстановкой подобных соревнований.

На том турнире я впервые воочию увидел, как в шахматы вторгается политика.

В 1948 году конгресс ФИДЕ постановил, что число участников турнира претендентов составит 14 человек. Однако М. Эйве и Р. Файн отказались от игры, сославшись на занятость, а Госдепартамент США не выдал С. Решевскому выездную визу в коммунистическую Венгрию. Таким образом, число участников стало нечетным, и были все основания полагать, что первый кандидат на участие югослав П. Трифунович станет двенадцатым. Однако незадолго до этого сильно обострились отношения между СССР и Югославией. Броз Тито перестал подчиняться диктату Сталина, и в наших газетах было опубликовано пространное заявление Коминформа с резкими выпадами в адрес югославских руководителей.

Казалось бы, какое отношение все это имеет к турниру претендентов? Выяснилось, что имеет...

Дело было в том, что спорт (а вместе с ним и шахматы) курировал Отдел пропаганды и агитации ЦК партии, особенно чуткий к тому, куда и откуда дуют политические ветры. Все спортивные контакты с югославами были немедленно прерваны. А тут, видите ли, югославский шахматист собирается играть в турнире против советских гроссмейстеров!

Этого наши «пропагандисты и агитаторы» никак не могли допустить и придумали, как говорил незабвенный Остап Бендер, «потерю качества при выигрыше темпа»: пожертвовали имевшим право на участие в турнире и готовившимся к борьбе И. Бондаревским. Официально было объявлено, что он внезапно заболел, и соревнование началось при десяти участниках. Однако, решив несколько загладить свою вину перед

Бондаревским, двумя неделями позже Спорткомитет все же отправил его в Будапешт, но уже в качестве зрителя.

Когда Игорь Захарович появился в турнирном зале, то один из участников соревнования, Мигель Найдорф, подошел к нему, ткнул его слегка рукой в бок и удивленно произнес:

— Сообщили, что ты серьезно болен, а я вижу, что ты здоров как бык!

Бондаревский лишь криво улыбнулся.

Мой первый опыт секундантства оказался не слишком удачным. Как правило, дебют Лилиенталь разыгрывал неплохо, но напряженной пятичасовой борьбы не выдерживал и допускал серьезные ошибки. Я как мог старался его поддержать, но игра у него явно не шла. Отложенных партий у Лилиенталя было мало, и я мог похвалиться лишь одним успешным анализом. Партия моего подопечного с С. Флором была прервана в безнадежном положении для Лилиенталя. Я показал Андрэ, как построить ничейную крепость, но эту идею можно было осуществить только в том случае, если она была Флору неизвестна. Тот оказался не в курсе дела. Партия была спасена.

Перейдя в профессионалы, я начал выступать в соревнованиях, не беспокоясь о том, отпустят меня с работы или не отпустят. Второй раз стал чемпионом Москвы, опередив Петросяна, Лилиенталя и Симагина, победил в полуфинале очередного, XVIII первенства СССР, опередив Корчного. Однако в самом чемпионате на финише меня постигла неудача. Слишком напряженно, слишком усердно играл я в первой половине турнира и в конце выдохся, набрал в последних четырех партиях всего пол-очка. В итоге оказался на 13-м месте. Этот результат почти точно соответствовал моему первому выступлению в первенстве страны, но с одной существенной разницей — теперь-то я был профессионалом!

Пришлось серьезно задуматься над тем, как физически и психологически готовиться к соревнованиям, чтобы держаться на должном уровне до конца. Однако цель, которую я себе поставил — стать гроссмейстером, была по-прежнему далека.

В марте 1951 года начался матч на первенство мира Ботвинник — Бронштейн. Руководителем пресс-центра матча назначили Бондаревского, меня — его заместителем. Выяснилось, что подобные обязанности тоже вменяются стипендиатам.

На этом матче началась моя журналистская биография. Както в пресс-центр зашел незнакомый мне человек и предложил написать обзор первой половины соревнования. Я выполнил заказ и, лишь отдавая материал, спросил:

А как называется ваша газета?

«Совхозная правда».

Хотя у нас была куча всяких «правд», газеты с подобным названием мне видеть не приходилось. Через несколько дней в газетном киоске на Арбатской площади я поинтересовался, бывает ли у них «Совхозная правда». Услышав этот вопрос, киоскер даже высунулся из будки и оглядел меня с нескрываемым любопытством. Видимо, я был первым, спросившим эту газету.

Бывает,— ответил он,— но редко. И через паузу добавил: — Идет в основном на оклейку стен!

Если я не ошибаюсь, матч Ботвинник — Бронштейн был первым соревнованием на первенство мира, который транслировался по телевидению. Пару раз и мне пришлось выступить на Шаболовке с демонстрацией партий матча. Скажем прямо, что технику того времени иначе, как допотопной, назвать нельзя: картонная доска была утыкана гвоздиками, на которые навешивались картонные фигуры. Гвоздики плохо держались в картоне, часто вылетали. И рук не хватало, чтобы удерживать падающие фигуры на нужных полях. Можно себе представить, как на это реагировали зрители, сидевшие у экранов телевизоров.

Путь наверх

1951 году предстояло стать решающим в моей шахматной биографии. Дело в том, что финал XIX чемпионата страны был зональным, отборочным турниром к первенству мира, и пять человек из него выходили в следующий этап — межзональный турнир.

Однако сначала нужно было попасть в финал чемпионата, пройдя отборочное сито — полуфинальных соревнований.

И вот, вскоре после окончания матча Ботвинник — Бронштейн я отправился в Свердловск на полуфинал. Среди его участников, кроме моих друзей Тиграна Петросяна и Ефима Геллера, был претендент на мировое первенство И. Болеславский, за год до этого поделивший первое место в Будапеште на турнире претендентов с Бронштейном, но уступивший ему в финальном матче. Его тоже заставили отбираться в полуфинале.

Турнир сложился для нашего трио благоприятно. Когда до финиша оставалось четыре тура, у Геллера, Петросяна и меня было по 12 очков из 15. Болеславский, у которого, кстати, я выиграл, отставал на очко. Остальные участники шансов на выход в финал практически уже не имели. А для того, чтобы стать финалистом, нужно было занять место в первой четверке.

Накануне следующего тура Геллер зашел ко мне в номер.

Ты хочешь выиграть этот турнир? — спросил он.

Нет,— ответил я,— мне вполне достаточно выйти в финал.

И мне тоже,— продолжал Геллер.— Давай пропустим вперед Петросяна. Он только что переехал в Москву, и для приобретения авторитета ему нужна победа.

Я согласился. Чтобы выполнить обещание, мне достаточно было последние встречи свести вничью, а встречался я с участниками, уже потерявшими все шансы попасть в финал. Однако на этом пути меня ждал сюрприз...

В 16-м и 17-м турах я сделал ничьи, а в 18-м мне предстояло встретиться с московским мастером В. Люблинским, которого, кстати, я знал с детских лет. Утром в день тура он позвонил мне и спросил:

Ты согласен на ничью?

Согласен.

Конечно, ничья тебя устраивает,— продолжал тот.— Ну хорошо, встретимся за обедом.

Когда мы сели за стол, он предложил заказать водки. Как правило, во время турниров я строго соблюдал режим и к алкоголю не притрагивался.

Но ведь мы согласились на мировую,— подумал я,— понастоящему бороться не придется. И предложение принял.

На игру мы отправились в приподнятом настроении. Мой противник, игравший белыми фигурами, пожертвовав пешку, разыграл острый гамбит Эванса.

Ничего себе игра на ничью! — пронеслось у меня в голове.

До конца тура оставался час, когда я решил предложить ничью, хотя истины ради скажу, что позиция белых была в тот момент несколько лучшей. Затянувшись сигаретой, мой противник выпустил на доску, прямо мне под нос, струйку дыма и бросил:

Играй!

Только тогда я понял, что меня просто надули.

Настроиться на боевой лад было непросто: обида и возмущение давали себя знать. Партия была отложена, но при доигрывании спастись мне не удалось. Когда я сдался, противник, виновато улыбнувшись, произнес:

Извини, у меня расшатаны нервы, да и больно очков маловато!

К счастью, даже неожиданное поражение не испортило моих шансов на выход в финал. Итоги турнира были таковы: первый — Петросян, второй — Геллер, на третьем-четвертом местах Болеславский и я. Первый этап на пути к желанной цели был благополучно преодолен.

Финал XIX чемпионата страны осенью 1951 года собрал поистине выдающийся состав, назову лишь некоторых: чемпион мира М. Ботвинник, претенденты на мировое первенство Д. Бронштейн, В. Смыслов, П. Керес, А. Котов, С. Флор, И. Бондаревский. Им противостояли молодые мастера Т. Петросян, Е. Геллер, М. Тайманов, А. Аронин, И. Липницкий. В эту группу входил и я.

Здесь нужно небольшое отступление. Считается, что шахматы отражают жизнь. На эту тему исписано немало бумаги, приведена масса всяких измышлений и домыслов. А ведь на самом деле все так просто.

В столице Норвегии Осло можно видеть скульптурный комплекс, называемый «древом жизни». Это высоченная колонна, по которой карабкаются вверх голые люди. Их сотни, они упрямо лезут вверх, опираясь и одновременно отталкивая друг друга. Этот комплекс в гротесковой, натуралистичной манере отражает ту скрытую борьбу, которую люди ведут в повседневной жизни за место под солнцем.

А разве в спортивных, в том числе и шахматных состязаниях не происходит то же самое? Ведь путь к победе, путь наверх в

переносном смысле проходит по головам и плечам других участников. Выигрывая партии от тура к туру, мы одновременно отбрасываем назад соперников.

Однако этого мало: в шахматах есть то, чего нет, как правило, в других видах спорта: за шахматной доской нередко можно видеть людей разных поколений — отцов и детей, даже дедов и внуков. Ведь карьера шахматиста длится очень долго — более четверти века, а то и полсотни лет. Это значит, что шахматы в самом сокровенном виде отражают то, что в реальной жизни происходит скрыто: борьбу поколений.

В этом легко можно убедиться, рассматривая таблицы чемпионатов страны. Не всегда эта борьба носила явный характер, но в истории наших шахмат были турниры, когда поколения сходились прямо стенка на стенку. Например, VII первенство СССР 1931 года, когда молодое поколение, возглавляемое Ботвинником, заявило о себе во весь голос. Таким же явилось XIX первенство. Здесь нужно отметить, что, естественно, ни чемпион мира, ни его ближайшие соперники Бронштейн, Смыслов и Керес в отборе в межзональный турнир не участвовали. Поэтому, чтобы попасть в межзональный турнир, нужно было войти в первую пятерку, не считая вышеупомянутого квартета. Хотя в результате чемпионом страны стал Пауль Керес (причем уже в третий раз), борьба за место в межзональном турнире кончилась полной победой молодежи, родившейся уже после революции. Второе-третье места разделили Ефим Геллер и Тигран Петросян, опередившие и Ботвинника (5-е место), и Смыслова (4-е). А 6-7-8-е места с Бронштейном разделили Марк Тайманов и я. Из старшего поколения в заветную пятерку вошел лишь Сало Флор. Позади остались и Александр Котов, и Игорь Бондаревский.

Оставалось подвести итоги отбора, публично объявить, кто же поедет на межзональный турнир.

Однако Спорткомитет был явно не готов к тому, чтобы признать победу молодежи закономерной, и принял поистине соломоново решение. Объявили список кандидатов на участие в межзональном турнире, причем в него, кроме нашей пятерки и Флора, вошли Котов, Бондаревский, а также вообще не вышедшие в финал первенства Лилиенталь и Толуш.

К сожалению, я тогда не слишком разбирался в подобных тонкостях, считал, что принцип спортивного отбора — дело святое. И мог за это поплатиться...

Межзональный турнир должен был состояться только через год, осенью 1952 года. В качестве дальней подготовки к нему я решил уделить внимание своему здоровью. За годы войны из-за

плохого питания и недостатка витаминов мои зубы оказались в плохом состоянии, а после войны, разрываясь между работой и шахматами, у меня все не хватало времени, чтобы ими как следует заняться.

Когда я пришел в институт протезирования, профессор-консультант, обследовав мой рот изрек:

Все зубы убрать и делать вставную челюсть!

Помилуйте, профессор! — вступилась за меня лечащий врач. — Он ведь еще молодой человек. Ему нет и тридцати.

Нет и тридцати? А рот как у пятидесятилетнего.

К счастью, лечащий врач, которой я по гроб благодарен, не согласилась с суровым приговором профессора. Часть зубов вырвала, часть привела в порядок и поставила мосты, которые долгие годы служили мне верой и правдой.

В то время, когда я занимался зубами, мне пришлось одновременно играть в очередном первенстве Москвы. Оказалось, что быть профессионалом — тоже имело свои минусы. Мне платили стипендию за игру. Отказаться от турнира было нельзя. Чувствовал я себя отвратительно: одолевали так называемые пульпитные боли, возникающие при обточке зубов. Плохо спал, сильно нервничал, и это самым пагубным способом сказывалось на игре. Я допускал просмотры, грубые зевки, постоянно находился в цейтноте. И занял 13-е место при 16 участниках. Это был провал.

«Завалившись» в первенстве Москвы, я тогда еще не понимал, что надо мной нависла угроза вылететь из межзонального турнира.

А тут как на грех еще одна неудача. Очередной полуфинал XX первенства страны в Минске я начал просто катастрофически, проиграв первые три встречи. Затем, правда, выправил положение. К предпоследнему туру ситуация была такова — выигрывая партию, я не только выхожу в финал, но и занимаю первое место. Однако я играл черными, и противник у меня был серьезный. Утром в день тура меня пригласили потренироваться с местной волейбольной командой «Динамо», и я сыграл несколько сетов. Это было непростительной ошибкой: перед важными, решающими встречами следует всячески избегать расхода нервной и физической энергий. Когда после обеда я сел за доску, меня сразу же стало клонить ко сну. Я быстро получил прекрасную позицию, но голова работала плохо, и, допустив грубую ошибку, признал свое поражение. В итоге разделил 5—6-е места с Флором и в финал не попал.

Вскоре после возвращения в Москву я был вызван в Спорткомитет, и заместитель председателя М. Песляк предложил

мне стать секундантом кого-нибудь из участников межзонального турнира. Это означало крушение всех надежд, всех планов. Кстати, как выяснилось, наша группа кандидатов на участие в межзональном стала быстро редеть. Потерявший амбиции Флор вообще не претендовал на место в пятерке, а предпочел быть тренером Тайманова. Его примеру последовали Бондаревский, согласившийся тренировать Геллера, и Лилиенталь — Петросяна.

Стать секундантом я категорически отказался и, покидая Спорткомитет, решил, что с шахматами надо кончать и пора возвращаться на работу. Однако наступило лето, и прежде чем вернуться в институт, мне захотелось отдохнуть. Купив путевку, я на месяц уехал на Кавказ.

Между тем оказалось, что вопрос, кому быть участником межзонального турнира, еще не был окончательно решен. И когда на коллегии Спорткомитета обсуждали каждую кандидатуру, в частности сравнивали меня и Толуша, кем-то из физкультурных деятелей был задан вопрос: кто из них здоровее, кто лучше выдержит длительную напряженную борьбу. Тут слово взял доктор Г. Куколевский, работник медицинского отдела Спорткомитета, который меня хорошо знал (в 1949 году он был врачом нашей команды во время матча Москва — Будапешт). Он сказал примерно следующее:

— Как медик, я бы предпочел Авербаха. У Толуша год назад был микроинфаркт. Авербах же совершенно здоров, занимается спортом. К тому же он на 12 лет моложе.

На мое счастье, заместитель председателя Д. Постников, явно благоволивший Толушу, был в отъезде. И вопрос был решен в мою пользу.

Все это я узнал много позже, а тогда, находясь на Кавказе, собирался по приезде немедленно вернуться на работу.

Возвратился я в Москву рано утром и сразу же лег спать, но меня разбудил пронзительный телефонный звонок. Подняв трубку, я услышал голос работника отдела шахмат А. Прорвича:

Привет! Я тебя давно разыскиваю. Ты где пропадал? Немедленно приезжай в Спорткомитет и оформляй поездку в Швецию, на межзональный.

Но ведь я отказался быть секундантом!

Каким секундантом? Ты едешь играть!

Я стрелой помчался в Спорткомитет. В выездном отделе мне показали список на оформление участников турнира. Фамилия Толуш была зачеркнута, и чернилами внесено исправление — Авербах.

Я до сих пор не упомянул последнего участника нашей молодежной пятерки, также прошедшего отбор, международного

мастера Льва Аронина. Он был вытеснен А. Котовым. Конечно, чемпион СССР 1948 года, участник турнира претендентов 1950 года, победитель турнира в Венеции выглядел предпочтительнее, чем Аронин, который мог похвалиться только дележом второго места в XVIII первенстве СССР. Не исключено, что сработало и другое: в нашей пятерке был один армянин, два — полукровки и два еврея. И ни одного представителя коренной национальности. Но ведь Аронин прошел отбор, а Котов не прошел!

Эта замена самым трагическим способом сказалась на судьбе Аронина. У него стала развиваться шизофрения. Сначала проявилась инфарктомания, затем — ракомания. Он попал в психиатрическую больницу.

Перенести этот удар он так и не смог...

У последнего барьера

Вот я и добрался до последнего барьера, который мне предстояло преодолеть до межзонального турнира. Он проходил осенью 1952 года в предместье Стокгольма Сальтшобадене, последние четыре тура игрались в самом Стокгольме в здании городской ратуши.

Строго говоря, межзональные турниры были ничуть не сильнее любого нашего чемпионата страны. Поэтому не следует особенно удивляться тому, что этот межзональный закончился триумфальной победой советских шахматистов. Мы заняли первые пять мест. Особенно следует отметить феноменальный успех Александра Котова, в блестящем стиле занявшего первое место. Уже за два тура до конца он оказался недосягаем для конкурентов. Второе-третье места разделили Тигран Петросян и Марк Тайманов. Четвертым был Ефим Геллер, пятым — я.

Это был выдающийся успех нашей шахматной школы. Хотя и до этого, и после у нас было немало достижений, не случалось такого, чтобы все места на пьедестале почета оказались заняты только представителями Советского Союза.

Для меня стокгольмский турнир имел особое значение: я наконец достиг той цели, которую поставил перед собой двумя годами ранее,— добился звания гроссмейстера. Это окончательно решило мою дальнейшую судьбу, навсегда связало с шахматами.

Не могу сказать, что все обошлось без приключений. Скорей наоборот. Как любил говорить Григорий Яковлевич Левенфиш, больших успехов без больших нервов не бывает!

Остановлюсь лишь на заключительном этапе борьбы.

Перед последним туром я находился на чистом пятом месте, хотя тройка моих ближайших конкурентов — гроссмейстеры Г. Штальберг, Л. Сабо и С. Глигорич отставали всего на полочка. До звания гроссмейстера оставался всего один только шаг: даже ничья гарантировала мне дележ пятого места. Согласно регламенту турнира, в случае дележа предпочтение отдавалось тому, кто имел лучший коэффициент. А подсчитывается этот коэффициент так: берут сумму очков тех партнеров, у которых данный участник выиграл, и складывают с половиной суммы очков тех, с кем он сделал ничью. Тот, у кого итог оказывается большим, получает лучший коэффициент.

Перед началом последнего тура я занялся этой несложной арифметикой. Выяснил, что при дележе ни Сабо, ни Глигорич мне не опасны: мой коэффициент намного выше. А вот со Штальбергом, которому я проиграл, дело обстояло хуже.

Обнаружилась парадоксальная вещь: наши коэффициенты зависели от результата встречи двух англичан, занимавших места в самом низу турнирной таблицы. Если выигрывает Голомбек, я опережаю Штальберга на четверть очка, если Вейд — то на такие же четверть очка меня опережает Штальберг.

И вот начался последний тур. Мой противник аргентинский гроссмейстер Г. Пильник, играя белыми, избрал продолжение, считающееся теорией совершенно безобидным, ведущим к упрощению позиции и быстрой ничьей. Полагаясь на свои подсчеты, я пошел по этому пути, считая, что лучше синица в руках. Однако выяснилось, что Пильник подготовил важное усиление и прочно захватил инициативу. Скоро моя позиция стала критической. Увы, синица оказалась тоже в небе!

Сжав зубы, я начал отчаянно защищаться. Сколько на моем пути возникало препятствий, что я пережил, и теперь, когда до цели, как говорят, рукой подать, все рушилось как карточный домик!

Пять часов я ни на секунду не вставал из-за стола, использовав все возможные шансы на спасение. И к моменту откладывания партии мог, наконец, вздохнуть спокойно: несмотря на минус пешку, окончание выглядело ничейным.

А в это время президент ФИДЕ, шведский адвокат Фольке Рогард в окружении судей занимался той же арифметикой, что и я перед туром,— подсчитывал коэффициенты: все три моих конкурента выиграли.

Как раз в этот момент я подошел к судейскому столику и спросил:

Извините, как закончилась партия Голомбек — Вейд?

Голомбек — Вейд? — изумленно переспросил Рогард, и все посмотрели на меня, как на сумасшедшего. Однако я знал, что спрашивать! Голомбек победил, а это значило, что ничья обеспечивала мне пятое место. На следующее утро в течение нескольких часов Пильник меня экзаменовал, но выводы теории ему опровергнуть не удалось.

Возвращались мы домой таким путем: самолетом до Хельсинки, а оттуда поездом через Ленинград в Москву. На вокзале в

Питере среди встречавших я увидел Александра Толуша. Нужно ли говорить, что наши отношения, после того как Спорткомитет предпочел мою кандидатуру, стали напряженными. Так вот, Толуш подошел ко мне, поздоровался и сказал:

— Поздравляю тебя с успехом! Честно скажу, я не верил, что ты сможешь пробиться в претенденты. Извини, ошибся.

И мы обнялись.

А весной следующего года, на Киевском вокзале в Москве я в свою очередь поздравлял Александра Казимировича с победой на крупном международном турнире в Бухаресте. Этот успех принес ему звание гроссмейстера. А его ученик Борис Спасский завоевал там звание международного мастера.

Так что, несмотря на возникший частично по вине Спорткомитета конфликт, наши отношения с Толушем остались нормальными. Позднее мы даже стали друзьями. Однако зачастую конкуренты за шахматной доской нередко становились на многие годы врагами. Однако это — отдельная тема.

Турнир претендентов

Когда я начал думать о подготовке к турниру претендентов, то сразу же возник вопрос, кого же взять тренером-секундантом. Все известные мне хорошие тренеры были уже разобраны. Тогда я обратился за советом к моему другу еще со школьных лет, адвокату и шахматному мастеру Михаилу Бейлину. Подумав, он сказал:

Я нашел тебе отличного тренера.

Кого?

Себя!

Мы с Бейлиным вместе начинали играть в шахматы на стадионе Юных пионеров. Он отличался остроумием, с ним было интересно проводить время, играть блиц. Однако когда мы начали работать над шахматами, выяснилось, что у него совершенно отсутствовала так необходимая для тренера исследовательская жилка. Когда мы сидели за доской вдвоем, все было нормально, но поручать ему что-то проанализировать одному было бесполезно.

Первоначально турнир претендентов должен был состоять из пяти участников турнира претендентов 1950 года — Болеславского, Бронштейна, Смыслова, Кереса и Найдорфа, а также пяти участников межзонального турнира 1952 года — Котова, Петросяна, Тайманова, Геллера и меня. К ним добавлялись Эйве и Решевский. Так как советские участники явно превалировали в турнире, то ФИДЕ приняло решение добавить еще трех участников, разделивших со мной 5-е место, но имевших худшие показатели по таблице коэффициентов — Глигорича, Сабо и Штальберга.

Так возник турнир 15 гроссмейстеров, причем каждый с каждым должен был сыграть по две партии, а всего — 28.

Этот турнир явился, пожалуй, самым значительным в моей жизни. Никогда, ни до, ни позже, я не играл в столь сильном состязании. Здесь не было аутсайдеров, все хорошо подготовлены, каждый во всеоружии. Из мировой шахматной элиты отсутствовал лишь чемпион мира.

О турнире претендентов, проходившем частично в городке Шафхаузен, недалеко от знаменитого Рейнского водопада, частично в Цюрихе, написано несколько книг, в том числе известная работа Д. Бронштейна. Я попытаюсь рассказать о некоторых нешахматных подробностях, которые в этой книге отсутствуют.

Начну с приезда. Наша многочисленная делегация,

состоявшая из девяти участников, девяти тренеров, врача, переводчика, руководителя делегации и его зама, должна была прибыть в Швейцарию для акклиматизации за несколько дней до начала игры. Однако возникла неожиданная проблема. Оказалось, что найти гостиницу на такое количество человек совсем не просто, так как во Франции проходила всеобщая забастовка, и туристы ринулись оттуда в Швейцарию. Конечно, нас вполне можно было расселить по разным гостиницам, но руководство не решалось, повидимому, оставить нас без контроля.

Выход был найден. В местечке Нейхаузен достраивалась большая гостиница. Однако и там готовых равноценных номеров всем не хватало. Поэтому руководитель делегации распределял их в зависимости от «рейтинга» участников. Самые-самые, как Смыслов, Керес и Котов получили одиночные номера с видом на водопад, менее заслуженные были лишены возможности видеть водопад. А я, например, получил номер без водопада, но зато, на двоих с секундантом. Когда нужно было переезжать в Цюрих, руководитель делегации, а им был зампред Спорткомитета Д. Постников, сначала отправил туда Котова с переводчиком. Они должны были найти гостиницу и забронировать номера. Так мы оказались на узенькой улочке старого Цюриха в гостинице «Золотой меч». Как только наша команда выгрузилась, хозяин гостиницы отвел нашего руководителя в сторону и, понизив голос, предупредил:

Вижу, ребята у вас молодые. Скажите им, чтобы больше двух девок за ночь они не приводили!

Можете себе представить, что при этих словах испытал наш шеф. Оказалось, что мы попали в самый центр злачного района Цюриха: как раз напротив гостиницы был бордель!

Подобного испытания нашей нравственности руководство, конечно, допустить не могло. Через неделю мы перебрались в менее опасный район. Однако и в другой гостинице все было не так просто...

Однажды, когда мы с Бейлиным возвратились с тура, вместе с ключом от номера портье подал мне роскошную коробку конфет.

Это вам прислали.

Болельщики есть в каждой стране. И придя в номер, мы вскрыли коробку. Там действительно оказались шоколадные конфеты. Но не только. Под ними лежали прокламации НТС («Национально-трудового союза») — организации, активно боровшейся с советской властью. «С кем вы, мастера шахмат?» — обращались к нам авторы прокламации. «Знаете ли вы о сталинских злодеяниях, о миллионах людей, страдающих в

лагерях?»

Многое из того, что содержалось в прокламации, было нам неизвестно. XX съезд, на котором Хрущев разоблачил публично преступления Сталина, состоялся лишь три года спустя.

Прокламации мы прочли, конфеты съели. Было ясно, что такие же подарки получили все члены нашей делегации. И мы решили отнести коробку руководству, чтобы продемонстрировать свою лояльность. Не сомневаюсь, что и остальные члены делегации сделали то же самое.

Увидев пустую коробку, зам руководителя делегации строго спросил:

- А куда делись конфеты?

- Мы их съели.

- Вы что? — набросился он на нас.— Конфеты могли быть отравлены!

- Нет,— нашелся Бейлин,— сначала я решил попробовать одну, вроде ничего, вкусная. И только потом ко мне присоединился Авербах.

Трезво оценивая свои шансы перед началом турнира претендентов, я считал, что могу попасть в первую пятерку. Достигнуть этой цели мне не удалось. Я разделил 10-11-е места, не добрав пол-очка до 50%. Можно сказать, что сыграл в свою силу: встал вровень с Болеславским (как два года назад в полуфинале), опередил Глигорича, Сабо и Штальберга (с кем был вровень на межзональном турнире). Из своих достижений могу назвать две победы над экс-чемпионом мира Эйве и 50-процентный результат против пятерки победителей. Я выиграл у Кереса, проиграл Решевскому, остальные 8 встреч завершились вничью. Однако то, что я проиграл американцу Решевскому, было засчитано руководством мне в минус, хотя в свое оправдание скажу, что мы играли в необычных для меня условиях. Из религиозных соображений Решевскому разрешили начинать игру по субботам не в пять часов, а в девять. Где-то около часу ночи, в цейтноте, я допустил решающую ошибку.

Однако в значительной мере мой конечный результат объясняется катастрофическим счетом с занявшим последнее место Штальбергом — 0:2!

Швед вообще оказался для меня трудным и неудобным противником. Через 10 лет на турнире в Бевервейке получив с ним совершенно выигранную позицию, я даже подумал про себя: «Неужели могу проиграть и эту партию?» Таки смог, зевнув мат в два хода! Лишь наша последняя встреча, где я имел также большой перевес, завершилась ничьей. Случилось это за два года до его смерти.

Однако вернемся к турниру. Возвращались мы из Швейцарии поездом через Вену. Там нас пригласил к себе в резиденцию Верховный комиссар по делам Австрии И. И. Ильичев. В то время Австрия была еще оккупирована союзными войсками.

— Очень удачно, что вы здесь оказались,— сказал комиссар, — в Вене сейчас проходит неделя австро-советской дружбы. Хотите сыграть матч с местными мастерами? Если вы согласны с моим предложением, то после матча я устраиваю вам банкет. Если не согласны, то данной мне властью все равно оставляю вас в Вене, но банкета уже не будет!

Нам по душе пришелся больше первый вариант.

Конечно, после двухмесячного напряженного турнира играть было нелегко. Тем не менее, мы победили сборную Австрии с большим счетом. Состоялся и обещанный банкет.

На нем присутствовали Ильичев с женой, командующий советскими войсками в Австрии маршал Бирюзов с женой и вся наша делегация.

Банкет проходил в стремительном темпе. Комиссар приказывал:

- Всем налить.

После того, как были наполнены бокалы, он обращался к кому-нибудь из нас:

- Ты говори тост!

После того, как тост был произнесен, подавалась третья команда:

- Приказываю всем выпить!

Неудивительно, что уже через пару часов, основательно набравшись, мы вернулись в гостиницу...

Не спорь с начальством

В январе 1954 года я отправился в Киев на очередное XXI первенство СССР. Специально я к нему не готовился, но оказался в хорошей форме: сыграла свою роль основательная теоретическая подготовка, которой я занимался перед турниром претендентов, а также наигранность на нем.

Став чемпионом страны, я опередил ближайших конкурентов Корчного и Тайманова на полтора очка, не проиграл ни одной партии, выиграл целых десять. За всю историю чемпионатов Советского Союза, кроме Ботвинника в 1944 и 1945 году никто не показывал более высоких результатов. Причиной этого была ожесточенная борьба за лидерство между Корчным и мной, происходившая во второй половине соревнования.

Золотая медаль, которую я получил, оказалась уникальной: на ней выгравировано «Министерство здравохранения»! Объясняется это тем, что после смерти Сталина Спорткомитет некоторое время находился в подчинении этого министерства, а председатель Спорткомитета был в чине замминистра здравоохранения.

Вскоре после окончания чемпионата сборная команда СССР, правда без Ботвинника и Смыслова, игравших матч на первенство мира, отправилась в Аргентину, чтобы сразиться с местными шахматистами. Мы одержали убедительную победу. Как оправдывалась одна из аргентинских газет, «у нас один Найдорф, у Советов — все восемь!»

На обратном пути мы неделю провели в Париже, сыграли со сборной Франции, которую возглавляли выходцы из России, ветераны О. Бернштейн и С. Тартаковер. И тоже победили с внушительным перевесом. Помню любопытную деталь: один из французских шахматистов Р. Белькади играл под двумя флагами — Франции и Туниса.

Однако вернемся в Аргентину. Вместе с командой туда отправились два посторонних лица. Один, журналист из «Правды», говоривший по-испански, исполнял обязанности переводчика, другой считался заместителем руководителя делегации и в основном выполнял роль надзирателя.

Когда матч закончился, пригласившая нас Шахматная федерация Аргентины организовала выступления советских гроссмейстеров с платными сеансами одновременной игры на различных предприятиях Буэнос-Айреса. Одновременно наше посольство с помощью института Аргентина — СССР решило устроить вечер встречи нашей команды с трудящимися города.

Не знаю, по какой причине, оба мероприятия оказались несогласованными. Большая часть гроссмейстеров, в том числе руководитель делегации В. Рагозин, прибыли на этот вечер со значительным опозданием. Работники посольства, готовившие встречу, были недовольны: важнейшее, по их мнению, политическое мероприятие оказалось на грани срыва. А наши два сопровождающих подлили масла в огонь, доложив, что это произошло потому, что гроссмейстеры хотели заработать. И наш посол в Аргентине, которого к тому же я имел неосторожность обыграть во время сеанса в посольстве, пожаловался в Москву.

«Разборка» проходила на заседании коллегии Спорткомитета. Как рассказывал Рагозин, вопрос о платных сеансах дошел до Хрущева, и тот спросил: «А почему мы не должны брать деньги с капиталистов?» И вопрос потерял свою остроту. Но два сопровождающих донесли также о поведении одного из запасных, Толуша. Несдержанный и резкий, он иногда ворчал на официантов в ресторане, где мы питались, и заслужил у них кличку «плохой».

Председатель Спорткомитета с пафосом осуждал Толуша, а я, слушая его в пол-уха и думая о чем-то своем, имел неосторожность улыбнуться.

- А ты чего лыбишься? — вдруг рявкнул Романов, подойдя ко мне.— Думаешь, за тобой грехов нет?

Я опешил и, не чувствуя за собой никакой вины, попробовал защищаться:

- В чем вы меня можете обвинить, Николай Николаевич? Где у вас факты?

- Факты! — продолжал неулыбчивый Романов.— Зайди к Постникову, он тебе все карманы завалит фактами!

Я сидел как оплеванный. Когда «разборка» закончилась и все стали расходиться, тогдашний председатель федерации (в то время она еще называлась шахсекцией) В. Виноградов сказал, обращаясь к кому-то:

- Да. Дыма без огня не бывает. Видимо, и к Авербаху есть претензии.

На следующее утро я появился в кабинете у Постникова.

- Ты зачем пришел? — спросил он.

- За фактами!

- За фактами? — повторил Постников.— Где твои ученики?

Вопрос меня просто огорошил. Что говорить, учеников у меня действительно не было. А у кого из ведущих шахматистов страны они были?

Не прошло и четырех лет, как я стал профессионалом. Много времени у меня уходило на занятия шахматами, на подготовку к

соревнованиям, на игру в турнирах. Особенно усиленно я занимался эндшпилем, опубликовал ряд статей, готовил к печати первый том «Шахматных окончаний». Выступал с лекциями и сеансами одновременной игры. В общем, времени не терял. А Постников продолжал:

- Какую общественную работу ты ведешь?

И в этом он был прав. В тот момент никаких общественных обязанностей у меня не было. Однако и стипендию мне платили не за общественную работу.

А все дело было в том, что взаимоотношения Спорткомитета и ведущих спортсменов-стипендиатов не были регламентированы никакими юридическими нормами. По идее спортсмен должен был регулярно тренироваться и показывать высокие результаты. Если результаты ухудшались, его просто снимали со стипендии и передавали ее тем, кто его опережал. Казалось бы, все? Нет, как видите, далеко не все. В любой момент, как в моем случае, к нему могли придраться и предъявить претензии, что он выполняет не все обязанности.

Неудивительно, что некоторые шахматисты, да и спортсмены тоже, заводили себе покровителей из высших эшелонов власти, что спасало их от придирок руководства Спорткомитета. Так в 50-е годы был известен теннисист, учивший играть в теннис Булганина и Фурцеву. Ему удавалось, кстати, решать и вопросы, связанные с развитием тенниса, что вызывало крайнее недовольство в Спорткомитете.

...Прошло немногим больше месяца, и мы снова отправились за океан, чтобы сыграть матч с командой США. Это соревнование должно было состояться еще в 1953 году. Ему предавалось очень большое, прямо скажем, политическое значение. Нас, например, принял тогда министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский. Сначала он проинструктировал членов команды о том, как следует вести себя в США.

Учтите,— сказал министр,— в Америке очень назойливые журналисты. Если они будут вам докучать, отвечайте — по comment (никаких комментариев).

Когда беседа подходила к концу, Вышинский как бы между прочим посетовал:

- К сожалению, возникли некоторые трудности. Госдепартамент требует, чтобы наши шахматисты дали отпечатки пальцев, как это полагается по законам США. Однако мы считаем, что для советских людей это унизительно, и будем протестовать!

Стало ясно, что наша поездка в США под вопросом.

Увы, так и оказалось. Мы добрались только до Парижа и, с неделю погуляв по Елисейским полям, возвратились домой.

На этот раз вопрос был урегулирован заранее. Отпечатков пальцев у нас не взяли, но ограничили пребывание команды Нью-Йорком и маленьким городком Гленковым, где на даче представительства СССР в ООН проводили уик-энд его работники.

По сравнению с аргентинским составом у нас произошли небольшие изменения — теперь команду возглавил Смыслов, только что сыгравший вничью матч на первенство мира с Ботвинником. Сам чемпион мира играть не захотел, сославшись на усталость после матча. Вместо проштрафившегося Рагозина возглавил делегацию Постников.

Наша команда выглядела явно сильнее: все ее члены были претендентами на мировое первенство. Однако двое из нас выступили неудачно — Тайманов и я. На третьей доске я встретился с Д. Бирном и играл нервно. Первую партию проиграл, вторую выиграл. А в третьей произошел неприятный инцидент. В цейтноте я сделал последний, контрольный ход и перевел часы. Хотя флажок у меня висел, но на часах было отчетливо видно, что оставалась по меньшей мере еще одна минута. Американец, игравший белыми, задумался над своим 41-м ходом. Вдруг он посмотрел на часы и позвал судью. Оказалось, что флажок на моих часах упал.

Что же произошло? Видимо, одновременно шли и часы противника, и мои. Это значит — либо часы были с дефектом, либо я недостаточно сильно нажал на кнопку, и мои часы не остановились.

Так или иначе, факт просрочки времени был налицо, и мне зачли поражение.

Это обидное происшествие выбило меня из колеи. Ночью я никак не мог заснуть, все переживал свою неудачу. А утром собрался погулять, благо предстоял день доигрывания, а у меня отложенных партий не было. Вдруг раздался телефонный звонок:

Поедешь в наше представительство в ООН,— объявил мне Постников,— нужно помочь анализировать отложенную партию Котову.

Здесь необходимо объяснение. В представительство нужно было ехать потому, что в гостинице начальство боялось подслушивающих устройств.

- Дмитрий Васильевич! — взмолился я.— У меня была бессонная ночь, чувствую себя неважно. Дайте отдохнуть, придти в себя.

Добавлю, что у нас были запасные участники. Был и тренер.

- Ничего, ничего. Поедешь, по-анализируешь, а потом отдохнешь,— последовал ответ. Тут я завелся.

Никуда я не поеду! — И, повесив трубку, отправился в город.

Между тем Котову в анализе помогли два наши запасных участника, и при доигрывании ему удалось спасти трудную позицию. В тот день Постников как будто меня не замечал. Однако на следующий день, когда до начала игры оставался всего час, вызвал к себе в номер и устроил форменный разнос.

- Как ты посмел ослушаться моего приказа? — кричал он. *Я* пытался оправдываться, повторял, что ему следовало бы понять мое состояние. Да и сейчас, перед началом игры, совсем не время устраивать скандал. Однако он продолжал бушевать:

- Мне наплевать на твою партию! Ты обязан подчиняться руководителю!

Когда я сел за доску, у меня дрожали руки. Быстро получив подавляющую позицию, я никак не мог сосредоточиться, попал в цейтнот. Сначала упустил выигрыш, потом и ничью.

Для конечного результата команды моя неудача никакого значения не имела: мы победили с большим перевесом. Однако для меня, вкупе с неподчинением начальству, имела далеко идущие последствия.

Будь опытнее в делах житейских, еще в Москве, после стычки с Романовым я бы сообразил, что надо мной сгущаются тучи, и стоит только оступиться, это моментально будет использовано. А теперь, когда я так подставился, остальное было делом «бюрократической техники». При подведении у Романова итогов матча Постников подчеркнул мой неудачный результат и особенно мое «неспортивное» поведение. Немедленно последовали «оргвыводы». Меня вывели из сборной, на год сделали «невыездным». Хотя я был чемпионом страны, не взяли в олимпийскую команду даже запасным. Так я оказался единственным чемпионом страны, ни разу не сыгравшим на Олимпиаде.

В то время у нас было слишком много сильных шахматистов. И если кто-нибудь выбывал из основного состава команды, на его место всегда хватало вполне достойных претендентов. Так в тот раз меня заменил Котов. Когда в своем спортивном обществе «Зенит» я рассказал о постигших меня неприятностях, один из его руководителей весьма доходчиво объяснил:

- Сам виноват! Пререкаться с начальством — все равно, что *писать* против ветра!

Поездка со Спасским

Нет худа без добра! Отчисленный из сборной и не попавший на Олимпиаду, я смог вовремя сдать в печать первый том «Шахматных окончаний» — мою первую серьезную работу в области эндшпиля.

Книга была закончена в самом начале 1955 года, а затем следовало начать готовиться к очередному XX первенству страны: до турнира оставался месяц. И я решил посвятить его отдыху и лыжам, благо в доме отдыха, где пребывал, тренировалась женская команда моего «Зенита». Вместе с лыжницами пробегал в день километров по двадцать. Чувствовал себя — лучше не бывает. Однако, когда сел за доску, выяснилось, что голова совершенно не работает — никаких свежих идей, никаких оригинальных мыслей. Позже, проанализировав случившееся, я понял, что монотонные, повторяющиеся движения при беге на лыжах, да еще с большой физической нагрузкой притупляют работу мозга. После семи туров у меня было 3,5 очка — все встречи завершились вничью. Однако это не были мирные ничьи. Я стремился к победе, но ничего не получалось. Игра не шла. И тут на меня накинулись шахматные обозреватели.

«Семь стартовых ничьих чемпиона СССР Авербаха,— гневно писал П. Романовский,— совсем не вяжутся с теми представлениями, которые создались у миллионов любителей о ведущих шахматистах страны». А что бы он написал, если бы я проиграл все семь партий?

Затем мне удалось победить Котова, но потом пошли поражения от Ботвинника, Спасского и Флора. В итоге разделил 15-16-е места. Это был провал. Ведь я сыграл даже хуже, чем в первый раз, когда был еще мастером, да и непрофессионалом. Добавлю, что за все 15 чемпионатов страны, в которых мне довелось выступить, этот результат был самым плохим.

Что же явилось причиной такой неудачи?

Оценивая итоги чемпионата, Д. Бронштейн писал: «Я, например, убежден, что неузнаваемая игра Ю. Авербаха явилась следствием переутомления от работы над книгой, которая должна скоро выйти в свет,— учебника по концам игры в шахматы. Авербах во время турнира находился в совершенно другом круге идей, он не мог как следует ни готовиться, ни играть».

Частично Бронштейн прав: потратив около полугода на интенсивную работу над книгой, я действительно израсходовал большую часть своей творческой энергии. У меня оставался месяц на ее восстановление. Я полагал, что лыжи плюс свежий

январский воздух позволят это сделать, но, видимо, перебрал с физической нагрузкой. Лыжи не только не помогли, но, наоборот, притупили работу мозга.

Однако сейчас, много лет спустя, я понимаю, что была и третья причина — эмоциональная. Когда я был в Аргентине, у меня умер отец, а я узнал об этом только вернувшись в Москву. Да и суровое решение Спорткомитета никак не способствовало творческому настрою. Когда шахматист на подъеме, подобные удары особенно болезненны и долго не забываются...

После чемпионата я понял, что вступил в полосу неудач. Мастер Евгений Загорянский, выходец из княжеского рода Кисиль-Загорянских, по натуре игрок, мастерски игравший не только в шахматы, но и в преферанс, весьма доходчиво объяснил мне, что удачи и неудачи идут волнами. И, когда наступает пора неудач, главное — не дергаться, не суетиться, а терпеливо ждать. Ну что ж, и я стал ждать. Вскоре выяснилось, что мои злоключения не кончились. Нежданно-негаданно я был вызван на трехмесячный военный сбор, поскольку у меня было звание инженер-лейтенанта ВМС. Прошел месяц, в течение которого я стал инженер-старшим лейтенантом, как вдруг пришло предписание срочно отправить меня в распоряжение командования ВМФ в Москву. Я терялся в догадках, но понимал, что произошло что-то чрезвычайное. Из Министерства ВМФ меня отправили в Спорткомитет. Когда я появился в кабинете у Постникова, он мне сообщил следующее: Борис Спасский со своим тренером А. Толушем находился на сборе под Москвой и должен был лететь с ним в Бельгию на первенство мира среди юношей. Однако неожиданно Толуш сломал ногу. В Спорткомитете срочно стали искать ему замену. Никого под рукой не оказалось, и тогда вспомнили обо мне. Выяснилось, что я на военном сборе, и тогда обратились к командованию ВМФ.

— У тебя есть выбор,— закончил Дмитрий Васильевич свое сообщение,— либо возвратиться обратно на сбор, либо лететь в Антверпен. Спасский уже там.

Видит Бог, я недолго колебался с ответом. И вскоре двинулся в путь.

Спасский выехал в Антверпен не один. Его сопровождал молодой человек, прекрасно говорящий по-французски. Хотя он назывался работником Спорткомитета, но на самом деле представлял совсем другую организацию. И это могло сыграть в биографии юного Спасского роковую роль.

В турнире Борис играл отлично. С блеском занял первое место и стал первым советским чемпионом мира среди юношей. Следующего такого успеха нам пришлось ждать долгих 14 лет. О

причинах этого я скажу несколько позднее, а сейчас мне придется поведать о проблемах, которые у нас возникли в Антверпене. Были они не шахматного порядка. Отнюдь.

До этого соревнования я со Спасским практически не общался, да и играл только раз. Он оказался на редкость разговорчивым, можно сказать даже болтливым. Мы столовались в семье русских эмигрантов, и за столом Борис частенько пускался в весьма рискованные политические рассуждения. Наш сопровождающий его внимательно слушал и, как говорится, наматывал себе на ус. Мне кажется, что Борис выражал настроения ленинградской студенческой молодежи. Они не знали, что такое сталинские репрессии, и не боялись открыто критиковать многие стороны нашей тогдашней жизни. Когда турнир закончился, на пару дней мы переехали в наше посольство в Брюссель. В подвале посольства был бильярд, и Борис играл со всеми, кто туда заходил. И, не зная того, однажды попал на самого посла.

Здесь необходимо небольшое отступление. Начиная с 1953 года тренером Спасского был Толуш. Своих детей у него не было, и все нереализованные отцовские чувства он отдавал своему подопечному. В шахматах это принесло Борису неоценимую пользу. Однако Толуш обладал острым языком, речь его перемежалась яркими, жаргонными словечками. Высказывания Александра Казимировича становились своего рода фольклором, который, как губка, впитывала ленинградская шахматная молодежь. И в первую очередь, конечно, Спасский. По ходу игры Борис обрушил на посла, человека уже немолодого, целый шквал жаргонных словечек, чем произвел крайне невыгодное впечатление. А нам из Брюсселя нужно было лететь в Швецию, где Спасскому предстояло участвовать в межзональном турнире.

Поговорив с послом, сопровождающий сообщил, что поведение Спасского заставляет его сообщить в Спорткомитет, чтобы Бориса немедленно отозвали в Москву! Помилуйте, что вы делаете? — пытался я урезонить сопровождающего.— Вы же ломаете Спасскому карьеру, хотите лишить его возможности стать претендентом на мировое первенство!

Ничего не могу поделать,— упрямо стоял на своем сопровождающий.— Я обязан сообщать о подобных фактах. Это — моя работа!

К счастью, нашим консулом в Бельгии был очень достойный человек В. Камчатов. Мы познакомились с ним еще в Антверпене, и он произвел на меня самое благоприятное впечатление. Обратившись к нему, я объяснил ситуацию и попросил помочь.

Подумав, он сказал:

- Спорткомитету положено обсудить поведение Спасского. Однако это можно будет сделать и после Швеции. Попробую кое-что предпринять.

И он выполнил свое обещание. Сопровождающий отправился в Москву, а мы со Спасским — в Стокгольм, где я сдал Бориса на руки Толушу.

Межзональный турнир проходил в Гетеборге. Спасский сыграл удачно и вошел в число претендентов на мировое первенство. Когда он вернулся в Москву, в Спорткомитете состоялась «разборка». Однако она не носила уничтожающего характера. Борис повинился, признал, что получил достойный урок, и обещал, что больше такое не повторится.

Инцидент был исчерпан, хотя в КГБ в досье на Спасского вся эта история несомненно осталась зарегистрированной.

Олимпиада в Москве

В 1947 году Советский Союз вступил наконец в ФИДЕ, и мы вполне могли участвовать в первой послевоенной Олимпиаде в 1950 году. Однако на нашу беду она проходила в Дубровнике, а в то время у СССР были с Югославией плохие отношения. Хотя у нас были все шансы стать победителями, от участия мы отказались.

Следующая, десятая по счету Олимпиада должна была состояться в 1952 году в Хельсинки. Здесь уже никаких препятствий для поездки не было, тем более, что перед Шахматной олимпиадой в столице Финляндии прошли Олимпийские игры, в которых впервые приняли участие советские спортсмены.

Наши шахматисты во главе с чемпионом мира Ботвинником выехали на сбор, чтобы готовиться к предстоящему состязанию. Ботвинник по своему обыкновению стал играть тренировочные партии с Болеславским и Петросяном. И обе проиграл. Пошел слух, что чемпион мира в плохой форме, и в результате Спорткомитет принял решение отправить в Хельсинки команду без него. Считается, что это было инспирировано решением общего собрания команды и тренеров. Будто бы, согласно утверждению Ботвинника, только Болеславский выступил в его защиту. С другой стороны, Смыслов много лет спустя отрицал, что он принимал участие в этой интриге.

Нашей команде удалось стать победителями Олимпиады, опередив Аргентину на полтора очка. Однако на первой доске лучший результат показал Мигель Найдорф — 12,5 из 16, в то время как Керес, возглавлявший сборную СССР, имел только 6,5 очков из 12.

На следующую Олимпиаду в Амстердам команда отправилась уже во главе с Ботвинником и выступила с блеском. Победила, оторвавшись от аргентинцев на целых 7 очков. Ни в Хельсинки, ни в Амстердаме сборная СССР не проиграла ни одной встречи.

Эти успешные выступления подвигли Спорткомитет на то, чтобы Олимпиаду-1956 провести в Москве.

Играли шахматисты на гигантской сцене Центрального театра Советской Армии. Уже в то время Москва считалась шахматной столицей мира, поэтому понятен интерес, который она вызвала за рубежом. Впервые в соревнованиях приняли участие команды целого ряда стран, таких, например, как Монголия и Филиппины. Кстати, на второй доске у филиппинцев играл молодой национальный мастер Флоренсио Кампоманес,

впоследствии многолетний президент ФИДЕ.

В Москве сборная СССР еще раз подтвердила свою силу, оторвавшись от югославов на 4,5 очка. Столько же очков, сколько югославы, набрала команда Венгрии, но у нее оказался худший коэффициент. Утешением для венгров послужило то, что они смогли победить нашу сборную.

Перед Олимпиадой прошел конгресс ФИДЕ. К этому времени у меня уже была общественная работа — в 1954 году я был избран в Президиум шахматной секции и возглавил там квалификационную комиссию. Именно поэтому мне впервые пришлось участвовать в работе квалификационной комиссии ФИДЕ. В работе самого конгресса с нашей стороны участвовали трое: вицепрезидент ФИДЕ В. Рагозин, руководитель отдела шахмат Спорткомитета С. Абрамов и сам чемпион мира Ботвинник.

Стоит отметить, что заседания конгресса проходили в помещении только что открывшегося Центрального шахматного клуба СССР. Мы получили этот шикарный двухэтажный особняк после письма гроссмейстеров Н. С. Хрущеву, и он действительно стал центром шахматной жизни страны.

На конгрессе были приняты два судьбоносных решения, причем с подачи нашей страны. Одно — чемпион мира получил право на матч-реванш. С первого взгляда это решение кажется логичным: Ботвинник уже восемь лет сохранял звание чемпиона мира. По первоначальному проекту, написанному им самим и обнародованному еще в 1949 году, в случае проигрыша матча экс-чемпион имел лишь право участия в тройном матч-турнире, где участниками были чемпион мира, новый претендент и экс-чемпион. За эти восемь лет Ботвинник свел вничью два матча с претендентами, Бронштейном и Смысловым, и уже было известно, что в 1957 году ему предстоит новый матч со Смысловым. Поэтому вообще непонятно, почему он должен иметь преимущество перед последним. А о втором предложении — ограничить число претендентов от одной страны (читай от СССР), я расскажу несколько позже.

В чемпионате страны 1956 года я разделил первое — третье места, но в тройном матч-турнире был вторым. В олимпийскую команду взяли лишь чемпиона М. Тайманова, а меня, кажется в виде компенсации, послали выступать в Индонезию. В то время СССР только завязывал контакты со странами третьего мира, и по просьбе нашего посольства был послан гроссмейстер. Вот когда мне пригодилось знание английского языка! Кроме того, наступила «оттепель», и я впервые отправился в заграничную поездку один, без руководителя и сопровождающего лица.

Конечно, немаловажную роль сыграло и то, что мои друзья в ДСО «Зенит» убедили меня после XX съезда подать заявление о приеме в партию, и я проходил годовой кандидатский стаж.

Перед поездкой меня пригласили в отдел выездов ЦК КПСС, где подробно проинструктировали, что разрешается и что не разрешается советским людям делать за границей.

В столице Индонезии Джакарте я выиграл небольшой матч у местного чемпиона, победил в турнире и провел несколько сеансов одновременной игры для местных шахматистов. И тут ко мне обратились живущие там голландцы с просьбой выступить в их клубе. Я хотел было согласиться, но опекавший меня сотрудник нашего посольства предупредил:

Не торопитесь: нужно получить разрешение посла.

На следующее утро я получил строгое указание — перед колонизаторами ни в коем случае не выступать!

Накануне моего отъезда был устроен прощальный банкет. Он проходил в китайском ресторане. Мы сидели в зале, где на стене висел большой портрет председателя Мао. Однако когда я вышел в другой зал, то увидел там примерно такого же размера портрет Чан Кайши. Видимо, в зависимости от политических убеждений посетители ресторана выбирали тот или иной зал.

Поездка в Индонезию, судя по всему, была признана успешной, и в следующем 1957 году мне предложили возглавить команду СССР на первенстве мира среди студентов в Рейкьявике. Я должен был провести тренировочный сбор, а затем отправиться в страну гейзеров.

Когда мою кандидатуру утверждали на Старой площади, зав. сектором спорта А. Скворцов, напутствуя меня, сказал:

Если все будет в порядке и команда станет чемпионом мира, считай, что приобрел новую специальность!

Соревнования среди студентов с ограничением возраста до 26 лет начали проводиться с 1952 года. Тогда в Шотландии состоялся небольшой международный турнир из 8 человек, в котором СССР представляли Бронштейн и Тайманов. Они и разделили первое место. В то время Тайманов действительно был студентом Ленинградской консерватории. Что же касается Бронштейна, то когда его спросили, где он учится, будто бы получили ответ — в советской шахматной школе! К тому же ему уже исполнилось 28 лет...

Затем Международный союз студентов стал ежегодно проводить командные чемпионаты мира. Первыми чемпионами были чешские студенты, вторыми — наши, третьими — тоже наши. И вот в Рейкьявике должен был состояться 4-й чемпионат.

В команде СССР были собраны лучшие молодежные силы

страны, в том числе два будущих чемпиона мира — Таль и Спасский, а также Полугаевский, Гипслис, запасные Гургенидзе и Никитин. Тренер — мастер И. Кан. На меня легли обязанности руководителя делегации, старшего тренера и переводчика. В Рейкьявике мы сначала поселились в студенческом общежитии, но, поскольку условия проживания там оказались более чем скромными, вскоре перебрались в небольшую гостиницу. Благо выданные на команду средства это позволяли. Вместе с нами переехали и монгольские студенты, которых, кстати, мне пришлось опекать: кроме их руководителя, немного владевшего русским, остальные говорили только на родном языке. К тому же они оказались первыми монголами, ступившими на исландскую землю!

Как-то вечером ко мне зашел их руководитель и начал причитать:

- Ой, нехорошо, ой, нехорошо!

- Что случилось? — спросил я.

- Деньга потерял, деньга!

Выяснилось, что он потерял 400 долларов. Я немедленно связался с главным судьей турнира, рассказал о случившемся и попросил сообщить в полицию.

- Зачем в полицию? — искренне удивился тот.— Нужно дать объявление в газету!

Настал мой черед удивляться.

Однако не прошло и суток после публикации, как на турнир пришла женщина и принесла потерянные доллары. По законам Исландии ей полагалось 10% от найденной суммы. На радостях монгол выдал ей полсотни, и она ушла довольная. После игры ребята возвращались в гостиницу голодные как волки. Питания на турнире им явно не хватало. И тогда я договорился с хозяином гостиницы, что кроме завтрака, входившего в стоимость номеров, он предоставляет команде холодный ужин, состоящий из бутербродов, булочек и кофе.

Все было хорошо, пока однажды утром за завтраком я не увидел у Гипслиса фингал под глазом.

- Откуда это у тебя?

- Ссыпался с кровати! — объяснил Айвар.

Однако расследование показало, что причина фингала была иной. Накануне вечером, за ужином, они со Спасским не поделили булочку. Взбешенный Гипслис бросился на Спасского, а когда сидевшие рядом ребята его схватили, то Борис, изловчившись, нанес Айвару нокаутирующий удар. Я не стал раздувать эту историю и уж тем более не сообщил об этом инциденте в Спорткомитет. Однако на следующий год работник

отдела шахмат Л. Гаркунов вызвал меня и попросил рассказать, что произошло. Дело в том, что при формировании команды студентов на очередной чемпионат мира Спасский возражал против кандидатуры Гипслиса, рассказав об инциденте, правда, в своем изложении.

В студенческих олимпиадах всегда участвует много сильных, перспективных шахматистов. Так было и на этот раз. Достаточно назвать Б. Ларсена, Л. Портиша, М. Филипа, Ф. Олафссона, П. Бенко, У. Ломбарди. Однако наиболее сильная и ровная команда была у нас, что позволяло варьировать состав, давать играть и основным участникам, и запасным. Наши студенты сравнительно легко заняли первое место, оторвавшись от вторых призеров болгар на шесть с половиной очков. Это соревнование отчетливо показало, что за нами, поколением, родившимся в 20-е годы, начинает успешно двигаться вперед поколение, родившееся в середине 30-х.

1957 год знаменателен тем, что впервые в нашей стране был проведен Всемирный фестиваль молодежи и студентов. А наша команда — чемпион мира среди студенческой молодежи — вернулась в Москву как раз в канун фестиваля. Ребята очень надеялись, что их пригласят хотя бы на торжественное открытие. Однако ничего такого не произошло. В Спорткомитете их поблагодарили и немедленно отправили по домам. Они свое дело сделали.

И об одном событии, косвенно связанном с фестивалем. Регина Фишер, мать будущего чемпиона мира, написала письмо Хрущеву с просьбой, чтобы ее четырнадцатилетнего сына, тогда уже ставшего чемпионом США среди взрослых, пригласили в Москву на фестиваль. Либо госпожа Фишер написала письмо слишком поздно, либо оно долго ходило по коридорам власти, но когда разрешение было получено, то фестиваль уже кончился. И тогда Спорткомитет получил указание пригласить Фишера весной следующего года. Действуя согласно протоколу, спортивное начальство предоставило ему машину и переводчицу, чтобы он смог осмотреть московские достопримечательности. Однако Бобби попросил отвезти его в Центральный шахматный клуб и сказал, что хотел бы встретиться там с Ботвинником, чтобы поиграть с ним в блиц. Ему ответили, что чемпион мира занят, а блиц он вообще не играет. Фишер удовлетворился игрой с несколькими мастерами, а затем на горизонте появился Петросян. О результатах этих игр существуют разные версии. Одни говорят, что американец был побит многими — Лутиковым, Васюковым, другие — что это удалось только Петросяну.

Визит юного Фишера в Москву закончился неожиданно — он

поссорился с переводчицей, та написала соответствующий рапорт, и американец был отправлен домой. Это был первый и последний его визит в Советский Союз.

Забегая несколько вперед, скажу, благодаря шахматам мне удалось объехать полмира, побывать во многих экзотических странах. Как-то само собой я приобрел привычку фиксировать в своем путевом блокноте все, что заслуживало внимания и было типичным для той или иной страны. С годами у меня накопился огромный фактический материал.

Еще в конце пятидесятых годов я начал писать о своих путешествиях. Опубликовал пару очерков в журнале «Знание — сила», затем в альманахе «На суше и на море». А где-то в середине 60-х редакция географической литературы издательства «Мысль» предложила издать сборник моих очерков. Я подготовил рукопись, она получила одобрительную рецензию специалистов. Однако, когда издательство представило свой годовой план в отдел печати ЦК КПСС, реакция одного из партийных чиновников была неожиданной:

— У вас что, своих пишущих географов нет, раз вы гроссмейстера приглашаете?

Неудивительно, что издание книги застопорилось.

Прошло несколько лет прежде чем издательство отправило рукопись в типографию, причем в изуродованном виде.

— То, что вы видите и описываете,— это хорошо, но все ваши рассуждения и размышления мы убрали,— объяснили мне в редакции.— Вы же по профессии не географ!

К тому же ряд очерков был попросту изъят. Особенно мне было жаль «Героя моего детства». Видимо, кому-то не понравилось, что им был не Чапаев, не Буденный и даже не Чкалов, а норвежский полярный исследователь Руал Амундсен.

Название моей рукописи было «Не совсем обыкновенные путешествия», но книга вышла под шаблонным названием «На разных континентах». А у меня на всю жизнь отбили охоту к написанию подобных материалов.

По новым правилам

XXV чемпионат страны, проходивший в Риге, был одновременно зональным турниром. Его состав выдался отменным — три будущих чемпиона мира, восемь претендентов на это звание! И лишь четверка победителей получала право выступить в турнире межзональном. В подобных ситуациях конкуренция обостряется до предела и начинают играть роль самые разнообразные факторы, от тебя даже совсем не зависящие. Перед последним туром положение лидеров было таким: на первом-втором месте Таль и Петросян, на пол-очка позади Бронштейн, и еще на полочка сзади — Спасский и я. Остальные участники уже в борьбе за выход в межзональный участия не принимали, а среди нас, пятерых, один оказывался лишним.

Драматизм ситуации усиливался тем, что я должен был играть с Петросяном, а Спасский с Талем.

Довольно быстро мы с Петросяном сыграли вничью, то же самое случилось у Бронштейна с Корчным, а наши молодые соперники сцепились не на жизнь, а на смерть. Когда их партия после пяти часов игры была отложена, казалось, что в прерванном положении Спасский должен победить. Однако при доигрывании, не видя ясного пути к победе, Борис перешел границу допустимого риска и в конце концов даже проиграл. Говорят, что, выйдя из турнирного помещения, он рыдал, как ребенок. Было отчего. Ведь именно он оказался пятым лишним.

Межзональный турнир состоялся осенью того же года в Порторожe. Кроме нашей четверки там участвовали С. Глигорич, Б. Ларсен, Л. Сабо, Ф. Олафссон, М. Филип, О. Панно, П. Бенко, Л. Пахман, совсем юный Р. Фишер и ряд мастеров. Однако мы и иностранцы играли по разным правилам: я уже говорил, что по предложению нашей шах-секции ФИДЕ ограничило число участников от одной страны в турнире претендентов. Не более четырех — таково новое правило. На первый взгляд это было разумное решение: отбор на матч с чемпионом мира должен носить международный характер. Но из-за того, что Смыслов, как экс-чемпион мира, и Керес, как занявший второе место в предыдущем турнире претендентов, уже получили персональное право играть в предстоящем претендентском турнире, из нашей четверки даже теоретически в претенденты могли выйти лишь двое! Нам это, конечно, не нравилось. А остальным участникам турнира не нравилось то, что только пять человек становились претендентами, в то время как на предыдущем межзональном турнире было целых девять выходящих мест.

Как раз в то время в Дубровнике, в той же Югославии, проходил очередной конгресс ФИДЕ. И все участники межзонального турнира обратились с просьбой к конгрессу увеличить число выходящих мест.

Более половины турнира я держался на третьем месте. Однако впереди меня были наши — Таль и Петросян. И это третье место мне ничего не обещало. Но вот наступил 13-й тур, и перед его началом сообщили приятную новость: число выходящих мест увеличено до шести, а для советских участников — до трех.

Не знаю, виновато ли в этом 13-е число, но именно тогда я проиграл Олафссону, после чего мы с Бронштейном, как на велосипедных гонках с выбыванием стали внимательно следить друг за другом.

За четыре тура до конца несложный расчет показывал, что, набрав два с половиной очка, я выхожу в претенденты. Для этого достаточно выиграть одну партию и ни одной не проиграть. Увы, эту программу мне выполнить не удалось: набрал на пол-очка меньше.

И здесь все решалось в последнем туре. Шансы стать претендентами сохраняли 12 человек, то есть половина (!) была лишней. В итоге в следующий этап вышли Таль, Глигорич, Петросян, Бенко, Фишер и Олафссон.

.

Александр Алехин—студент, 1909 г.

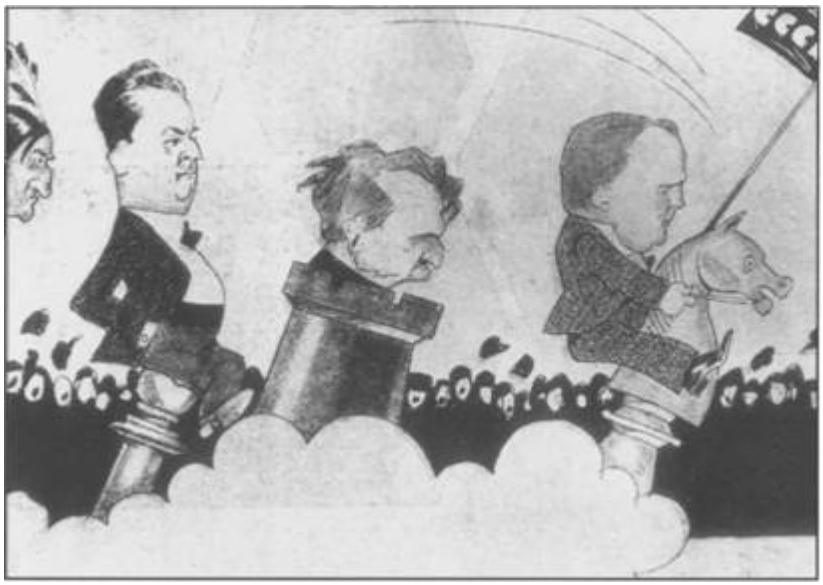
Александр Алехин в годы Первой мировой войны

Александр Алехин, 1920-е годы

Александр Алехин с сыном Александром, 1920-е Годы

Турнир в Праге 1943 года, партия Алехин — Керес

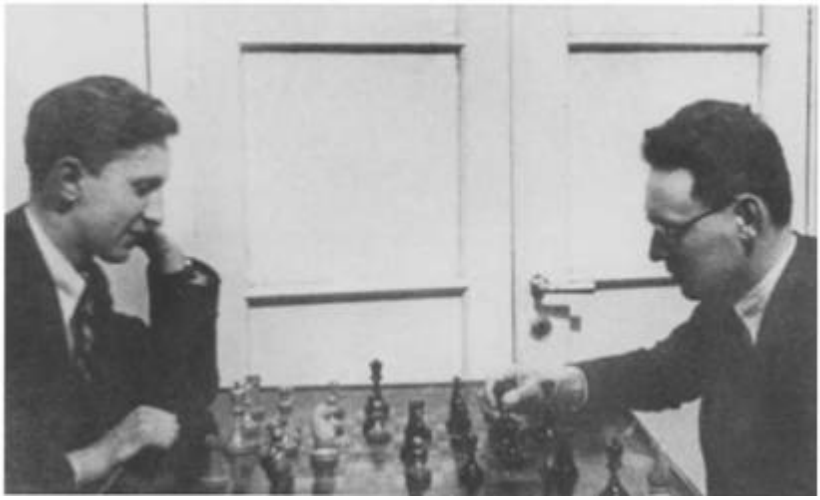
Уход из жизни



Первый московский международный турнир 1925 года. Дружеский шарж Бориса Ефимова. Маршалл, Капабланка, Ласкер, Боголюбов.

Первый руководитель советских шахмат Н. В. Крыленко

Первый чемпион РСФСР Петр Измайлов



Турнир на звание абсолютного чемпиона СССР, 1941 г. За анализом партии — Василий Смыслов и Михаил Ботвинник

Пауль Керес

Михаил Таль

Прием в резиденции американского посла в Москве после матча СССР—США 1955 года: в центре — Председатель Совета министров Н. Булганин, гроссмейстер Сэмюэль Решевский и

Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев

Турнир претендентов на Кюрасао 1962 года: Тигран Петросян и Роберт Фишер

Михаил Ботвинник и Тигран Петросян

Борис Спасский

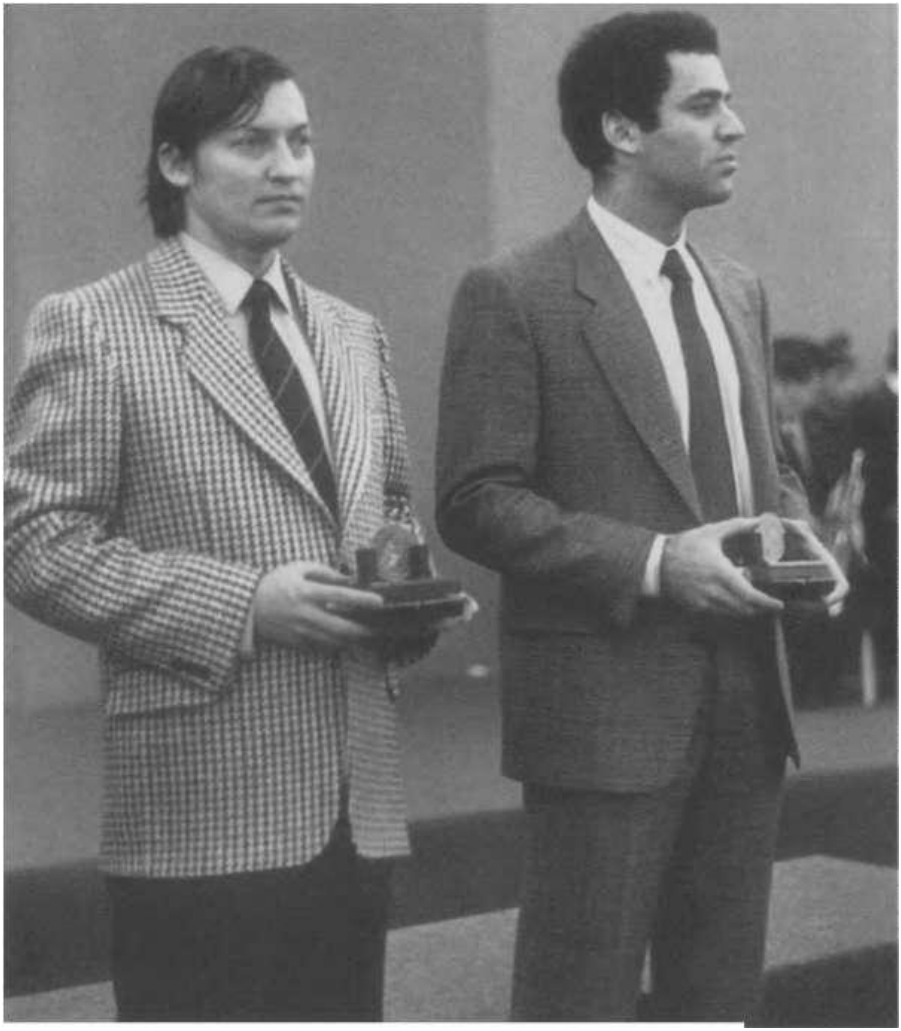
Визит Президента ФИДЕ, экс-чемпиона мира Макса Эйве (справа). Слева направо: секретарь ФИДЕ Инеке Баккер, директор ТТТТТК Виктор Батуринский, переводчица

На матче претендентов Роберт Фишер — Марк Тайманов. Посередине — главный арбитр Божидар Кажич

Василий Смыслов на турнире «Белая ладья»

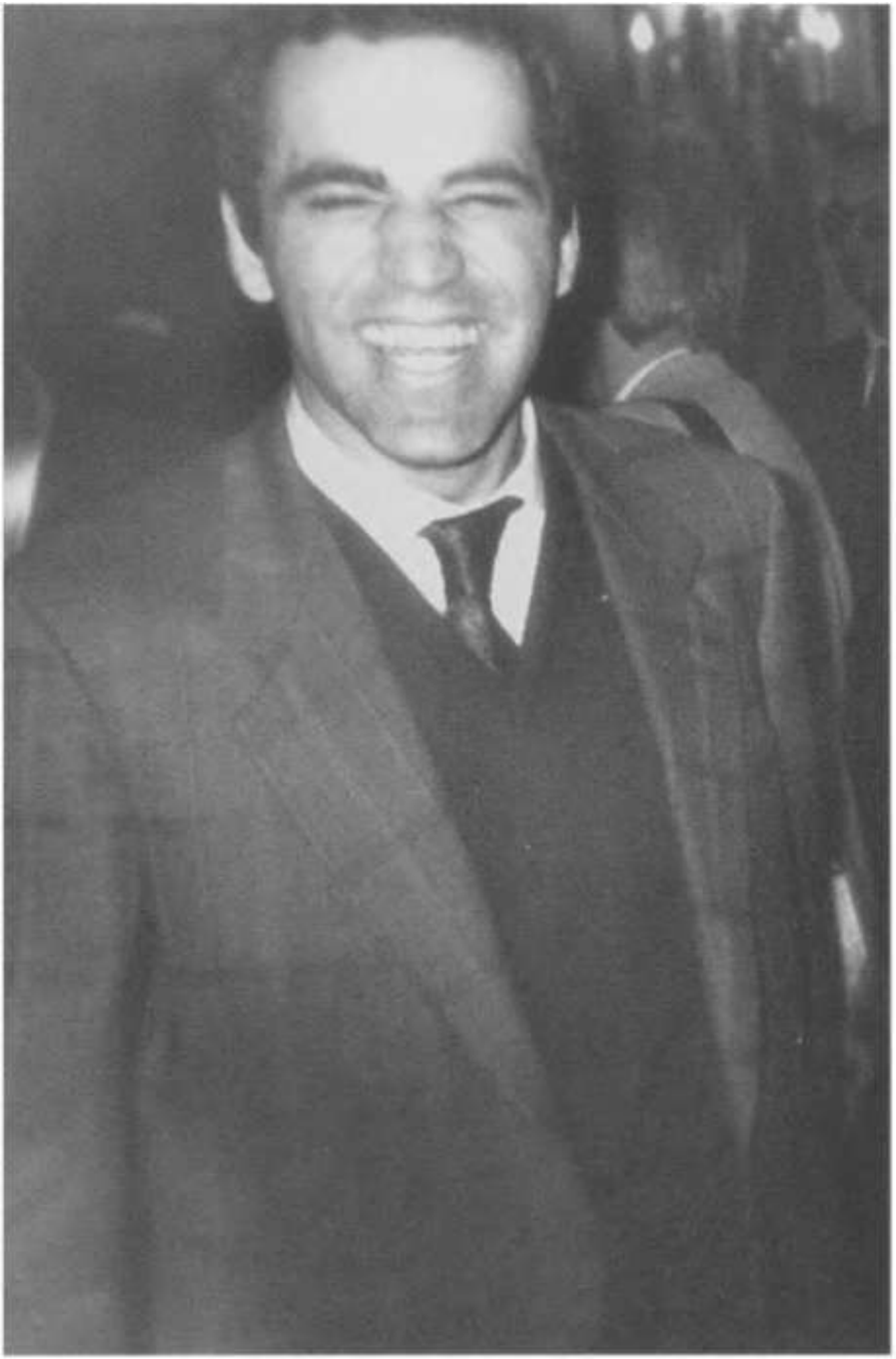
Анатолию Карпову 10 лет...

Турнир пионеров и гроссмейстеров: в сеансе Юрия Авербаха Гарри Каспарова



«Исторические соперники»: Анатолий Карпов и Гарри Каспаров

Матч на первенство мира 1984-85: зрители не спешат расходиться...



Гарри Каспаров

Матч на первенство мира Гарри Каспаров — Найджел Шорт. Главный арбитр — Юрий Авербах

Матч на первенство мира по версии ФИДЕ: Руслан Пономарев — Василий Иванчук. Первую партию открывают вице-премьер Правительства России Валентина Матвиенко, Президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов и главный арбитр Юрий Авербах

Между нами, арбитрами: автор и редактор этой книги

По приезде в Москву Петросян, Бронштейн и я подали в Президиум шахсекции заявление по поводу дискриминации советских шахматистов. Нас поддержал руководитель делегации СССР в Порторожe, начальник отдела шахмат *Я.* Абрамов.

Заседание Президиума прошло очень бурно. После того, как было зачитано наше заявление, одним из первых выступил Ботвинник:

— Вы не имели права поддерживать заявление слабых гроссмейстеров! — напал он на Абрамова.— Мы разработали правила борьбы на первенство мира, и менять ничего нельзя. Стоит вынуть хоть один кирпич из стены построенного нами здания — оно рухнет! Эти правила я разработал в интересах Советского Союза! — с пафосом закончил Ботвинник свою речь.

Президиум согласился с чемпионом мира и нас не поддержал.

Тогда, в основном играя в шахматы, мы не очень хорошо знали эти правила, Между тем в 1956 году, как я уже рассказывал, правила менялись — чемпион мира получил немалое преимущество: право на матч-реванш. Перефразируя его слова, кирпичи из воздвигнутого им здания вынимались и заменялись.

А вот второй принятый тем же конгрессом новый пункт правил, ограничивающий число участников от одной страны, вообще противоречил основному принципу всяких соревнований — на старте все участники должны быть в равных условиях. Если это, конечно, не гандикап, где сильные дают слабым фору.

Напомню, что и этот пункт был предложен нашей делегацией, а фактически самим Ботвинником. Никаких предварительных обсуждений этих двух пунктов на Президиуме шахсекции не было.

А как же руководство ФИДЕ? Неужели оно не понимало, что предоставляет большое преимущество чемпиону и одновременно бьет по интересам наших гроссмейстеров?

Зная достаточно хорошо тогдашнего президента ФИДЕ Фольке Рогарда, известного адвоката и опытного политика, могу утверждать, что, будучи представителем нейтральной страны, он всегда стремился к сохранению паритета между нами и Западом. Характерный пример: когда в виде исключения за победу в чемпионате СССР присвоили звание международного гроссмейстера М. Талю, то одновременно это звание было дано чемпиону США А. Бисгайеру. И так во всем: если Советскому Союзу что-то дали, то обязательно что-то должны были отнять. Поэтому-то наши шахматные дипломаты, заботясь об интересах чемпиона мира, сами предложили ввести ограничения. Тем самым Ботвинник сразу убил двух зайцев — получил дополнительное преимущество и одновременно поставил дополнительные рогатки на пути своих же соотечественников. Стоит вспомнить, что в матч-турнире претендентов 1956 года из 10 участников 6 представляли нашу страну. И какие 6 — Смыслов, Керес, Бронштейн, Геллер, Петросян, Спасский! Теперь же двое из них выпадали из игры. А на подходе были еще Таль и Корчной.

Мысль — что хорошо мне, то хорошо нашей стране — Ботвинник ясно и откровенно выразил в статье «Без парадоксов», опубликованной в его книге «Аналитические и критические работы. Статьи, воспоминания».

«В жизни мне повезло. Как правило, мои личные интересы совпадали с интересами общественными — в этом, вероятно, и заключается подлинное счастье. И я не был одинок — в борьбе за общественные интересы у меня была поддержка. Но не всем, с кем я общался, так же повезло, как мне. У некоторых личные интересы расходились с общественными, и эти люди мешали мне действовать. Тогда и возникали конфликты».

Забегая несколько вперед скажу, что, несмотря на все попытки Ботвинника сохранить воздвигнутое им здание в неприкосновенности, конгресс ФИДЕ в Люксембурге в 1959 году отменил матч-реванш. Фактически ФИДЕ признало, что сохранение звания в случае ничейного исхода матча плюс матч-реванш дают чемпиону слишком большие преимущества по сравнению с претендентом. Ведь чтобы укрепиться на троне,

претендент должен был сыграть не один матч с чемпионом, а два. Один — выиграть, второй — не проиграть. А на конгрессе ФИДЕ в Варне в 1962-м турнир претендентов заменили матчами, и вопрос о числе участников из одной страны отпал.

Несомненно, подобное решение проблемы возможно было и раньше. Однако тогда, в 1956 году, наши представители в ФИДЕ заботились только об интересах чемпиона мира.

Мальчики для битья

После войны у нас в стране прошел целый ряд идеологических кампаний, инспирированных специальными постановлениями ЦК партии. О журналах «Звезда» и «Ленинград», что привело к травле А. Ахматовой и М. Зощенко, о «преклонении перед Западом», в результате которой французскую булочку переименовали в городскую, а салат «Оливье» — в «Столичный», хотя на Западе его обычно называют русским салатом. Большой резонанс в стране вызвала дискуссия о состоянии дел в биологической науке. Лысенко и его последователи напали на так называемых вейсманистов и морганистов, и все это в конце концов обернулось репрессиями по отношению к ряду ученых. Была также предана остракизму так называемая «антипартийная группа театральных критиков». Среди тех, кто попал под огонь критики, оказались два шахматиста — кандидат в мастера профессор-биолог Д. Петров, составлявший также и этюды, и известный этюдист А. Гурвич, по основной профессии — театральный критик. Петров, занимавшийся изучением мух-дрозофил, очень своеобразно отреагировал на критику его деятельности. В 1949 году он опубликовал в журнале «Шахматы СССР» пространную статью, под названием «Советская школа в этюдной композиции», где в свою очередь подверг критике ряд известных композиторов, обвинив их в том, что они, участвуя в зарубежных конкурсах, будто бы подстраиваются под низкопробные вкусы их судей и таким образом добиваются высоких отличий.

Как утверждал автор, «такой "ремесленный" подход неизбежно отражается на стиле композиторов, и они постепенно теряют способность создавать подлинно художественные этюды. Больше того, выступая в качестве судей на советских конкурсах, они оценивают этюды с точки зрения своего испорченного "вкуса", что оказывает вредоносное влияние уже на всю массу советских композиторов».

Для большей убедительности Петров в качестве союзника привлек не кого-нибудь, а самого В. И. Ленина! Известно, что вождю мирового пролетариата понравился этюд братьев Платовых, опубликованный в 1909 году. Этот этюд автор статьи и выбрал в качестве эталона, на который следует равняться советским композиторам. Приведем его слова: «У мастеров советской композиции есть немало произведений, по своим художественным достоинствам приближающихся к этюду Платовых, хотя, конечно, и не превосходящих его».

Это утверждение Петрова никак не соответствовало действительности. За время, прошедшее с момента появления этюда Платовых, был опубликован целый ряд произведений, наполненных напряженной борьбой с обеих сторон, намного превосходящих названный этюд. Главным же достоинством этюда Платовых было то, что он производил большое впечатление на широкую публику, на массового читателя, одним из которых, кстати, и являлся Ленин.

Статья Петрова вызвала оживленную дискуссию в шахматной печати, да и не только в шахматной. Так, например, газета «Советский спорт» давно мечтала принять участие в какой-нибудь идеологической кампании. Для нее обвинение шахматных композиторов в испорченном «западном вкусе» явилось «манной небесной». В газете появилась заказная статья мастера В. Панова, в которой он выразил точку зрения ряда шахматистов-практиков, еще в 1936 году высказанную Ботвинником и Спокойным, что некоторые композиции далеки от практической игры и «попахивают» формализмом.

Спорткомитет немедленно собрал совещание, на которое были приглашены как композиторы, так и шахматисты-практики, мастера и гроссмейстеры. Вел его тогдашний председатель Шахсекции генерал-лейтенант В. Виноградов.

На трибуну вышел ответственный секретарь газеты «Советский спорт» Н. Тарасов. С артистическим пафосом он начал обличать «грехи» наших композиторов и закончил тем, что обвинил их в формализме.

После того, как он закончил свое критическое выступление, кто-то из зала задал ему каверзный вопрос: что он понимает под формализмом в шахматной композиции?

Тарасов смешался. Наступила тягучая пауза...

И тогда председатель собрания поспешил ему на помощь.

— Что вы хотите от представителя спортивной газеты. Он, конечно, не разбирается в сущности вопроса. Однако главное — он за, за единство формы и содержания!

А дело было в том, что в отличие от формализма в литературе, когда большое, если не главное внимание уделяется форме, в композиции, наоборот, формалистами принято считать тех композиторов, кто, стремясь осуществить какую-нибудь новую, оригинальную идею, не обращает особого влияния на форму.

Этого поэт и член Союза писателей Николай Тарасов знать, конечно, не мог.

В результате совещания было принято, как полагалось во всех подобных случаях, специальное постановление, которое

определяло путь, по которому нужно развиваться советскому шахматному этюду. В постановлении было рекомендовано привлекать шахматистов-практиков в судейские коллегии крупнейших конкурсов и даже чемпионатов страны по шахматной композиции. Среди тех, кого выбирали в качестве судей, были Д. Бронштейн, П. Керес и я. Всем нам позднее было присвоено звание международных судей по шахматной композиции.

Наши композиторы продолжали составлять отличные этюды и задачи, но почти каждый год в журнале «Шахматы в СССР» появлялись статьи, в которых критиковались этюды, но особенно задачи и, конечно, их авторы. Доставалось и судьям различных конкурсов. Эта критика, кстати не всегда справедливая, стала как бы традицией нашей периодической литературы.

Работа в редакции

В марте 1962 года умер гроссмейстер Вячеслав Рагозин, главный редактор журналов «Шахматы в СССР» и «Шахматный бюллетень» и по совместительству вице-президент ФИДЕ. Большую часть своего времени он уделял международным шахматным проблемам и был редактором лишь номинально. Фактически журналами руководил его заместитель мастер Михаил Юдович, опытный журналист, еще с довоенных времен работавший в газете «64». Казалось бы, он и должен был заменить Рагозина. Однако, видимо, спортивное руководство смотрело иначе, причем не последнюю роль играло то, что Юдович не был ни членом партии, ни гроссмейстером.

Короче говоря, возглавить журналы предложили мне.

Предложение застало меня врасплох. Невольно пришлось задуматься о дальнейшей судьбе.

В 1962 году мне исполнилось сорок лет. Для шахматистапрофессионала — возраст критический. Я понимал, что в шахматах достиг своего предела, класс игры у меня был еще достаточно высоким, но подняться выше вряд ли мог. Достаточно сказать, что в четырех последних чемпионатах страны я занимал одни и те же места — с шестого по восьмое. К тому же у меня появилось новое увлечение — аналитическая работа в области эндшпиля. Как раз в 1962 году вышел последний, третий том фундаментального труда по эндшпилю, подготовленного мной в содружестве с группой аналитиков: Ильей Майзелисом, Виктором Хенкиным, Виктором Чеховером и Николаем Копаевым.

По характеру я шахматист-исследователь. Сама игра меня не слишком увлекала, хотя не могу сказать, что играл без удовольствия. Главное, мне никогда не доводилось испытывать бурной радости от побед. У меня не была того всплеска эмоций, который так ярко проявляют ныне спортсмены в случае успеха. Конечно, я испытывал удовлетворение от победы, от достижения поставленной цели, но не более. Видимо, характер у меня не чемпионский. С другой стороны, проигрывать я не любил, и горечь поражений никак не компенсировалась радостью побед. Конечно, я понимал, что в какой-то степени ставлю крест на своей шахматной карьере. Времени, чтобы как следует готовиться к турнирам, у меня уже не будет. Но перед глазами были печальные примеры сходящих профессионалов — Берлинского, Левенфиша, Кана, Панова, Лилиенталя, Бондаревского и многих других. Я воочию видел их болезненные переживания при неудачах. Помню, например, как разволновался Бондаревский,

когда после партии, закончившейся его поражением, стоящий рядом судья, шахматист первого разряда, показал, что он мог дать мат в несколько ходов. И это Бондаревский, опытный «матовала», чьи эффектные матовые концовки с Котовым и Уфимцевым стали классикой, вошедшей в учебники.

В итоге, взвесив все «за» и «против», я решил принять предложение. Тем более, что журналистская работа не была для меня в новинку. Свыше десяти лет я регулярно писал отчеты о турнирах, комментировал и свои, и чужие партии, вел шахматный отдел в журнале «Знание — сила». А начиная с 1958 года был общественным редактором еженедельника «Шахматная Москва». Журналы, которые я возглавил, находились в двойном подчинении, имели фактически двух хозяев — Спорткомитет и Комитет по делам печати. В оба эти учреждения меня изредка приглашали на совещания, но в целом беспокоили мало. Как правило, это случалось, когда возникало какое-нибудь ЧП.

В бытность главным редактором (наверное, я установил своеобразный рекорд, проработав в этой должности свыше сорока лет!) мне ни разу не пришлось отчитываться. А вот мой заместитель Юдович любил рассказывать, как в 1952 году, еще при Сталине, работа журнала «Шахматы в СССР» обсуждалась на заседании коллегии Спорткомитета.

Время было смутное, как раз накануне «Правда» сообщила о «деле врачей-убийц». Шла чистка, евреев всюду снимали с руководящих постов. По словам Юдовича, его тоже собирались выгнать с работы.

Но Михаил Михайлович был человеком бывалым. Во время войны, когда шахматные газета и журнал закрылись, он служил ответственным секретарем газеты с нелепым тавтологическим названием «Патриот родины», а затем сотрудничал в журнале «Советская милиция» и на радио. Он не раз намекал, что у него были и есть могущественные покровители. Короче, Юдович подсуетился, использовал свои связи, и ему удалось удержаться в кресле.

Однако я забежал вперед, а сейчас приведу его рассказ, который он исполнял в лицах. Этот эпизод ярко демонстрирует обстановку того времени.

«Сначала слово было предоставлено рецензенту журнала А. Иглицкому, кандидату в мастера, профессиональному журналисту, сотруднику "Нового мира". Человек обстоятельный, дотошный, он хорошо знал содержание журнала и один за другим методично отмечал его недостатки. Закончил Иглицкий свое критическое выступление, как ему казалось, очень эффектно:

И последнее. Почему журнал никак не откликнулся на выход

труда товарища Сталина "Марксизм и вопросы языкознания"?

Не успел он закрыть рот, как раздался истошный вопль:

То есть как "не откликнулся"?!

Член коллегии Спорткомитета Александр Шелепин, тогда третий секретарь ЦК ВЛКСМ, даже поднялся со своего стула.

Вы соображаете, что говорите? — набросился он на онемевшего Иглицкого. — Как это "откликнуться"? Труду товарища Сталина они были обязаны посвятить целый номер!»

По журналу было вынесено специальное постановление. Однако, несмотря на то, что «Шахматы в СССР» никак не откликнулись на сочинение вождя народов, оргвыводы сделаны не были. Юдович действительно имел сильных покровителей!

При мне умудренный опытом Михаил Михайлович зорко следил, чтобы, не дай Бог, на страницы журнала не проникло ничего крамольного. Поэтому, например, никаких проблем с цензурой мы не имели. В феврале, когда готовились материалы о шахматах в армии и на флоте, их приходилось отсылать в военную цензуру. Помню, на обложке журнала мы хотели поместить снимок матросов, играющих в шахматы на палубе ракетного крейсера «Грозный», так цензор с лупой в руке долго и придирчиво изучал фотографию, стараясь определить, не видны ли на ней какие-либо секретные объекты. Обычно на цензуру уходило дня три.

Забегая вперед, скажу, что в конце 60-х годов цензор мне неожиданно предложил:

Ваш журнал далек от политики. Если хотите, можете вообще отказаться от цензуры, только напишите, что берете всю ответственность на себя.

Знакомые журналисты категорически не советовали этого делать.

Зачем тебе такая ответственность? — убеждали они.— Ведь за цензором ты как за каменной стеной. А вдруг допустишь какую-нибудь промашку?

Я тогда старался ускорить выпуск журнала и, подумав, все же подписал необходимый документ, после чего журнал стал выходить на несколько дней раньше.

Правда, чтобы не дразнить гусей, мы перестали печатать снимки людей, играющих в шахматы на военных объектах. А будучи членом спортобщества «Зенит», объединяющего работников военной промышленности, я знал, что нельзя писать, к примеру, о турнирах этого общества в Москве: военные объекты в столице были строго засекречены.

Редколлегия обоих журналов утверждалась Спорткомитетом, а состав ее подбирался совместно руководством шахматной

федерации, отделом шахмат и управлением агитации и пропаганды Спорткомитета. Мне оставалось лишь соглашаться или не соглашаться с предлагаемыми кандидатурами. Однажды, будучи на приеме у первого зампреда Спорткомитета, я попытался отвести одну из них.

А почему? — поинтересовался тот.

Когда я был редактором «Шахматной Москвы», он писал на меня кляузы.

Вас не поймут! — откровенно признался чиновник.

Впрочем, как я быстро убедился, редколлегия в основном

утверждала планы журнала и практически никакого влияния на работу редакции не оказывала.

Первой проблемой, с которой мне пришлось столкнуться на посту главного редактора, оказался... абстракционизм! В 1963 году, вскоре после посещения Хрущевым выставки в Манеже, когда началась борьба с абстракционизмом, меня неожиданно вызвали на Старую площадь в сектор спорта ЦК партии к товарищу Муликову. Он спросил:

Вам знаком профессор Дмитрий Петров?

Да, знаком.

Он рвется на прием к товарищу Суслову. Утверждает, что у вас в шахматах тоже завелись абстракционисты! Мне поручено это проверить.

О профессоре Дмитрии Федоровиче Петрове я уже рассказывал раньше. Человек самолюбивый, болезненно обидчивый, он считал, что его этюды судьи конкурсов недостаточно высоко оценивают, и при всяком удобном случае нападал на них. Особенно доставалось теоретику композиций Александру Гербстману. Еще в 20-е годы последний, искусствовед по профессии, пытался разделить всех составителей задач и этюдов на три группы — реалистов, романтиков и абстракционистов. Не вдаваясь в существо вопроса, скажу только, что деление это условно, искусственно и распространения не получило, хотя термины «реализм» и «романтизм» иногда и сейчас появляются в шахматной печати. И вот много лет спустя Петров припомнил Гербстману его теоретические измышления.

Специально для товарища Муликова я написал подробное объяснение. Тот был удовлетворен. Никакой крамолы в шахматной композиции, связанной с абстракционизмом, не оказалось. Петрова к главному партийному идеологу М. Суслову не допустили, и составители задач и этюдов могли спокойно заниматься своим любимым делом...

Однако, работая в редакции, с проблемами шахматной композиции мне пришлось сталкиваться еще не один раз. Но об

этом позже. Начав заниматься делами редакций, я сразу же обратил внимание на то, что из десяти сотрудников трое были начальниками — главный редактор, заместитель и ответственный секретарь. Для такой маленькой редакции это было многовато, и я решил сократить должность секретаря, что вызвало обиду мастера Я. Нейштадта, занимавшего эту должность. Тем более, что мы были друзьями детства. Он стал заведовать отделом партий и, к слову сказать, оказался вполне на месте.

Затем я усилил теоретический отдел. Его мы курировали совместно с Юдовичем. Мне казалось важным, чтобы почти в каждом номере журнала печатались новинки теории, и не только дебюта, но и миттельшпиля и эндшпиля. Таким образом к сотрудничеству в журнале мы привлекли большую группу теоретиков, регулярно публиковавших у нас свои работы.

Следующей проблемой, с которой мне пришлось столкнуться, стал отдел шашек. Начав работать в журнале, я быстро убедился, что шашисты публикуемые там материалы не читают. Примерно за пять лет мы получили всего три письма, связанные с шашками, причем в одном высказывалась мысль, что в шахматном журнале отдел шашек не нужен.

Я разговаривал на эту тему с шашистами, убеждал их, что они должны иметь свой, отдельный журнал. Кстати, такой журнал выходил в Риге, его только нужно было сделать всесоюзным.

Относительно шашек мы провели заседание редколлегии, приняли соответствующее решение, и в 1968 году отдел шашек был закрыт. Отмечу, что никаких протестов, никаких жалоб по этому поводу тогда в журнал не поступало. А о том, что произошло через 15 лет, я расскажу позже.

С любителями шахмат журнал вел обширную переписку, и на многочисленные письма приходилось отвечать почти всем работникам редакции. Читатели сообщали о самых различных местных соревнованиях и их результатах, присылали свои партии и анализы, этюды и задачи, указывали на ошибки в примечаниях гроссмейстеров и мастеров. Для таких писем у нас было несколько специальных рубрик — «Читатель критикует», «Читатель комментирует», «Письма читателей».

Из потока писем мне запомнилось несколько.

Так один читатель обвинил журнал в том, что мы искажаем факты, утверждая что у нас в стране шахматы — игра народная. «Я просмотрел список мастеров и гроссмейстеров,— писал он,— а не увидел в нем ни рабочих, ни крестьян. А ведь они и есть народ!»

Получала редакция критические письма от болельщиков того или иного чемпиона. Им казалось, что мы недостаточно

прославляем их любимцев. В таких письмах не обходилось без откровенных ругательств в адрес журнала.

Мне приходилось встречаться с авторами подобных «ругательных» посланий. Как правило, они оказывались людьми внешне отнюдь не агрессивными, даже стеснительными, говорили, как бы извиняясь. Но стоило им взяться за перо, как они менялись, становились резкими, злобными, не стеснялись в выражениях. Видимо, таким образом их скрытая агрессивность выплескивалась наружу.

Однажды я получил письмо от следователя сельской прокуратуры, из самой что ни есть российской глубинки.

«У нас в селе проходил шахматный турнир,— сообщал он.— Игра продолжалась два часа, и если партия за это время не кончалась, она присуждалась судьей. По поводу оценки одной позиции возник спор между судьей и игроком, закончившийся ссорой и оскорблением действием. Дело было передано мне на расследование, но до суда оно не дошло. Остыв, спорщики помирились, и, к счастью, все обошлось.

Поскольку я тоже любитель шахмат и знаю вас как эксперта в области эндшпиля, то посылаю вам эту позицию. Прошу ее оценить и ответить, чтобы стало ясно, правильно ли игрок врезал судье или неправильно!»

А однажды пришло письмо из исправительной колонии. Заключенный писан, что у них проводятся шахматные соревнования между бараками. Однако помимо очков за победу и половинок за ничью начальство колонии ввело также очки за дисциплину и чистоту в бараках.

«И так получилось,— жаловался автор письма,— что мы на 12 очков опередили всех в шахматах, но у нас отобрали 14 очков за дисциплину и чистоту. В итоге первое место мы потеряли!»

Как-то один читатель пожаловался на журнал в шахматную федерацию.

«Почему,— не без ехидства вопрошал он,— если в журнале печатается партия Шамкович — Иванов, то всегда выигрывает Шамкович?»

Тогдашний председатель федерации передал мне это письмо, предварительно наложив резолюцию: «Учесть в работе редколлегии!»В апреле 1971 года журналу «Шахматы в СССР» исполнилось 50 лет, ведь журнал вел свое начало от «Шахматного листка Петрогубкоммуны», увидевшего свет в апреле 1921 года. Он являлся старейшим спортивным изданием нашей страны. В связи с юбилеем журнал был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. По этому случаю был устроен торжественный вечер в ЦШК, на который была

приглашена вся шахматная элита, в том числе и патриарх наших шахмат М. Ботвинник. Однако через одного из своих тогдашних приближенных — мастера Я. Эстрина он передал, что не придет. Что же явилось причиной этому?

За несколько лет до юбилея, раскрыв как-то «Шахматную Москву», я обратил внимание на статью Я. Эстрина «Ошибка мастера». В ней он описывал, как выступал вместе с экс-чемпионом мира, причем Ботвинник провел сеанс одновременной игры с часами, а Эстрин после четырех часов игры присуждал неоконченные партии. В одной из них он присудил ничью, однако Ботвинник с ним не согласился и показал, как можно выиграть, добавив, что мастер не должен допускать подобных ошибок.

Мельком взглянув на приведенную позицию, я пришел к выводу, что все не так просто. Расставил шахматы и быстро установил, что ошиблись оба. В варианте, приведенном Эстриным, на самом деле выигрывал Ботвинник. А при указанном им будто бы выигрывающем продолжении игра кончалась ничьей.

Подобная метаморфоза показалась мне чрезвычайно поучительной и интересной для читателей. Вскоре у нас в журнале появилась крохотная заметка «Вторая ошибка мастера», в которой я рассказал всю эту историю, подписав заметку псевдонимом Б. Усачев, по имени «Усачевки», улицы, на которой проживал.

После выхода журнала из печати редакцию посетил Эстрин и между прочим поинтересовался, кто это такой Б. Усачев. Мне нечего было скрывать, и я признался в авторстве заметки. Эстрин, естественно сообщил об этом Ботвиннику, а он, видимо, посчитал заметку ударом по его реноме, обиделся на журнал. Впрочем, когда через номер мы отмечали шестидесятилетие патриарха, он передал нам для опубликования главу из своих мемуаров, и добрые отношения тогда же были восстановлены.

В федерации

В 1954 году на очередном пленуме шахматной секции меня впервые избрали членом ее президиума, а затем назначили председателем квалификационной комиссии. Эта работа была мне знакома: в конце 40-х годов я входил в состав квалификационной комиссии Москвы.

Одной из задач Всесоюзной комиссии было рассмотрение представлений и присвоение звания мастера. Соревнований, в которых удавалось его получить, тогда было совсем немного. Поэтому способным кандидатам в мастера иногда разрешали играть квалификационные матчи с мастерами. И первыми документами, которые к нам пришли, были материалы матча юного рижанина Михаила Таля с белорусским мастером В. Сайгиным, выигранного первым со счетом 8 : 6. Мы рассмотрели партии матча, решили, что Таль достоин звания мастера, после чего материалы были переданы в Спорткомитет для утверждения.

Я подробно рассказываю об этом случае потому, что с легкой руки Таля, любившего немного приукрасить события, появилась легенда, растиражированная его биографами, о том, что Всесоюзная квалификационная комиссия будто бы не торопилась присваивать ему звание мастера, пока в состоявшемся осенью того же года командном первенстве страны он не выиграл у ее председателя. Что и говорить, история забавная, но далекая от действительности. В первом номере бюллетеня, посвященного этому первенству, напечатан снимок, где отчетливо видны надписи на табличках: «Гроссмейстер Ю. Авербах» и «Мастер М. Таль».

Главой квалификационной комиссии я пробыл немало лет, был избран также членом научно-методического совета, а в 1962 году пошел на повышение: меня избрали заместителем президента Шахматной федерации СССР, как с 1959 года стала называться Всесоюзная шахматная секция.

На этом посту я пробыл десять лет. Сначала при президенте Б. Родионове, ответственном работнике Моссовета, затем при А. Серове, ответственном работнике ЦК КПСС, затем при Д. Постникове, ответственном работнике ТАСС (бывшем зампреде Спорткомитета, о котором я уже рассказывал).

Вечной проблемой президиума были международные поездки. Число их было ограничено, они утверждались на каждый квартал и всегда вызывали бесконечные споры. Естественно, что чемпион мира и претенденты были вне конкуренции, но у нас еще были ведущие гроссмейстеры, да и молодежи нужно было

приобретать международный опыт. Конечно, решающее слово оставалось за Спорткомитетом, мы только давали рекомендации, а у них были свои приоритеты и, естественно, любимчики. А выезды за рубеж бывали разные — материально интересные, малоинтересные и просто неинтересные.

Когда я столкнулся с этим вопросом, то мне пришло в голову составить таблицу выездов за несколько лет, из которой можно было немедленно установить кто, куда и на какие турниры выезжал. Работать сразу же стало легче. Однако, когда в секторе спорта идеологического отдела ЦК узнали о моей таблице, то тотчас потребовали, чтобы я ее передал им. Для них эта информация также была бесценной.

Нередко президиум федерации пытался давать рекомендации и по руководству выезжающих делегаций или команд, но, как правило, Спорткомитет оставлял за собой право решать подобные вопросы.

Приведу один, но очень показательный пример.

В начале 1962 года в Стокгольме прошел очередной межзональный турнир, из которого, заняв 2-е, 3-е и 4-е места, в турнир претендентов вышли Петросян, Геллер и Корчной. Неплохо сыграл и четвертый наш участник Штейн. Он разделил последнее, выходящее место с американцем П. Бенко и югославом С. Глигоричем. Но по тогдашним правилам только три шахматиста из одной страны (читай СССР) могли выйти в следующий этап. Между ними был устроен отборочный турнир. Хотя в нем победил Штейн, но претендентом стал занявший второе место американец, а Штейну, бывшему тогда еще мастером, присвоили звание гроссмейстера.

В целом итоги выступления советских шахматистов можно было признать удачными, если бы не одно «но»,— первое место с отрывом в два с половиной очка от второго призера занял 19-летний американец Роберт Фишер. До этого во всех четырех межзональных турнирах побеждали советские шахматисты. Феноменальная победа Фишера означала, что на шахматном горизонте у наших гроссмейстеров появился по-настоящему опасный противник.

Главой нашей делегации в Стокгольме был Л. Абрамов, начальник отдела шахмат Спорткомитета, тренером — гроссмейстер

А. Котов. На турнир претендентов, который должен был состояться на острове Кюрасао, президиум федерации снова предложил их кандидатуры. Спортивному начальству, видимо, не очень нравились итоги Стокгольма, а тут масла в огонь подлили организаторы соревнования. Они пригласили участников и

сопровождающих их лиц приехать с женами. Спорткомитет всегда весьма прохладно относился к подобным приглашениям, однако в данном случае все же согласился послать жен участников, но на более короткий срок. А Котов и Абрамов настаивали на том, чтобы тоже ехать с женами. Это было уже слишком! И спортивное руководство стало искать им замену. Поиск привел к человеку, жена которого была невыездной, так как работала в «ящике». Этим человеком оказался я. Поистине не знаешь, где найдешь, где потеряешь!

В то время меня в Москве вообще не было. Я выступал в Иркутской области, побывал даже на Ленских приисках. И, не скрою, был очень удивлен, когда в гостинице мне вручили телеграмму из Спорткомитета, требующую срочного возвращения в Москву. Когда я вернулся, мне предложили стать руководителем делегации и старшим тренером. Вторым тренером был назначен гроссмейстер И. Болеславский, тогда выполнявший роль тренера сборной страны.

Я обращаю внимание читателей на эту историю из-за того, что сорок лет спустя Корчной в газете «Шахматная неделя» объявил, что назначение меня и Болеславского будто бы дело рук Петросяна и его супруги...

В нашей стране шахматные соревнования проходили как бы на двух уровнях. Спорткомитеты проводили соответственно чемпионаты городов, областей, республик, а Спорткомитет СССР организовывал соревнования на первенство страны. В тоже время профсоюзы проводили соревнования спортивных обществ — «Труда», «Буревестника», «Спартака», «Зенита»... Каждый год календари соревнований приходилось увязывать. Иначе турниры наезжали друг на друга.

И тогда возникла идея увязать все наши соревнования с трехлетним циклом состязаний на первенство мира, проводимых ФИДЕ.

Было решено: отбор в ежегодный чемпионат страны осуществлять следующим образом: один год — по территориальному признаку, из чемпионатов республик, а также Москвы и Ленинграда; второй год — через спортивные общества, и лишь на третий год, когда чемпионат страны был одновременно зональным турниром на первенство мира, отбор в него проходил через традиционные полуфиналы. Что и говорить, система была сложной: первенства республик и спортивных обществ отличались разным уровнем участников, поэтому каждый год приходилось определять число выходящих мест. Однако главным было то, что в отборе практически могли принять участие все ведущие шахматисты страны. К тому же поднималось значение

чемпионатов республик и спортивных обществ.

Эта система отбора просуществовала несколько лет. Однако в 1973 году, после того, как отдел шахмат возглавил В. Батуринский, он предложил новую систему чемпионатов, состоящую из трех этапов — отборочных турниров, а затем первой и высшей лиг. Кроме того, попробовали и зональный турнир проводить отдельно, что, по существу, ставило перед теми, кто стремился попасть в межзональное соревнование, еще один барьер. Отдельные зональные турниры прошли в 1975, 1978 и 1982 годах, но в 1985 году снова вернулись к тому, что чемпионат страны одновременно явился зональным соревнованием.

В 60-е годы на фоне блестящих успехов наших шахматистов каплей дегтя в бочке с медом явились результаты чемпионатов мира среди юношей. В них допускались молодые шахматисты не старше 20 лет. После Спасского, ставшего в 1955 году чемпионом мира, никто долго не мог повторить его успех.

Как-то я разговорился со знакомым школьным учителем и поведал ему о наших проблемах. Он весьма доходчиво объяснил:

— А чего вы хотите? Ведь это дети, родившие перед войной, во время войны и некоторое время после нее. Они отличаются ослабленным здоровьем, неустойчивой нервной системой. Прибавьте к этому недостаточное питание, недостаток витаминов. К тому же их значительно меньше, чем должно было быть при спокойной, нормальной жизни...

Тем не менее президиумом федерации был разработан целый ряд мер, способствующих повышению силы игры молодых шахматистов. В календаре появился ряд новых соревнований: ежегодный турнир молодых мастеров> соревнование (по схевенингенской системе) юных шахматистов против мастеров, несколько позже — всесоюзные турниры школьников на приз газеты «Пионерская правда» «Белая ладья».

Когда президентом федерации стал Дмитрий Постников, он как-то спросил:

Мне предстоит встреча с секретарем ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельниковым. Какое соревнование мы могли бы устроить совместно с комсомолом?

Подумав, я вспомнил, что в 1936 году на стадионе Юных пионеров, где функционировала и шахматная секция, с успехом проходили серии сеансов одновременной игры мастеров против сильнейших школьников, а затем первокатегорников против школьников третьей категории. Я был третьекатегорником, и эти сеансы очень способствовали нашему совершенствованию. И тогда у меня возникла идея сделать что-то подобное. В каждом

Дворце пионеров и школьников были шахматные секции, из которых впоследствии выросли мастера и гроссмейстеры. Кстати, эти секции не были охвачены никакими всесоюзными состязаниями. А что, если организовать соревнование команд, в которые входили бы ребята из Дворцов пионеров и гроссмейстер или мастер, воспитанник этого же дворца? Гроссмейстеры дают сеансы ребятам, а результаты ребят и гроссмейстеров складываются.

Тяжельникову это предложение понравилось, и в 1972 году был проведен первый Всесоюзный турнир Дворцов пионеров и гроссмейстеров, позже ставший традиционным.

В 1965 году я выезжал с победителем турнира молодых мастеров Владимиром Тукмаковым на чемпионат мира среди юношей. Соревнование проходило в Испании, а с франкистами у нас никаких контактов не было. Поэтому пришлось ехать сначала во Францию, чтобы там получить визу. Когда мы появились в посольстве Испании в Париже, то первый же вопрос был:

А есть ли у вас при себе ваши фотографии для анкеты? В выездном отделе Спорткомитета нам ничего об этом не говорили.

Ну все,— подумал я,— нам сейчас дадут от ворот поворот!

Но ничего такого не случилось.

Мы вам доверяем и визу дадим. Но вы зайдите в моментальную фотографию и фото пришлите нам. Вот вам конверт.

Мы все так и сделали, после чего отбыли в Барселону, где должно было пройти соревнование.

Но там возникла новая проблема. По тогда еще неписаным правилам участник должен был играть под флагом своей страны.

Организаторам чемпионата, видимо, очень не хотелось лицезреть наш красный флаг, и они нашли выход — на все шахматные столики поставили национальные флаги Испании.

А у меня возникла дилемма. В принципе я должен был связаться с Москвой, после чего почти наверняка получил бы команду встать в позу, и в итоге нам пришлось бы покинуть чемпионат. Однако в наших интересах молодым советским шахматистам необходимо было приобрести опыт подобных турниров. И я решил никакого шума не поднимать.

В Барселону прибыли 28 юных шахматистов из 27 стран. Их нужно было разделить на пять полуфиналов, примерно равных по силе. Меня включили в комиссию, которая вместе с судьями первенства должна была заняться этим делом, а оно оказалось довольно канительным.

Каждому участнику вручали лист бумаги, на котором он должен был расположить всех 28 игроков в порядке силы. На

основании полученных данных комиссия составила пять групп: две — по пять участников, три — по шесть. Тукмаков, которому, кстати, большинство у частников дало первый номер, попал в группу из пяти человек, причем трое значительно превосходили остальных, а в финал выходили лишь двое.

Началась нервная игра под названием «третий лишний». **в** подобной ситуации важно победить конкурентов. К сожалению, ему это сделать не удалось. В итоге он разделил второетретье место с будущим гроссмейстером Р. Кином (Англия), причем их результаты оказались одинаковыми и по числу побед, и по системе коэффициентов. Для подобных случаев ФИДЕ приняло «соломоново» решение — определять счастливца по жребию.

День перед финалом был свободен от игры. После небольшой прогулки по городу мы прибыли в мэрию, где и должен был состояться сей ответственный церемониал. Главный судья Г. Голомбек торжественно положил в кубок две свернутых бумажки и, обратившись к Тукмакову, произнес: «Тащите!» Володя занервничал и, обратившись ко мне, попросил: «Нет, тащите лучше вы!» Судьба Тукмакова, в буквальном смысле оказалась в моих руках. Если я вытащу не ту бумажку, то ему придется бороться за места с одиннадцатого по двадцатое. Это будет полный провал и для него, да и для меня как тренера. До этого худшим результатом у нас было 8-е место в 1959 году. Все эти мысли пронеслись у меня в голове, когда я ощупывал бумажки в кубке. Сначала взял одну, но потом передумал и взял другую. Когда бумажку развернули, на ней была всего одна буква «А». Это означало, что Тукмаков попал в первый финал и сможет бороться за первое место. А на бедного Раймонда Кина было жалко смотреть.

Воодушевленный удачей, Тукмаков выиграл в финале две первые партии, но единоличным лидером не стал, столько же очков было у югослава Бояна Кураицы. А в третьем туре состоялась встреча между лидерами, которую Володя проиграл. Хотя в дальнейшем, ему удалось победить будущего претендента на мировое первенство Р. Хюбнера, но Кураицу он догнать так и смог, разделив второе-третье места.

После победы Спасского лишь через 14 лет чемпионат мира среди юношей выиграл представитель нашей страны — будущий чемпион мира Анатолий Карпов.

С Толей Карповым я познакомился при любопытных обстоятельствах, о которых стоит рассказать.

В один из дней последней декады августа 1967 года меня неожиданно вызвали в Спорткомитет. Выяснилось, что руководитель юношеской сборной СССР на матч со сборной

Скандинавии решением коллегии Спорткомитета «снят с пробега». Поскольку у меня были в полном порядке выездные документы, руководство командой во время матча в Стокгольме было решено передать мне. При этом меня предупредили, что руководитель команды забыл заказать билеты на обратный проезд.

— Вам придется это сделать уже в Стокгольме,— объяснило начальство.

Наша команда состояла из 25 ребят в возрасте от 16 до 20 лет. В их числе были Борис Гулько, Анатолий Вайсер, Марк Дворецкий и выглядящий значительно моложе своих 16 лет Анатолий Карпов. Мы добирались до Стокгольма поездом. Сначала до Ростока, там пересели на паром, который перевез нас через Балтику, а затем снова по железной дороге до Стокгольма.

Когда Анатолий сел за доску с бородатым норвежцем, настоящим викингом, то я сначала опасался за судьбу этой партии. Однако началась игра, и Карпов разгромил соперника в пух и прах. В целом сборная СССР оказалась намного сильнее. Еще в день приезда я немедленно обратился к организаторам с просьбой помочь заказать обратные билеты. Позвонили в железнодорожную кассу, и выяснилось, что это следовало сделать по крайней мере месяц назад. Первого сентября начинался учебный год, и сотни иностранных студентов устремились после каникул к местам своего обучения.

Пришлось прибегнуть к помощи президента ФИДЕ Фольке Рогарда. С его поддержкой организаторы матча смогли достать плацкартные билеты до Берлина.

Большего мы сделать не сможем,— заявили они.— А от Берлина до Москвы — это ведь ваша епархия!

Мы благополучно прибыли в Берлин на Восточный вокзал, и там я не поверил своим глазам. Последний раз такое скопление народа на вокзале мне пришлось видеть только во время войны. Толпы штурмующих кассы людей. Битком набитые, переполненные поезда. Одну плацкарту не достать, а необходимо целых 25.

Хуже всего было то, что у нас не было денег на гостиницу, и ночь мы провели прямо на вокзале. Необходимо было принимать чрезвычайные меры, и я обратился за помощью к коменданту вокзала.

Ничем помочь не могу! — ответил тот.— Все плацкарты из Берлина распроданы.

Что же делать? Ведь у меня 25 детей! — взмолился я.

Могу дать один совет. Сейчас будет проходить скорый из Копенгагена. Попробуйте связаться с начальником поезда. Может

быть, вам повезет, и у него найдутся свободные места.

Когда, замедляя ход, к перрону подошел поезд Копенгаген — Москва, взяв за руки двух самых маленьких с виду ребят (одним из них был Толя Карпов, выглядевший тогда лет на 12), я бегом направился к начальнику поезда и умоляющим голосом попросил:

У меня целая группа вот таких детей. Очень прошу вас, помогите доставить их в Москву!

Поглядев на невыспавшегося Толика, начальник поезда, покачал головой и сжалился:

У меня в четвертом вагоне есть свободное купе. Занимайте его.

Вероятно, он пожалел о своем решении, когда ватага юнцов ринулась к вагону. Мы заняли не только купе, но и весь коридор. Лишь через несколько часов, когда подъезжали к Варшаве, ребят удалось распределить по вагонам, и мы благополучно добрались до Москвы.

Взлет Роберта Фишера

Конец 60-х и начало 70-х ознаменовались большими изменениями в шахматной жизни и у нас в стране, и в мире.

Так в 1969 году Петросян уступил шахматную корону Спасскому. А в следующем году на очередном конгрессе ФИДЕ в Зигене (ФРГ) Фольке Рогард подал в отставку, и новым президентом был избран экс-чемпион мира голландец Макс Эйве. Его кандидатуру активно поддержали Ботвинник и Спасский, хотя представлявший тогда нашу страну в ФИДЕ Б. Родионов ратовал за представителя социалистического лагеря чеха Ярослава Шайтара, бывшего при Рогарде первым вице-президентом.

Впервые после адвокатов А. Рюэба и Ф. Рогарда ФИДЕ возглавил гроссмейстер. Вскоре после своего избрания Эйве отправился в Москву, чтобы в беседах с руководством нашей федерации и Спорткомитета прояснить наши позиции по многим вопросам деятельности ФИДЕ. Тогда я впервые встретился с Эйве не за шахматной доской, а за столом переговоров.

Произошли изменения и в нашей федерации, также не без участия Ботвинника и Спасского. А. Серова на посту президента федерации сменил Д. Постников, после Спорткомитета работавший заместителем генерального директора ТАСС. Я же по-прежнему остался вице-президентом.

В начале 1971 года вместо М. Бейлина начальником отдела шахмат назначили Виктора Батуринского, вышедшего в отставку полковника юридической службы, долгие годы служившего в военной прокуратуре. Поскольку отдел шахмат размещался в ЦШК, Батуринский одновременно был назначен и его директором.

Ревностный служака, несравненный мастер писать разного рода докладные, он быстро завоевал авторитет и стал пользоваться доверием начальства Спорткомитета, особенно его председателя С. Павлова.

Начало 70-х ознаменовалось также стремительным взлетом Роберта Фишера. В матче команды СССР против сборной остального мира, названном «матчем столетия», уступив право возглавить сборную соперников Б. Ларсену, на второй доске он убедительно обыграл экс-чемпиона мира Т. Петросяна.

В том же 70-м Фишер с блеском выступил на межзональном турнире, победил с феноменальным результатом +15 — 1 = 7, на три с половиной очка опередив разделивших 2-4-е места Е. Геллера, *Л.* Портиша и Р. Хюбнера. Стало очевидным, что он —

главным претендент на шахматную корону.

В 1971-м состоялись матчи претендентов. Первым из советских шахматистов, кому предстояло сдерживать Фишера, был Марк Тайманов. Для 44-летнего ленинградца уже само попадание в число претендентов явилось большим достижением, и перед матчем с Фишером он был настроен весьма оптимистично. А итог матча оказался сенсационным — 6 : 0 в пользу американца!

Сравнительно недавно Тайманов выпустил книгу «Я был жертвой Фишера». В ней он поведал, как готовился к поединку, как перед этим советовался с самим Ботвинником, как безоговорочно следовал его советам. Но «не в коня оказался корм», не без горечи закончил он свою исповедь.

Что же получается? Один из ведущих наших гроссмейстеров, готовясь к соревнованию, специально советуется с патриархом наших шахмат, одним из создателей советской шахматной школы, а результат нулевой! Неужели на нашей системе подготовки пора ставить крест?

Конечно нет! Просто будучи антиподом Ботвинника по складу характера, по типу мышления, наконец, по взглядам на шахматы и жизнь, он ни в коем случае не должен был бездумно следовать его рекомендациям. Повторяя терминологию Марка Евгеньевича, можно сказать, что этот корм был для другого коня!

Поэтому неудивительно, что подготовка Тайманова оказалась никудышной, и в матче он не смог проявить свое главное качество — легкость игры. Может быть, это произошло из-за того, что Тайманов пытался вести борьбу с Фишером в крайне острых, полных тактики позициях, в которых американец чувствовал себя как рыба в воде, в то время как Марк Евгеньевич, тратя много времени на обдумывание, допускал очевидные ошибки.

Впрочем, трудно было ожидать, что он сможет остановить Фишера, но закончить матч с более достойным счетом Тайманов, конечно, мог.

По возвращении в Москву таможенники устроили ему настоящий шмон. Обнаружили книгу Солженицына и неуказанную в декларации валюту. В Спорткомитете и так были крайне недовольны результатом матча, а тут еще и явные таможенные нарушения.

Суд был скорым и «правым» — Тайманов был выведен из сборной страны, у него отобрали звание заслуженного мастера спорта и, естественно, что на некоторое время он стал невыездным.

Противником Фишера в следующем полуфинальном матче претендентов был датчанин Бент Ларсен. И снова сенсация —

Фишер выигрывает матч с тем же «сухим» счетом 6 : О! А ведь датчанин был в самом расцвете своих сил: ему стукнуло 36, он был на 8 лет моложе Тайманова.

Кстати, подобное поражение Ларсена, по существу, реабилитировало ленинградца: Фишер демонстрировал дьявольскую силу, перед которой было крайне трудно устоять.

В финальном матче американцу противостоял экс-чемпион мира Тигран Петросян. Еще в начале 1971 года, готовясь к соревнованиям претендентов, он создал тренерскую группу, в которую вошли А. Суэтин, И. Зайцев, а возглавить ее он предложил мне. Следует сказать, что меня с Тиграном Вартановичем связывала многолетняя дружба. Я представлял сторону жениха на его свадьбе с Роной, мы дружили семьями, часто вместе встречали Новый год. Мне хотелось ему помочь, и я согласился, хотя, зная характер Тиграна, прекрасно понимал, что в случае неудачи могу стать козлом отпущения, как это ранее случилось с его тренером И. Болеславским после проигрыша матча Б. Спасскому.

К тому времени у меня накопился немалый опыт тренерской работы, и я хочу кратко поделиться мыслями, связанными с ней.

Шахматы на высшем уровне — это на все 100% спорт. Такой же, как теннис, борьба или даже бокс. Цель спортивного состязания — победа. Для этого нужно регулярно тренироваться. И главный постулат нашей шахматной школы гласит: шахматные соревнования требуют специальной подготовки, состоящей из четырех составляющих — практической подготовки, теоретической, физической и психологической. Переводя эти общие термины на обыденные — житейские, это значит, что перед ответственным соревнованием у шахматиста должна быть «набита рука», у него должны быть детально изученные, специально подготовленные дебютные системы, он должен хорошо отдохнуть, у него должна быть свежая голова, он должен быть готов к длительной умственной работе за доской, и его нервная система должна быть в полном порядке.

Психологически он должен суметь навязать противнику такую игру, в которой его способности, его талант проявятся в большей степени, чем способности и талант соперника. Нетрудно видеть, что самое сложное — это последнее: соперник будет стремиться к тому же.

Короче говоря, задача тренеров заключалась в том, чтобы помочь Петросяну всесторонне подготовиться к матчам претендентов. Это и было сделано.

Что же касается тактики борьбы, то мы полагали, что она не должна отличаться от его обычной турнирной тактики. Петросян

должен играть в своем обычном стиле, надежно, не чураясь ничьих, и ждать своего часа.

Конечно, такая манера игры не была зрительной (в отличие, например, от игры Таля), но она полностью соответствовала характеру Тиграна Вартановича. В отличие от подавляющего большинства шахматистов, несколько ничьих подряд не действовали на него отрицательно, не расслабляли и не снижали его боевой настрой. Как никто другой Петросян умел ждать. Недаром М. Эйве как-то сказал, что игра Тиграна напоминает ему питона, который часами караулит свою добычу, чтобы сжать ее в своих железных объятиях.

Четвертьфинальный матч с Р. Хюбнером полностью оправдал избранную тактику. После шести ничьих подряд немецкий гроссмейтер, проиграв седьмую встречу, «с горя» сдал матч. И в полуфинальном матче с Корчным тактика Петросяна принесла свои плоды. Там было даже восемь ничьих подряд. В девятой партии Корчной рванулся и потерпел поражение. Свести вничью последнюю, десятую встречу Тиграну не составило никакого труда.

Итак, выиграв два матча с минимальным перевесом в одно очко, Петросян должен был встретиться с Фишером, победившим своих противников со 100-процентным результатом. Было ясно, что с американцем тактика «одного укола» не пройдет. Фишер находился на подъеме, а победа в 12 партиях подряд придала ему еще большую уверенность в своих силах. И один проигрыш, конечно, не мог выбить его из колеи.

Однако мы полагали, что тактика сдерживания, которую Петросян обычно применял против агрессивных противников, и в борьбе с американцем может оказаться успешной. Главная задача состояла в том, чтобы суметь сдержать натиск Фишера на старте, что не удалось ни Тайманову, ни Ларсену. А там будь что будет.

Между прочим, в подготовке Петросяна должен был принять участие и Корчной. Для этого он даже приехал к нему на дачу. Однако как раз в тот день играл «Спартак», и Тигран спешил на футбол. Посадив Корчного анализировать со мной какую-то позицию, он откланялся и отбыл в Лужники. Виктора это разозлило, он отказался помогать Петросяну и вернулся в Ленинград.

Петросян хотел играть матч в Европе, Фишер — на американском континенте. Вопрос этот решился жребием. Выпал БуэносАйрес. В Аргентину мы отправились в таком составе: Петросян с женой, Суэтин и я. Руководителем делегации был назначен Виктор Батуринский, только что занявший кресло начальника отдела шахмат Спорткомитета и одновременно

ставший директором Центрального шахматного клуба.

В первой партии жребий принес Тиграну черные фигуры. При подготовке к матчу Петросян получил письмо от молдавского шахматиста В. Чебаненко. В нем предлагалось важное усиление игры черных в одном из вариантов сицилианской защиты, который часто белыми играл Фишер. Мы проверили анализ, все было правильно, и вариант был взят на вооружение. И вот уже в первой партии у Тиграна появилась возможность немедленно «выстрелить» заготовкой Чебаненко. Однако стоило ли с этим спешить? Конечно, хорошо смутить противника уже на старте, заставить решать сложные проблемы прямо за доской. Ведь изучая партии Фишера, мы пришли к выводу, что встретившись в дебюте с неожиданностью, он нередко избирает не сильнейшие продолжения. Перспектива немедленно нанести неожиданный удар выглядела очень заманчивой. С другой стороны, Петросян не из тех шахматистов, кто сразу же начинает бороться изо всех сил. Обычно он постепенно обретает боевую форму. Не приберечь ли заготовку до лучших времен, пока Тигран не разыграется? Взвешивая все «за» и «против», мы все-таки выбрали первый вариант.

Сейчас, зная результат партии и исход матча, нетрудно заключить, что наше решение было ошибочным. Ведь на доске возникла острая позиция, в которой Петросян владел инициативой и должен был играть активно. А он, как выяснилось, к такой игре готов еще не был и в глубине души мечтал лишь о ничьей. В итоге Фишер перехватил инициативу и добился очередной победы — тринадцатой подряд в матчах претендентов.

Будучи тренером, обычно, я не хожу в турнирный зал к началу игры. Часа через полтора в моем номере раздался телефонный звонок:

— Вы смотрели ход ладьей на dl? — обрушился на меня Батуринский.

Да, смотрели,— ответил я.— На это нужно брать ладьей на g2.

А почему Петросян так не сыграл? — прокурорским тоном продолжал допрос Батуринский.

Этот вопрос вы должны задать Тиграну.

Однако нет худа без добра. Поражение взбодрило Петросяна, заставило мобилизоваться. На вторую партию он вышел готовым к решительному бою. Применив разработанное при подготовке к матчу новое продолжение, Тигран снова поставил Фишера перед неожиданными проблемами. И на этот раз добился полного успеха, победив в эффектном, разгромном стиле. Даже внешне было заметно, что американец потрясен. Видимо, давно не

проигрывая, он забыл, что это такое.

Мы считали, что надо ковать железо, пока горячо. В третьей партии, еще не придя в себя от полученного удара, Фишер играл пассивно, и Петросян получил выгодный эндшпиль с хорошими шансами на победу. Назревала сенсация. Американец был близок к поражению, второму поражению подряд!

Мы с Суэтиным сидели в турнирном зале, ожидая, что вотвот партия будет отложена и при домашнем анализе можно будет найти самый четкий путь к победе. И здесь случилось непоправимое. Петросян сделал очередной ход, перевел часы. Не успел оператор показать этот ход на большой демонстрационной доске, как небрежным жестом Фишер поманил к себе главного арбитра Лотара Шмида и, когда тот подошел, что-то ему сказал. Шмид посмотрел на позицию, взглянул на бланк партии и утвердительно кивнул головой. На демонстрационной доске вывесили табличку «Tablas» (ничья).

Выяснилось, что, стремясь побыстрее отложить партию, Петросян решил повторить ходы и допустил троекратное повторение одной и той же позиции. Согласно официальным правилам игры ФИДЕ, при заявлении противной стороны партия в этом случае автоматически признается ничьей...

Четвертая партия закончилась очень быстро. Я уже говорил, что обычно отправлялся в турнирный зал часа через полтора — два после начала игры. Выхожу из своего номера и вижу идущего по коридору Петросяна. Я, естественно, забеспокоился.

Что случилось?

У меня непорядок с желудком,— пожаловался Тигран.— Но мне еще хотелось проверить, могу ли я, если захочу, свести белыми партию вничью!

Это решение выглядело очевидной психологической ошибкой. Оно давало американцу передышку, чтобы окончательно прийти в себя.

И у меня возникло подозрение, что первые три партии отняли у Петросяна так много нервной энергии, что он подсознательно сам стремился к передышке, сам старался уклониться от напряженной борьбы. Это был плохой признак.

Следующая партия снова проходила с перевесом у Петросяна, но он не смог его реализовать.

Итак, после пяти встреч счет оказался равным — 2,5 : 2,5. Казалось бы, Петросян мог быть удовлетворен таким результатом. Он сумел сделать то, что не удалось ни Тайманову, ни Ларсену,— сдержал на старте натиск американца. Это достижение Тиграна отмечали многие обозреватели. Однако нас, кто был рядом с ним, беспокоило то, что при большом игровом преимуществе он не

смог добиться хотя бы минимального перевеса в счете. А в шахматах, как в футболе: если ты не забиваешь, то мячи летят в твои ворота!

К тому же я заметил у Петросяна появление тех же признаков, что наблюдались на финише его второго матча со Спасским. Он стал легковозбудимым и крайне раздражительным. Складывалось впечатление, что Тигран с трудом переносит все возрастающий накал борьбы. А это значило, что в любой момент следовало ожидать кризиса.

И уже в шестой партии он наступил. Играя белыми, Петросян уступил Фишеру инициативу, но защищался упорно. Хотя партия была отложена в худшей для него позиции, казалось, что белым удастся построить неприступную крепость и спасти пол-очка.

Наш анализ затянулся далеко за полночь. Мы решили, что крепость строится, и разошлись по своим номерам. Однако, уже лежа в постели, в дреме, Тигран обнаружил, что игру американца можно усилить, и снова сел за доску. Да, ничьей не получалось. Вместо того чтобы разбудить тренеров, он остаток ночи провел за доской.

Когда мы утром вошли к нему в номер, Петросян был до предела взвинчен, вследствие чего и наш совместный анализ стал носить нервный, взбалмошный характер. Час доигрывания неумолимо приближался, а мы никак не могли найти спасение. Может быть, его и не было. При доигрывании произошло то, что и следовало ожидать. Петросян проиграл... Позднее Спасский опубликовал подробный анализ отложенной позиции, показав, что белые могли добиться ничьей, если бы записали секретный ход f2—f4. Однако Тигран записал совсем другой ход.

После этого поражения Петросяна как будто подменили. Он потерял покой, перестал готовиться, перестал отдыхать перед партией. Казалось, что в глубине души он стремится побыстрее закончить матч. Помешать этому тренеры были бессильны. Здесь требовался психотерапевт, может быть, даже психиатр.

А Фишер, как бы почувствовав ухудшающееся состояние соперника, как акула чувствует запах крови жертвы, продолжал давить, продолжал накалять обстановку на доске. И матч пошел по тому же пути, что и два предыдущих. Петросян проиграл четыре партии подряд, и американец победил со счетом 6,5 : 2,5!

По возвращении в Москву в публичной лекции он заявил, что в его поражении виноваты тренеры. Оказывается, его особенно возмутило, что наутро после того, как он провел бессонную ночь, мы появились при полном параде — в пиджаках и при галстуках. Однако Петросян запамятовал, что ему завтрак подавали прямо в номер, а мы спускались в ресторан, где эта форма была

обязательной.

Пытался он свалить на нас вину за проигрыш и в Спорткомитете. Однако и спортивное руководство, и люди от шахмат далекие понимали, что у 42-летнего Петросяна было мало шансов остановить рвущегося к шахматной короне 28-летнего Фишера.

От этого матча у меня в памяти осталась одна странная сценка, свидетелем которой я случайно стал. Произошла она в отеле «Эль президенте», где мы жили. Представьте себе просторный холл. Обычно там было малолюдно. Однако в тот вечер проходила какая-то «тусовка». Народу было полным-полно, и разодетая публика, среди которой проворно сновали официанты, оживленно болтала.

Как раз в тот момент, когда я вошел с улицы в холл, открылась кабина лифта, и из нее вышел Фишер. Не знаю, что он подумал, узрев такое скопище людей, но лицо его выразило страшный испуг. В панике он юркнул обратно в кабину и быстро поднялся к себе на этаж. Все это произошло столь мгновенно, что я даже усомнился в реальности увиденного. Однако назавтра выяснилось, что американец переехал в другой отель.

Поединок в Рейкьявике

Еще в конце 1971 года руководство Спорткомитета провело совещание, на котором был утвержден план подготовки Спасского к матчу с Фишером. Руководить подготовкой должен был постоянный тренер Спасского Игорь Бондаревский, помогать — гроссмейстеры Ефим Геллер и Николай Крогиус. Впрочем, через некоторое время Бондаревский подал в отставку, и главным тренером стал Геллер. На мой взгляд, эта замена была не на пользу чемпиону мира. Человек честолюбивый, волевой и жесткий, Игорь Захарович был единственным, кто мог заставить Спасского работать на полную катушку. А у меня создалось впечатление, что, завоевав корону, Борис прекратил серьезно заниматься шахматами.

Его можно понять: став претендентом в 18, он долгих 14 лет шел к шахматному трону. Если бы не направляющая твердая рука Бондаревского, Спасский никогда бы не достиг столь высокой цели. Теперь же, когда ему предстояло встретиться с настоящим фанатиком шахмат, про которого известно, что он работает над своим совершенствованием больше, чем все остальные претенденты вместе взятые, Борис вдруг отказался от услуг того, кто только и мог заставить его работать как следует!

Через пару месяцев неожиданно ушел президент шахматной федерации Дмитрий Постников. Не могу утверждать, что обе эти отставки связаны между собой, но если знать, что Бондаревского и Постникова связывала многолетняя дружба, то ответ напрашивается сам собой: оба «соскочили» потому, что не верили в победу Спасского.

Президент федерации обычно избирался на четыре года, но досрочный уход Постникова вынуждал провести очередной съезд. Вместе с начальником отдела шахмат Спорткомитета Батуринским я занялся его подготовкой, начал собирать материалы для отчетного доклада.

Мне приходилось делать их уже не раз при предыдущих президентах Родионове и Серове.

В начале марта 1972 года, за день до открытия съезда, мне позвонила сестра и сообщила, что случилось несчастье: у мамы (ей было 73 года) инсульт, парализована левая половина тела. Пришлось бросить все дела и заняться ее госпитализацией. Вдруг раздался еще один звонок — от зампреда Спорткомитета Виктора Ивонина, курировавшего шахматы.

Спорткомитет принял решение рекомендовать вас в президенты федерации,— без обиняков сообщил он. И добавил: —

Не советую отказываться. Ведь мы с вами живем в одном мире!

Виктор Андреевич, у моей матери инсульт,— только и мог я пробормотать.

Ничего, ничего,— успокоил он.— Вы не обязаны приходить на съезд. Вас выберут и в ваше отсутствие!

Так неожиданно я стал президентом федерации. Эта должность — высшая в общественной шахматной иерархии (за работу денег не платят). Обязанности президента — представлять шахматы в Спорткомитете, регулярно проводить заседания президиума федерации, готовить предложения, связанные с развитием шахмат в стране, участвовать в различных шахматных и нешахматных форумах, произносить приветственные речи на всякого рода общественных мероприятиях и, когда надо, «важно надувать щеки».

Всю эту рутину я хорошо знал. За свою жизнь мне довелось присутствовать на множестве заседаний и наблюдать, как их ведут различные руководители, да и самому приходилось этим заниматься.

В то время федерация являлась общественным придатком Спорткомитета. Мы обсуждали проблемы шахмат, даже принимали решения, но утверждались они в Спорткомитете, а иногда и в идеологическом отделе ЦК.

При выборе президента федерации я бы отметил две противоположные тенденции. Шахматисты отдавали предпочтение чиновникам высокого ранга, которые могли реально помочь шахматам, иногда даже минуя Спорткомитет. А руководству Спорткомитета больше нравились президенты зависимые, которыми можно было управлять.

С этой точки зрения я был фигурой вполне подходящей — опытный гроссмейстер, хорошо разбирающийся в оргвопросах и не имеющий ни связей наверху, ни влиятельных покровителей. К тому же я был главным редактором журнала «Шахматы в СССР» и входил в штат издательства «Физкультура и спорт», которое находилось в подчинении Спорткомитета.

Этим и объяснялась, кстати, скрытая угроза в словах Ивонина: «Не советую отказываться. Ведь мы с вами живем в одном мире!»

При выборе меня президентом была и другая, не менее важная причина: из-за, реальной угрозы со стороны американца отобрать у нас шахматную корону желающих возглавить федерацию перед матчем Спасского с Фишером просто не оказалось. Никто не хотел подставляться!

Забыл сказать, что еще в конце 60-х годов я был назначен председателем тренерского совета федерации. В начале 1972 года

меня направили в Пахру, чтобы своими глазами посмотреть, как проходит тренировочный сбор Спасского. Обстановка, которую я там увидел, настраивала скорее на отдых, чем на серьезную работу. На столе лежали карты и домино, а когда наступило время обеда, то, лукаво улыбнувшись, Борис извлек из тумбочки бутылку виски.

Став президентом, я попытался контролировать подготовку Спасского к матчу. Не тут-то было! Она была окружена завесой строгой секретности, и что-либо выяснить оказалось невозможным. Все сосредоточилось в руках руководства Спорткомитета. Даже Батуринский, поссорившийся со Спасским из-за какой-то мелочи (он отказался подписать Борису доверенность на машину), был полностью отключен от процесса подготовки. Что уж говорить о федерации.

О матче Спасский — Фишер написано столько, что я коснусь его лишь вкратце, тем более, что в столице Исландии, где проходил этот поединок, не был. Никто не станет спорить, что после столь внушительной победы в матчах претендентов шансы американца на успех расценивались очень высоко. Достаточно сравнить рейтинги соперников: у Фишера он достиг фантастической цифры в 2800 очков, а у чемпиона мира был гораздо скромнее — 2675.

На Западе считали, что американец должен отнять у Спасского шахматную корону. Кстати, это было естественной реакцией на хвастливые утверждения кремлевских политологов, что успехи наших шахматистов отражают превосходство так называемого социалистического образа жизни, превосходство советской культуры. Недаром после победы Фишера в западной печати задавался ядовитый вопрос: что произошло с советской культурой?

Как известно, матч Спасский — Фишер закончился со счетом 8,5 : 12,5 (+3 — 7 = 11) в пользу последнего. Как говорится, победил сильнейший. И тем не менее мы вправе задать вопрос: мог ли Борис отстоять свое звание, тем более, что ничья в матче была в пользу чемпиона?

Вопрос этот, конечно, гипотетический, но мне кажется, что мог. В истории наших шахмат есть два поучительных примера. Ведь сумел же Ботвинник победить в матчах-реваншах Смыслова и Таля, хотя объективно тогда не превосходил в силе ни того, ни другого, к тому же был намного старше. Это ему удалось в первую очередь из-за хорошо продуманной подготовки.

Значит, и в нашем случае только целеустремленная, тщательно продуманная подготовка могла привести к успеху. К сожалению, она оказалась явно недостаточной. Это все

выяснилось на совещании в Спорткомитете, состоявшемся уже после матча, но это отчетливо показал и сам поединок. На мой взгляд, неправильной была и линия поведения Спасского во время драматического старта соревнования. Выиграв первую партию, чемпион мира во второй получил плюс из-за неявки Фишера на игру. Счет стал 2 : 0. Затем американец потребовал, чтобы этот плюс не был засчитан и пригрозил, что в противном случае он за доску не сядет! Игра прервалась. Матч фактически оказался под угрозой срыва. Пока президент ФИДЕ Макс Эйве, используя все свои дипломатические способности и выказав необычайное терпение, уговаривал Фишера продолжить игру, Спасский в Рейкьявике отдыхал, играл в теннис, развлекался как мог, и, по-моему, расслабился. А нужно было уехать. Не сомневаюсь — в подобной ситуаций ни Ласкер, ни Капабланка, ни Алехин, не говоря о Ботвиннике, не задумываясь, покинули бы столицу Исландии. Ведь ожидание ставило Спасского в невыгодное, пожалуй, даже в унизительное положение. В конце концов, кто же чемпион мира? Почему же тогда он не уехал?

Кажется, тому были две причины. Одна — природная лень Бориса, ставшая уже притчей во языцаех. Ему было лень сниматься с места, кстати, весьма комфортабельного, складывать вещи, короче говоря, делать усилия. Разве не проще и спокойней сидеть на месте и ждать у моря погоды. Вторая причина была самой прозаичной — Спасский опасался, что после его отъезда матч сорвется, и он не получит очень больших призовых денег. Сам председатель Спорткомитета С. Павлов звонил Борису и уговаривал его возвратиться в Москву, но Спасский был непреклонен. Кстати, я убежден, что в Спорткомитете мечтали, чтобы матч сорвался, и опасность потери титула чемпиона мира миновала.

Недавно в интернете появился материал сотрудника КГБ, направленного по указанию ЦК КПСС в Рейкьявик «для предотвращения возможных провокаций с американской стороны». Он, в частности, рассказывает о своих контактах с чемпионом мира:

«Создалось впечатление, что больше всего его интересовали деньги, которые он получал за матч. Через несколько дней после прибытия в Рейкьявик Спасский приобрел дорогой джип-вездеход, нагрузил его дефицитными товарами и отправил морем в Ленинград».

Прошла неделя пока наконец Фишера не уговорили снова сесть за доску. Он согласился, но при условии, что третья партия будет играться в закрытом помещении, без зрителей. Спасский не возражал. Он был в благодушном настроении. Позднее западная

печать подавала этот факт как «джентльменское» поведение чемпиона. С подобным определением джентльменства можно спорить.

Известна расхожая фраза — спорт есть спорт. Есть правила игры, есть регламент соревнования, которые никому не позволяется нарушать, даже если это Фишер!

Когда-то, в самом начале моей шахматной карьеры, мне был преподан наглядный урок. В детских соревнованиях один из участников поставил ферзя под бой неприятельской пешки, но, поскольку его партнера не было на месте, заметив свою ошибку, взял ход назад. Я все это видел, но промолчал, когда его партнер появился. По ребячьим понятиям сказать о произошедшем значило прослыть ябедой, доносчиком. В итоге провинившийся не только выиграл эту партию, но и стал победителем турнира, опередив меня на очко. На то самое очко, которое я ему простил!

Главное правило спортивной борьбы: соперники должны быть в равных условиях. Уступая Фишеру, Спасский нарушил это правило, что вышло ему боком: играя без публики, в закрытом помещении, он потерпел поражение. Первое, но не последнее.

И дело не только в самой уступке. Для предпочитающего одиночество Фишера ограниченное пространство привычно. Там он скрывается от внешнего мира, там чувствует себя в своей тарелке. А для общительного, любящего компанию, весьма контактного Спасского — непривычно.

Начиная с 4-й партии, матч снова проходил в зале, но в игре чемпиона мира проявился очевидный спад: он проиграл 4 партии и 2 свел вничью. Сотрудник КГБ, о котором я уже писал, считал, что подготовка Спасского к партиям прослушивается с военной базы США в Исландии, но ошибки Бориса в середине игры были никак не связаны с дебютной подготовкой. Во второй половине матча он отчаянно сопротивлялся, но смог победить только в одной партии и в конце концов уступил американцу свой титул.

Интерес к матчу Спасский — Фишер был огромным. В Рейкьявик съехались сотни журналистов и любителей шахмат со всех концов земного шара.

Были журналисты и из нашей страны, но среди них — ни одного шахматиста. Зато оказалось немало таких, кто имел весьма отдаленное понятие о шахматах. Это нередко приводило к курьезам. Так в ряде наших газет с явной издевкой сообщалось о пресс-конференции, на которой «некий пастор» от имени Фишера зачитал его заявление. И невдомек было подобным обозревателям, что этот «некто» — гроссмейстер Уильям Ломбарди, носивший тогда сан католического священника и исполнявший обязанности секунданта Фишера.

Для президента ФИДЕ этот матч явился серьезным испытанием. М. Эйве всячески способствовал его организации, справедливо полагая, что это соревнование как никакое другое вызовет колоссальный подъем интереса к шахматам во всем мире. Решая возникавшие сложные и деликатные вопросы, поскольку поведение Фишера было непредсказуемым, Эйве часто занимал далеко не нейтральную позицию. Это вызывало недовольство Спорткомитета и критику в нашей печати. Позднее с нападками на президента ФИДЕ выступили М. Ботвинник и В. Батуринский. Между тем позиция Эйве была предельно ясной — несмотря ни на что, американцу надо дать возможность сыграть матч за высший шахматный титул. Этого жаждали любители шахмат во всем мире, в том числе и в нашей стране, но отнюдь не советское руководство.

В своей книге «Страницы шахматной жизни» Батуринский вспоминает мрачную шутку тогдашнего министра внутренних дел СССР Н. Щелокова:

— Как же вы отдали корону американцу. Я бы арестовал всех, кто был со Спасским в Рейкьявике!

Не могу не рассказать об одной встрече, связанной с матчем Спасский — Фишер лишь косвенно. Примерно в середине соревнования, когда Фишер уже захватил лидерство, я получил письмо. Оно начиналось так: «Пишет вам знаменитый гипнотизер».

Далее автор письма предлагал помочь Спасскому выиграть матч при условии, что после победы его способности «будут выставлены на торгах в Париже». Вскоре «знаменитый гипнотизер» меня посетил. Он оказался невысоким человеком невзрачного вида, с бородой клинышком и длинными, как у служителей церкви, волосами. Меня уже по телефону предупредили, что он только что вышел из психиатрической больницы, поэтому я был с ним предельно осторожен и вежлив.

Сам я верю в ваши исключительные способности, но такие вопросы решает начальство, а ему нужны убедительные доказательства,— объяснил я ему.

Какие еще убедительные доказательства? — воскликнул он.— Я заставил Рузвельта подписать договор о лендлизе, помог выиграть вторую мировую войну! Что еще надо?

Впрочем, расстались мы мирно...

Кто встретится с Фишером

Поединком в Рейкьявике закончился очередной трехлетний цикл соревнований на первенство мира, и в том же 1972 году прошли зональные турниры нового цикла. Среди тех, кто завоевал право участвовать в межзональных соревнованиях, был трехкратный чемпион страны Леонид Штейн. Ранее ему фатально не везло. Он три раза делил выходящие места, но либо по дополнительным показателям, либо из-за дискриминационного правила, касающегося шахматистов одной страны, каждый раз не попадал в число претендентов на высший шахматный титул. В этом цикле впервые должны были состояться два межзональных турнира (раньше был только один), в Ленинграде и Петрополисе (Бразилия). Штейну определили играть в Бразилии. В Киеве, где он тогда проживал, ему заранее сделали требовавшуюся прививку от холеры и тропической лихорадки, после чего он выехал в Москву. Ему предстояло лететь в Англию: в составе сборной СССР играть в командном первенстве Европы.

Утром к гостинице «Россия» подошел автобус, на котором наша команда отправлялась в аэропорт. Все были в сборе, не хватало только Штейна. Сотрудник Спорткомитета отправился на его поиски. В номере гостиницы его не оказалось, в кафе

Т ***тоже. Бездыханное тело гроссмейстера лежало в медпункте. Как объяснила медсестра, Леонид пришел к ней с жалобой на сильную боль в области сердца. Она сделала ему укол. Через несколько минут он захрипел и скончался. Позднее врачи констатировали инфаркт миокарда. Так неожиданно ушел из жизни один из выдающихся советских шахматистов.***

Межзональный турнир в Петрополисе закончился победой бразильца Энрике Мекинга, второе — четвертое места разделили Ефим Геллер, Лев Полугаевский и Лайош Портиш. А в претенденты выходили лишь трое. Один оказывался лишним. В проведенном несколько позднее тройном матч-турнире этим лишним остался Геллер.

Несколько ранее в Ленинграде состоялся первый межзональный турнир. В нем победу разделили Анатолий Карпов и Виктор Корчной. Третьим был американец Роберт Бирн. Шестерке «межзоналыциков» вместе с экс-чемпионами мира Спасским и Петросяном предстояло выяснить, кто из них получит право бросить перчатку Фишеру.

Матчи претендентов должны были начаться осенью того же года, причем в четвертьфинале Спасскому предстояло встретиться с Бирном, Петросяну с Портишем, Корчному с

Мекингом и Карпову с Полугаевским. Я занимался своими делами в редакции, когда открылась дверь и вошла жена Петросяна Рона Яковлевна в сопровождении его школьной учительницы Марии Никитичны, с которой я тоже был знаком.

Привет! — произнесла Рона Яковлевна, лучезарно улыбаясь. — У нас к тебе дело. Мы хотим попросить тебя помогать Тиграну в матче с Портишем.

А почему Тигран сам не пришел? — наивно спросил я.

Рона Яковлевна, святая простота, объяснила:

Ему неудобно. Ведь он тебя так поливал!

Конечно, я был немало удивлен этим предложением. После матча с Фишером наши отношения с Тиграном стали весьма прохладными. Прежней близости уже не было. Однако обида на него за прошедшие два года стерлась. Все-таки нас связывала почти четвертьвековая дружба. К тому же я был президентом федерации и, хотя это звучит несколько патетически, должен был заботиться о том, чтобы выступления наших претендентов оказались успешными. Короче, я снова стал тренером Петросяна. Вторым тренером был гроссмейстер И. Зайцев.

Портиш был для Тиграна неудобным соперником. До этого ему ни разу не удалось победить венгра, а проиграл он целых четыре партии!

Будучи моложе Петросяна на семь лет, Портиш находился тогда в самом расцвете сил. Было ясно, что поединок с ним будет трудным.

За обширные дебютные познания, за исключительную работоспособность и целеустремленность Портиша прозвали «венгерским Ботвинником». Правда патриарху наших шахмат это сравнение не нравилось. Он утверждал, что Лайош больше похож на Боголюбова.

Матч проходил на испанском курорте Пальма-де-Майорка. Тактика Петросяна была обычной — черными стараться нейтрализовать инициативу соперника, белыми, если удастся, усиливать давление, а если нет, то ограничиваться мирным результатом.

Сначала все пошло по плану. После четырех ничьих Тигран выиграл пятую партию, еще после трех ничьих — девятую. Однако на самом финише ситуация обострилась: венгру удалось выиграть десятую. Следующая встреча завершилась вничью, а в 12-й возникла коллизия, сходная с той, что была в шестой партии матча с Фишером. В отложенной позиции Портиш имел лишнюю пешку в ладейном эндшпиле, но Петросян сохранял шансы на ничью. Совместно со вторым тренером Игорем Зайцевым мы при домашнем анализе установили, что при точной игре спасти пол-

очка можно. Однако при доигрывании Тигран не нашел единственного хода, ведущего к ничьей, и проиграл. Счет стал равным — 6:6.

Теперь игра должна была идти до первой победы. Бросили жребий, Петросяну выпало играть белыми. Как мне кажется, сравняв счет, Портиш ошибочно заключил, что противник выдохся и нужно немедленно это использовать. Стремясь к обострению ситуации на доске, он сыграл слишком азартно, что позволило Тиграну добиться решающего перевеса и победить.

Хочу особо подчеркнуть, что в отличие от поединка с Фишером Петросян не сломался на финише, не бросил весла, а изо всех сил продолжал бороться, что и привело к успеху.

В полуфинале Тиграну выпало встречаться с Корчным. Как президент федерации, помогать ему я уже не имел права: оба соперника представляли нашу страну.

Этот матч проходил в Одессе в музыкально-драматическом театре и закончился в буквальном смысле драматически. Как в любом приличном театре, там была крутящаяся сцена. И ей предстояло сыграть главную роль в предстоящей драме. Дело в том, что Петросян, глубоко задумавшись, иногда начинал трясти ногой. Этим недостатком страдают многие шахматисты, для них даже придумали прозвище «велосипедисты». Кстати, подобным недостатком страдал и Фишер. Однако после того как однажды ему указали на это, он прекратил «езду на велосипеде». Так вот, когда на сцене установили шахматный столик, то оказалось, что он, как сейсмограф, реагирует на любое сотрясение. Уже в первой партии, основательно задумавшись, Петросян начал качать ногой и немедленно привел стол в движение. Надо сказать, что отношения соперников к тому времени уже были далеки от идеальных. Корчной в резкой форме потребовал, чтобы Тигран прекратил качать стол. Петросян в столь же резкой форме ответил, чтобы тот обращался к нему через судью. Услышав пререкания, к соперникам поспешил главный судья матча Б. Крапиль, и начавшийся конфликт был улажен. Однако Тигран был выведен из равновесия. Не знаю, планировал ли Корчной заранее эту акцию, но она своей цели достигла. Петросян партию проиграл.

Давайте немного отвлечемся и совершим экскурс в историю. Когда Юлий Цезарь подбирал воинов в свои легионы, то выяснял, как они себя проявляют в пылу битвы — краснеют или бледнеют. И брал тех, кто краснеет. Этому есть медицинское объяснение: если лицо краснеет, значит к нему приливает кровь, сосуды расширяются и кровообращение улучшается. Если же человек бледнеет, значит его сосуды сужаются, кровообращение

ухудшается, и это его сковывает.

К сожалению, я давно заметил, когда Тигран нервничал, начинал злиться, то заметно бледнел. Вот почему он неудачно играл с людьми, на которых был зол.

Поскольку меня в Одессе не было, я не знаю всех деталей. Скажу только, что борьба развивалась для Петросяна неблагоприятно. После ничьей во второй партии он проиграл третью, реваншировался в четвертой, однако проиграл пятую, которая оказалась в матче последней. Во время этой встречи, забывшись, Тигран снова затряс ногой. Тогда Корчной, язвительно заметив: «Что, ловишь последний шанс?», по свидетельству некоторых очевидцев, ударил ногой по ноге соперника. По футбольным правилам судье следовало показать нарушителю желтую, а может быть, и красную карточку. Однако в шахматах такого правила нет. Пока судьи вместе с апелляционным жюри решали, что делать, Петросян слег. У него начались почечные колики. Весьма возможно, что причиной этого явилось сужение сосудов. Врачи посоветовали Петросяну прекратить игру, что он и сделал. Корчной был признан победителем матча.

Если полуфинальный матч Корчной — Петросян можно назвать драматическим, то аналогичный поединок Карпов — Спасский стал сенсационным. Анатолий победил экс-чемпиона мира с убедительным счетом 7 : 4. И в том же 1974 году, вскоре после Олимпиады в Ницце, в Москве началась подготовка к финальному матчу претендентов между Карповым и Корчным. Интерес к нему подогревался отказом Фишера защищать свой титул, о чем я скажу позже. Это означало, что победитель матча мог одновременно стать чемпионом мира!

Об Анатолии Карпове я услышал в 1961 году, когда он впервые участвовал в первенстве РСФСР среди школьников. Толик был так мал, что к его стулу пришлось приделать специальную подставку, чтобы он мог дотянуться до фигур на шахматном столике.

Уже в 16 лет Анатолий стал мастером. Он некоторое время занимался в очно-заочной школе Ботвинника. Позднее в книге «Сестра моя Каисса» он весьма критически отозвался о работе школы. Правда, и экс-чемпион мира не сразу признал выдающийся талант Карпова. Ведь тогда ему было всего 12 лет.

Толе посчастливилось быть земляком первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельникова (оба были с Южного Урала), и тот оказывал ему всяческую поддержку. Это оказалось немаловажным: руководство Спорткомитета сплошь состояло из бывших комсомольских работников. И на юного мастера стали

возлагать большие надежды.

Окончив школу, Карпов сначала поступил в Московский университет, но затем перевелся в Ленинградский, который закончил, получив диплом экономиста. Ему, конечно, очень повезло с тренером — гроссмейстером Семеном Фурманом, блестящим теоретиком, энциклопедистом, тонким позиционным игроком. Он передал Анатолию большую часть своих фундаментальных знаний.

Вспоминается любопытный эпизод. В 38-м чемпионате СССР, Рига 1970, в партии с Карповым я получил по дебюту белыми значительный перевес. Ему пришлось проявить большую изобретательность и искусство защиты, чтобы в конце концов удержать равновесие.

Когда игра закончилась, к нам подошел Фурман, чтобы принять участие в анализе. Анатолий сразу же обратился к своему тренеру: «Что же ты мне раньше не сказал, что так играть нельзя?»

Стремительный взлет Карпова привлек к нему внимание партийной элиты. Многие из них стали его поклонниками. В самом деле, типичный русак, симпатичный, «из глубинки», член ЦК ВЛКСМ, он имел очень привлекательный имидж молодого человека новой социалистической формации. Поэтому неудивительно, что в предстоящем матче с Корчным все симпатии правящих кругов были на его стороне, Откровенно прокарповскую позицию занимал и Спорткомитет. Приведу один, но очень показательный пример.

Во время переговоров по поводу регламента матча возник спор по такому, казалось бы, простому вопросу, как начало игры. Корчной настаивал на 16 часах, что, кстати, было удобно и репортерам: они успевали передать информацию о результате партии в утренние газеты. Карпов же, будучи «совой», вставал поздно и требовал, чтобы игра начиналась на час позже. Корчной позвонил мне из Ленинграда и попросил помочь разрешить спор.

Я немедленно связался с Ивониным:

Виктор Андреевич! Раз между Корчным и Карповым возник спор, давайте будем начинать игру в 16.30. Тогда не будет обидно ни тому, ни другому.

Ни в коем случае! — последовал ответ.— Хватит того, что мы дали Корчному иностранного арбитра. Вопрос решен. Начало в 17 часов.

Доводы о репортерах на Ивонина не подействовали. Он был тверд, как скала. Узнав, что Спорткомитет решил эту проблему в пользу Карпова, Корчной вылил всю свою злость на меня. Через несколько дней в ЦШК на столе, где обычно складывалась

корреспонденция, я обнаружил открытку от него, пропитанную желчью, с оскорбительными выпадами в мой адрес. Как следовало реагировать на подобное послание? Если бы это случилось в XIX веке я бы вызвал Корчного на дуэль, будь помоложе, при удобном случае набил бы ему физиономию, а тогда прекратил с ним всякие взаимоотношения и перестал здороваться.

Как я уже говорил, матч Карпов — Корчной вызвал огромный интерес, причем не только у шахматной публики. Почти на каждом туре (соревнование проходило в Колонном зале Дома Союзов) присутствовал кто-то из высокопоставленных лиц: секретарь ЦК КПСС В. Долгих, зав. отделом пропаганды ЦК Е. Тяжельников, министр внутренних дел Н. Щелоков и другие.

Уже на старте Карпову удалось захватить лидерство. Он выиграл вторую и шестую встречу при четырех ничьих. Затем последовала серия в десять ничьих, после чего Карпов выиграл 17-ю партию. Однако и третье поражение не сломило Корчного. Он продолжал отчаянно бороться и, победив в 19-й и 21-й встречах, сократил разницу в счете до одного очка. Этот перевес Карпову удалось сохранить.

Мне думается, Корчной недооценил своего молодого соперника, его тонкое понимание шахмат, чрезвычайно высокую технику, исключительные игровые качества. И понимая, что фактически проиграл матч на первенство мира, он в послематчевом интервью югославскому агентству ТАН ЮГ выместил на Карпове всю свою злость и досаду. Видимо, Корчного «занесло» и он не смог остановиться.

Виктор заявил, что игра соперника не произвела на него большого впечатления, что Карпов победил за счет сильной воли, фанатичного стремления к победе, что он не располагает богатым шахматным арсеналом и не играет сильнее ни Спасского, ни Полугаевского, ни Петросяна, ни, наконец, самого Корчного.

Оценивая это интервью с высоты прошедших десятилетий, можно утверждать, что он был несправедлив, необъективен и его оценки далеки от истины. Корчной из тех, кто, проиграв, ругает не себя, а противника. Таких шахматистов довольно много. В английском языке для них есть хорошее название «bad loser» (не умеющий проигрывать, тот, кто сердится при поражении). Однако бурная и жесткая реакция Спорткомитета на интервью была, как сейчас принято говорить, неадекватной. Видимо, поклонников Карпова очень задело, что поносили их гордость, их любимца. Как по мановению волшебной палочки, в «Советском спорте» за подписью Петросяна появилась резкая отповедь Корчному, затем последовали возмущенные письма болельщиков, требовавшие его сурового наказания. И оно не замедлило последовать. Корчного

вывели из сборной страны, уменьшили стипендию, объявили выговор по партийной линии, и он автоматически стал невыездным.

После развязанной против него кампании Виктор несколько месяцев не появлялся в Москве. Затем он направил в адрес президиума федерации покаянное письмо, в котором признал свое поведение неправильным и «просил пардону». Мы обратились в Спорткомитет с просьбой отменить санкции.

К этому времени Карпов уже получил титул чемпиона мира, руководство спорта было настроено благодушно и простило Корчного. В декабре 1975 года ему разрешили выехать в Гастингс, а летом 1976 года — на турнир в Амстердам.

В один из жарких июльских дней я работал дома, когда раздался телефонный звонок:

Здравствуйте! Мне очень нужен президент Шахматной федерации СССР господин Авербах.

Авербах у телефона.

С вами говорит московский корреспондент агентства «Франс-пресс». Нам известно, что Корчной остался в Нидерландах и попросил политического убежища. Как бы вы прокомментировали это сообщение?

Вот это новость! Наверное, не меньше минуты я приходил в себя, затем пробормотал что-то вроде:

Ничего об этом не знаю, ничего не могу сказать...

Но почему вы не можете ничего сказать? — настаивал корреспондент.

Ответив, что буду готов с ним разговаривать, когда услышу официальное сообщение, я повесил трубку и поспешил в Спорткомитет.

В кабинете Ивонина уже вовсю кипела работа.

Корчной остался! — проинформировал он.— Мы уже подготовили заявление федерации и гроссмейстеров по этому поводу. Сейчас начали их обзванивать. Приступайте к работе, и в первую очередь вам надлежит подписать это заявление.

Невозвращение из заграничной командировки тогда считалось государственным преступлением, изменой Родине. Конечно, в этом вопросе советское законодательство вступало в явное противоречие с «Декларацией прав человека», которую в 1973 году в Хельсинки подписал Брежнев. Однако в то время можно было выехать вполне легально, выпросив разрешение, хотя это и было довольно хлопотным делом. Ведь выпустили вскоре Спасского, женившегося на француженке, выпускали и других людей, музыкантов, писателей, врачей.

Если уж ты выехал за государственный счет в командировку,

то отказ вернуться вряд ли выглядит нормальным поступком. Но, главное, конечно, не в этом. С тех пор как Корчной прислал мне откровенно хамское письмо, у меня не было никакого желания его поддерживать. И, вынув ручку, я молча расписался. Этот осуждающий поступок Корчного документ подписало подавляющее большинство гроссмейстеров, в том числе Смыслов, Таль, Петросян, Тайманов, Полугаевский, Флор, Котов.

Не подписали лишь единицы. Ботвинник заявил, что никогда не подписывает коллективные письма, хотя в злопамятном 37-м году его подпись стояла под письмом с требованием сурового наказания троцкистов-бухаринцев. Гулько привел тот же довод и немедленно попал в опалу. К Спасскому, по-моему, даже не обращались. А Бронштейн находился в Польше и не подошел к телефону. После этого он надолго стал невыездным.

Не остался в стороне и Карпов. Он написал отдельное заявление, также осуждающее Корчного.

А мой разговор с корреспондентом «Франс-пресс» так и не состоялся. Придя вечером домой, я обнаружил, что телефон не работает. На пару дней он оказался выключен!

После того как Корчной остался на Западе, да еще попросил политическое убежище, по мнению советских идеологов, он превратился во врага. Решением Шахматной федерации СССР его дисквалифицировали, лишили спортивных званий и права представлять советскую шахматную школу на мировой шахматной арене. И в связи с этим за моей подписью как президента Шахматной федерации СССР в ФИДЕ ушло письмо с просьбой исключить Корчного из следующего цикла соревнований на первенство мира. Письмо это никаких результатов не дало. В 1976 году Олимпиада и очередной конгресс ФИДЕ проходили в Израиле. Наши отношения с Израилем тогда были прерваны, ни мы, ни страны социалистического лагеря там не присутствовали. Письмо было зачитано, принято к сведению. И все.

Возвращение короны

Известно, что, завоевав в 1948 году звание чемпиона мира, Михаил Ботвинник уже в следующем году выступил с предложениями, связанными с правилами матча за высший шахматный титул. Нечто подобное совершил и Фишер. В 1973 году на очередном конгрессе ФИДЕ президент американской зоны Фред Крамер огласил предложения нового чемпиона относительно регламента следующего матча за мировое первенство. По мнению Фишера, в этом поединке не должно быть фиксированного числа партий, а игра должна продолжаться до тех пор, пока одна, из сторон не добьется десяти побед. Ничьи не учитываются. При счете 9 : 9 игра прекращается. Чемпион сохраняет свой титул, но призовой фонд делится пополам.

Для изучения предложений Фишера была создана специальная комиссия. От США в нее вошел Крамер, от СССР — Батуринский. А возглавил комиссию сам президент ФИДЕ Макс Эйве.

Еще в 1972 году, когда меня избрали президентом шахматной федерации, а Батуринского вице-президентом, мы договорились, что, будучи начальником отдела шахмат Спорткомитета, он будет заниматься вопросами первенства мира.

Созданная комиссия в начале 1974 года собралась в Амстердаме. Большинство ее членов высказалось против игры до десяти побед, но согласилось на игру до шести побед. Эту позицию поддержал и ЦК ФИДЕ. Летом 1974 года я впервые принял участие в работе конгресса ФИДЕ. Для меня все было внове, поэтому я расскажу об этом конгрессе подробно.

В том году Международной шахматной федерации исполнилось 50 лет. Поэтому конгресс, проходивший в Ницце во время Олимпиады, был юбилейным. Он длился около недели и состоял из нескольких этапов. Сначала прошли заседания различных комиссий и комитетов. Как правило, они были открытыми. На них готовились материалы для Генеральной Ассамблеи. Затем заседало ЦК ФИДЕ, куда посторонние не допускались. Там предварительно рассматривались вопросы повестки дня Ассамблеи и выносились предварительные решения. И, наконец, заседания Генеральной Ассамблеи, на которых эти решения утверждались либо отклонялись.

Конгресс в Ницце был не только юбилейным, но и перевыборным, но об этом несколько позже.

Признаться, обстановка на Ассамблее произвела на меня, новичка, гнетущее впечатление. Представьте себе большой зал, в

котором сидят группы людей, составленные по языковому признаку (говорящие по-английски, по-немецки, по-французски, по-испански и по-русски). Синхронного перевода тогда еще не было, поэтому либо специальный переводчик, либо кто-то лучше других владеющий иностранными языками переводит выступления делегатов. Из-за необходимости перевода на несколько языков выступления непомерно затягиваются, а когда возникают горячие дискуссии, большинство делегатов, как мне показалось, вообще перестают понимать существо вопроса и только следят за наиболее компетентными и авторитетными представителями своей языковой группы: чью сторону те займут. И в такой обстановке утверждался регламент предстоящего матча на первенство мира. На Генеральной Ассамблее Крамер огласил телеграмму чемпиона мира, в которой тот настаивал на принятии его предложений.

Завязалась дискуссия, обстановка накалилась. После жарких споров на голосование поставили первое предложение Фишера — играть до десяти побед, и оно прошло большинством в два голоса: 26 — за, 24 — против, 12 воздержались. В этот момент исполнительный директор Шахматной федерации США. Эд Эдмондсон вышел на трибуну и попросил делегатов сделать небольшой перерыв, чтобы он мог попытаться договориться напрямую с представителем СССР Батуринским. Тот, крайне недовольный результатом голосования, не удержался и через переводчика резко бросил Эдмондсону:

Если так пойдет и дальше, Фишеру придется играть с Багамскими островами!

Эдмондсон моментально поднялся на трибуну и сообщил:

К сожалению, мои попытки найти компромисс с господином Батуринским закончились неудачей. Он заявил, что теперь Фишеру придется играть с Багамскими островами!

И тут началось. На трибуне возник атлетически сложенный чернокожий делегат от Багамских островов и обиженно произнес: «Конечно, мы не играем так хорошо, как русские, но это не дает право господину Батуринскому нас оскорблять!». И Виктору Давидовичу пришлось извиняться. А президент ФИДЕ? Эйве занимал нейтральную позицию и терпеливо искал любые возможности для компромисса. Может быть, именно поэтому делегаты не поддержали второе требование Фишера о сохранении чемпионского звания при счете 9:9 и, кроме этого, установили лимит на число партий в матче: не более тридцати шести. Чемпион мира автоматически становится членом ЦК ФИДЕ, поэтому все ожидали его приезда. Однако на вечернем заседании Эйве зачитал его новую телеграмму:

«Я ясно высказался в своей предыдущей телеграмме по поводу моих условий проведения матча: не учитывать ничьи, не ограничивать число партий и при счете 9 : 9 считать матч закончившимся вничью, призовой фонд делится при этом пополам, но чемпион мира сохраняет титул. Господин Крамер проинформировал меня, что мои предложения отвергнуты делегатами. Поступив таким образом, ФИДЕ выступило против моего участия в матче на первенство мира в 1975 году. Поэтому я слагаю с себя титул чемпиона мира ФИДЕ.

С почтением.

Бобби Фишер.»

И снова начались прения, снова разгорелся отчаянный спор: уступать или не уступать диктату чемпиона?

В конце концов дискуссия закончилась повторным голосованием: 35 голосами против 17 при 2 воздержавшихся было решено не менять уже принятых решений. А Фишеру отправили телеграмму такого содержания: «Ваш профессионализм, спортивный дух и выдающееся искусство восхищали всех в те годы, когда вы боролись за звание чемпиона мира.

Генеральная Ассамблея ФИДЕ просит вас еще раз рассмотреть возможность защиты вами титула на принятых здесь условиях. Только таким образом вы сможете показать миру ваши выдающиеся способности».

На раздумье Фишер получил три месяца. Забегая вперед, скажу, что ответа от него не последовало ни через три месяца, ни позже.

Наряду с регламентом первенства мира в повестке дня Ассамблеи стоял вопрос о системе проведения Олимпиады. Все послевоенные годы такие соревнования проходили по круговой системе, состоящей из двух этапов: предварительных групп и финалов. Однако в связи с сильно возросшим числом команд (в 1964 году их было 50, в Ницце — 74), что определялось увеличением числа стран — членов ФИДЕ, эти соревнования стали слишком продолжительными. В Ницце рассматривалось предложение проводить Олимпиады по швейцарской системе. Мы выступали против «швейцарки», полагая, что она вносит большой элемент случайности. Как известно, наша сборная была самой сильной, и это нововведение нам было ни к чему. Однако моя попытка уговорить аудиторию не спешить с реформой успеха не имела. Не помогло даже организованное нами письмо 30 гроссмейстеров в защиту старой системы. Большинство делегатов считали, что Олимпиада не должна длиться больше двух недель. Они выслушали мое выступление и затем дружно проголосовали

за реформу.

В последние дни Ассамблеи состоялись выборы руководства ФИДЕ. Начали с президента. Эйве баллотировался на второй срок, его соперником выступал молодой энергичный бизнесмен из Пуэрто-Рико Нарциссо Рабель-Мендес. Блок социалистических стран был за Эйве, большинство западноевропейских федераций тоже. В итоге он уверенно победил.

Затем состоялись выборы членов Исполкома. Начиная с 1962 года, после смерти Рагозина, Советский Союз в ФИДЕ представлял Борис Родионов. Однако перед отъездом из Москвы я получил указание от Спорткомитета предлагать на этот пост Батуринского: спортивное руководство было заинтересовано иметь в ФИДЕ своего человека. Родионов был так называемым номенклатурным работником, в то время он работал зампредом Комитета по печати РСФСР. У него были хорошие связи в МИДе, видимо, он ими воспользовался, и уже в Ницце я получил телеграмму, отменяющую выдвижение Батуринского. А вскоре приехал Родионов с письмом Спорткомитета, в котором мне предписывалось выдвигать его в члены Исполкома.

Естественно, когда началось выдвижение кандидатур, я поднял руку и предложил Родионова. Тут выступила югославка Милунка Лазаревич:

Зачем нам нужен Родионов, когда есть президент советской федерации гроссмейстер Авербах. Я предлагаю избрать его в члены Исполкома.

Предложение было лестным, но у меня на руках было указание Спорткомитета. И я взял самоотвод, мотивируя это тем, что еще не обладаю достаточным опытом. На это хорошо разбирающаяся в наших делах Милунка саркастически заметила:

Советские никак не могут ослушаться Спорткомитета!

Хоть и не без труда Родионов был избран в Исполком. Я же, как президент федерации, представляющей отдельную зону, автоматически стал членом ЦК ФИДЕ.

Так в 1974 году Генеральная Ассамблея не подчинилась полностью диктату Фишера. Однако на этом борьба вокруг розыгрыша первенства мира не закончилась. В начале 1975 года, заручившись поддержкой тридцати процентов федераций — членов ФИДЕ, американцам удалось собрать чрезвычайный конгресс, чтобы попытаться уломать делегатов, уговорить их полностью принять требования Фишера. Конгресс проходил в голландском городке Остербеке. На повестке дня Ассамблеи был только один вопрос: регламент матча на первенство мира. На этот раз Батуринского в нашей делегации не было. Бороться с американцами предстояло Родионову и мне, на подмогу нам был

придан Петросян.

Когда я встретил представлявшего интересы Фишера Эдмондсона, он предупредил:

Боюсь, что на этом конгрессе мы поссоримся!

И на заседании Эдмондсон выступил с резкими нападками на нашу федерацию. Мне стало ясно, что он провоцирует нас на скандал, но я твердо решил ни в какие перепалки не вступать.

Сыгравший три матча на первенство мира Петросян высказал свое отрицательное мнение о предложениях Фишера, после чего начались жаркие дебаты. Сторонникам Фишера удалось добиться еще одной уступки со стороны ФИДЕ — 37 голосами против 33 был отменен лимит на число партий матча. Однако последнее требование американца, что при счете 9 : 9 он сохраняет звание чемпиона мира, все-таки не прошло. За этот пункт было 32 голоса, против — 35.

Хочется отметить, что в этой острой и взрывной ситуации (в воздухе висела опасность раскола ФИДЕ) Эйве держался исключительно корректно, соблюдая строгий нейтралитет. Однако, когда я сообщил в Москву о результатах голосования, Ивонин потребовал, чтобы мы выступили с критикой позиции, занятой президентом ФИДЕ. По мнению руководства Спорткомитета, он вел себя пассивно, не боролся против созыва чрезвычайного конгресса, недостаточно защищал решения, принятые в Ницце.

Виктор Андреевич! — пытался я возражать.— Зачем нужна эта критика? Ведь ФИДЕ Фишеру не уступила.

Для будущего,— раздалось в трубке.— Чтобы и в дальнейшем ФИДЕ не делала подобных уступок!

На другой день, перед началом заключительного заседания, я подошел к президенту ФИДЕ. Мы были знакомы около четверти века, не раз встречались за шахматной доской и, кажется, испытывали взаимную симпатию.

Прошу заранее извинения, но я получил указание Спорткомитета выступить с критикой в ваш адрес.

Я вам сочувствую,— понимающе улыбнулся Эйве.

Вопреки обыкновению, я говорил по-русски, оставив возможность переводчику из Спорткомитета усиливать мой текст. По окончании конгресса мы с Эдмондсоном выступили по местному телевидению. Когда его спросили, каковы шансы на то, что матч состоится, он ответил коротко и ясно: «Никаких!»

Здесь я рассказал о главных, принципиальных пунктах предложений Фишера, вокруг которых шла борьба. Всего предложения американца содержали 64 пункта. ФИДЕ согласилось с 63 и только одно отклонило. А Фишер был

непреклонен. Все или ничего!

К первому апреля участникам следовало подтвердить свое согласие играть матч. Карпов своевременно послал соответствующую телеграмму. А от Фишера ни ответа, ни привета. Тогда Эйве решил подождать еще два дня, но от американца по-прежнему не было никаких вестей.

3 апреля президент ФИДЕ официально провозгласил Карпова новым чемпионом мира. Цель, которую ставил Спорткомитет совместно с нашей федерацией была достигнута: шахматная корона вернулась в СССР.

Как часто в жизни радостные события перемежаются с печальными. В самом конце апреля состоялась торжественная коронация нового чемпиона мира, а в самом начале июня пришло сообщение о смерти Кереса. Он возвращался из поездки в Канаду на международный турнир. Прибыв в Хельсинки, договорился с капитаном эстонского судна, направлявшегося в Таллин, что ему будет предоставлена каюта. Но его напрасно ждали: в тот же день Пауль Петрович попал в госпиталь, где скоропостижно скончался. Врачи констатировали инфаркт. В цинковом гробу тело выдающегося гроссмейстера было отправлено на Родину. Я находился в Ростове-на-Дону, открывал детские всесоюзные соревнования «Белая ладья», когда мне вручили телеграмму из Спорткомитета с сообщением о смерти Кереса и указанием отправиться в Таллин на его похороны. Вернувшись в Москву, я немедленно вместе с Батуринским и Спасским вылетел в столицу Эстонии.

На похоронах Кереса я смог убедиться во всенародной любви эстонцев к их знаменитому земляку. Казалось, весь Таллин вышел на улицу, чтобы проводить его в последний путь. Все были в трауре, все оплакивали его преждевременную кончину...

Пауль Петрович не дожил до шестидесяти лет. Элегантный, всегда подтянутый, он был признанным авторитетом и пользовался всеобщим уважением.

Последние годы Керес часто болел, чувствовал себя неважно. Тем не менее на крупном международном турнире в Будапеште в 1970 году он стал победителем, хотя добрую половину соревнования провел в постели и ряд партий играл у себя в номере гостиницы.

В нашем кругу его звали «везунчиком». Когда в 1952 году в Воронове команда шахматистов дружно отправилась на рыбную ловлю, только он оказался удачлив, причем подцепил рыбу крючком за жабры. Когда в 1957 году во время чемпионата Европы в Бадене мы посетили местное казино, в выигрыше оказался только Керес. Помню, как однажды в самолете, когда мы

летели через океан, стюардесса предложила пассажирам отгадать число спичек в коробке. Победителем, конечно, оказался Пауль Петрович. А вот в шахматах ему фатально не везло. Как никто другой, Керес заслуживал права сыграть матч на первенство мира, но пробиться через частокол претендентов так и не смог, хотя четыре раза был вторым в матч-турнирах кандидатов на мировое первенство. Каждый раз его опережали представители более молодых поколений — В. Смыслов, М. Таль и Т. Петросян.

Когда Кереса не стало, Ботвинник признал: «Конечно, Паулю не повезло в его шахматной карьере. В другое время, вероятно, он стал бы чемпионом мира». Что Михаил Моисеевич подразумевал под «другим временем», остается только догадываться.

Проблемы ФИДЕ

Отгремели бури, связанные с матчем на первенство мира, но обстановка в ФИДЕ не стала спокойней. Возникла новая проблема: где проводить очередную Олимпиаду. Единственной кандидатурой оказался Израиль: других стран, желающих взять на себя проведение этого дорогостоящего мероприятия, не оказалось.

Конечно, Израиль был далеко не лучшим местом для Олимпиады. Во-первых, туда не могли поехать команды арабских стран, фактически находящихся в состоянии войны с еврейским государством. Во-вторых, крайне сомнительным было участие нашей страны и других стран соцлагеря: после арабо-израильской войны 1967 года все контакты с Израилем были прерваны, с тех пор ни один наш спортсмен там не выступал. И все же, не имея выбора, руководство ФИДЕ приняло решение провести Олимпиаду в Хайфе. Она была намечена на осень 1976 года. В мае того же года я отправился в Амстердам на празднование 75-летия Макса Эйве. В разгар торжества, когда все сидели за праздничным столом, кто-то из местных журналистов сообщил, что ТАСС только что передал официальное заявление Шахматной федерации СССР. Мы протестовали против выбора Хайфы и объявили, что участвовать в Олимпиаде не будем. Я оказался в глупом положении: президент федерации не знал о готовящемся заявлении или, еще хуже, скрывал это. Конечно, я знал, что вопрос о нашем участии решается где-то наверху, на уровне секретаря ЦК по идеологии, но само решение свалилось как снег на голову. Руководство Спорткомитета не удосужилось меня хотя бы предупредить. Впрочем, подобное поведение было для спортивных властей типичным. Когда Спорткомитет изредка устраивал совещания президентов федераций разных видов спорта, они все как один жаловались, что их никогда не предупреждают ни о готовящихся от имени федерации действиях, ни о заявлениях. В противовес Олимпиаде в Хайфе, Ливия, за год до этого принятая в ФИДЕ, немедленно заявила о своей готовности провести контр-олимпиаду в Триполи!

— Мы решили бороться с Израилем и на шахматной доске! — заявили представители Ливийской шахматной федерации.

Сказано — сделано! На ливийские нефтедоллары в Триполи поехали в основном шахматисты малых стран и слабых федераций, которые из-за нехватки средств редко выезжали на Олимпиады. А некоторые федерации как, например, Италии и Филиппин, сформировали даже две команды. Одна — более

сильная, играла в Хайфе, другая — в Триполи.

Между прочим, в Спорткомитете всерьез обсуждался вопрос: не послать ли нам команду на «контр-олимпиаду». Команду собирались формировать по национальному признаку, возглавить ее должен был Александр Котов. К счастью, разум возобладал.

В Хайфе победили американцы, а в Триполи — шахматисты Сальвадора. Там и мечтать не могли о таком успехе и по этому случаю выпустили специальную шахматную марку.

Во время Олимпиады прошел очередной конгресс ФИДЕ. Наша федерация в нем не участвовала, и в ее отсутствие приняли решение восстановить в правах члена Шахматную федерацию ЮАР. Она была давним членом ФИДЕ, ее команда неоднократно участвовала в Олимпиадах. Однако на конгрессе в Ницце по нашему предложению при активной поддержке федераций черной Африки членство ЮАР и Родезии было приостановлено. В уставе ФИДЕ черным по белому записано, что она не признает никакой дискриминации, в том числе по расовому признаку, а в этих странах, как известно, процветал режим апартеида.

На Спорткомитет это решение подействовало, как красный цвет на быка! Перед нашими представителями в международных спортивных федерациях ставилась задача изгонять ЮАР, а тут, видите ли, их вздумали восстанавливать!

Нам была дана команда немедленно выступить с заявлением по этому поводу и потребовать созыва чрезвычайного конгресса. Нас поддержало необходимое число федерации, и летом 1977 года конгресс состоялся.

По иронии судьбы в Ницце было принято решение проводить конгрессы раз в два года, но так получилось, что в промежутках прошли два чрезвычайных конгресса. Поэтому позднее ФИДЕ стала проводить их каждый год.

Накануне чрезвычайного конгресса в ЮАР вылетела делегация ФИДЕ в составе президента ФИДЕ Эйве и вице-президента Ф. Кампоманеса, чтобы на месте убедиться, играют ли черные и белые вместе или раздельно.

У нас подготовка к конгрессу пала на мои плечи. Задача, которую поставил Спорткомитет, была предельно ясна — гнать ЮАР в шею! Эту же мысль мне высказали в Комитете солидарности со странами Азии и Африки. А намечавшийся расклад сил был примерно таков: 20—23 страны за изгнание, такое же примерно число против, и десяток стран с неопределенной позицией. Становилось очевидно, что все будут решать как раз эти страны: кому они отдадут свои голоса, те и победят. Поразмыслив, я пришел к выводу, что бороться за полное исключение опасно: колеблющиеся страны легко могли

поддержать ЮАР. И здесь мне очень помогло посещение отдела международных организаций Министерства иностранных дел. Там мне объяснили, что у нас должна быть гибкая позиция. Апартеид — это проблема черной Африки. Ни в коем случае мы не должны выступать инициаторами, лезть на рожон. Впереди должны быть африканцы, а наша задача их активно поддерживать.

Конгресс проходил в Люцерне. Наша делегация состояла из Родионова, Карпова, Батуринского и меня. Не буду подробно рассказывать о конгрессе, отмечу только, что рекомендованная МИДом тактика принесла полный успех. За резолюцию, снова приостанавливающую членство ЮАР в ФИДЕ впредь до искоренения апартеида, проголосовало 28 федераций, против были 23. Это означало, что все колеблющиеся перешли на нашу сторону. Правда, Батуринский, помня о позиции Спорткомитета, все время меня подталкивал:

А что, если все-таки попробовать выгнать ЮАР?

Но я твердо стоял на своем.

Когда конгресс закончился, Карпов провел сеанс одновременной игры для делегатов. Среди его участников были и представители ЮАР. Затем швейцарцы устроили прощальный банкет. На него был приглашен Корчной, который специально прибыл в Люцерн и на конгрессе демонстративно держался вместе с делегатами ЮАР.

Узнав, что на банкет приглашен Корчной, Батуринский взорвался:

Раз они его пригласили, мы туда не пойдем!

Но ведь это невежливо,— пытался я возражать, но Виктор Давыдович упрямо стоял на своем.

Тогда я отправился к Карпову и быстро убедил его, что на банкете необходимо присутствовать. Затем он встретился с Батуринским. Не знаю, как протекал их разговор, но Батуринский сдался, и на банкет мы пошли. Правда, покинули его до прихода запоздавшего Корчного.

Корчной выходит на Карпова

В 1976 году на межзональном турнире в Биле Петросяну снова удалось пробиться в претенденты. Произошло это не без приключений.

В предпоследнем туре в партии с Хюбнером он получил совершенно безнадежную позицию, к тому же оказался в цейтноте. Как рассказывали очевидцы, возглавлявший нашу делегацию Батуринский в расстроенных чувствах покинул турнирный зал, считая поражение экс-чемпиона мира неизбежным. Прошло несколько минут, и в зале раздались аплодисменты. «Ну все, Тигран сдался»,— вероятно, подумал Виктор Давыдович, возвращаясь в зал. Действительно, партия закончилась, и на демонстрационной доске вывесили табличку: Хюбнер 0 — Петросян 1. Батуринский не поверил своим глазам, но все было правильно. В цейтноте противника немецкий шахматист вознамерился дать мат, но получил его сам!

Жеребьевка претендентов проходила в Москве, и Петросяну не повезло: уже в четвертьфинале выпало играть с Корчным!

Более неприятного противника трудно было найти. Во-первых, как я уже говорил, Тигран, как правило, неудачно играл с теми шахматистами, с которыми у него были плохие отношения, а после матча в Одессе они с Корчным стали смертельными врагами. Во-вторых, теперь Виктор был уже не соратником По команде, а отщепенцем, невозвращенцем. Система требовала, чтобы он был сокрушен. Это налагало на Петросяна особую ответственность, неблагоприятно сказывалось на его состоянии, заставляло излишне нервничать.

Матч с Корчным должен был состояться в Италии, в курортном местечке Чокко, в Тоскане, сравнительно недалеко от Флоренции. Тигран снова предложил мне возглавить его делегацию, в которую кроме него и жены входили тренеры Геллер и Зайцев.

Чокко оказался расположенным на высоком холме. Курортный сезон еще не начался. В отеле, где мы поселились, народу почти не было. Корчной прибыл в Чокко со своей будущей женой Петрой Лееверик и тренером мастером Яковом Муреем, только что эмигрировавшим из СССР в Израиль. Их сопровождала небольшая группа голландских журналистов, явно ожидавших скандала. Отношения между двумя группами были откровенно враждебными. Никто ни с кем не здоровался, не разговаривал. В ресторане мы располагались в противоположных концах зала. Во время переговоров по регламенту Корчной попытался еще более

взвинтить обстановку, потребовав установки пулезащитного стекла, но главный судья Божидар Кажич утихомирил его. Мы договорились, что в зрительном зале члены делегаций будут сидеть в разных местах. Оговорили также специальное условие, что во время игры участники должны общаться только через арбитра.

При всем при этом нам все время приходилось встречаться чуть ли не нос к носу. Однажды, когда мы оказались с Муреем одни в лифте, я его откровенно спросил:

Яша, почему ты не здороваешься?

Корчной запретил! — последовал ответ.

Несмотря на взаимную неприязнь, к разочарованию журналистов, никаких инцидентов не было. Враги, сидевшие напротив друг друга за шахматной доской, ничем не выражали свои эмоции. Игра носила спокойный характер, и первые четыре встречи завершились вничью. В пятой победил Корчной, но в шестой Петросян немедленно отыгрался. Седьмая партия завершилась вничью, а восьмую выиграл Корчной. Затем последовали две ничьи, Тиграну позарез нужна была победа. И вот в одиннадцатой партии у него появились шансы сравнять счет: его позиция была намного лучше, причем у противника оставалось 10 минут на 13 ходов, а у Петросяна — сорок!

В этот момент Корчной сделал тонкий психологический ход. Он подозвал главного судью и через него предложил ничью. И тут мы увидели, что Петросян сразу занервничал, начал ерзать на стуле, озираться по сторонам. Минута проходила за минутой, а он все не делал хода. В один момент, когда Тигран к нам обернулся, Геллер показал ему кулак, давая понять, что мирное предложение ни в коем случае принимать нельзя. Тем не менее после получасового раздумья, когда время на часах противников сравнялось, он согласился на ничью.

Тигран, что ты делаешь? — пытался я его укорять по дороге в отель.— У тебя появился шанс сравнять счет, и ты сам его упустил!

Ответ Петросяна меня поразил.

Тебе хорошо говорить,— стал он оправдываться,— у тебя пенсия не за горами. А мне ее ждать еще целых двенадцать лет!

Его слова показывали, что он устал от борьбы на высшем уровне и ждет не дождется, когда можно будет уйти на покой. В самом деле, ему было уже 48 лет. Прошло четверть века с тех пор, как он впервые принял участие в соревнованиях претендентов, шесть лет носил шахматную корону. Все эти годы ему приходилось сражаться в полную силу. И он устал от этого вечного напряжения.

Между тем Тигран продолжал:

— Борьба еще не окончена. Я намерен в предстоящей последней партии выложиться полностью.

Этот замысел ясно говорил о психологическом состоянии Петросяна. Ему становилось все труднее мобилизовывать себя, все труднее настраиваться на борьбу. Он предпочитал, чтобы сама возникшая ситуация заставила бы его бороться.

Здравый смысл подсказывал, что откладывать генеральное сражение до последней партии по меньшей мере рискованно. К сожалению, так и случилось. В этой встрече Корчной прочно завладел инициативой. Настоящей битвы не получилось. Партия была отложена в трудной для Петросяна позиции. Анализ показал, что спастись вряд ли удастся. Однако утром, перед доигрыванием, последовало мирное предложение. Поскольку ничья приносила Виктору победу в матче, он мог позволить себе быть великодушным.

В Чокко я еще раз убедился, как неприязнь, испытываемая противниками друг к другу, по-разному влияла на их боевой настрой, на игру. Петросяну она явно мешала, заставляла нервничать, мешала полностью сосредоточиться. У Корчного все было наоборот. Злость на противника его подстегивала, становилась своеобразным допингом, способствующим боевому настрою.

Бедный Тигран! К сожалению, его заветная мечта дожить до пенсии так и не осуществилась. Он ушел из жизни в возрасте пятидесяти пяти лет от болезни, которая подтачивала его многие годы. И не исключено, что ее причиной могло быть то самое сужение сосудов, которое впервые проявилось во время матча с Корчным в Одессе, о чем я уже говорил...

Выиграв у Петросяна с минимальным счетом 6,5 : 5,5, Виктор в полуфинале весьма убедительно победил Полугаевского — 8,5 : 4,5 (+5 — 1 = 7), а в финале экс-чемпиона мира Спасского — 10,5 : 7,5 (+7 — 4 = 7).

Финальный матч Корчной — Спасский был в самом разгаре, когда в Каракасе состоялось заседание ЦК ФИДЕ. Поскольку чрезвычайный конгресс был посвящен только вопросу об ЮАР, в Каракасе были рассмотрены многие другие вопросы, в том числе такой важный, как регламент предстоящего в 1978 году матча на первенство мира.

В Каракас я прилетел на день раньше остальных наших членов ЦК — Родионова, Карпова и Гаприндашвили. И первым, кого увидел в отеле, был Эдмондсон. Он с ходу спросил:

Где Карпов?

Он приедет только завтра. А в чем дело?

Я бы хотел встретиться с ним до начала заседаний.

На следующий день, прямо на аэродроме, я сообщил Карпову о просьбе американца. И в тот же вечер в моем присутствии встреча состоялась.

Эдмондсон сразу же взял быка за рога:

Какой регламент вы предпочитаете?

На федерации мы обсуждали этот вопрос. Наше предложение было: матч не должен превышать 24—30 партий, победитель должен набрать более 50 процентов очков, при ничейном счете чемпион сохраняет свое звание.

Однако неожиданно Карпов заявил:

Я бы согласился на игру до шести побед, а при счете 5 : 5 матч продолжается до первого выигрыша. Но в этом случае мне хотелось бы иметь матч-реванш.

Отлично! — воскликнул Эдмондсон.— Я помогу убедить членов ЦК принять ваши условия. Как — мое дело.

Будучи свидетелем этого разговора и того, что произошло на заседании ЦК, могу подтвердить, что все было разыграно, как по нотам.

Когда началось обсуждение регламента матча, Эйве высказал мнение, что сохранение звания чемпиона мира при ничейном его исходе — слишком большое преимущество. Поэтому он предложил давать чемпиону только право играть белыми в первой партии. Такое предложение президента ФИДЕ меня немало удивило. Аналогичной была реакция и других членов ЦК. Короче говоря, его никто не поддержал. И только потом я понял смысл предложения Эйве! Ведь Карпов получил звание чемпиона без игры, победив в финальном матче претендентов. И встречаться ему придется с таким же победителем финального матча претендентов, только нового цикла. А это значит, что он не должен иметь перед ним никаких преимуществ.

Далее события развивались весьма любопытно. Слово взял венесуэлец Рафаэль Тудела — инициатор проведения заседаний ЦК в Каракасе, считавшийся одним из самых авторитетных деятелей ФИДЕ.

— Я слышал,— сказал он,— что Анатолий Карпов не возражает против матча на условиях, разработанных нами для его поединка с Фишером: играть до шести побед. А спорный вопрос о счете 5 : 5 можно решить так: игра продолжается до первой победы. Однако поскольку чемпион мира идет на уступки, я предлагаю предоставить ему право на матч-реванш. Надо только спросить господина Карпова, согласен ли он на эти условия?

Анатолий Евгеньевич милостиво согласился, предложение было поддержано кем-то из членов ЦК, поставлено на

голосование и принято большинством голосов. Эдмондсон только лукаво улыбался...

Потом я долго думал, зачем все это было ему нужно, и пришел к такому выводу. Опытный дипломат, хорошо знавший тайные пружины ФИДЕ и умело ими пользовавшийся, американец хотел наладить отношения с новым чемпионом. Ведь еще совсем недавно он нападал на Карпова, резко критиковал его в западной печати, называл его «бумажным» чемпионом.

К тому времени связь Эдмондсона с Фишером полностью прервалась, его позиции в американской федерации пошатнулись. Нужно было срочно менять ориентацию. То, что он достиг своей цели, показывает только один факт: с одобрения Карпова Эдмондсон был назначен членом апелляционного жюри на предстоящий матч.

Анатолий Евгеньевич мог быть доволен итогами заседаний в Каракасе: он получил, что хотел. Ему предстояло играть (это выяснилось немного позже, когда закончился финальный матч претендентов Корчной — Спасский) с человеком, который был ровно на двадцать лет старше, и Карпов, видимо, полагал, что в длительном состязании будет иметь над ним перевес. Но не ошибался ли он в своих рассуждениях? Ведь уже предыдущий поединок с Корчным, где он вел со счетом 3 : 0, а победил с минимальным перевесом 3 : 2, показал, что Карпов не стайер. А матч в Багио, где он заметно сдал на финише, только подтвердил это. Что же касается первого матча с Каспаровым, то игра до шести побед вообще закончилась для него катастрофой.

В Каракасе каждый раз, когда Карпов и Гаприндашвили покидали отель, к ним в машину подсаживался человек с бычьей шеей и квадратным туловищем.

Это телохранитель,— объяснил мне Тудела.— Чемпионов нужно охранять. Такова сегодня наша жизнь!

Не знаю, по этой ли причине, но после Каракаса Карпов стал выезжать на Запад с личным телохранителем.

В свободное время Анатолий с увлечением играл с ним в карты. Вел себя телохранитель вполне достойно и корректно, помогал, если нужны были его знания испанского языка, но в наши шахматные дела не вмешивался.

В преддверии матча с Корчным Карпов стал собирать под свои знамена лично преданных ему людей и начал с президента. Мне позвонил Александр Рошаль — доверенное лицо чемпиона мира:

Толя поручил мне передать, что на перевыборном пленуме президентом федерации будет избран Севастьянов,— сообщил он. И добавил: — А вы останетесь первым вице-президентом!

Эта новость не была для меня неожиданностью. Еще в начале 1976 года в «Правде» появилось программное интервью чемпиона мира. Констатируя, что наша молодежь играет нестабильно, он возложил всю вину за это на федерацию. Досталось и лично мне. Карпов критиковал меня за то, что я, по его мнению, недостаточно упорно боролся на конгрессе ФИДЕ в Ницце против введения «швейцарки» в Олимпиадах и после голосования будто бы заявил:

Ничего, выигрывали по круговой системе, будем выигрывать и по «швейцарке».

Не помню, чтобы я говорил подобные слова, но, кстати, так и произошло. За одним исключением сборная команда СССР выиграла все Олимпиады, а игрались они по швейцарской системе.

Вскоре после публикации в «Правде» Ивонин как бы невзначай поинтересовался:

Вы намерены реагировать на выступление чемпиона мира?

«Правда» была директивным органом, поэтому я ответил:

Собираемся обсудить его на федерации. И вот в присутствии Карпова состоялось заседание президиума федерации. Выступавшие в лучших традициях того времени отмечали наши достижения в работе с молодежью, признавали недостатки, намечали меры для их устранения. По ходу заседания кто-то задал Карпову вопрос:

- Вы можете назвать человека, которому Авербах сказал эти слова по поводу «швейцарки»?

- Я сам не слышал, но мне передали! — не смущаясь, ответил Анатолий Евгеньевич.

Критика в главной газете страны наводила на мысль, что мое президентство скоро кончится. Так и оказалось...

Космонавт, дважды Герой Советского Союза Виталий Иванович Севастьянов был земляком и давнишним приятелем Карпова. Он присутствовал на его свадьбе с первой женой Ириной. В шахматных кругах прославился еще в 1970 году, когда вместе с Адрианом Николаевым сыграл историческую партию Космос — Земля, в которой честь земли защищали начальник Центра подготовки космонавтов генерал Каманин и космонавт Горбатко. А в 1972 году Севастьянов был главным судьей Всесоюзной шахматной олимпиады. Нет ничего удивительного, что накануне ответственного матча Карпов решил поставить во главе федерации верного ему человека. Так в свое время поступали и Ботвинник, и Петросян.

Кстати, с точки зрения связей наверху новый президент был фигурой удачной. К тому же Виталий Иванович любил быть на

виду. Он вел на телевидении передачу о космосе, входил в художественный совет Малого театра, открывал собачьи выставки. Шахматная федерация стала для него еще одной и весьма престижной ступенькой наверх.

Ныне он известный общественный деятель, депутат Государственной Думы.

В Багио и Буэнос-Айресе

После того, как Корчной остался на Западе, да еще и посмел выступить с политическими заявлениями, по разумению советских идеологов он превратился в заклятого врага нашей страны, которого во что бы то ни стало необходимо было сокрушить. Однако эту уже не столько спортивную, сколько политическую задачу не удалось решить ни Петросяну, ни Полугаевскому, ни Спасскому.

Теперь все надежды властей были только на Карпова. Поэтому матч на первенство мира Карпов — Корчной, проходивший в 1978 году в Багио, выходил из рамок шахмат, превратился в политическую схватку.

С одной стороны в ней выступал верный сын русского народа, «золотой мальчик» советских шахмат (так Карпова называли на Западе), с другой — невозвращенец, человек сомнительной национальности, отщепенец. По замыслу властей этому матчу предстояло стать этаким сражением Георгия Победоносца с драконом, в котором дракон обязательно должен быть повержен. Подготовка Карпова к этому сражению стала для Спорткомитета первостепенным делом государственной важности и повышенной ответственности. Само собой, о ходе подготовки руководство Спорткомитета докладывало на самый верх.

Были мобилизованы все ресурсы. Гроссмейстерам, специалистам по различным дебютам, предложили передать свои дебютные разработки чемпиону мира. Не обошлось и без иностранной помощи — в Москву был приглашен гроссмейстер Вольфганг Ульман из ГДР. Его попросили по-братски поделиться своими знаниями французской защиты, излюбленного дебюта Корчного за черных.

Из Москвы на Филиппины отбыла огромная делегация. В нее входили тренеры, телохранители, журналисты, переводчики, массажист, врач, психолог и даже повар. Возглавлял всю эту братию Батуринский. Как писал впоследствии Карпов: «Матч в Багио — самое склочное, самое скандальное соревнование из всех, в которых я когда-либо принимал участие». Стоит добавить, что в многовековой истории шахмат еще не было такого скандального состязания. Недаром Эдмондсон, выпустивший книгу об этом матче, так прямо и назвал ее «Скандалы в Багио». То, что там происходило, было выше моего понимания, никак не вязалось с благородным имиджем старинной королевской игры.

Поведение сторон было далеко от джентльменского, оно напоминало кухонную ссору в коммунальной квартире. Корчной,

например, надевал зеркальные очки и, по утверждению Карпова, делал так, чтобы отражавшийся от них свет попадал в глаза противнику. В ответ Карпов, по утверждению Корчного, начинал вертеться на кресле, издавая им звуки, мешавшие противнику думать. А ретивые журналисты расписывали эти штучкидрючки, как будто они были шедеврами шахматной мысли. И подобной дребеденью заполнялись страницы газет, как западных, так и наших. Например, такая солидная газета, как «Известия» опубликовала сообщение из Багио, в котором утверждалось, что как только Карпов собирался ложиться спать, над Багио специально начинал кружиться самолет, шум которого мешал ему заснуть...

Позднее в своей книге «Антишахматы» Корчной возложил всю вину за скандалы на возглавляемую Батуринским команду Карпова, а тот в книге «Сестра моя Каисса» и Батуринский на «Страницах шахматной жизни» — на команду Корчного. Сейчас можно сказать, что обе стороны играли в «антишахматы». И права солидная английская газета «Тайме», когда, подводя итоги поединка в Багио, резюмировала: «Матчем в Багио престижу шахмат был нанесен серьезный удар».

Не только престижу шахмат, но и престижу нашей страны. Во время матча Корчной получил следующую телеграмму:

«Всем сердцем с Вами. Жан-Поль Сартр, Сэмуэл Беккет, Эжен Ионеско, Фернандо Аррабаль».

Это означало, что за него болели лучшие представители европейской интеллектуальной элиты. Да и у нас в стране было немало людей, желавших победы Корчному. Вот, что рассказывал известный режиссер Станислав Говорухин:

«Когда Корчного начали преследовать, наши с Володей (Владимир Высоцкий был другом Говорухина.— *Ю. Л.)* симпатии были определенно на его стороне. Да и не только наши — огромное количество людей, особенно среди интеллигенции, болело за Корчного. Так уж у нас повелось: видим, что кого-то унижают, на кого-то давят официальные власти — и подавляющее большинство сразу за него (вспомним хотя бы случай с Ельциным).

Умеем сострадать. Так всегда было — и так всегда будет. Помню, когда в Багио счет стал 5 : 5, нас охватило просто лихорадочное состояние. Но все быстро кончилось...»

Я не собираюсь рассказывать все перипетии этого длившегося более трех месяцев поединка. После 27-й партии счет матча был 5 : 2 в пользу чемпиона мира. Однако затем в его игре наступил спад, и он проиграл три партии подряд! Счет сравнялся, и кажется, что Корчной уже торжествовал победу. Однако в 32-й

партии он получил трудную позицию. Хотя встреча была отложена, его секундант гроссмейстер Р. Кин сообщил о сдаче партии.

Как писал Батуринский: «Радостным для чемпиона и для всех советских людей в Багио стал день получения теплой поздравительной телеграммы Л. И. Брежнева, в которой отмечалось, что Анатолий Карпов проявил высокое мастерство, несгибаемую волю и мужество — словом, наш советский характер».

По возвращении лично Брежнев вручил чемпиону орден Трудового Красного Знамени. Карпов поблагодарил и сказал, что старался оправдать доверие, но в ответ услышал:

Да, старался, мы тут при счете 5 : 5 за сердце хватались!

Спустя десять лет Михаил Таль, тоже входивший в команду

Карпова, выступая в Москве по телевидению, вспомнил Багио и между прочим сказал:

Мы не могли себе представить последствия, если чемпионом станет не советский, а антисоветский шахматист! Не исключено, что в этом случае шахматы будут объявлены лженаукой!

Вскоре после окончания матча в Багио центр шахматной жизни переместился в Буэнос-Айрес. Там началась Всемирная шахматная Олимпиада. Команда СССР выступала не в самом сильном составе: сославшись на усталость после борьбы за шахматную корону, в соревновании не принял участие Карпов.

Однако и без него состав команды выглядел очень внушительно: Б. Спасский, Т. Петросян, Л. Полугаевский, Б. Гулько, О. Романишин и Р. Ваганян. Средним коэффициентом наша команда превосходила находящихся на втором месте венгров на 50 баллов. Когда до финиша оставалось 6 туров, команда лидировала, опережая западных немцев на полтора очка, а венгров даже на два. Однако затем наступил неожиданный срыв. Проиграв команде ФРГ и сделав ничьи со шведами и израильтянами, сборная СССР резко сбавила темп. Героями финиша смело можно назвать дружную и сплоченную команду Венгрии. За два тура до конца венгры захватили лидерство и уже никому его не уступали. В итоге сборная СССР отстала от них на очко. Начиная с 1952 года это был первый случай, когда на Олимпиаде мы уступили пальму первенства.

Отличился на этой Олимпиаде и Корчной. Выступая на первой доске за команду Швейцарии, он занял первое место в личном зачете. В конце Олимпиады состоялся конгресс ФИДЕ. Он был перевыборным. Вдоволь нахлебавшись в Багио, Эйве решил не баллотироваться на третий срок. Как он мне сам объяснил, ему претило заниматься не шахматными вопросами.

На пост президента претендовали трое: уже знакомый нам пуэрториканец Нарциссо Рабель-Мендес, исландец Фридрик Олафссон и югослав Светозар Глигорич. Мы, естественно, поддерживали Глигорича как представителя социалистической страны, но уже в первом туре голосования, когда ни один кандидат не набрал более половины голосов, он отпал как аутсайдер. Во втором туре голоса соцстран перешли к Олафссону. Это все решило, и он стал президентом. А меня избрали членом Исполкома, председателем квалификационной комиссии и сопредседателем (вместе с Кампоманесом) комиссии по помощи развивающимся странам.

Адвокат по образованию, сильный гроссмейстер, участник турнира претендентов 1959 года, Олафссон хорошо знал проблемы шахматного мира. Поэтому его первым предложением стало введение правил по организации международных турниров высокого класса. Эти правила четко регламентировали права и взаимные обязанности участников и организаторов, а также условия проведения подобных турниров. Правовую ясность стремился внести Олафссон и в регламент матчей на первенство мира, но здесь его постигла неудача, о чем я расскажу позже.

В начавшемся четырехлетии активно заработала комиссия по помощи развивающимся странам. Она была создана по нашей инициативе. Дело в том, что за 70-е годы в ФИДЕ вступило свыше 30 таких федераций. В значительной мере это явилось достижением Эйве. Несмотря на возраст, легкий на подъем, он посетил около ста стран (причем, в основном за свой счет), агитируя их стать членами ФИДЕ.

Мы разработали многолетний план работы комиссии. Он получил название «план Авербаха — Кампоманеса». Развивающиеся страны, члены ФИДЕ, были разделены на группы, соответствующие их уровню развития шахмат. Одни, и таких оказалось немало, начинали с нуля. Им требовалось буквально все: шахматы, часы, учебники, программы. Другим требовалась организационная помощь, третьи нуждались в семинарах по подготовке кадров, четвертые просили прислать мастеров и гроссмейстеров. Всем этим и занялась комиссия.

Важную роль в развитии шахмат в Азии сыграл ряд организованных там лично Кампоманесом турниров, в которых приняли участие европейские гроссмейстеры. В двух таких турнирах, в Джакарте и Маниле, в 1979 году довелось участвовать и мне.

В столице Индонезии произошла любопытная история, ярко показывающая предприимчивость и находчивость филиппинца. Когда турнир в Джакарте закончился, вместе с гроссмейстерами

Иосифом Дорфманом и Раймондом Кином мы собирались лететь на Филиппины, чтобы принять участие в следующем турнире. Виз у нас еще не было, но индонезийцы нас заверили:

Не беспокойтесь. Приедет Кампоманес, он все сделает.

Флоренсио появился за день до вылета.

Ничего, ничего,— успокоил он нас,— по дороге в аэропорт заедем в филиппинское посольство и получим там визу.

Назавтра подъезжаем к посольству. И, о ужас: оно закрыто по случаю национального праздника Филиппин — Дня независимости!

Где посол? — спрашивает Кампоманес у дежурного.

Уехал удить рыбу.

Хуже придумать было нельзя. Виз нет, самолет в Манилу вылетает через несколько часов. Мы в отчаянии, а филиппинец сохраняет спокойствие.

Езжайте в аэропорт, а я отправлюсь искать посла.

Когда посадка на самолет уже заканчивалась, появился запыхавшийся Кампоманес.

Все в порядке! — победоносно объявил он, отдавая нам паспорта.

В них шариковой ручкой было вписано разрешение на въезд.

А где печать? — поинтересовался Кин.

Эту проблему я решу в Маниле — ответил Кампоманес.

И действительно, перед паспортным контролем, взяв наши паспорта, он прошел к начальству. Вскоре нас пропустили.

У ФИДЕ всегда были жесткие правила относительно международных турниров, в которых можно было получить звание мастера, или гроссмейстера. Когда в 70-е годы значительно увеличилось число членов ФИДЕ, причем, в основном за счет развивающихся стран, выяснилось, что этим странам крайне трудно проводить международные турниры, в которых можно было получить международное звание. Тогда квалификационная комиссия совместно с комиссией по помощи развивающимся странам предложила ввести еще одно, как бы промежуточное звание мастера ФИДЕ.

Это звание автоматически присваивалось мужчинам, достигшим рейтинга в 2300 очков, и женщинам, достигшим 2100 очков. Оно в основном было рассчитано на шахматистов развивающихся стран. Однако оказалось, что и в развитых странах есть немало шахматистов, пожелавших получить это звание. И ФИДЕ распространила в дальнейшем звание мастера ФИДЕ на все страны, тем более, что за каждое присвоенное звание она получала определенный доход.

Чтобы приобрести еще больший авторитет среди

развивающихся стран, став президентом ФИДЕ, Кампоманес выкинул еще один лозунг — каждая федерация должна иметь своего гроссмейстера! Претворение этого лозунга в жизнь привело к тому, что резко возросло число международных гроссмейстеров, но зато резко упал их уровень и сейчас, практически, средний гроссмейстер не намного отличается по силе от среднего мастера.

От Мальты до Мерано

В конце 1980 года Олимпиада проходила в Ла-Валлетте на острове Мальта. Впервые в истории ФИДЕ столь громоздкое соревнование проводило маленькое островное государство. Для нашей федерации эта Олимпиада была исключительно важна: нужно было реваншироваться за неудачу в Буэнос-Айресе. На этот раз наша сборная выставила самый боевой состав: Карпов, Полугаевский, Таль, Геллер, Балашов, Каспаров. Уже первый тур определил дальнейшее течение борьбы. В то время как наши победили команду Венесуэлы со скромным результатом 2,5 : 1,5, венгры разгромили шотландцев с сухим счетом 4 : 0! Эта разница в полтора очка привела к тому, что нам пришлось выступать в роли догоняющих. День проходил за днем, а сократить этот разрыв никак не удавалось. В седьмом туре состоялся важный матч СССР — Венгрия, но он закончился вничью. Конечно, сыграло роль и то, что на старте заболел и пропустил несколько туров чемпион мира.

На финише Карпов поправился и стал выигрывать партию за партией. Это несомненно оказало влияние на всю команду. В результате за тур до конца Олимпиады сборная СССР наконец настигла команду Венгрии. Все решал последний тур, в котором венгры встречались с исландцами, а наша команда — с датчанами. В один момент казалось, что венгры победят с сухим счетом, но они все-таки потеряли пол-очка, а у сборной СССР счет был 2,5 : 0,5 при отложенной партии чемпиона мира.

При доигрывании Карпов одержал победу, набрав 5,5 из 6 в последних встречах, и счет стал равным. А «Бухгольц» у нас был лучше: мы встречались с более сильными противниками. Так наша сборная стала победителем Олимпиады. Результат команды весьма внушителен — 11 побед при трех ничьих, однако и венграм удалось показать такой же выдающийся результат.

В матчах претендентов нового цикла, проходивших в том же году, Корчной сумел снова победить Петросяна со счетом 5,5 : 3,5, затем Полугаевского — 7,5 : 6,5 и в финальном матче Хюбнера. При счете 4,5 : 3,5 в пользу Корчного и двух отложенных в худшем для немецкого шахматиста положениях тот решил прекратить сопротивление.

Предстоял новый поединок Карпова с Корчным. В преддверии этого матча президент ФИДЕ Олафссон прибыл в Москву, чтобы обсудить весьма щекотливый вопрос о жене и сыне Корчного, по существу, ставших заложниками. Олафссон полагал, что это несправедливо: соперники должны быть в равных условиях, и властям следует позволить семье уехать. В Москве он даже посетил ОВИР, который давал разрешение на выезд за границу. Позиция советских властей была совсем иной. Корчной — отщепенец, диссидент. Нечего ему идти навстречу и создавать равные условия. Наоборот, следует предпринимать все возможное, чтобы действовать ему на нервы. Такова была тактика нашей делегации в Багио, таковой она была и позже. И семье Корчного дважды отказали в выезде.

Конечно, Олафссону заявили нечто иное. Мол, сам Корчной ни разу не обращался в установленном законами порядке с просьбой о воссоединении с семьей. Правда, в западной печати было опубликовано открытое письмо Корчного Брежневу, но оно носило откровенно политический характер и могло вызвать только отрицательную реакцию.

Неудовлетворенный переговорами в Москве Олафссон, возвратившись в штаб-квартиру ФИДЕ, сделал заявление, что начало матча отодвигается на месяц, чтобы решить вопрос о семье Корчного и создать участникам равные условия.

Этого мы, конечно, потерпеть не могли. Немедленно последовали протесты чемпиона мира и Шахматной федерации СССР.

Идя на столь ответственный шаг, президент ФИДЕ совершил существенную ошибку: не согласовал заранее с организаторами срок переноса матча. И когда этот вопрос обсуждался на конгрессе ФИДЕ в Атланте, они поддержали наш протест.

В итоге было принято «соломоново» решение: начать матч в Мерано не 19 сентября, как первоначально планировалось, и не 19 октября, как решил Олафссон, а 1 октября. Правда, чтобы компенсировать организаторам убытки, связанные с изменением срока начала поединка, ФИДЕ пришлось отказаться от пяти процентов призового фонда, которые ей полагались согласно регламенту. Эти деньги Олафссон возместил ФИДЕ из своего кармана.

Как-то после очередного заседания Макс Эйве, который, перестав быть президентом ФИДЕ, продолжал активно участвовать в ее работе, пригласил меня к себе в номер, Предложив рюмочку своего любимого «dry sherry», он объяснил:

Я начал играть в чемпионате Нидерландов по переписке. Хочу показать вам несколько позиций.

Расставив шахматы, мы провели пару часов за анализом. Когда я собрался уходить, Эйве усмехнулся и сказал:

Вот увидите, я еще буду чемпионом мира по переписке!

Несмотря на почтенный возраст (ему было около восьмидесяти), он выглядел моложаво и бодро. Мне и в голову не приходило, что я вижу его последний раз...

Экс-чемпион мира Макс Эйве ушел из жизни в ноябре 1981 года. Помнится, в 1969 году, когда в матче за шахматную корону Петросян проиграл партию Спасскому, он неожиданно получил от Эйве телеграмму: «keep smiling» (продолжайте улыбаться) — гласил ее короткий текст.

— Подумать только,— воскликнула тогда жена Петросяна,— Эйве-то за нас болеет!

Позднее я узнал, что тогда же получил телеграмму от Эйве и Спасский. С поздравлением по случаю победы!

Подобная позиция — сохранять хорошие отношения со всеми — была характерна для Эйве и как человека, и как президента ФИДЕ. Он никогда ни на кого не давил, всегда старался найти решение, устраивающее разные стороны, всегда был готов к компромиссу. Его можно упрекнуть только в том, что в 1972 году в Рейкьявике, на старте матча Спасский — Фишер, его позиция была далеко не нейтральной. Однако это происходило потому, что он искренне считал, что Фишеру надо дать сыграть матч за шахматную корону, так как это поднимет интерес к шахматам во всем мире. Впрочем, я об этом уже писал ранее. Однако, когда Фишер стал чемпионом, позиция Эйве изменилась. Он занял строго нейтральную позицию, за что его, кстати, критиковали с обеих сторон.

В отличие от многих чемпионов Эйве был исключительно объективен. Будь он другим, настоял бы на том, чтобы после смерти Алехина ему вернули звание чемпиона. Кстати, на конгрессе ФИДЕ в 1947 году ему действительно вернули высший шахматный титул, но носил он его только два часа.

Появилась запоздавшая к началу работы конгресса советская делегация, это решение отменили и приняли наше предложение провести матч-турнир. А ведь, строго говоря, уже существовала традиция, что высший шахматный титул можно завоевать только в матче. И Эйве не протестовал против проведения матч-турнира.

Однажды он рассказал мне любопытную подробность, связанную с его матчем 1935 года с Алехиным. Оказывается, голландцам не удалось собрать полную сумму призового фонда. И в то время как чемпиону мира гарантировалась определенная сумма, сам Эйве играл только за титул. Денег ему не полагалось!

— После митинга, состоявшегося по случаю моей победы,—

сообщил он мне со смехом,— когда все разошлись, я обнаружил, что у меня нет денег даже на дорогу домой!

Стоит сказать, что начиная с 1934 года Эйве многократно посещал нашу страну. Однажды по пути в Японию он проехал от Москвы до Владивостока. Со многими нашими гроссмейстерами у него были теплые, дружеские отношения. И, честно говоря, меня в свое время поразила характеристика Макса Эйве, данная в секретной записке Спорткомитета за подписью С. Павлова и отправленная в 1976 году в ЦК КПСС:

«Президент ФИДЕ М. Эйве систематически и довольно последовательно игнорирует многие предложения социалистических стран и осуществляет мероприятия, свидетельствующие об его проамериканской и просионисткой ориентации, не стесняясь подчас принимать решения, ущемляющие законные интересы советских шахматистов».

Конечно, сам председатель Спорткомитета эту записку не писал. Она была подготовлена его сотрудниками. Из отдела шахмат! Однако как далека она была от истины!

Матч на первенство мира Карпов — Корчной прошел в итальянском городке Мерано в октябре-ноябре 1981 года. О том, как он протекал, чемпион мира рассказал по возвращении в Москву на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов в пресс-центре МИД СССР:

— Матчи на первенство мира легко не выигрываются. Они стоят больших сил и проходят при невероятных нервных перегрузках.

До определенного момента матч в Мерано складывался, как и в Багио, но если тогда счет 4 : 1 был зафиксирован после 17-й партии, то теперь уже после 9-й. При счете 5 : 2 я уже не допустил ошибки, как три года назад. Тогда мне казалось, что самое главное — это одержать победу в пятой партии, а шестая придет сама собой. Теперь же я понимал, что самая трудная победа — шестая, и, выиграв пятую, шел на каждую следующую встречу с одной мыслью: «Играть и победить».

Стоит добавить, что счет 5 : 2 был после 14-й партии. Затем последовали три ничьи, и Карпов победил в последней, 18-й партии.

По окончании матча из Мерано в Москву ушла следующая телеграмма:

«Генеральному секретарю ЦК КПСС Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу Многоуважаемый Леонид Ильич!

Рад доложить, что Ваш наказ выполнен. Одержана еще одна победа в матче за мировое первенство по шахматам, и я вновь

защитил звание чемпиона мира.

В сложных условиях борьбы за шахматную корону я и все члены советской делегации ощущали Вашу повседневную поддержку, заботу и внимание горячо любимой Родины, за что приносим ЦК КПСС, Советскому правительству и лично Вам, Леонид Ильич, сердечную благодарность и сыновнюю признательность. Заверяю Вас, Леонид Ильич, что и в дальнейшем я не пожалею усилий для развития шахматного искусства и укрепления позиции советского спорта.

Чемпион мира Анатолий Карпов.»

Вскоре последовал ответ:

«Чемпиону мира по шахматам А. Е. Карпову.

Дорогой Анатолий Евгеньевич!

Благодарю Вас за телеграмму. Мне доставляет большое удовольствие вновь, как и три года назад, горячо и сердечно поздравить Вас с замечательным успехом — завоеванием звания чемпиона мира по шахматам. Советские люди с огромным вниманием следили за Вашей игрой и с глубоким удовлетворением восприняли сообщение о Вашей победе. Приятно отметить, что в сложном и ответственном поединке Вы проявили высокое творческое мастерство, подлинный советский характер, выдержку и самообладание, еще выше подняли славные традиции отечественной шахматной школы. Желаю Вам доброго здоровья, счастья и новых побед во славу нашей социалистической Родины.

Л. Брежнев.»

По возвращении в Москву Карпов был награжден орденом Ленина. Правительственными наградами отметили также членов делегации Карпова и руководство Шахматной федерации СССР. Я получил орден Дружбы народов. Правда, вручали нам награды не в Кремле, а в Спорткомитете.

Будучи главой квалификационного комитета ФИДЕ, я изредка выезжал в штаб-квартиру ФИДЕ в Амстердам для решения неотложных вопросов. Одним из них было распределение участников межзональных турниров на равноценные группы. Обычно при мне была инструкция, как должны быть распределены советские участники. Мы с каждым из них советовались, обсуждали все с Батуринским, а затем отдавали список руководству Спорткомитета на утверждение. В Амстердаме я настаивал, чтобы наши пожелания были учтены. У Олафссона оказывались свои проблемы, ведь с подобными просьбами к нему обращались и другие участники. Как правило, он стремился всех удовлетворить.

В 1982 году предстояло провести три межзональных турнира — в Лас-Пальмасе, мексиканской Тулуке и Москве. Когда после

долгих споров были удовлетворены пожелания советских участников, Олафссон обратился ко мне с просьбой:

Яков Мурей просится в Москву. Ведь у него там остались больная мать и тетка.

Я как мог пытался упираться. У СССР с Израилем тогда не было никаких отношений, наши спортсмены туда не ездили, израильтяне к нам — тоже. Однако в 1980 году возник прецедент: в Олимпийских играх в Москве участвовала команда Израиля. Это не афишировалось, но столичные евреи оказались в курсе дела и приходили болеть за соплеменников, что вызывало головную боль у руководства Спорткомитета и разных других служб, стремившихся до минимума ограничить контакты израильтян с нашими людьми. Увидев мое упорство, Олафссон в сердцах упрекнул:

Юрий, почему так получается? Когда мы идем навстречу вашей федерации, это считается нормальным, когда что-то просит ФИДЕ, вы возражаете. В конце концов, надо же помочь Мурею!

У меня не нашлось аргументов, чтобы ему возразить, и я согласился.

В Спорткомитете это вызвало большой шум. Поморщился Батуринский, был недоволен Ивонин. Конечно, мне этого решения простить не могли. Проявлять самостоятельность в подобных вопросах, которые считались политическими, не рекомендовалось.

Новое начальство

В конце 1979 года вместе с Севастьяновым я возвращался с конгресса ФИДЕ в Сан-Хуане. Полет был долгим, утомительным, и, обсудив все, что только можно было обсудить, мы сидели молча, погруженные в свои мысли. Вдруг Виталий Иванович вслух произнес:

А все-таки капрал не должен командовать генералами!

Это вы о ком? — поинтересовался я.

О Батуринском.

Мне было известно, что после Багио отношения между ними основательно подпортились. Живо могу себе представить, как, приехав под занавес матча поддержать своего друга Толю, Севастьянов, не стесняясь в выражениях, набросился на руководителя делегации за то, что тот допустил, чтобы счет после 5 : 2 стал 5 : 5. Однако Виктор Давыдович проявил себя работником сильным, исполнительным, болеющим за дело не за страх, а за совесть, и мне казалось, что менять его не нужно. Он был вполне на своем месте. Севастьянов, видимо, думал иначе.

В 1980 году на нашем горизонте появился гроссмейстер Николай Крогиус. Он жил в Саратове, заведовал кафедрой в

тамошнем университете и готовил докторскую диссертацию о психологии шахматного творчества. Как раз в то время Спорткомитет подыскивал человека на пост главного тренера по шахматам, и Крогиус казался вполне подходящим на эту роль.

Когда его пригласили на собеседование к руководству Спорткомитета, он сначала зашел в ЦШК, где сидел Батуринский, чтобы обсудить с ним, как они будут вместе работать.

Не знаю, какой разговор у Крогиуса состоялся с Ивониным, не знаю, находился ли у него в кабинете Севастьянов, но из Спорткомитета Николай Владимирович вышел не главным тренером, а начальником отдела шахмат. К Батуринскому, которому предстояло узнать о своей отставке, он уже не зашел.

Убедительная победа Карпова плюс высокая ее оценка руководством страны, видимо, подняли престиж шахмат в Спорткомитете. Отдел шахмат вскоре был преобразован в управление. Таким образом, в структуре Спорткомитета шахматы поднялись на ступеньку выше, из малозаметного отдела, входившего наряду с волейболом, баскетболом и гандболом в Управление ручных спортивных игр, они стали вровень с такими престижными видами спорта, как футбол и хоккей. Начальнику управления, а им стал Крогиус, отвели большой отдельный кабинет, и у него появилась секретарша...

В1982 году в Люцерне должны были пройти Олимпиада и конгресс ФИДЕ, на котором предстояло избрать президента ФИДЕ. Кандидатами на пост президента снова оказались трое: Олафссон, Кампоманес и один из старейших деятелей ФИДЕ югослав Божидар Кажич.

Незадолго до отъезда нашей делегации в Люцерн у Ивонина прошло совещание, на котором присутствовали Крогиус, Батуринский, Карпов и я. Мы должны были решить, кого поддерживать на пост президента. В первом туре нам полагалось голосовать за члена Союза коммунистов Югославии Кажича, хотя было ясно, что в президенты он не пройдет. Значит, все будет решать второй тур голосования, и нам предстояло выбрать либо Олафссона, либо Кампоманеса.

Карпов сразу же заявил, что, по его мнению, президентом ФИДЕ должен быть гроссмейстер. Крогиус его поддержал, я — тоже. За Кампоманеса высказался лишь один Батуринский. Казалось бы, вопрос ясен. Однако вскоре мы получили указание голосовать за Кампоманеса. Сработали какие-то тайные пружины. Видимо, наши власти не могли простить Олафссону его позицию в вопросе о семье Корчного.

Уже перед самым отъездом Ивонин вызвал меня и Крогиуса.

— Мы решили,— объявил он,— что Крогиус будет

баллотироваться в члены Исполкома, а вы,— обратился он ко мне,— в квалификационный комитет и комиссию, по помощи развивающимся странам.

В этом решении был свой резон — иметь в ФИДЕ не одного человека, а двух. Однако странным было другое: кандидатуры советских представителей в международных организациях обычно утверждались в ЦК КПСС, на это требовалось какое-то время, а тут такая спешка. И у меня закралось подозрение, что это делалось только для того, чтобы не дать мне время оспорить в ЦК решение Спорткомитета. Если на то пошло, я и не собирался этим заниматься. А вот кандидатура Крогиуса, не имевшего никакого опыта в организационных вопросах и лишь слабо говорящего по-немецки, могла в ЦК вызвать возражения. Он обладал только одним достоинством: служил в Спорткомитете.

Позже, уже вернувшись из Люцерна, в выездном отделе Спорткомитета я увидел оригинал моей «объективки». Этот документ, содержащий краткие сведения о человеке, обычно посылался в ЦК перед выездом за границу и при назначении в международные организации. Так вот в графе о знании иностранных языков, там, где было напечатано «владеет английским и немецким», ктото добавил «слабо». И мне стало ясно, как производилась замена меня на Крогиуса.

Однако вернемся в Люцерн. На проходившей там Олимпиаде сборная СССР выступала выше всяких похвал. Выиграв 13 матчей и один сведя вничью, наши шахматисты уже за тур до конца оказались недосягаемы для соперников и в итоге опередили следующую за ними команду Чехословакии на 6,5 очка. За команду (в порядке досок) выступали Карпов, Каспаров, Полугаевский, Белявский, Таль и Юсупов. На конгресс ФИДЕ в Люцерн прибыли делегаты из 109 стран. При выборах президента, согласно уставу ФИДЕ, голосование было тайным. Чтобы победить, кандидату в президенты нужно было набрать не менее 55 голосов.

В первом туре Кампоманес получил 52 голоса, в основном азиатских, африканских и латиноамериканских стран. Олафссон — 37, его поддержало подавляющее большинство западноевропейских стран, а Кажич, как и ожидалось, всего 19. Во втором туре делегация СССР, контролировавшая также голоса стран соцлагеря, отдала эти голоса Кампоманесу. Он и стал новым президентом ФИДЕ.

Казалось бы, после такой поддержки отношения филиппинца с нашей федерацией, а фактически со Спорткомитетом, станут просто идеальными, ведь после матча в Багио они и так были уже достаточно хороши. Весьма показательно, что на Спартакиаде

народов СССР в 1979 году и на Олимпийских играх в Москве в 1980 году Кампоманес присутствовал в качестве почетного гостя. Однако в 1993 году эти отношения подверглись серьезному испытанию. Но об том я расскажу в следующей главе.

Как и ожидалось, Крогиуса избрали в Исполком ФИДЕ, а меня оставили председателем квалификационного комитета и сопредседателем комиссии по оказанию помощи развивающимся странам.

На конгрессе также подвели итоги трех межзональных турниров и провели жеребьевку предстоящих матчей претендентов. В четвертьфинальных матчах должны были встретиться Смыслов с Хюбнером, Торре с Рибли, Каспаров с Белявским и Корчной с Портишем.

Вскоре после того, как я вернулся из Люцерна в Москву, Смыслов обратился ко мне с предложением — принять участие в его подготовке к матчу с Хюбнером, а затем возглавить его команду на этот матч. Мы с Васей были знакомы еще с довоенных детских лет, вместе играли в десятках турниров, но совместно работать над шахматами нам никогда не доводилось.

В свои лучшие годы Василий Васильевич не любил корпеть над углубленным изучением дебютных вариантов. Его больше интересовали стратегические идеи. Однако времена изменились. Чтобы на равных бороться с молодежью, Смыслову пришлось изменить свое отношение к подготовке. Вместе со вторым тренером Виктором Купрейчиком мы весьма основательно поработали над улучшением его дебютного репертуара, причем анализировали не столько широко распространенные системы, сколько старинные или полузабытые, такие, как защита Чигорина в ферзевом гамбите или защита Шлехтера в «славянке».

Меня всегда поражали исключительная практичность Смыслова за доской, его хладнокровие, поистине олимпийское спокойствие и его внутренняя гармония. Забегая вперед, скажу: за те два года, что мы поработали вместе, я увидел то, что было скрыто от посторонних глаз: Вася оказался глубоко верующим человеком, всецело полагающимся на Бога, безоговорочно верящим в свою судьбу. Эта вера в свое предназначение помогала ему противостоять ударам по самолюбию, которые испытывает каждый стареющий шахматист, встречаясь за доской с молодежью.

Интересен вопрос: что заставило экс-чемпиона, человека уже побывавшего шахматным королем, попытаться еще раз штурмовать шахматный Олимп? Ведь ему было уже за шестьдесят, когда большинство гроссмейстеров, как правило, сходит с дистанции. Кстати, именно в этом возрасте его друг и

соперник Ботвинник принял решение полностью отойти от практической игры.

Мне кажется, причиной явилось самолюбие Смыслова. Ему не нравилось, что его начали величать ветераном. И у него возникла мысль доказать тем, кто годился ему в сыновья или даже во внуки, что, превосходя их в философском понимании шахмат и опыте, он нисколько не уступает им в практической силе. Именно эта идея стала могучим стимулом, который заставил Василия Васильевича самозабвенно и фанатично работать над шахматами. И если, как мы дальше увидим, второй штурм Олимпа удался не до конца, то свою задачу, как мне кажется, он выполнил и с полным правом может сказать: «Я сделал все, что мог. Пусть кто-нибудь в моем возрасте попробует сделать больше!»

Дела журнальные

Пять лет я успешно сочетал работу в редакции с общественной деятельностью в роли президента Шахматной федерации СССР. Однажды выяснилось, что это сочетание имеет свои минусы. Как-то издательство «Физкультура и спорт» передало мне для рецензии рукопись некоего товарища Миронова «Заметки любителя шахматных этюдов». Написана она была живым языком, но выражала взгляды человека, далекого от реальной шахматной жизни, не знающего и даже не понимающего действительных проблем «поэзии шахмат». Я написал отрицательную рецензию, отметив, что вопросы, поднятые автором, в лучшем случае заслуживают пары статей, но отнюдь не целой книги.

Вторым рецензентом оказался композитор Генрих Каспарян. Человек мягкий и деликатный, отметив очевидные недостатки рукописи, он, тем не менее, написал, что исправив их, рукопись можно будет издать. За рецензию Каспаряна и ухватился Миронов. Он оказался человеком чрезвычайно пробивным, с большими связями, до ухода на пенсию работал референтом какого-то министра. Миронов нажал на все педали, и его сочинение всетаки было опубликовано.

В журнале «Шахматы в СССР» обычно печатались рецензии на выходящую шахматную литературу. Вскоре композиторы В. Корольков и Э. Погосянц принесли мне статью, в которой расчехвостили книгу Миронова в пух и прах. Мы ее опубликовали.

Миронов немедленно нанес ответный удар — настрочил жалобу в ЦК, обвинив меня в том, что будто бы я свожу с ним счеты за критику в адрес шахматной федерации (в книге он утверждал, что федерация зря проводит первенство страны по задачам и этюдам, хотя эти первенства появились еще с конца сороковых годов, задолго до того, как я возглавил федерацию). Из ЦК жалобу Миронова переслали в Спорткомитет. И вот у секретаря парткома Спорткомитета состоялась встреча, на которой кроме жалобщика и меня присутствовал председатель комиссии по композиции И. Ляпунов. После того, как Миронов высказал свои претензии, слово предоставили мне.

Я сказал примерно следующее:

— Представьте себе, сидит человек у телевизора и смотрит, например, соревнования по фигурному катанию. У него могут возникнуть интересные мысли, но это не значит, что он должен писать книги о фигурном катании, поучать спортсменов, как

проводить соревнования, а уж тем более, как кататься.

Объяснение оказалось доходчивым, вопрос был снят.

Отдел композиции в журнале «Шахматы в СССР» начиная с 1971 года возглавил мастер по композиции и по практической игре Анатолий Кузнецов. Человек чрезвычайно деятельный, он не раз публиковал дискуссионные статьи, посвященные проблемам шахматной композиции и, когда двухходовая задача переживала очередной кризис, провел дискуссию о дальнейшем пути ее развития. Небольшое число ходов в таких задачах привело к тому, что стало чрезвычайно трудно придумать что-то новое. В результате появились задачи-механизмы (Кузнецов называл их переключатели), весь смысл которых заключался в определенных перемещениях фигур, а не в красивых, замысловатых ходах и не в трудности решения.

Как нередко бывает в дискуссиях, четко определились две полярные позиции — одни горой стояли за эти задачи, другие были против. На этом обсуждение закончилось. Время должно было показать, кто прав.

К сожалению, людей с так называемым совковым менталитетом, кто считал, что дискуссия обязательно должна заканчиваться оргвыводами, такой финал удовлетворить не мог. И в идеологический отдел ЦК пошло пространное, написанное в резкой форме письмо любителя задач из Новосибирска. Он обвинил журнал, а заодно и федерацию в том, что по итогам дискуссии не были сделаны необходимые оргвыводы, требовал, чтобы тогдашний руководитель комиссии по композиции В. Чепижный, поддерживающий и пропагандирующий задачи нового типа, был снят со своего поста.

Его доводы оказались подкреплены многозначительной подписью:

«Сидоров, любитель задач, член партии с 50-летним стажем!»

С визой зам. начальника идеологического отдела ЦК, требующего разобраться и ответить автору, письмо было отправлено в Спорткомитет и попало под особый контроль. Нам пришлось писать объяснение, доказывать свою правоту. Все это отнимало много сил, а главное, времени.

Когда я еще был президентом федерации, ко мне обратился председатель украинской комиссии по композиции Н. Зелепукин. Он просил, чтобы ему присвоили звание мастера по шахматной композиции, так сказать, «гонорис кауза» (из уважения к заслугам). Пришлось ему объяснить, что звание мастера по композиции дается не за общественную работу, а за творческие успехи. Мой ответ пришелся ему не по вкусу и, видимо, он искал случай, чтобы со мной расквитаться.

Через несколько лет такая возможность представилась. Издательство «Физкультура и спорт» начало публиковать второе издание «Шахматных окончаний».

И вот однажды вызывает меня к себе директор издательства Василий Арсеньевич Жильцов и спрашивает:

Некто Зелепукин донес в ЦК, что ты в своих книгах пропагандируешь врагов народа, невозвращенцев, эмигрантов, диссидентов. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Что можно сказать? — ответил я ему.— В «Шахматных окончаниях» около четырех тысяч примеров. Среди них есть окончания Алехина, Боголюбова, Богатырчука, Корчного, Шамковича, Альбурта, Лейна, Юхтмана, этюды Селезнева и Гербстмана. Многие из этих примеров общеизвестны. Они были приведены в первом издании «Шахматных окончаний» еще в пятидесятые годы.

Лучше быть от греха подальше! — резюмировал осторожный Василий Арсеньевич.— Насчет общеизвестных примеров у меня вопросов нет, но в следующих томах сомнительные фамилии мы ограничим или вообще уберем.

Действительно, в последующих томах окончания некоторых партий сопровождались невразумительной информацией — «из практической партии». И был минимум сомнительных фамилий!

Кстати, с этой же проблемой немного раньше столкнулся Ботвинник, когда издательство «Физкультура и спорт» опубликовало написанную им совместно с Я. Эстриным книгу «Защита Грюнфельда». В ней была приведена партия, выигранная В. Корчным. Видимо, ему тоже пришлось объясняться, о чем свидетельствует следующее письмо.

Главному редактору издательства

«Физкультура и спорт» тов. Жильцову В. А.

На Ваш устный запрос о целесообразности опубликования в советских журналах и книгах творческих материалов, принадлежащих шахматным специалистам, политическое лицо которых является враждебным нашей стране, отвечаем:

Вопрос этот со всей определенностью был решен еще в 1928 году — см. книгу «Матч Алехин — Капабланка на первенство мира» (изд-во «Шахматный листок»). Отказ от опубликования этих материалов, (если они являются ценными) нанес бы ущерб творческим и спортивным достижениям советских шахматистов.

После 1928 года этот вопрос неоднократно обсуждался, и каждый раз решения 1928 года подтверждались. В связи с этим мы считаем целесообразным, чтобы ЦК КПСС принял решение о запрещении обсуждать этот вопрос в дальнейшем так же, как патентные институты не рассматривают заявки на изобретения

вечного двигателя.

Письмо это подписано М. Ботвинником и А. Карповым и датировано 27 июля 1979 года.

Судя по результатам моего разговора с Жильцовым, совместное письмо чемпионов его не убедило, несмотря даже на юмористический пассаж о вечном двигателе. Немного позднее, в 1980 году он пошел на повышение — из главного редактора издательства превратился в его директора и, естественно, не хотел рисковать. К тому же Жильцов был достаточно опытным человеком и знал, что свистопляска с «сомнительными» фамилиями имеет у нас в стране многолетние традиции, причем не только в шахматах. Достаточно сравнить энциклопедические словари разного времени, чтобы увидеть, как многократно переписывалась история, как появлялись и исчезали разные люди — политики, военноначальники, писатели, артисты. Что же касается шахматной печати, то в конце 30-х годов из книг и журналов вымарывались фамилии Залкинда, Каминера, Крыленко. Во время войны в теории дебютов исчезла защита Алехина. Ее переименовали в «неправильное начало». А когда в 1951 году был арестован впоследствии реабилитированный мастер Ю. Сахаров, победитель львовского полуфинала чемпионата страны, то из «Шахматного ежегодника» за тот год убрали таблицы всех четырех полуфиналов, а про турнир во Львове сообщили, что права участия в финале добились Л. Аронин и В. Симагин (по 12 из 19) и С. Флор (11,5). И ни слова о том, что первое место занял Сахаров, набравший 12,5 очка!

А теперь нам придется коснуться взаимоотношения между шахматами и шашками. У нас в стране этот вопрос имеет долгую историю. Еще до войны шахматисты и шашисты входили в одну организацию — шахматно-шашечную секцию. Нас объединяла общая шестидесятичетырехклеточная доска. В этом были свои плюсы: дети и профсоюзные шахматисты и шашисты нередко выступали вместе, особенно в командных соревнованиях. Однако затем положение изменилось. Дело в том, что на Западе в основном играли в стоклеточные шашки, на доске 10 на 10. Доска нас и разъединила. В середине 50-х годов произошло размежевание — шашисты создали свою федерацию. Однако в Спорткомитете отдел шахмат продолжал одновременно заниматься и шашками. По уровню развития в мире шахматы и шашки мало сопоставимы: в Международную шахматную федерацию входит сейчас свыше 160 стран, в Международную шашечную федерацию — около 30. Да и у нас в стране число любителей шахмат значительно больше, чем шашек, особенно шашек международных.

Все это я рассказываю к тому, чтобы вам была понятна следующая история: незадолго до смерти Брежнева мне позвонил Ивонин:

— Мы сделали ошибку,— сказал он,— закрыв отдел шашек. Надо будет с Нового года его восстановить!

Я попытался возражать, но Ивонин был неумолим. Приказ начальства обжалованию не подлежал.

Ну что ж, хозяин — барин! И с января 1983 года в журнале «Шахматы в СССР» снова открылся отдел шашек. Возникает вопрос, с чего же это Виктор Андреевич воспылал такой любовью к шашкам. Выяснилось, что на него начали давить шашисты, по слухам, нашедшие поддержку в лице брата Брежнева, занимавшего какую-то должность в спортклубе ЦДСА. Заполучив такой таран, наши друзья-шашисты немедленно попытались расширить свое жизненное пространство. Они обратились к только что назначенному тогда новому председателю Спорткомитета Марату Грамову с предложениями переименовать журнал «Шахматы в СССР» в «Шахматы и шашки СССР», Центральный шахматный клуб в шахматно-шашечный клуб и недавно созданное Управление шахмат в Спорткомитете в Управление шахмат и шашек.

Видимо, эти предложения были поддержаны соответствующими телефонными звонками сверху, и Спорткомитет начал готовить нужные приказы и решения.

Президиум федерации был готов бороться с этим непомерным расширением шашечного пространства, но как это лучше делать? Ведь новый начальник Управления шахмат Крогиус, избранный одновременно заместителем президента федерации объявил, что он — чиновник и должен выполнять указания начальства. Тогда мы решили подготовить обращение к Грамову чемпиона мира и всех экс-чемпионов, популярно разъясняющее начальству разницу между шахматами и шашками, разницу в их общественном значении. Когда документ был готов, я отправился с ним к Ботвиннику.

— Я подпишу письмо только в том случае, если сначала свою подпись поставит Карпов! — объяснил Михаил Моисеевич.

Чемпион мира сделал это без лишних слов. Не было проблем ни со Смысловым, ни с Талем. Лишь Петросян отказался поставить под письмом свою подпись, но он уже тогда был смертельно болен.

Обращение чемпионов подействовало. Атака была отбита. У клуба и журнала остались старые названия. Лишь управление получило новое название — шахмат и шашек.

А шашечный отдел журнала, восстановленный Ивониным,

просуществовал недолго. Само собой, в связи с перестройкой он «почил в бозе».

Кстати, с этим отделом у меня связано одно неприятное воспоминание. Едва успели мы его открыть, как ведущий отдел мастер по шашкам В. Крамаренко опубликовал критическую статью, в которой высказал мысли, никак не совпадающие с точкой зрения Спорткомитета. И меня моментально вызвали «на ковер». А до этого, хоть мы не раз печатали критические материалы, в лучшем случае мне звонил Батуринский и устно, хотя и прокурорским тоном, выражал свое «фе», если статья ему не нравилась.

Рассказывая о работе журнала, не могу не вспомнить один материал, присланный к нам неплохим шахматистом, кандидатом в мастера, по образованию философом. В нем он обвинял Ботвинника, ни много ни мало, в идеализме!

Дело в том, что еще в середине 50-х годов, когда журнал «Шахматы в СССР» проводил оказавшуюся совершенно бесплодной дискуссию, что такое шахматы, чемпион мира написал небольшую статью, доказывающую, по его мнению, что они представляют собой особый вид искусства. Поскольку, согласно марксистскому определению, искусство должно отражать жизнь, Ботвинник утверждал, что шахматы отражают работу головного мозга! Никто серьезно эту работу Ботвинника не воспринял, никто не стал ее оспаривать. Она просто прошла незамеченной.

Да и о чем было спорить? Ведь работу головного мозга отражают любые умственные игры, но это еще не значит, что в них создаются произведения искусства.

И вот более тридцати лет спустя философ решил научно опровергнуть чемпиона мира, прилепив к тому же ему ярлык идеалиста.

Я встретился с автором этого материала, объяснил, что печатать его не будем: подобный схоластический спор не интересен читателям журнала. В самом деле, шахматы многообразны. В этом их немалое достоинство. Они привлекают к себе людей разных наклонностей, разного склада ума, разного темперамента. И каждый может найти в них что-то свое. Для кого-то это спорт, для кого-то искусство, для кого-то -— наука, а для большинства любителей — просто приятное времяпрепровождение. Потому и дискуссии на тему, что такое шахматы, бессмысленны и бесплодны. Если же говорить о том, что отражают шахматы, то можно сказать, что они отражают красоту человеческой мысли, и шахматная партия действительно может стать произведением искусства.

Неудовлетворенный моим ответом, философ побежал жаловаться не куда-нибудь, а прямо в идеологический отдел ЦК. Он утверждал, что Ботвинник исповедует идеализм, а журнал его прикрывает. И нам пришлось писать объяснение, доказывать, что это тема для философского, а отнюдь не для шахматного журнала, рассчитанного на широкий круг читателей.

В заключение хочу рассказать о проблемах отнюдь не творческих, с которыми нам приходилось сталкиваться.

В 70-е годы у нас в стране существовали три всесоюзных шахматных издания — еженедельная газета «64» — «Шахматное обозрение», предназначенная самым широким слоям любителей древней игры, ежемесячный журнал «Шахматы в СССР», рассчитанный на квалифицированных шахматистов, и ежемесячник «Шахматный бюллетень», рассчитанный на шахматистов высокой квалификации. Это, не считая «Бюллетеня ЦШК», рижских «Шахмат» и некоторых других местных изданий.

Газета «64» оперативно сообщала читателям о всех значительных шахматных событиях, пользовалась заметным успехом и, главное, никак не конкурировала с другими изданиями. И тем не менее, в 1980 году газету, не обсуждая предварительно этот вопрос на федерации, преобразовали в журнал. Почему? Существуют разные мнения на этот счет. Одни считали, что чемпиону мира, ставшему номинально в 1978 году главным редактором газеты, захотелось иметь свой журнал. Другие полагали, что причина была более простой: сотрудники журнала получали большую зарплату, чем газеты.

На фоне появления нового и конкурировавшего с нами журнала, хотел бы отметить злоключения, выпавшие на нашу долю.

Еще в середине 70-х годов ЦШК был закрыт на ремонт, и мы переехали временно в другое помещение. Когда к 1980 году ремонт был окончен, я отправился к Батуринскому, чтобы договориться о нашем возвращении. Представьте себе мое негодование, когда, даже не дослушав меня до конца, Батуринский отрубил:

- В клубе для вас места нет!

- Как нет? — возразил я.— Ведь даже на чертежах при ремонте было обозначено место редакции.

- Вот так! Ваше помещение отдано бухгалтерии клуба: она у нас расширилась.

Пришлось идти жаловаться к Ивонину. Он меня отфутболил к Крогиусу, сказав, что этот вопрос пусть решает новый начальник.

К счастью, в клубе нашлось полуподвальное, фактически нежилое помещение, которое предназначалось для складских

нужд. Я привел туда Крогиуса, и мы договорились, что сами приведем его с помощью издательства «Физкультура и спорт» в божеский вид — настелим полы, проведем электричество и телефон. Так нам все-таки удалось вернуться в клуб.

Однако на этом наши злоключения не кончились.

Долгие годы мы печатались в типографии «Московская правда». Там, кстати, печаталось и «64». Нас под каким-то благовидным предлогом сначала перевели в другую московскую типографию со значительно худшим качеством набора. Это сразу же отразилось на внешнем виде журналов. Самым курьезным было то, что в той типографии был даже специальный день «качества», хотя набор от этого никак не становился лучше. А затем, якобы, чтобы улучшить внешний вид журнала, нас перевели печататься в город Чехов, за согню километров от Москвы. Сразу же возникли проблемы с посылкой материалов в типографию и с транспортировкой журналов. Была ли случайной полоса трудностей, выпавшая на долю редакции? Предоставляю читателям самим решать эту загадку.

В Фельдене и спор с ФИДЕ

Матч Смыслов — Хюбнер должен был пройти в австрийском курортном городке Фельдене, знаменитом, главным образом, своим казино, которое было спонсором соревнования и которому выпало сыграть важную роль в финале матча. Наша делегация отправилась туда в таком составе: Смыслов, его жена Надежда Андреевна, Купрейчик, я и врач Юлий Богданов, который, как оказалось, нам сразу же понадобился.

Мы прибыли в Фельден 18 марта. Хотя снег уже растаял, погода не баловала, температура держалась ниже нуля. Небольшой отель был пуст: зимний курортный сезон кончился, весенний еще не начался. В номерах отеля было чертовски холодно, и уже к следующему вечеру у Смыслова поднялась температура.

Игра должна была начаться 20 марта, но вызванный рано утром официальный врач матча констатировал сильный грипп. Поэтому мы решили использовать единственный тайм-аут, и начало матча было перенесено на 22-е.

Наш врач начал сразу колдовать над Смысловым, стремясь как можно быстрее поставить его на ноги, но официальный врач соревнования, обследовав Василия Васильевича, заявил, что для полного выздоровления требуется еще дня три-четыре. Матч повис на волоске...

Что было делать? Хочешь не хочешь, пришлось заняться дипломатией. Начал я с того, что пошел к главному судье Кажичу, чтобы выяснить, можно ли перенести начало матча еще на два дня. Подумав, он сообщил, что смог бы это разрешить, но только в том случае, если не будут возражать Хюбнер и Шахматная федерация ФРГ, а также если согласятся организаторы и президент ФИДЕ.

Тогда я отправился в пансион, где остановился Хюбнер и встретился с руководителем его делегации доктором Майером.

— Скажите,— спросил я его,— готов ли ваш подопечный сесть завтра за доску с больным гриппом Смысловым? Тот ответил, что посоветуется с Хюбнером и через пару часов мне позвонит. Ровно через два часа раздался телефонный звонок — доктор Майер сообщил, что Хюбнер не возражает против еще одного переноса начала матча и ставит два условия: он хочет получить право на второй тайм-аут, а также денежную компенсацию в случае, если матч затянется.

В тот же вечер состоялось небольшое совещание, на котором присутствовали судьи матча, представители сторон,

организаторы соревнования, а также специально приехавший в Фельден президент Шахматной федерации ФРГ Антон Кинцель.

После дискуссии было подписано официальное соглашение о том, что начало матча переносится на 24 марта и что условия, выдвинутые Хюбнером, будут приняты.

Теперь единственное, что оставалось,-— получить согласие президента ФИДЕ. Ночью я позвонил в штаб-квартиру ФИДЕ в Амстердам, но оказалось, что президент уехал в Манилу. К счастью, генеральный секретарь ФИДЕ доктор Лим Кок Ан успокоил меня, заверив, что поддержит принятое соглашение при условии, если не будет возражать вице-президент ФИДЕ по Европе профессор К. Юнгвирт. Тот не возражал, и 22 марта в 10 часов утра было объявлено, что начало матча переносится еще на два дня. Так удалось выиграть время, необходимое для полного выздоровления Смыслова.

Перед матчем обозреватели расценивали шансы Хюбнера значительно выше. В международной табели о рангах немецкий шахматист занимал пятое место. Он находился в самом расцвете сил, к тому же был почти на 30 лет моложе экс-чемпиона мира.

Однако, вопреки прогнозам, матч проходил в равной борьбе. Более того, после трех боевых ничьих четвертую партию с блеском выиграл Смыслов.

В следующих трех встречах Хюбнер изо всех сил старался сравнять счет, но Смыслов защищался очень упорно, и все они завершились вничью. Напряжение в матче нарастало, и в этой ситуации Хюбнер демонстративно перестал здороваться со своим партнером. Почему?

Тут нам снова придется вернуться к началу матча. Во время переговоров доктор Майер как бы между прочим спросил, не будем ли мы возражать против того, чтобы один раз во время игры Хюбнеру массировали голову. Сначала у нас возражений не было.

Прошло несколько встреч, как вдруг Смыслов обратил внимание на то, что в отведенное для отдыха участников специальное помещение через другой вход проникает странного вида слепой старик с поводырем. Это оказался массажист. Его появление взволновало экс-чемпиона мира. Я уже говорил, что Смыслов человек глубоко религиозный, верящий в существование различных темных сил. И он попросил закрыть вторую дверь. Считая, что проход слепого массажиста через зал привлечет к нему всеобщее внимание, массажировать Хюбнера стал сам доктор Майер. А это противоречило правилам матча, категорически запрещавшим во время игры контакты участников с членами их делегации.

В самой деликатной форме я заявил об этом доктору Майеру. Он пообещал довести наши возражения до своего подопечного. В ответ Хюбнер заявил, что с этого момента перестает подавать руку Смыслову.

Как я понимаю, немецкий гроссмейстер полагал, что, пойдя навстречу экс-чемпиону мира в вопросе о переносе начала матча, он ожидал и от него подобных уступок. Если бы вопрос о массажисте был заранее включен в состоявшееся в начале матча соглашение, то проблем вообще бы никаких не появилось. Более того, этот инцидент можно было ликвидировать путем переговоров. Но Хюбнер предпочел действовать иначе, взвинтив обстановку. К сожалению, даже на самом высоком уровне стало отнюдь не доброй традицией в случае конфликтной ситуации демонстративно отказываться от рукопожатия перед игрой.

А ведь подобные действия противоречат как самому духу благородной королевской игры, какой с давних пор считались шахматы, так и лозунгу ФИДЕ — «Все мы — одна семья». Мне кажется, каковы бы ни были отношения между партнерами, будь они хоть самыми заклятыми врагами, однако, садясь за доску, обязаны пожать друг другу руки. Тем самым соперники как бы демонстрируют, что будут вести достойно, будут соблюдать все правила честной борьбы. И ФИДЕ следует ввести рукопожатие в обязательный ритуал.

В Фельдене на одной и той же сцене игрались два матча — претендентов и претенденток. В то время как в поединке Смыслов — Хюбнер борьба только достигла апогея, четвертьфинальный матч Н. Иоселиани — Лю Шилан уже закончился. Китаянка, чей выход в претендентки считался сенсацией, первые шесть партий сражалась чрезвычайно упорно. Только на финише, когда Нана полностью освоилась с манерой игры соперницы, выявилось преимущество грузинской шахматистки. Она победила со счетом 6 : 3. Появление среди претенденток шахматистки из КНР показало, что в Азии набирают силу женские шахматы. Так возник «китайский феномен», приведший в 90-е годы к завоеванию китаянками высшего шахматного титула.

Однако вернемся к матчу Смыслов — Хюбнер. Из первых восьми партий пять оказались отложены и доигрывались. А ведь экс-чемпион мира уже не имел тайм-аутов и был вынужден сражаться без перерыва. Неудивительно, что в девятой партии перед самым контролем он ошибся, и сопернику удалось сравнять счет. Основные десять партий не выявили победителя, и, согласно регламенту, игрались еще четыре дополнительные встречи с новой жеребьевкой. Однако и они не принесли успеха ни одной из сторон.

Теперь, согласно регламенту, все должен был решить жребий. Дирекция казино Фельдена — спонсор матча — предложила для этой цели использовать рулетку. Как известно, в колесе рулетки 18 красных номеров, 18 черных и ноль. Шансы сторон равны. Смыслов получил красный цвет, Хюбнер — черный.

Представьте себе зал казино: вокруг стола с рулеткой толпа народа. Здесь и шахматисты, и журналисты, и просто любопытствующие. За столом восседает крупье во фраке и при галстукебабочке. Рядом с ним судья матча Кажич, Смыслов с женой и тренерами, а также организаторы матча. Хюбнер предпочел не присутствовать на этом шоу и уехал из Фельдена.

Наступила торжественная минута — крупье привычным движением пустил в ход колесо рулетки, бросил в нее позолоченный шарик. Все замерли. Шарик раскрутился, затем запрыгал по лункам. Колесо рулетки остановилось, и зал ахнул: шарик лежал в лунке «zero», т. е. выпал ноль. Пришлось сделать вторую попытку. На этот раз шарик оказался в красной лунке, что означало — по жребию победителем матча признается Смыслов.

Да, ему повезло. Но не будет преувеличением сказать, что в этом матче он совершил подвиг — сумел устоять против одного из сильнейших гроссмейстеров мира. И конечно, справедливо, что фортуна оказалась благосклонной к Смыслову. Он это заслужил!

Противником Смыслова в полуфинале стал венгерский гроссмейстер Золтан Рибли. В другом полуфинале должны были встретиться Каспаров и Корчной. Проводить поединок Смыслова с Рибли пожелал только Абу-Даби, в то время как матч Каспарова с Корчным предложили взять три города — Jlac-Пальмас, Роттердам и Пасадина.

Участники должны были расставить их в порядке предпочтения. Корчной ограничился одним городом — Роттердамом, в то время как Каспаров поставил на первое место Лас-Пальмас, а на второе тот же Роттердам. Если бы это был матч на первенство мира, то по тогдашнему его регламенту президенту ФИДЕ пришлось бы выбрать Роттердам — город, на котором остановили свой выбор участники. Однако правила кандидатских матчей были несколько иными. Там записано, что окончательное решение принимает президент, учитывая интересы ФИДЕ, предлагаемые условия, возможности пропаганды шахмат и пожелания участников. Причем все эти критерии должны рассматриваться воедино.

Кампоманес выбрал американскую Пасадину. Он объяснял свой выбор тем, что этот город обещал отчислить от призового фонда 40 тысяч долларов на развитие шахмат в странах третьего мира.

Корчной согласился с решением президента, наша шахматная федерация от имени Каспарова это решение категорически отвергла. Как по команде, на страницах «Советского спорта» замелькали резкие статьи, направленные против Кампоманеса, а также протесты и заявления как отдельных гроссмейстеров, так и Шахматной федерации СССР. Какие только доводы не приводились против решения президента ФИДЕ: и что оно противоречит регламенту кандидатских матчей, и что в Пасадину не пускают советских дипломатов, и что там не будет обеспечена безопасность Каспарова. А в это время на водных дорожках Лос-Анджелеса, что совсем недалеко от Пасадины, наш пловец Владимир Сальников бил мировые рекорды!

Заодно мы стали протестовать и против решения президента ФИДЕ провести матч Смыслов — Рибли в Абу-Даби, ссылаясь на неблагоприятные климатические условия, хотя это предложение было единственным, и сам Смыслов не возражал там играть.

В Москву прилетел Кампоманес, и в кабинете председателя Спорткомитета Грамова состоялись переговоры. В основном он и вел дискуссию с президентом ФИДЕ, а присутствовали на ней Каспаров, Смыслов, Карпов, Севастьянов, а также Ивонин и Крогиус.

В секретном отчете о переговорах, отправленном в ЦК, было написано:

«В конечном итоге президент ФИДЕ отказался удовлетворить законный протест советской стороны о неправомерности принятых им решений». В том же отчете сообщалось о поведении обоих наших претендентов: «Следует отметить, что Г. К. Каспаров во время переговоров вел себя корректно, но многими своими действиями (*/ Ю. А.)* давал понять, что он хочет играть матч с Корчным, в том числе и в Пассадине. (так в тексте.— *Ю. А.)* В дальнейших беседах с руководством Спорткомитета СССР Г. К. Каспаров согласился с позицией Комитета при условии, что вопрос о двух матчах претендентов будет рассматриваться в комплексе. В. В. Смыслов во время переговоров молчал, однако по окончании заявил, что «я пойду на все, чтобы получить возможность играть матч в Абу-Даби, несмотря на несправедливость решения президента ФИДЕ. Мне в 62 года терять нечего, и это, возможно, последний шанс выступить в чемпионате мира».

Особая позиция Смыслова, отличающаяся от линии, проводимой Спорткомитетом, представлена и в секретной записке заведующего отделом пропаганды ЦК Б. Стукалина: «По сообщению Спорткомитета СССР, Г. Каспаров в целом занимает правильную позицию, поддерживает требование Шахматной

федерации СССР о пересмотре решений президента ФИДЕ по обоим матчам, в том числе о невозможности проведения матча в г. Пасадине. В. Смыслов, также поддерживавший требование нашей шахматной федерации, в настоящее время высказывается за участие в матче в г. Абу-Даби. С ним ведется соответствующая работа, с тем чтобы он вернулся к своей первоначальной позиции».

Увидев, что его поединок с Рибли на грани срыва, Смыслов отправил телеграмму Генеральному секретарю ЦК партии Ю. Андропову с просьбой вмешаться, но тот уже был серьезно болен, и телеграмма оказалась на столе у Грамова. Он вызвал экс-чемпиона мира и провел «соответствующую работу», откровенно пригрозив:

— Вашу репутацию, Василий Васильевич, трудно заслужить, но очень легко потерять!

Несмотря на шумную кампанию, поднятую в нашей спортивной прессе, Кампоманес был тверд, как скала. Более того, когда ни Каспаров, ни Смыслов на место игры не прибыли, он засчитал им поражения и объявил победителями Корчного и Рибли. Однако на этом история не закончилась...

О том, что произошло дальше, можно прочесть в книгах В. Батуринского, А. Карпова и Г. Каспарова.

Как утверждает Батуринский, «остыв от полемическогр азарта, Кампоманес, видимо, понял, что с дисквалификацией Каспарова и Смыслова он переборщил».

Иначе трактует произошедшее Карпов: «Дальнейшие перипетии этой истории чрезвычайно сложны. Закончилась она для нашей федерации и Спорткомитета позором. Чтобы спасти матчи, в которых Каспарову и Смыслову без игры были зачтены поражения, руководству ФИДЕ были представлены официальные письменные извинения и выплачен штраф в 160 тысяч долларов».

Л Каспаров рассказывает, что он позвонил тогда Гейдару Алиеву, ранее — первому секретарю Компартии Азербайджана, а в то время первому заместителю председателя Совета Министров СССР (он курировал спорт) и изложил суть дела. Тот его обнадежил, сказав, что матч обязательно состоится.

Видимо, в партийно-государственной иерархии Гейдар Алиев оказался сильнее Бориса Стукалина или даже большого поклонника Карпова секретаря ЦК по идеологии Михаила Зимянина. Все политические доводы были похерены, и колесо стремительно начало вертеться в обратном направлении.

Как по мановению волшебной палочки, закончилась кампания против президента ФИДЕ, развернутая в нашей печати. Каспарова отправили играть на международный турнир в

Никшич, где он заручился поддержкой ряда ведущих гроссмейстеров, и даже позволили ему встретиться с Корчным, чтобы обсудить условия, на которых последний согласен играть полуфинальный матч. Большую помощь бакинцу оказал гроссмейстер Раймонд Кин, занимавший в ФИДЕ пост секретаря Совета игроков. Он не только вел дипломатические переговоры, но и нашел в Лондоне спонсоров, готовых провести оба поединка.

В тоже время из Спорткомитета за подписью Грамова ушло в ЦК очередное секретное письмо, в котором сообщалось о проделанной работе и переговорах с Кампоманесом по поводу проведения матчей претендентов: «...президент ФИДЕ просит, чтобы Шахматная федерация СССР направила ему письмо о снятии своего протеста с повестки дня конгресса ФИДЕ, что позволило бы Кампоманесу, используя права президента в период между конгрессами, принять решение о проведении матчей в кратчайший срок (проект письма, согласованный с президентом ФИДЕ прилагается). Одновременно в ФИДЕ должен поступить телекс о готовности советской федерации, при положительном решении вопроса, перевести ФИДЕ 60 тыс. ам. долларов в качестве частичной компенсации за несостоявшиеся матчи в Пасадине и АбуДаби».

Надеюсь, дорогие читатели, вы обратили внимание на сумму в 160 тысяч, указанную Карповым, и 60, названную в этом письме. Разницу пришлось оплатить проведением двух семинаров за наш счет для шахматистов развивающихся стран.

Кульминацией всей этой неприглядной истории явился состоявшийся в ноябре того же года конгресс ФИДЕ. Он прошел в Маниле, на родине нового президента этой международной организации. На нем было зачитано покаянное письмо президента нашей федерации В. Севастьянова, в котором, в частности, сказано следующее: «Шахматная федерация СССР **понимает,** что в соответствии с существующими правилами и регламентами президенту ФИДЕ дано право между конгрессами принимать решения по вопросу о месте проведения матчей претендентов...»

Был оглашен телекс Грамова: «Я надеюсь, что возникшее между нами и имевшее существенный характер недоразумение теперь устранено и не будет влиять на наше дальнейшее сотрудничество на пользу шахмат».

И Кампоманес с понятным торжеством резюмировал: «Так как Шахматная федерация **СССР теперь поняла,** что правила ФИДЕ представляют право решать между конгрессами вопрос о месте проведения матчей претендентов, в связи с единодушным мнением Исполкома ФИДЕ и заручившись согласием всех

заинтересованных сторон, я рассматриваю заново возможность вскоре организовать полуфинальные матчи».

Выступивший на конгрессе делегат от Швейцарии заявил, что Корчной готов играть с Каспаровым полуфинальный матч, но ставит следующие условия:

Шахматная федерация СССР должна

извиниться за срыв матча и подготовки Корчного,

гарантировать, что при переигровке призовой фонд матча будет не меньше чем в Пасадине,

письменно подтвердить, что прекращает бойкот Корчного.

Текст принятой по предложению Р. Кина резолюции гласил:

«Генеральная ассамблея превозносит спортивное поведение гроссмейстеров Корчного и Рибли, согласившихся переиграть полуфинальные матчи, и предлагает, чтобы все бойкоты, особенно гроссмейстера Корчного, должны быть немедленно отменены».

Позднее, уже в Лондоне, во время полуфинальных матчей Энтони Майлс, интервьюируя Корчного, спросил:

А русские извинились перед вами?

На это Виктор, ухмыльнувшись, ответил:

— Деньги — лучшая форма извинения!

Советскую федерацию в Маниле представляли Севастьянов, Карпов, Чибурданидзе и Крогиус. Впервые за девять лет Спорткомитет меня на конгресс не послал. Однако я нисколько об этом не жалел. Впервые в истории ФИДЕ наша делегации оказалась в таком унизительном положении. Все они выглядели провинившимися школьниками, которые просят прощения за содеянную шалость. И Кампоманес не раз давал им это почувствовать. Когда, например, Крогиус предложил решить вопрос о месте проведения полуфинальных матчей прямо на конгрессе, президент ФИДЕ прервал его, заявив, что Генеральная ассамблея предоставила ему право решить этот вопрос, что он и намерен сделать. А когда Чибурданидзе робко попросила, чтобы призы в чемпионатах мира среди женщин были больше, Кампоманес ответил, что с такими просьбами следует обращаться к организаторам.

Так из чего же разгорелся весь этот сыр-бор, в котором с нашей стороны оказались задействованы столь высокие партийные и спортивные инстанции?

Заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Б. Стукалин объяснял Каспарову, что на карту поставлен престиж Советского Союза, что мы — великая страна и не позволим, чтобы нам диктовали условия.

Несомненно, играла роль и политическая обстановка того

времени. Наши войска вторглись в Афганистан. Это обострило обстановку во всем мире, но, в первую очередь, привело к резкому ухудшению советско-американских отношений, в том числе и в области спорта. США бойкотировали Олимпийские игры в Москве, а мы, позднее, в Лос-Анджелесе. Выбор президентом ФИДЕ американского города для поединка Каспарова с Корчным, факт, в общем, незначительный, еще подлил масла в огонь. Не исключаю, что Спорткомитет, а может быть, наши идеологи решили нажить на этом политический капитал. Однако сам Каспаров считал все эти поводы лишь дымовой завесой, а истинная цель срыва матча — не допустить в этом цикле его встречу с Карповым.

Характерно, что, заявления Шахматной федерации СССР с нападками на президента ФИДЕ делались через нашу голову, и члены Президиума федерации о них даже не извещались. Как-то мне позвонил заместитель главного редактора газеты «Советский спорт» Семен Близнюк и предложил прокомментировать одно из таких заявлений, о котором ни я, ни мои коллеги по Президиуму понятия не имели.

Пусть заявление комментируют те, кто его писал! — с раздражением бросил я.

Можно передать твои слова Ивонину? — раздалось в трубке.

Через пару дней я узнал, что Ивонин звонил директору издательства «Физкультура и спорт» Жильцову и предложил отправить меня на пенсию...

Подводя итог конгресса в Маниле, приходится заключить, что Кампоманес на все сто процентов использовал создавшуюся ситуацию для поднятия своего авторитета. Всему шахматному, да и не только шахматному миру он показал, что может «утереть нос» даже такой мощной федерации, как наша, и поставить ее на место!

На фоне «воскрешения» полуфинальных матчей в Маниле как-то незаметно оказались приняты подготовленные Кампоманесом новые правила матчей на первенство мира. Во всяком случае в официальных документах ФИДЕ о каких-то спорах или дискуссиях по этому вопросу нет ни слова. А между тем новые правила значительно расширили права президента. Раньше в них был только следующий пункт: «Президент ФИДЕ персонально и официально отвечает за весь матч, включая его подготовку и завершение». Теперь же появился еще один: «Президент представляет интересы ФИДЕ и уполномочен принимать **окончательные** решения по всем вопросам, связанным с матчем».

И самое удивительное — советская делегация, которая ранее

всегда решительно выступала против расширения прав президента ФИДЕ в матчах на первенство мира, на этот раз сидела тише воды, ниже травы и безмолвно согласилась на то, чтобы вся полнота власти сосредоточилась в руках Кампоманеса.

Как он воспользовался этой властью — известно...

Надеюсь, теперь все разобрались в сложной и запутанной истории, связанной с попытками срыва и «воскрешения» полуфинальных матчей на первенство мира. Истории, которая, конечно, нанесла урон авторитету и престижу Шахматной федерации СССР.

Наверное, интересен и другой вопрос — был ли кто-нибудь наказан за попытки интриги, да и за понесенные расходы?

Относительно пострадал лишь один человек — Ивонин. Его сняли с должности зампреда Спорткомитета и перевели на другую работу — назначили директором «Спортлото»! Тем самым отпал вопрос и о моем уходе на пенсию...

В Лондоне и Вильнюсе

Благодаря усилиям энергичного и предприимчивого Раймонда Кина, поддержанного весьма влиятельным журналистом Домиником Лоусоном, сыном министра финансов в кабинете «железной леди», оба полуфинальных матча состоялись в ноябре в Лондоне. Основным их спонсором была компьютерная фирма «Акорн».

Наша делегация выехала в Лондон в прежнем составе. Каспарова сопровождала мама Клара Шагеновна и тренеры А. Никитин, Е. Владимиров и Г. Тимощенко. Возглавлял делегацию бакинский профессор Я. Зейналлы. У него был заместитель В. Литвинов. В делегацию также входили врач и переводчица, выделенная Спорткомитетом. Когда мы приехали в Лондон, там оказался А. Рошаль. Как выяснилось, рвался в Лондон и Карпов, но по просьбе Каспарова Спорткомитет его не пустил. Чемпион мира очень этим возмущался, но, в принципе, учитывая взаимоотношения Карпова и Корчного, это решение было правильным. Если Спорткомитет хотел, чтобы матч Каспаров — Корчной проходил в нормальной обстановке, дразнить гусей не стоило.

Жеребьевка обоих матчей прошла на Даунинг-стрит, в резиденции Министра финансов Великобритании Н. Лоусона. В первой партии оба наши шахматиста вытащили белый цвет. Матчи проходили в отеле «Great Eastern» на одной и той же сцене, только в разные дни. Первыми начали Каспаров с Корчным.

Репортеры и фотографы, собравшиеся на открытие соревнования, были явно разочарованы, что не произошло никаких инцидентов, если не считать следующего: когда Стюарт Ройбен, один из членов Оргкомитета, взял под локоть Корчного, чтобы помочь ему подняться на сцену, тот отдернул руку и огрызнулся:

Вы что, считаете меня психом?

Обратили журналисты внимание и на то, что расставленные на сцене корзины цветов были немедленно убраны.

Нечего здесь устраивать деревенскую выставку цветов! — заявила Петра Лееверик, жена и руководитель делегации Корчного, и потребовала их убрать.

После того, как Кин представил участников, Тим Райе, один из авторов знаменитого мюзикла «Чесс», передвинул за Каспарова ферзевую пешку на два поля и пустил часы. Борьба началась.

Поскольку никакого отношения к команде Каспарова я не имел, поделюсь своими впечатлениями об этом поединке как

зритель. Меня, например, поразило, что, затратив много времени на обдумывание в начале партии, Каспаров играл неуверенно и не получил никакого преимущества. Скорее наоборот, позиция Корчного выглядела более привлекательной. Вероятнее всего, что молодой бакинец не мог преодолеть предстартовой лихорадки, может быть, даже «перегорел» перед стартом.

Полагаю, что в возникшем положении Смыслов, например, нашел бы пути, как удержать позицию, но Каспарову это сделать не удалось. Когда он протянул сопернику руку в знак признания своего поражения, в зале раздались аплодисменты. Так публика отметила и победу Корчного, и спортивное, корректное поведение Каспарова.

Следующие четыре партии прошли в позиционной борьбе. Бакинец приглушил свой темперамент и вел борьбу в стиле Петросяна — не рвался, не старался немедленно переломить обстановку, а терпеливо ждал своего часа. Корчной же, имея очко в запасе, придерживался той же тактики. Однако, несмотря на внешне спокойную игру, напряжение в матче нарастало, и следовало ожидать взрыва. Он и произошел в шестой партии. Несмотря на то, что уже в дебюте противники разменяли ферзей, накал борьбы нисколько не угас. Корчной избрал крайне рискованное продолжение — выиграл пешку, но позволил Каспарову образовать пару опасных проходных. Партия была отложена в остром положении, и при доигрывании возник ладейный эндшпиль с проходными пешками у обеих сторон. По своему опыту знаю, что такие окончания требуют точного расчета, крепких нервов и редко проходят безошибочно. К тому же ставка была исключительно высока. Обе стороны играли не самым лучшим образом, но в конце концов Каспарову удалось сломить сопротивление соперника. Счет сравнялся.

Удивительное это явление — психология шахматной борьбы. Все говорило за то, что после двух дней напряженной схватки и бессонной ночи домашнего анализа Корчной возьмет тайм-аут, но он этого не сделал. Неужели злость после поражения настолько ударила ему в голову, что помешала, трезво рассуждая, принять правильное решение и устроить себе день отдыха?

В седьмой партии снова возник острый эндшпиль, требовавший, в первую очередь, хладнокровия и спокойствия, а этого Корчному явно не хватало.

Было на глаз видно, что воодушевленный предыдущей победой бакинец полностью обрел веру в себя, играл безошибочно, с большим напором. Для того чтобы удержать равновесие, Корчному требовалось проявить железное хладнокровие и спокойствие, но в тот день он был не в ударе. И

Каспаров одержал вторую победу подряд. Колесо фортуны резко повернулось. Теперь уже Корчной оказался в роли догоняющего.

На финише противостоять возрастающему напору своего юного противника ему не удалось. Из последних четырех встреч белыми Каспаров выиграл обе, а черными в обеих сумел удержать равновесие. Окончательный счет матча 7 : 4 в его пользу. Неожиданным в матче оказалось то, что Каспаров не только не уступал своему более опытному сопернику в позиционной борьбе и в эндшпиле, но нередко даже превосходил его в этом.

На заключительной пресс-конференции он признался, что при подготовке к матчу главное внимание уделил повышению своего класса игры в эндшпиле, понимая, что его противник будет к нему стремиться. И явно в этом преуспел.

Матч Смыслов — Рибли проходил в ином плане. На старте соперники сразу же обменялись ударами. В первой встрече после доигрывания победил Смыслов. В эндшпиле он малыми силами начал искусно создавать угрозы королю противника. Партия была отложена, и при домашнем анализе мы установили, что если записанным ходом Рибли пожертвует пешку, то получит большие шансы на ничью. Однако он записал другой ход, после которого атака экс-чемпиона мира стала неотразимой.

Во второй партии, играя черными, Смыслов попал в трудное положение, к тому же в поисках лучших продолжений потратил много времени и оказался в цейтноте, в котором упустил хорошую возможность спастись. Когда контроль времени прошел, он признал свое поражение.

В следующих двух встречах Смыслову пришлось отражать активные действия соперника. Аккуратно защищаясь, он в обеих партиях добился ничьей. Пятая партия снова оказалась результативной. Применив заранее подготовленную новинку, экс-чемпион мира получил сильную атаку, которую провел с поистине юношеской энергией. Пожертвовав слона, затем ладью, он выиграл ферзя, после чего игра была окончена.

Хладнокровной защитой удержав равновесие в шестой партии, в седьмой Смыслов снова вышел на тропу войны, вынув из кармана еще одну новинку. Рибли попытался завязать осложнения, но, остроумно сочетая атаку с защитой, Смыслов сломил его сопротивление.

При перевесе в два очка, в дальнейшем играя «по Петросяну» и не дав противнику никаких шансов, Смыслов свел четыре последние встречи вничью и закончил матч со счетом 6,5 : 4,5.

В целом он вел борьбу лучше, а главное, спокойнее своего более молодого соперника, который заметно нервничал и часто оказывался в цейтноте.

За сравнительно короткий срок, что отделял полуфинальный матч от финального, Смыслову предстояло не только восстановить свои силы и творческий потенциал, но и подготовить что-то новое в области дебюта. Для нас не было секретом, что Каспаров обладает поистине энциклопедическими познаниями в дебюте, имеет целый ряд собственных разработок и нередко получает большой, а то и решающий перевес уже в начальной стадии партии. За белых было решено начинать партию ходом ферзевой пешки и главное внимание уделить защите Тарраша, которую соперник с успехом не раз применял раннее. В этом дебюте Смыслову пришла в голову одна весьма оригинальная идея, и мы с Купрейчиком, как могли, помогали в ее разработке.

Намного труднее оказалась задача подготовить дебютный репертуар за черных. Мы не сомневались, что к излюбленной Смысловым славянской защите Каспаров будет готовиться самым тщательным образом, поэтому экс-чемпион мира сразу же исключил ее из своего репертуара. Под сомнением оказалась и защита Шлехтера, которую он применял в матче с Рибли. Было ясно, что Каспаров может к ней подготовиться. После многих поисков решили остановиться на кэмбридж-спрингской защите. Она в репертуаре Смыслова почти не встречалась (исключение — партия с Рибли в межзональном турнире, закончившаяся, кстати, в пользу венгра).

Итак, защита Тарраша и атака Пильсбери (так еще величают кэмбридж-спрингскую защиту) — два старинных классических дебюта, разработанные еще лет 80 назад,— вот основные дебютные системы, на которые поставил экс-чемпион мира. Забегая вперед, скажу, что из 13 партий больше половины — 8 были сыграны именно этими началами. Однако результат встреч оказался неутешительным — три поражения и пять ничьих. Что и говорить, маловато. Впрочем, противником Смыслова являлся второй шахматист мира, а фактически (правда, это выяснилось годом позже) первый. И причина неудачи экс-чемпиона — отнюдь не игра в дебюте.

Разведки боем в матче не было. Уже в первых двух встречах развернулась борьба чрезвычайно высокого накала, завершившаяся ничейными результатами. В первой инициатива была у Каспарова, но Смыслов сумел ее нейтрализовать, во второй эксчемпион мира продемонстрировал свою подготовку, осуществив новый стратегический план. Встретившись с неприятной неожиданностью, Каспаров, однако, не растерялся, защищался очень находчиво и смог парировать все угрозы.

В первую, но особенно во вторую партию Василий Васильевич

вложил максимум сил и нервной энергии и, как мне кажется, не успел полностью восстановиться.

Виной был его возраст — когда ты в расцвете сил, достаточно хорошо выспаться после напряженной схватки, чтобы привести в порядок силы и нервы; когда же тебе за шестьдесят, на это нужно несколько дней, а то и неделя. Иначе не объяснишь явный спад, вдруг возникший в игре экс-чемпиона мира. Не умаляя успех юного бакинца, приходится признать, что третью и в большей степени четвертую партию Смыслов провел значительно ниже своей силы, не проявил присущей ему изобретательности и обе проиграл.

Нетрудно представить себе состояние Смыслова, пропустившего в свои ворота два гола подряд. Однако, взяв тайм-аут, он пришел в себя и стал продолжать борьбу как ни в чем не бывало. Следующие четыре встречи завершились вничью.

Обращала на себя внимание рациональная тактика, избранная бакинцем на этом отрезке матча. Добившись перевеса в два очка, Каспаров играл исключительно надежно, особенно черными, стремился к спокойным позициям.

Во второй половине матча Смыслов пытался переломить неудачный ход событий. Ему нужно было выиграть хотя бы одну партию, но сделать это он так и не смог. Каспаров же сумел еще два раза добиться успеха, и общий итог матча стал 8,5 : 4,5 в его пользу.

Экс-чемпиону мира не в чем винить себя. Он отважно сражался, с азартом, вел борьбу, много рисковал. Однако на этот раз фортуна оказалась не на его стороне. Увы, как правило, она бывает благосклонной к более молодым. В напряженной борьбе решал запас нервных сил, а здесь явное преимущество было на стороне бакинца, тем более — и это показал старт матча — Смыслову не удалось полностью восстановиться после утомительных полуфинальных поединков.

Сказанное, конечно, нисколько не умаляет убедительной победы Каспарова — четыре выигрыша при девяти ничьих и ни одного проигрыша. Весьма знаменательно, что результат сражения почти полностью повторяет итог знаменитого матча на первенство мира Капабланка — Ласкер — 9:5 (+4 = 10), игранного в 1921 году в Гаване. Только молодой кубинец был на 12 лет старше Каспарова, а старый Ласкер — на 10 лет моложе Смыслова!

Гарри Каспаров мог быть довольным не только спортивными, но и творческими итогами финального матча претендентов. Он искусно проводил атаку, изобретательно играл в защите, тонко разыгрывал эндшпиль. И все-таки главный итог этого матча —

спортивный — наконец-то у Карпова появился грозный конкурент в борьбе за высший шахматный титул. Внимательно наблюдая за игрой Каспарова в претендентских матчах, становилось очевидно, как он растет от соревнования к соревнованию, как расширяется его творческий диапазон, как оттачивается в борьбе его техника. И шахматный мир с нетерпением стал ожидать поединка молодого бакинца с трехкратным чемпионом мира.

Тринадцатый чемпион

О противоборстве Каспарова и Карпова написано столько, что, кажется, ничего нового добавить уже нельзя. Тем не менее я все-таки попытаюсь это сделать, поделюсь некоторыми своими наблюдениями, познакомлю с кое-какими фактами, неизвестными любителям шахмат.

Начну с первого поединка двух выдающихся шахматистов современности, в котором я принимал самое непосредственное участие в качестве арбитра. Напомню, что главным арбитром был назначен гроссмейстер Светозар Глигорич, а арбитрами международный мастер Владас Микенас (позднее он был удостоен звания гроссмейстера «гонорис кауза») и я.

Арбитров выбрали в результате процедуры, зафиксированной в регламенте соревнования. Сначала президент ФИДЕ разослал соперникам список из 10—12 арбитров, рекомендованных ФИДЕ, Каспаров и Карпов должны были расставить их в порядке предпочтения. Затем из выбранных арбитров президент формировал судейскую коллегию. Кроме этого он утвердил апелляционное жюри. В случае, если кто-то из соперников не согласится с решением арбитров, он может его опротестовать, подав жюри официальный протест. Решение жюри не является окончательным и может быть отменено президентом ФИДЕ, отвечающим за матч.

Назначив сопредседателями жюри членов Исполкома ФИДЕ Р. Торана (Испания) и А. Кинцеля (ФРГ), Кампоманес предоставил нашей федерации право выбрать двух других его членов. Одним из них стал член Президиума федерации Е. Питовранов, бывший генерал КГБ. Вторым — тогдашний президент федерации назвал себя.

— Всем известно, что Карпов мне друг! — с пафосом заявил он.— Но как президент федерации я смогу быть нейтральным и объективным.

Увы, как впоследствии выяснилось, на финише матча Севастьянов отнюдь не был нейтральным, а активно поддерживал своего друга и земляка. Правда, справедливости ради отмечу, что у апелляционного жюри работы не оказалось: никаких протестов на действия или решения судьи не поступало.

Перед началом поединка большинство обозревателей расценивали шансы чемпиона значительно выше: Карпов был намного опытнее и находился в самом расцвете сил. Однако вряд ли ктонибудь ожидал, что уже после девяти встреч счет станет 4 : 0 в его пользу.

А ведь матч игрался до шести побед. Казалось, что все решено и будет сыграно не более двадцати партий.

В этой критической ситуации молодой бакинец резко изменил тактику борьбы, прекратил действовать агрессивно, стал играть предельно осторожно, избегая всякого риска. Чемпиона мира, имевшего большой перевес в очках, такое развитие событий, видимо, тоже устраивало. Не исключаю, он мог полагать, что яблочко с дерева упадет само собой.

В результате партнеры установили своеобразный рекорд — сделали 17 ничьих подряд. Такого в матчах за шахматную корону еще не было!

Стратегическую линию, проводимую претендентом, можно сформулировать так: он как бы предлагал своему сопернику — попробуй у меня выиграть, если я не буду идти вперед, буду стараться только не проиграть.

Конечно, если бы Карпов пошел на обострение борьбы, на обмен ударами, то даже проиграв несколько встреч, он сумел бы победить еще в двух партиях, а следовательно, и в матче. Однако чемпион мира хотел не просто победить, он, видимо, замыслил выиграть матч с сухим счетом 6 : 0. Казалось, что это ему удастся: после блестяще проведенной им двадцать седьмой партии счет стал 5 : 0. Осталось только нанести последний, решающий удар.

А между тем матч затянулся. Поскольку трех арбитров оказалось более чем достаточно (согласно правилам, на сцене обязан присутствовать хотя бы один из нас), за это время я успел съездить на неделю в Салоники на очередной конгресс ФИДЕ, затем неделю играл в Варшаве в матче Москва — Варшава — София, а поединок все никак не заканчивался. Как воздушный гимнаст, Каспаров балансировал на тонкой проволоке, раскачивался, но не падал. После того, как в 31-й партии Карпов упустил свой шанс реализовать лишнюю пешку, в 32-й Каспаров одержал первую победу. Это произошло на 94-й день после начала соревнования. Счет в матче стал 5:1.

Что же помогло Каспарову удерживаться на краю пропасти?

Месяцами наблюдая за ним на сцене, я обратил внимание на то, что оказалось совершенно незамеченным его партнером. Тяжелые испытания, выпавшие на долю Каспарова в первые месяцы матча, незаметно превратили его из немного разболтанного бакинского юнца в целеустремленного, уверенного в себе мужчину. Было заметно, что у него изменилась даже походка. Теперь он выглядел как настоящий, закалившийся в горниле схватки боец. Не исключаю, что в этом перевоплощении сыграл свою роль известный парапсихолог Дадашев. Говорили, что он впервые появился в зале, когда счет в матче стал 4 : 0. А Е.

Гик в «Шахматных байках» утверждает, что Гарику помогла... Алла Пугачева, которая болела за молодого претендента и при счете 4 : 0 явилась к нему в гостиницу и то ли посоветовала, то ли приказала:

— Сейчас надо делать побольше ничьих. Сделай их сорок штук,— будто бы уточнила Алла Борисовна.

После 32-й партии стало заметно, что в борьбу вмешался еще один фактор — физическая и нервная усталость чемпиона мира.

В матче снова наступил «штиль». Ничьи следовали одна за другой. Правда, в 41-й партии Карпов снова мог закончить борьбу, но, по его словам, «не смог рассчитать до конца последствия жертвы фигуры».

После 47-й партии, выигранной Каспаровым, и счета 5 : 2 началось что-то непонятное. Во-первых, было решено перенести игру из Колонного зала Дома Союзов в гостиницу «Спорт», находящуюся довольно далеко от центра столицы. Во-вторых, в связи с необходимостью подготовить новое помещение для игры был объявлен технический тайм-аут, который длился ни много ни мало, как одиннадцать дней. Нетрудно догадаться, в чью это было пользу. В-третьих (об этом позднее писал Каспаров), отвечающий за соревнование Кампоманес провел совещание, на котором присутствовали представители соперников, главный арбитр Глигорич и председатель апелляционного жюри Кинцель. На этом совещании президент ФИДЕ предложил ограничить дальнейшую игру восемью партиями. Если за это время ни один из соперников не достигнет шести побед, то матч завершается, Карпов остается чемпионом, но через восемь месяцев со счета 0 : 0 начнется новый матч.

Каспаров, по его словам, с этим предложением категорически не согласился.

В это время Кампоманес уехал из Москвы. Переговоры продолжал Кинцель совместно с Глигоричем, хотя, как мне кажется, главный судья ни в коем случае не должен был в них участвовать. Так именно он передал Каспарову условия, на которых чемпион мира готов прекратить матч.

Каспаров признает себя побежденным.

Новый матч начнется через 8 месяцев со счета 0 : 0. Если Каспаров победит в нем с перевесом в три очка или менее, он становится чемпионом мира до 1 января 1986 года, так как не доказал превосходства над Карповым по сумме двух матчей. Затем звание возвращается Карпову, а Каспаров играет в претендентских матчах.

Если Каспаров выиграет матч с перевесом в четыре очка и более, то он становится чемпионом мира и обязуется в 1986 году

защищать свое звание в матч-турнире трех (против Карпова и победителя претендентского цикла).

Несмотря на нажим Глигорича и особенно Кинцеля, Каспаров отказался даже обсуждать эти условия, которые он считал для себя оскорбительными. День проходил за днем, а игра все не начиналась. Тогда Каспаров написал письмо председателю Оргкомитета матча П. Н. Демичеву, министру культуры СССР и кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС.

Через пару дней между ними состоялся телефонный разговор. Как пишет Каспаров, Демичев сказал, что состояние здоровья участников вызывает тревогу, и что длительный перерыв им обоим пойдет на пользу. И добавил, что игру нужно вести честно и что нельзя «добивать лежачего»!

48-я партия, которой суждено было оказаться последней в этом «марафоне», игралась в гостинице «Спорт». Каспаров провел ее очень сильно и одержал третью победу. Создавалось впечатление, что перерыв в матче больше пошел ему на пользу, чем чемпиону мира.

Позднее выяснилось, что после окончания этой партии Глигорич от имени Кинцеля позвонил в Дубай, где находился в это время Кампоманес, занимавшийся подготовкой Олимпиады, и попросил его немедленно вернуться в Москву. По словам Р. Кина, ставшего свидетелем этого разговора, положив трубку, президент ФИДЕ сказал:

— Карпов не может продолжать игру!

Пока Кампоманес летел в Москву, должна была состояться 49-я партия, но здесь неожиданно тайм-аут взял Каспаров, как он утверждает, для того, чтобы как следует подготовиться к следующей встрече.

Утром того дня, когда должна была состояться эта партия, мне сообщили, что игры не будет: технический тайм-аут взял... президент ФИДЕ, что, кстати сказать, никак не было предусмотрено регламентом соревнования.

А затем появилось письмо, написанное на бланке Шахматной федерации СССР президентом федерации В. Севастьяновым, обращенное к президенту ФИДЕ, о котором я, будучи первым вицепрезидентом, понятия не имел.

Шахматная федерация СССР Президенту ФИДЕ г-ну Кампоманесу

Учитывая беспрецедентную длительность матча на первенство мира по шахматам между А. Карповым и Г. Каспаровым, который продолжается свыше пяти месяцев и в котором уже сыграны 48 партий (то есть два матча по старым правилам), Шахматная федерация СССР, выражая беспокойство о

состоянии здоровья участников просит объявить на матче трехмесячный перерыв. Как известно, в соглашении о безлимитном матче Фишер — Карпов (1976) предусматривался перерыв после четырех месяцев игры. Это положение было включено на основании мнений специалистов здравоохранения. А матч, как уже отмечено, Карпов — Каспаров продолжается дольше. Отметим также, что предложение о перерыве не противоречит Уставу ФИДЕ и регламенту матча и полагаем, будет с удовлетворением встречено мировой шахматной общественностью.

Ваше положительное решение будет способствовать интересам развития шахматного творчества.

С уважением,

Председатель Шахматной федерации СССР, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. И. Севастьянов

13 февраля 1985 года

Письмо это написано от имени федерации, но, кроме, пожалуй, Батуринского, бывшего одновременно заместителем председателя федерации и руководителем команды Карпова, никто из президиума федерации о нем не знал и не ведал. Кстати, в письме, говоря «как известно», Севастьянов ссылается на соглашение о безлимитном матче Фишер — Карпов (1976).

Но это соглашение было тайным, переговоры проходили в обстановке строжайшей секретности, и я, например, будучи в руководстве федерации, о них понятия не имел.

Как пишет Каспаров: «Нет нужды говорить, что никто не спрашивал моего согласия на это письмо и тем более не интересовался моим здоровьем (сам Севастьянов ни разу за весь матч даже не переговорил со мной).

Меня известили постфактум, причем иностранцы!»

Можно представить себе настроение претендента, когда он прочитал это письмо. Каспаров попытался предложить свои варианты окончания матча, но, не вступая в дискуссию, президент ФИДЕ заключил:

— Я сам приму решение!

И уже следующий день стал последним в этом марафонском состязании.

Рано утром мне, как судье матча, сообщили, что я должен быть в гостинице «Спорт», где состоится пресс-конференция президента ФИДЕ.

Зал, вмещающий несколько сот человек, был полон. Журналисты, как наши, так и иностранные, телевизионщики, киношники.

Карпова не видно, а Каспаров со своими тренерами

присутствует. В президиуме в первом ряду президент ФИДЕ, Глигорич, Севастьянов, Кинцель, Крогиус, представитель МИДа. Мы с Микенасом сидим во втором ряду.

Представитель МИДа открывает пресс-конференцию и предоставляет слово Кампоманесу. Он подходит к микрофону и после небольшого вступления объявляет:

По регламенту матча президент лично и официально отвечает за весь матч и тем самым уполномочен принимать окончательное решение по всем вопросам, касающимся матча в целом. Вследствие этого я объявляю, что матч закончен без выявления результата. Новый матч начнется со счета 0 : О 1 сентября 1985 года.

В этот момент из зала кто-то спросил:

С чьего согласия?

С согласия обоих участников. Следующий конгресс ФИДЕ в августе решит дальнейшие вопросы об этом матче — его победитель станет чемпионом на 1985/86 год. Благодарю за внимание.

Кампоманес еще не закончил свое выступление, как вдруг из-за шторы я услышал голос:

Юрий Львович! Юрий Львович!

Я повернулся и увидел бледного Анатолия Евгеньевича.

Что он говорит? — продолжал Карпов.— Мы совсем о другом договорились!

Как позже выяснилось, чемпион мира сидел в машине и по радиотелефону слушал выступление президента ФИДЕ. То, что он услышал, его потрясло, и он поспешил в зал. А зал шумел. Со всех сторон на Кампоманеса посыпались вопросы, на которые он едва успевал отвечать.

И тут, как в хорошем драматическом спектакле, в зале появился Карпов. Чемпион мира поднялся на сцену, занял место в президиуме и взял микрофон:

Я должен сказать,— объявил Карпов,— как это по-русски говорится, слухи о моей смерти были несколько преувеличены. Я считаю, что мы сможем и должны продолжать матч, потому что предложение прекратить его и начать на равных условиях меня не устраивает. Я считаю, что мы должны с понедельника начать... то есть не начать, а продолжать наш матч. Я думаю, что Каспаров поддержит это предложение и никакой проблемы быть не должно.

Зал ответил на эти слова аплодисментами.

Каспаров тоже был против прекращения матча.

Тогда был объявлен перерыв, чтобы Кампоманес мог встретиться и переговорить с участниками соревнования. Мне пришлось присутствовать на этих Переговорах, но, как арбитр, я в

них не вмешивался. Переговоры продолжались около двух часов. Помню, что Севастьянов уговорил Карпова согласиться с решением президента ФИДЕ и письменно это подтвердить. Чемпион мира поставил свою подпись при условии, что за ним сохраняется право на матч-реванш. Каспаров заявил, что подчиняется решению президента, но подтвердить это своей подписью отказался.

Затем Кампоманес вышел в зал и сообщил об итогах переговоров. На этом пресс-конференция закончилась...

Конечно, сказанное в зале — всего лишь верхушка айсберга. Основные события произошли за кулисами. Судя по словам, сказанным мне чемпионом, перед пресс-конференцией он договорился с Кампоманесом о каком-то более благоприятном для него окончании матча. Весьма вероятно о том, что следующий матч начнется при счете 2 : 0 в его пользу. То, что он услышал, не совпадало с тем, о чем они договорились. Это значило, что в самый последний момент силы, поддерживающие Каспарова (скорее всего Гейдар Алиев, бывший тогда первым замом председателя Совета Министров страны, к которому юному бакинцу уже приходилось обращаться за помощью), оказались сильнее, чем поддерживающий Карпова секретарь ЦК КПСС по идеологии Михаил Зимянин.

Так шахматный матч фактически закончился «перетягиванием каната» между административными и партийными структурами, в котором первые тогда перевешивали. Напомню, что все это происходило, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС «числился» Черненко.

Имел ли право Кампоманес принимать столь ответственное решение самолично? Не превысил ли он свои полномочия? Нет, не превысил! Достаточно взглянуть в правила матча, утвержденные в 1983 году в Маниле с молчаливого одобрения наших представителей — Севастьянова, Крогиуса и самого Карпова, чтобы в этом убедиться.

В пункте 6.11 черным по белому написано:

«Президент ФИДЕ (...) уполномочен принимать окончательные решения по всем вопросам, связанным с матчем.

Вот он и принял окончательное решение...

А на вопрос о том, кому же, в конце концов, оказалось на руку это решение президента, читатель может ответить сам. Приведенных фактов для этого более чем достаточно.

Хочу поделиться своими впечатлениями о зрителях, которые в течение пяти месяцев три раза в неделю, не считая дней доигрывания, заполняли Колонный зал Дома Союзов. Интерес к поединку двух «К» был огромным, билеты раскупались

моментально. Через два-три часа после начала игры зал, как правило, оказывался полон. Среди любителей можно было увидеть важных пенсионеров всесоюзного значения, таких, например, как бывший первый секретарь ЦК партии Украины Шелест, бывший первый зампред Совета министров СССР К. Мазуров и др. Нередко в зале появлялся кандидат в члены Политбюро А. Долгих. С появлением Карпова шахматы стали игрой партийной.

С судейского места хорошо было видно, что большую часть зрителей составляла молодежь, она, кстати, болела за претендента, как за более молодого.

В первых рядах с одной стороны сидела команда Карпова, с другой — Каспарова, а в самом зале можно было различить шатенов, болевших за чемпиона и брюнетов, болевших за претендента, причем последних было больше.

Невооруженным глазом можно было заметить, что среди них преобладали, как сейчас принято говорить, «лица кавказской национальности». К слову сказать, этот термин крайне неудачен: ведь нет же лиц гималайской или альпийской национальности.

Ходила молва, что в дни матча значительно возросло число командировок в Москву из Азербайджана и Армении. Брюнеты были экспансивнее, больше шумели, и арбитрам приходилось включать световой сигнал «Соблюдайте тишину». В одной из партий, закончившихся вничью, с брюнетами произошел казус — когда партнеры пожали друг другу руки, демонстратор промедлил вывесить табличку с результатом. Решив, что Каспаров наконец выиграл, они разразились оглушительными аплодисментами и были немало разочарованы, когда появилась табличка с надписью «Ничья».

Аплодисментами публика встречала соперников и перед началом игры, но кто-то из высокопоставленных болельщиков чемпиона мира заметил, что Каспарову аплодируют громче. И тогда ко мне подошел инструктор отдела пропаганды ЦК партии и приказал объявить со сцены, что перед игрой аплодисменты запрещены. Когда, выполнив партийное указание, я донес до зрителей это распоряжение, зал недовольно загудел. Впрочем, не скажу, что требование не аплодировать перед игрой строго соблюдалось.

Видимо, кому-то наверху показалось, что печать больше внимания уделяет претенденту. Поэтому в отделе пропаганды ЦК партии было созвано специальное совещание представителей центральных газет. Как главный редактор журнала был приглашен и я. Вел совещание П. Лучинский — будущий президент Молдавии. Было дано ценное указание, чтобы газеты

соблюдали максимальную объективность, и соотношение публикуемых материалов о соперниках должно быть 50 на 50. Уже в наши дни сотрудник газеты «Известия» Шмыгановский вспоминал об этом совещании:

«Лучинский сунул мне номер "Известий" с обзором, сплошь затушеванный красным и синим карандашом, и неожиданно спросил: "Неужели у вас нет других авторов?"»

Напомним, что обозревателем «Известий» во время того матча был гроссмейстер Давид Бронштейн.

«Я прикинулся "непонятливым",— пишет Шмыгановский.— Это же выдающийся шахматист, специалист!»

Лучинский схватил газету: "Перчатку, брошенную чемпионом мира, поднял претендент". Ну зачем, товарищи, так писать? Возносят тут друг друга!»

Затем досталось «Комсомолке», напечатавшей большое интервью с матерью Каспарова: причем тут мать? Зачем разжигать страсти?

Запомнился его заключительный монолог, фальшивый, как и весь «разнос».

Товарищи, вы понимаете: мы не военная организация. Может, у кого-то есть другие мнения — высказывайтесь!

Он обвел нас взглядом, помолчал немного и жестко произнес:

Ну, в общем так. То, что вы здесь услышали,— коллективное мнение ЦК КПСС».

В качестве подготовки к новому матчу Каспаров отправился в ФРГ, чтобы сыграть небольшой тренировочный матч с Р. Хюбнером. Матч этот он выиграл со счетом 4,5 : 1,5. А затем дал интервью западногерманскому журналу «Spiegel», в котором изложил свою точку зрения на то, как был остановлен матч, и на роль, которую сыграл в этом Кампоманес.

Как писал позднее Каспаров: «Интервью было единственной возможностью все открыть миру и тем самым пресечь все попытки сорвать сентябрьский матч». Однако подобное интервью, данное без разрешения так называемых компетентных органов, в данном случае Спорткомитета, как раз и могло привести к санкциям по отношению к нему и даже к срыву матча. Достаточно только вспомнить историю с Корчным.

Для обсуждения этого вопроса было назначено внеочередное заседание Президиума Шахматной федерации СССР, затем, без объяснения причин, оно было перенесено.

В то же время, как писал Каспаров: «Я обратился к руководству своей республики, и оно без колебаний согласилось помочь. Но вскоре выяснилось, что на сей раз необходима более мощная политическая поддержка, чем раньше. К счастью, после

Апрельского пленума ЦК партии к руководству пришли новые люди. Мы обратились к А. Н. Яковлеву, заменившему в тот момент Стукалина на посту заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Когда Яковлеву изложили суть проблемы, он сказал: "Матч должен состояться". Коротко и ясно...»

Каспаров прибыл на заседание Президиума федерации с мощной поддержкой: его сопровождали председатель Шахматной федерации Азербайджана Н. Ахундов и руководитель его команды на первенстве мира Ю. Мамедов.

Когда началось обсуждение, с резкой критикой Каспарова выступил секретарь Юрмальского райкома партии А. Новицкий. Его поддержал Батуринский.

И здесь слово взял Е. Питовранов, который, видимо, был в курсе произошедших событий.

— Почему мы вообще должны рассматривать этот вопрос? — сказал он.— Каспаров — член партии, пусть его первичная организация и обсуждает его поведение. Причем здесь федерация?

Точку зрения Питовранова поддержало большинство членов Президиума. Вопрос о санкциях даже не был поставлен, Каспарова пожурили и вынесли рекомендацию нашим гроссмейстерам интервью западной печати не давать.

Через шесть месяцев, в сентябре 1975 года, как и было запланировано, начался второй матч. Поначалу и на него Кампоманес утвердил ту же судейскую коллегию, что была на первом. Однако Каспаров отвел Глигорича, полагая, что тот, будучи арбитром, да еще главным не должен был принимать участия в тайных переговорах между соперниками. Тогда Карпов объявил, что отводит меня. Вскоре от Кампоманеса пришло официальное письмо. В нем он просил, чтобы я сам подал в отставку и тем самым разрядил обстановку. Требуемое прошение об отставке было послано в ФИДЕ. А вскоре Е. Гик, один из приближенных чемпиона мира, мне передал, что чемпион мира ничего против меня не имеет, но так было надо!

Ну что ж, надо так надо, хотя ощущать себя пешкой, которую бесцеремонно переставляют с места на место, не очень приятно...

За вторым матчем двух «К» после этой метаморфозы мне довелось наблюдать не со сцены, а из пресс-бюро соревнования: вместе с гроссмейстером Таймановым мы готовили книгу о двух матчах.

Мне кажется, что и во втором поединке чемпион мира имел лучшие шансы, но он не сумел их использовать. И главной причиной была недооценка соперника. Он все еще не понимал, что перед ним уже не тот бакинский юнец, с которым он играл

первый матч, а закаленный в горниле борьбы боец, получивший хорошую тренировку в первом матче.

Кстати, на старте чемпион получил серьезное предупреждение. Он проиграл первую же партию, в то время как в прерванном матче это произошло только в 32-й встрече. Да и во второй, головоломной партии он был на волосок от поражения.

Однако, выиграв в хорошем стиле две партии подряд (четвертую и пятую), Карпов захватил лидерство и, видимо, посчитал неудачу на старте не более чем досадной случайностью.

А между тем история не повторялась — несмотря на все дальнейшие попытки чемпиона развить успех, это ему не удалось: соперник бился с большим упорством. И стоило только Карпову допустить тактическую оплошность в одиннадцатой партии, как Каспаров моментально ее использовал и сравнял счет.

Вторая половина соревнования проходила с игровым перевесом у претендента. Он с блеском победил в шестнадцатой партии, а выиграв девятнадцатую встречу, увеличил разрыв до двух очков.

В этой критической ситуации чемпион мира проявил свои исключительные боевые качества. Победив в двадцать второй партии, он свел перевес соперника до минимума.

Финал матча получился зрелищным и исключительно драматичным. Все должно было решиться в последней, двадцать четвертой встрече. Чтобы завоевать высший шахматный титул Каспарову, достаточно было свести партию вничью. Карпову, чтобы остаться чемпионом, нужна была только победа. После сорока восьми партий первого матча и двадцати трех второго судьба шахматной короны решалась в одной-единственной встрече!

Эту партию соперники провели бескомпромиссно, исключительно по-боевому. Карпов в один момент мог форсировать ничью троекратным повторением позиции, что было наиболее правомерно с точки зрения логики игры. Однако законы борьбы диктовали иное, ведь ничья приводила к поражению в матче, и он принял мужественное решение продолжать борьбу. В возникших осложнениях Каспаров перехватил инициативу и победил. Таким образом, матч завершился в его пользу со счетом 13 : 11. Бакинец стал тринадцатым чемпионом мира, самым молодым в более чем столетней истории борьбы за шахматную корону.

Однако состояние эйфории, охватившее Каспарова по случаю завоевания им высшего шахматного титула, длилось недолго. Менее чем через месяц Карпов объявил, что намерен воспользоваться своим правом на матч-реванш.

Здесь нам придется вернуться к конгрессу ФИДЕ, состоявшемуся в Граце буквально за несколько дней до начала второго поединка двух «К». Дело в том, что их затянувшееся противоборство привело к тому, что матчи претендентов уже следующего цикла розыгрыша первенства мира «наезжали» на продолжавшийся спор Карпова и Каспарова. Поэтому конгресс принял с виду логичное решение начать матч-реванш возможно быстрее, не позже февраля — апреля следующего года. В этом случае, если Карпов проиграет, он успевал сразиться с победителем финального матча претендентов уже нового цикла. А ведь в правилах матчей претендентов было записано совсем другое — экс-чемпион включается в соревнование претендентов и начинает борьбу с четвертьфинального матча. Можно предположить, что, чувствуя свою вину перед Карповым за изменение условий прекращения первого матча,

Кампоманес в Граце как бы «вернул должок», но почтенные конгрессмены не могли не понимать, что их решение дает Карпову слишком большие привилегии. В самом деле, при ничейном исходе матча он, как чемпион, сохранял свое звание, в случае проигрыша имел право на матч-реванш и, наконец, в случае проигрыша матча-реванша получил право выступить сразу в суперфинальном матче претендентов.

Я уже не говорю, что это решение было несправедливо по отношению к Каспарову. Став чемпионом, он получал это звание не на год, как, например, было со Смысловым и Талем, а всего лишь на три месяца. Несправедливо оно и по отношению к претендентам — Р. Ваганяну, А. Соколову, Я. Тимману и

Юсупову.

Когда Каспаров стал чемпионом, он пытался протестовать против самой идеи матча-реванша и предложил вместо него провести матч-турнир трех: чемпиона, экс-чемпиона и победителя финального матча претендентов, что легко позволяло решить вопрос совмещения циклов и, кстати, соответствовало предложениям Ботвинника, высказанным им еще в 1949 году. Однако Карпов отверг это предложение.

Тогда Каспаров заявил, что в указанный ФИДЕ срок он за доску не сядет. Назревал новый конфликт...

На состоявшемся заседании Президиума федерации Севастьянов пытался давить на чемпиона мира, в то время как члены Президиума четко разделились на две группы: одна была за Каспарова, другая — за Карпова. И в этой сложной ситуации неожиданный выход нашла занимавшая нейтральную позицию

Тихомирова. Она предложила посадить Каспарова и Карпова в отдельную комнату, чтобы они выработали совместное

решение, когда начать матч.

Был объявлен перерыв. Соперники удалились и через некоторое время принесли подписанный ими обоими документ, что матч-реванш не может состояться раньше июля. Соглашение подписал и Севастьянов, после чего оно было единогласно поддержано всеми членами Президиума федерации.

Мне не хочется вдаваться в детали дальнейших событий, тем более, что я в них не участвовал. Скажу только, что в конце концов Кампоманес согласился, чтобы матч-реванш начался в июле. Было определено, что первая половина его пройдет в Лондоне, вторая — в Ленинграде.

Противостояние продолжается

Матч-реванш проходил не менее драматично, чем предыдущий поединок. На старте партнеры обменялись ударами — после трех ничьих Каспаров выиграл четвертую партию, но проиграл пятую. Затем после двух ничьих выиграл восьмую встречу и захватил лидерство. В итоге лондонская половина соревнования завершилась со счетом 6,5 : 5,5 в пользу чемпиона мира.

Следует отметить, что матч за шахматную корону впервые проводился в Лондоне и вызвал небывалый интерес. Зрительный зал всегда был переполнен, а в один из туров в парке напротив отеля, где проходила игра, пришлось выставить большую демонстрационную доску, чтобы любители шахмат, не сумевшие купить билеты, могли следить за игрой. Открывала матч сама премьер-министр Маргарет Тэтчер, а на закрытии почетным гостем был предыдущий премьер-министр Джеймс Каллаган.

Ленинградскую половину соревнования открывал мэр Ленинграда Владимир Ходырев.

После того, как Каспаров выиграл четырнадцатую и шестнадцатую партии, казалось, что все ясно, но затем он проиграл три партии подряд, и счет сравнялся. Теперь все решал финиш. Каспарову удалось выиграть двадцать вторую встречу, а две последние свести вничью. В итоге он успешно защитил свой титул — 12,5 : 11,5.

После этого Каспаров занялся тем, что попытался сместить Севастьянова с поста президента нашей федерации, как занимавшего слишком уж прокарповскую позицию, тем более, что предстоял перевыборный пленум.

Хотя и не без скрипа руководство Спорткомитета согласилось на замену космонавта ответственным работником ЦК партии Александром Чикваидзе.

Могу засвидетельствовать, что в середине 70-х годов Чикваидзе был председателем Шахматной федерации Грузии и немало способствовал развитию шахмат в этой республике. В свою очередь руководители Спорткомитета просили Каспарова не препятствовать избранию Севастьянова почетным президентом федерации.

Добившись смены президента в нашей федерации, чемпион мира решил попробовать сместить и Кампоманеса, тем более, что проходивший одновременно с Олимпиадой в Дубае конгресс был перевыборным. Конкурировал с филиппинцем молодой президент шахматной федерации Бразилии Линкольн Лусена. Каспаров,

поддержанный рядом молодых представителей европейских стран, стал энергично агитировать за бразильца. Однако вся беда заключалась в том, что у Лусены практически не было никаких шансов в борьбе с Кампоманесом. Во-первых, он ничем еще себя не проявил, его просто мало знали, в то время как Кампоманес работал в ФИДЕ более четверти века, прошел через все административные ступеньки этой организации, начиная от делегата Филиппин и кончая президентом, и, что греха таить, пользовался большим авторитетом, особенно среди представителей развивающихся стран.

Во-вторых, организаторы Олимпиады, а с ними и все арабские страны были горой за Кампоманеса. Ведь именно он уговорил представителя Израиля в ФИДЕ не протестовать против выбора Дубай местом для Олимпиады и конгресса, хотя было известно, что израильтяне не смогут туда приехать. В-третьих, что тоже немаловажно, наша федерация открыто объявила о поддержке Кампоманеса. Однако и этого мало: я подозреваю, что команды ряда развивающихся стран, приехавшие на Олимпиаду за счет арабов, обязаны были поддержать филиппинца.

Так или иначе, но борьбы на выборах не получилось: еще цо голосования Лусена снял свою кандидатуру. Это было поражение не только Лусены, но, и чемпиона мира, а также поддерживающих его европейских федераций. А Кампоманес максимально использовал момент своего торжества. Впервые в истории ФИДЕ он стал платным президентом!

Проиграв борьбу в ФИДЕ, Каспаров собрал у себя в номере ведущих шахматистов мира и предложил создать организацию, которая бы их объединяла, а также защищала их права. Была выработана программа действий и создан временный совет. Его председателем избрали самого Каспарова, а заместителями Карпова и Тиммана.

Уже в феврале 1987 года новая международная ассоциация была соответствующим образом оформлена и начала действовать. Ее членами стали около трехсот гроссмейстеров.

Главными мероприятиями, которые провела ассоциация, были шесть турниров на Кубок мира с высокими призами. В них приняла участие вся шахматная элита. Кроме этого ассоциация организовала несколько отборочных соревнований для шахматистов менее высокого ранга.

Между тем весной 1987 года в Линаресе прошел суперфинальный матч Карпов — А. Соколов. Он закончился досрочной победой экс-чемпиона мира со счетом 7,5 : 3,5, а уже осенью Каспаров и Карпов встретились в матче в четвертый раз. Соревнование проходило в Севилье и, как и предыдущие

поединки, завершилась драматическим финалом (по иронии судьбы игра проходила в театре имени основателя испанской драмы Лопе де Вега). Долгое время соперники шли, как говорят «очко в очко» — Карпов выиграл вторую партию, но проиграл четвертую, выиграл пятую, но проиграл восьмую, а затем еще и одиннадцатую. Впрочем, и чемпион мира лидировал не очень долго: выиграв шестнадцатую партию, Карпов сравнял счет. Результативными оказались две последние партии. Выиграв двадцать третью встречу, экс-чемпион мира создал ситуацию, обратную той, которая была в их втором матче. Чтобы вернуть себе высший шахматный титул, ему достаточно было свести партию вничью, в то время как Каспарова устраивала только победа. Он сумел выиграть, счет стал 12 : 12 и сохранил свой титул.

Еще никому в истории шахмат корона чемпиона не доставалась в столь жестокой и продолжительной борьбе: за четыре года Гарри сыграл четыре матча с предыдущим чемпионом. Только после Севильи он мог вздохнуть спокойно: следующий поединок за шахматную корону должен был состояться через три года.

Однако, как выяснилось, это не значило, что противостояние двух «К» закончилось. Оно продолжалось и, можно сказать, приняло хронический характер, то затихая, то разрастаясь. Причем немалую лепту в него вносили журналисты, ярые поклонники двух выдающихся шахматистов современности. Так, например, у нас в журнале «Шахматы в СССР» после матча в Севилье Каспаров был назван трехкратным чемпионом мира. В самом деле, во втором матче он завоевал это звание, а в последующих двух его защитил. Это не понравилось замредактора журнала «64» Рошалю. Мгновенно последовала резкая отповедь — по его мнению, матч на первенство мира и матч-реванш — это, по существу, одно соревнование, а из этого следует, что Каспаров только двукратный чемпион. Мне кажется, что в возникшем противостоянии в значительной степени виновато и руководство Спорткомитета, искусственно подогревавшее разногласия.

Это особенно ярко проявилось в 55-м, одном из последних чемпионатов страны в Москве в 1988 году, закончившимся беспрецедентным скандалом. В нем впервые (после четырех поединков за шахматную корону) Каспаров и Карпов боролись за золотую медаль чемпиона СССР. Как ожидалось, они и вышли победителями, набрав одинаковое число очков.

В этом случае, согласно регламенту, им предстояло сыграть короткий матч из четырех партий. Казалось бы все так просто? Ан

нет! В регламенте, который подготовило Управление шахмат Спорткомитета, по недосмотру не указали, как быть, если и эти четыре партии не выявят победителя?

Этот вопрос задали судьям еще на открытии турнира, но ответ на него был получен только через несколько туров, когда борьба была уже в полном разгаре. Появилось дополнение к регламенту, подписанное начальником Управления шахмат Крогиусом и завизированное зампредом Спорткомитета Гаврилиным. В нем сообщалось, что в случае ничейного результата дополнительного матча игра будет продолжаться до первой победы!

А ведь это не дополнение, а изменение правил, что в ходе соревнования совершенно недопустимо. В решении этого вопроса следовало полагаться на прецеденты, когда дополнительные соревнования в чемпионатах страны заканчивались вничью. Так в 45-м первенстве СССР 1977 года матч между Б. Гулько и И. Дорфманом завершился ничьей (3 : 3), и звание чемпиона присвоили обоим соперникам. А в 52-м первенстве в 1985 году, когда первое место разделили В. Гавриков, М. Гуревич и А. Чернин, и последовавший матч-турнир не выявил победителя, чемпионом посчитали Гуревича имевшего лучший коэффициент в самом чемпионате.

Я полагаю, что здесь вовсе не нужно было «изобретать велосипед», а в случае ничейного матча золотую медаль следовало выдать обоим соперникам.

Что же произошло дальше? Когда так называемое дополнение сообщили участникам, то против него выступил Карпов, но свое возражение он высказал лишь устно, хотя, строго по правилам, ему следовало выразить несогласие в письменной форме. И это должны были ему подсказать судьи соревнования.

Итак, оплошность Спорткомитета, а затем и спорное его решение осложнили ситуацию, но все можно было исправить, если бы судейская коллегия, которую, по-моему, первый раз в своей жизни возглавил патриарх наших шахмат Михаил Ботвинник и в которую входил ряд весьма уважаемых арбитров, вовремя почувствовала опасность. Однако, полагаясь, видимо, на авторитет Ботвинника, они решили, что проблема утрясется сама собой. Когда турнир окончился, на его закрытии Ботвинник провел дополнительную жеребьевку победителей предстоящего матча. В первой партии Карпову выпало играть белыми. И тут он объявил, что согласен играть лишь четыре партии, как это было предусмотрено до начала турнира. А Каспаров тут же заявил, что он согласен с дополнением и готов играть до первой победы.

С правовой точки зрения позиция чемпиона мира была

безукоризненной: он согласился подчиниться спорному решению Спорткомитета, а устный протест Карпова, даже если он был справедлив, не избавлял его от необходимости подчиниться решению и начать игру.

На следующий день зрители, заполнившие зал Совинцентра, где проходил турнир и должен был начаться матч, не увидели на сцене ни участников, ни столика с шахматными часами. Матч окончился, так и не начавшись!

Как выяснилось, после встречи Ботвинника с Гаврилиным судейская коллегия сложила свои полномочия, и зампред Спорткомитета дал устное указание поединок отменить. На состоявшейся вместо партии пресс-конференции зрителям объявили решение Спорткомитета: «ввиду непримиримых разногласий» между соперниками игра не состоится, а вопрос о матче будет вынесен на заседание Президиума шахматной федерации. Ход был типичным для чиновников Спорткомитета — сначала, ни с кем не посоветовавшись, наломали дров, а затем стали прикрываться федерацией.

Президиум собрался только через две недели. На нем соперники отсутствовали. Не было и меня: выполняя задание Управления шахмат, я проводил в Сухуми семинар для шахматистов развивающихся стран. Правда, меня пытались вызвать в Москву, но я предпочел не ввязываться в эту мешанину.

Большинством голосов Президиум федерации проголосовал за матч. Было даже принято специальное постановление, в котором обращалось внимание «на отказ победителей чемпионата проявить добрую волю, не накалять конфликтную ситуацию, пойти навстречу друг другу и общественному мнению!»

Однако время для проведения матча было уже упущено, впереди маячила очередная Олимпиада, затем другие соревнования. В конце концов золотые медали чемпиона страны вручили обоим соперникам. Конечно, все это можно было сделать гораздо раньше, без излишней нервотрепки, тем более, что произошедшие события вызвали резкую критику в средствах массовой информации и нанесли урон престижу шахмат.

А еще одним итогом, причем итогом печальным, явилось то, что вконец испортились отношения между Ботвинником и его любимым учеником Гарри Каспаровым.

Еще во время турнира стало известно, что президент федерации Чикваидзе подал в отставку: его назначили послом СССР в Нидерландах. В октябре, воспользовавшись отсутствием чемпиона мира в Москве, Спорткомитет поспешно провел внеочередной пленум федерации, на котором президентом вновь оказался избран Севастьянов. Этим Спорткомитет еще раз

показал, как мало он считается с мнением чемпиона мира. В новый состав Президиума вошел ряд сторонников экс-чемпиона мира, в том числе Рошаль. По предложению Севастьянова он возглавил комиссию по пропаганде.

Здесь необходимо небольшое отступление, чтобы вспомнить, что происходило в 1988 году в стране. Началась перестройка, утверждалась гласность, делались попытки борьбы с бюрократизмом. Журнал «Шахматы в СССР» не мог стоять в стороне от проходивших событий. У нас появились острые статьи с критикой недостатков в работе Управления шахмат и его начальника Крогиуса. Молодые гроссмейстеры А. Юсупов, Л. Псахис, Е. Свешников, Ю. Разуваев обвинили его в бюрократизме, в пренебрежении к мнению ведущих шахматистов страны, в том, что многие вопросы решаются им келейно. Все это было чистой правдой. Выступивший на внеочередном пленуме федерации Гаврил ин публично признал, что критика в адрес управления на 99% справедлива. Тем не менее, против меня как главного редактора журнала немедленно были приняты меры воздействия — несмотря на то, что документы на мою поездку на конгресс ФИДЕ были оформлены (я был председателем одной из комиссий и должен был отчитываться о ее работе), Спорткомитет немедленно «снял меня с пробега».

Не могу умолчать о чрезвычайно мелком вопросе, поднятом на одном из первых заседаний нового Президиума федерации. Готовя для публикаций итоговую таблицу чемпионата страны, сотрудник редакции нашего журнала поставил на первой строчке Каспарова, а на второй Карпова. Он исходил из того, что у чемпиона мира оказался лучший коэффициент. К тому же, согласно регламенту, третье место при дележе определялось по коэффициенту.

Скажу сразу, что в тогдашнем Шахматном кодексе никаких указаний по этому поводу не было. Никаких традиций ни у нас в журнале, ни в руководимом Карповым «64» также не существовало. Иногда, в случае дележа, участников расставляли по коэффициенту, иногда — по алфавиту. А в нашем случае, если бы соперников расставили по алфавиту, то из-за разницы в третьей букве («р» против «с») первую строку занял бы Карпов. Не знаю, по каким соображениям, но судейская коллегия чемпионата так и сделала. Ущемленный тем, что у нас в журнале таблица чемпионата оказалась составленной не по алфавиту и он оказался во второй строчке, Карпов подал официальное заявление в Президиум федерации. В нем он обвинил меня в злом умысле и потребовал «официально исправить допущенные искажения».

Когда в повестке дня Президиума дошли до пункта «разное»,

Севастьянов зачитал письмо экс-чемпиона мира и суровым тоном потребовал от меня объяснений.

Я сказал, если Карпов действительно считает себя ущемленным, то мы можем еще раз напечатать таблицу чемпионата в том виде, в котором она ему больше нравится. Однако по техническим причинам это можно будет сделать только через два месяца, когда читатели уже забудут о турнире. На этом вопрос был закрыт.

Представьте себе мое удивление, когда ответственный секретарь федерации, являющийся одновременно работником Управления шахмат М. Архангельский принес мне для ознакомления выписку из официального протокола заседания. Там в разделе «Постановили» было сказано следующее:

Признать справедливой постановку вопроса о том, что официальный орган Федерации должен публиковать только официальные таблицы чемпионатов страны, утвержденные судейской коллегией и Президиумом федерации.

Предложить заместителю председателя Шахматной федерации СССР, главному редактору журнала «Шахматы в СССР» Ю. JI. Авербаху принести извинения А. Е. Карпову и исправить допущенные искажения на страницах журнала.

Пришлось и мне обратиться в Президиум федерации с заявлением. В нем я утверждал, что никаких постановлений по поднятому Карповым вопросу не принималось, и предлагал, чтобы впредь текст протокола заседаний Президиума утверждался его членами, поскольку данный случай показывает, что допускается преднамеренное или непреднамеренное искажение того, что было сказано или записано.

Извиняться мне тоже не пришлось. Больше этот вопрос на Президиуме не поднимался.

Позиция Спорткомитета и нового состава Президиума федерации, возглавляемого Севастьяновым, особенно ярко проявилась в истории с благотворительным матчем сборной СССР против остального мира. Это соревнование не по классическим, а по быстрым шахматам (15 минут на партию каждому участнику) было организовано по инициативе Каспарова под эгидой ЮНИСЕФ — детского фонда ООН и прошло в декабре 1988 года в Мадриде. Весь сбор от него, составивший 160 тысяч долларов, был передан Детскому фонду имени Ленина и ЮНИСЕФ. Правда, в связи с землетрясением в Армении, гроссмейстеры просили половину средств направить для оказания помощи его жертвам.

По случаю этого мероприятия Шахматная федерация СССР выступила с официальным заявлением. Вы думаете, она поддержала благородный почин? Как бы не так! Сквозь зубы

отметив благотворительные цели матча, Шахматная федерация отмежевалась от него, заявив: «К указанным мероприятиям в Мадриде она никакого отношения не имеет, а группа советских гроссмейстеров, участвующая в матче, ни формально, ни по существу не может рассматриваться как сборная команда СССР». И это о Каспарове, Белявском, Псахисе, Гуревиче, Долматове, Соколове, Чернине и Азмайпарашвили!

Чем же была вызвана такая реакция федерации?

Дело в том, что поездка в Испанию оформлялась не через Спорткомитет, и потеря монополии на выезды пришлась спортивному руководству не по вкусу. Что же касается Управления шахмат и федерации, то они послушно и безоговорочно заняли сторону Спорткомитета, фактически выставив себя на посмешище.

Одновременно с матчем в Мадриде прошел семинар, посвященный различным проблемам шахмат. Меня пригласили там выступить, принять участие в дискуссиях и изложить мою гипотезу о том, как возникли шахматы.

За эту поездку я был «удостоен» критических замечаний в газете «Правда». Шахматный обозреватель газеты гроссмейстер

Алексей Суэтин, кстати, мой давнишний соратник и приятель, так сообщал читателям о ней: «Поездка (в Мадрид. — *Ю. А.)* готовилась без ведома Шахматной федерации и Управления шахмат Госкомспорта СССР, хотя в составе делегации оказался... заместитель председателя федерации гроссмейстер Ю. Авербах, поехавший в Испанию в качестве лектора...»

В этом абзаце, за исключением самого факта поездки, нет ни слова правды. Тогдашний председатель Госкомспорта М. Грамов был членом правления детского фонда, и руководство фонда своевременно и в письменной форме его об этом мероприятии проинформировало. И начальник Управления шахмат, одновременно первый заместитель председателя федерации Крогиус обязан был это знать. А лектором меня обозвали, чтобы подчеркнуть мою якобы материальную заинтересованность в поездке, хотя она тоже носила благотворительный характер. Что же касается Суэтина, то я прервал с ним всякие отношения. Лишь через пару лет он признался, что этот абзац обо мне ему вписали, после чего мы помирились.

Президентом федерации Севастьянов пробыл лишь год. В декабре 1989 года состоялся съезд шахматистов страны. На нем конкуренцию с Севастьяновым успешно выдержал В. Попов — министр жилищно-коммунального хозяйства РСФСР. Ему суждено было стать последним президентом Шахматной федерации Советского Союза. Она получила большую самостоятельность.

Вскоре Управление шахмат при Госкомспорте было вообще ликвидировано. Вместо него создали генеральную дирекцию, но уже при федерации. А Крогиуса благополучно отправили на пенсию...

Прежде чем распрощаться с Крогиусом, попробуем оценить итоги его деятельности на посту начальника Управления шахмат Госкомспорта СССР. До того, как он стал начальством, у меня с ним были неплохие отношения. Мы не раз играли вместе в турнирах, в одном из чемпионатов страны он был моим тренером. Когда Крогиус стал начальником, на правах старшего я объяснил ему:

Коля! Твоя главная задача — защищать интересы шахмат и шахматистов в Спорткомитете.

К сожалению, все получилось с точностью до наоборот: для него главным было хорошо выглядеть перед начальством.

Я — чиновник! — обычно заявлял он,— и обязан строго выполнять указания руководства.

А уж о попытках их оспаривать не могло быть и речи. Доктор психологических наук, в жизни он оказался психологом неважным и не умел ладить с гроссмейстерами, особенно молодыми. Молодежь неоднократно жаловалась на него. Стоило кому-нибудь из них к нему обратиться за чем-нибудь, его первая реакция, как правило, была негативной, и требовалось немало усилий, чтобы добиться положительного решения.

Однажды его разговор с гроссмейстером Свешниковым принял столь резкий характер, что Крогиус пригрозил вызвать милицию.

Я уже не говорю о том, что в споре двух «К», ориентируясь на Севастьянова, Николай Владимирович сразу же встал на сторону Карпова. Достаточно только вспомнить слова, сказанные им еще юному бакинцу:

— У нас уже есть один чемпион мира, а другой нам не нужен!

И уже отправленный на пенсию, в 1990 году Крогиус демонстративно возглавил команду экс-чемпиона мира на пятом матче с Каспаровым. В течение восьми лет он представлял нашу страну в ФИДЕ, входил в ее руководящие органы, был вице-президентом. При нем колоссально возросла власть президента ФИДЕ, и я не помню, что бы Крогиус хоть как-то этому противодействовал. В 70-е годы перед очередным конгрессом Батуринский, Родионов и я обычно встречались, чтобы обсудить повестку дня, наши позиции по тем или иным вопросам. Когда Крогиус стал начальником, я не могу вспомнить ни одного такого заседания: он предпочитал решать подобные вопросы келейно. Мне особенно запомнилось одно его такое единоличное решение,

которое прямо противоречило интересам наших шахмат. На заседании Исполкома ФИДЕ в Буэнос-Айресе в 1990 году, в работе которого от нашей страны участвовал Крогиус, было принято крайне спорное решение провести очередной матч-турнир претенденток на матч с чемпионкой мира в составе десяти человек в один круг. Мне неизвестно, кто предложил это нововведение. Оно появилось внезапно и на женской комиссии ФИДЕ предварительно не обсуждалось. Я знаю только, что Крогиус не пытался оспаривать это решение и письменно подтвердил свое с ним согласие. А ведь оно было невыгодно нашим женщинам, так как вносило большой элемент случайности. Ведь девять партий — слишком малое число. Показательно и другое: на страницах журнала «64» он пространно описал работу Исполкома, но забыл проинформировать читателей, а, заодно и всех заинтересованных лиц, включая Президиум федерации и ее женскую комиссию о «судьбоносном» решении относительно матч-турнира претенденток.

А ведь это было его первейшей обязанностью.

Матч-турнир претенденток должен был состояться в Боржоми. Когда до его начала оставался один месяц, из штаб-квартиры ФИДЕ был наконец получен регламент турнира вкупе с информацией, что Юдит и Жужа Полгар отказались в нем участвовать, и число партий сократилось до семи. Тогдашние члены женской комиссии федерации схватились за голову, но уже ничего изменить было нельзя.

К чему это привело, мы знаем: в турнире победили китаянка Се Цзюнь и А. Марич из Югославии, а наши А. Галямова и Н. Иоселиани отстали на пол-очка. Конечно, в этой неудаче в первую очередь, виноваты сами шахматистки и их тренеры, но большая доля вины лежит и на Крогиусе. Он не протестовал против столь неудачного регламента и вовремя не сообщил о его введении. Таков был стиль работы начальника управления...

Когда же мы впервые рискнули опубликовать пару статей с критикой деятельности Крогиуса и предложили ему ответить на них, он ответил, но весьма своеобразно. Как раз в тот день, когда в Управлении шахмат проводилась служебная аттестация его сотрудников, он предложил подписать им подготовленное заранее «коллективное» письмо в редакцию, отвергающее критику. Мы, конечно, его опубликовали, сопроводив соответствующими комментариями.

Несколько позже в Госкомспорте прошла партийная конференция. Отчет о ней был обнародован в газете «Советский спорт», и в нем говорилось, что у Госкомспорта трудно складываются отношения с прессой.

«Не согласен с опубликованной точкой зрения,— справедливо утверждала газета,— доказывай в прессе свой взгляд, предлагай конструктивные решения. Этому надо учиться, время командного стиля и келейности миновало».

Однако Николай Владимирович учиться не хотел, предпочитал старые, испытанные методы. А время уже было другое...

Между тем весною 1990 года завершился еще один цикл отбора претендентов на матч с чемпионом мира. Победив последовательно И. Хьяртарсона со счетом 3,5 : 1,5 (+2 = 3), затем

А. Юсупова — 4,5 : 3,5 (+2 1 = 5) и в финале Я. Тиммана — 6,5 : 2,5 (+4 = 5) Карпов еще раз получил возможность встретиться с Каспаровым в борьбе за шахматную корону. Это был уже их пятый поединок. Подобного на самом высшем уровне шахматный мир еще не видел.

Матч проходил на двух континентах — в Америке и Европе. Нью-Йоркская половина завершилась вничью — 6:6. Вторая половина в Лионе оказалась более результативной. Каспаров выиграл шестнадцатую, проиграл семнадцатую, но победил в восемнадцатой и двадцатой. Разрыв в счете достиг двух очков, и, чтобы сохранить титул, чемпиону мира достаточно было набрать одно очко из четырех партий. Сделав две ничьи, он эту задачу выполнил. Карпов, выиграв двадцать третью партию лишь сократил отставание — 12,5 : 11,5 (+4 3 = 17).

Большие перемены

В 1990 году Кампоманес выставил свою кандидатуру на пост президента ФИДЕ на третий срок. На перевыборном конгрессе в Нови-Саде, конкурируя с Н. Рабель-Мендесом и Р. Тораном, он добился победы, действуя ловко и умело. На роль исполнительного вице-президента Кампоманес пригласил югослава А. Матановича и тем самым обеспечил себе поддержку организаторов Олимпиады, проходившей одновременно с конгрессом. Достаточно сказать, что не менее дюжины иностранных арбитров, приглашенных судить соревнование, по совместительству оказались делегатами конгресса. Не исключаю, что и представители ряда команд, приехавших на Олимпиаду с помощью организаторов, тоже были обязаны его поддержать.

А какова была позиция нашей федерации? На заседания Президиума, где обсуждался этот вопрос, после долгих споров решили филиппинца не поддерживать. Однако у Госкомспорта было другое мнение, и его руководство сделало «ход конем». Руководителем нашей команды на Олимпиаде и делегатом конгресса был исполнительный директор федерации А. Бах, получавший зарплату в Госкомспорте. За день до выборов он выступил по югославскому телевидению и заявил, что наша федерация, а фактически Госкомспорт поддерживают Кампоманеса.

На Олимпиаде в Нови-Саде мужская сборная Советского Союза снова победила. Занявшая второе место команда США отстала на 3,5 очка. Это была 17-я, как выяснилось позднее, последняя победа команды СССР на шахматных Олимпиадах.

Политические события 1990 года привели к тому, что прибалтийские республики стали отделяться от Советского Союза, и на Олимпиаду в Нови-Сад приехали команды Латвии, Литвы и Эстонии с просьбой восстановить их в ФИДЕ, поскольку до 1940 года все они были ее членами, и позволить участвовать в Олимпиаде. В решении этого вопроса Кампоманес показал себя большим дипломатом: сообщив, что их просьба о восстановлении в ФИДЕ будет благожелательно рассмотрена, принять участие в Олимпиаде им не позволил.

Политические и экономические изменения, происходившие у нас в стране в начале 90-х годов, наложили свой отпечаток и на шахматную жизнь. Не успела Шахматная федерация СССР, получив большую самостоятельность, зарегистрироваться в качестве юридического лица, как вдруг в конце 1991 года распался Советский Союз и с ним ушла в небытие и Шахматная

федерация.

В 1992 году исполнилось 100 лет со дня рождения нашего великого соотечественника Александра Александровича Алехина — первого русского шахматиста, завоевавшего высший шахматный титул, и четвертого чемпиона мира в истории шахмат.

Отмечая выдающуюся роль, которую сыграл Алехин в развитии и пропаганде шахматного искусства, ФИДЕ объявила 1992 год — годом Алехина. Однако именно этот юбилейный год стал годом больших преобразований в жизни наших шахматистов. Совсем недавно созданный Союз шахматистов СССР был преобразован в Международный шахматный союз. Это произошло на съезде, собравшем представителей 11 независимых государств — бывших республик СССР. Председателем правления союза был избран чемпион мира Г. Каспаров. В феврале 1992 года состоялся съезд Российской шахматной федерации. Ей предстояло стать естественной правопреемницей Шахматной федерации СССР на территории России. На съезде в конкуренции с академиком Л. Абалкиным был избран новый президент федерации А. Мурашов, видный деятель демократического движения, начальник ГУВД Москвы. На пост президента его выдвинул возглавляемый Каспаровым Международный шахматный союз, а сам чемпион мира произнес на съезде пламенную речь в поддержку Мурашова, что во многом и определило исход выборов.

Появление откровенно прокаспаровского президента Российской шахматной федерации вызвало ответную реакцию Карпова и Ботвинника. По их инициативе в марте был созван чрезвычайный съезд бывшей Шахматной федерации СССР. Они объявили об учреждении Ассоциации шахматных федераций как правопреемницы Шахматном федерации СССР. От России на этом съезде присутствовали лишь представители Ленинграда и одинокие представители Беларуси, Латвии, Молдовы, Узбекистана и Киргизии, да и то лишь в качестве наблюдателей. Вообще проигнорировали это мероприятие Украина, Грузия, Литва, Эстония, Таджикистан.

А весь сыр-бор разгорелся из-за вопроса: кому достанется Центральный шахматный клуб?

Я не хочу вдаваться в детали всей этой истории. Скажу только, что в конце концов Центральный клуб остался у Российской федерации, а Ассоциация получила в свое распоряжение Шахматный клуб России и превратилась в туристское агентство, оформлявшее выезды шахматистов России и стран СНГ на различные международные турниры.

Первой проверкой деятельности новой Российской федерации

явилась очередная Всемирная олимпиада в Маниле в июне того же года.

Она должна была ответить на вопрос: станет ли Россия достойной преемницей распавшегося Союза?

Команда отправилась в Манилу без Карпова, Юсупова и Бареева. Увидев состав сборной России, обозреватели в один голос предрекали, что наконец-то у американцев, возглавляемых Гатой Камским, и англичан во главе с Найджелом Шортом появились реальные шансы завоевать золотые медали.

— Теперь или никогда! — будто бы заявил капитан сборной США гроссмейстер Ясер Сейраван.

Но началась игра, россияне тут же рванулись вперед и, захватив лидерство, так до конца его не отдавали. Сборная России на целых четыре очка опередила второго призера. Особенно впечатляли результаты нашего лидера Каспарова (8,5 из 10) и первого запасного 17-летнего Владимира Крамника (8,5 из 9 — абсолютно лучший результат Олимпиады). Да и общий результат команды — 12 побед, одна ничья и только одно поражение выглядели очень внушительно.

Манильская Олимпиада вошла в историю не только как первое шахматное состязание, где победила команда России, но и как первое выступление команд независимых государств, возникших на территории бывшего СССР. Если для прибалтов это было возобновлением традиций, то для остальных наших республик — пробой сил на столь высоком уровне. И они с честью выдержали тот экзамен: весь пьедестал оказался занят нашими!

Пожалуй, самым сенсационным стал успех сборной Узбекистана. Не имея громких имен, исключительно дружная команда сумела на самом финише вырваться на второе место и завоевать серебряные медали. Бронза досталась команде Армении. Да и в десятке лучших — шесть команд бывших советских республик.

На женской Олимпиаде золото завоевали грузинки во главе с Майей Чибурданидзе, серебро досталось украинкам, сумевшим опередить сборные Китая и Венгрии. Достойно выступили и российские женщины, заняв пятое место.

Когда подводились итоги работы Российской шахматной федерации за год, отмечались и другие достижения как на международной арене, так и внутри страны. Однако в целом из-за гиперинфляции и недостатка финансирования положение с шахматами в стране ухудшилось. Особенно это было заметно на местах.

Среди тех, кто даже в этих трудных экономических условиях умел доставать деньги на шахматы, был член Президиума мастер

Е. Бебчук. Созданная им организация — Дирекция шахматных фестивалей успешно проводила различные мероприятия, в том числе турнир гроссмейстеров, посвященный памяти Алехина. Поддержанный рядом членов Президиума, он обратился с открытым письмом к президенту федерации с требованием созыва чрезвычайного съезда. В письме подчеркивалось, что это делается для «спасения российского шахматного движения».

Президиум федерации отклонил это требование. Тогда Бебчук, пользуясь поддержкой председателя Верховного Совета страны Хасбулатова сумел получить значительные средства и использовал их для организации этого съезда. Уже перед ним ясно обозначилась конфронтация между двумя группами, которые условно можно назвать прокаспаровской и антикаспаровской. В последнюю вошли также экс-чемпионы мира Карпов, Ботвинник и присоединившийся к ним Смыслов, а также ряд гроссмейстеров, недовольных деятельностью Мурашова на посту президента федерации. Приехавшие за счет Бебчука делегаты выбрали новый, теперь уже антикаспаровский состав Президиума федерации. Президентом стал сам Бебчук. В своем программном выступлении он заявил:

— Я сделаю все, что могу, чтобы прекратить конфронтацию среди шахматистов и чтобы наш штаб работал в интересах шахмат, а не отдельных личностей, которых я сам безумно уважаю.

На съезде практически единогласно было решено, что очередной съезд состоится, как и планировалось, в начале следующего 1994 года.

И вот новая федерация начала работать. Вместо выборного президиума появилось никак не предусмотренное в Уставе федерации «бюро», состоящее из президента с замами, а позднее из «кооптируемых» самим же Бебчуком членов, а главными советниками президента стали экс-чемпионы мира Ботвинник и Карпов.

Теперь нам предстоит вернуться в 1992-й и даже в 1991-й год, чтобы узнать, кто в этом цикле получил право на матч с чемпионом мира.

Когда Карпов в четвертьфинальном матче в упорной борьбе победил индийца Вишванатана Ананда со счетом 4,5 : 3,5, а последний считался одним из фаворитов в соревнованиях претендентов, обозреватели полагали, что предстоит еще один поединок экс-чемпиона мира с Каспаровым. Однако в полуфинале Карпов несколько неожиданно потерпел поражение от Найджела Шорта — восходящей звезды английских шахмат — 4 : 6. А до этого Шорт в четвертьфинале выиграл у Бориса Гельфанда — 5:3.

Победы над двумя ведущими представителями нашей шахматной школы вызвали небывалый ажиотаж в английских средствах массовой информации. Так журнал «Independent» объявил: «Мистер Шорт выполнил то, что было начато Фишером,— развенчал миф о непобедимости советских шахмат». Он получил также поздравление от премьер-министра страны. Воодушевленный поддержкой своих болельщиков английский гроссмейстер блистательно провел и финальный матч претендентов. Его противником был Ян Тимман, победивший в полуфинале нашего соотечественника Артура Юсупова с результатом 6 : 4. Матч Шорт — Тимман был необычайно результативным и закончился в пользу первого со счетом 7,5 : 5,5.

Шорт — по-английски значит короткий. Когда Каспаров узнал, кто будет его противником в матче за шахматную корону, то сыграл на публику, во всеуслышание объявив, что его матч с Шортом будет коротким. Эта его острота была немедленно растиражирована в средствах массовой информации и, конечно, не могла не стать известной претенденту, который в свою очередь высказал что-то не очень лестное в адрес чемпиона мира. Впрочем, эта словесная перебранка дальнейшего продолжения не имела.

Матч Каспаров — Шорт явился событием, определившим развитие мировых шахмат по крайней мере на десятилетие вперед, причем развитие не самое лучшее. Об этом и пойдет дальше речь.

Однако начать придется издалека. В 1978 году главным организатором матча Карпов — Корчной, как известно, был Кампоманес. Мне кажется, именно тогда он понял, какую роль для ФИДЕ и ее финансов может играть поединок за шахматную корону. Став в 1982 году президентом ФИДЕ, на следующем же конгрессе он предложил новые правила матчей за мировое первенство, и они были утверждены. Вместо скромных 5 процентов от призового фонда в правилах появилась совсем другая цифра — 20 процентов! Эти деньги передавались ФИДЕ якобы для подъема шахмат в развивающихся странах, но фактически все средства находились под контролем самого президента ФИДЕ.

Кроме того, новые правила предоставляли президенту неограниченные, прямо-таки диктаторские права во время подготовки и проведения матча. Во всех спорных вопросах ему принадлежало последнее слово. Вспомним, что благодаря этим правилам он сумел даже прекратить первый поединок Карпова с Каспаровым, что было неслыханным актом в спортивном отношении и вызвало недовольство во всем мире.

Понятно, такие правила не могли устроить ведущих шахматистов мира, и, как уже говорилось, в 1986 году в Дубае они создали Гроссмейстерскую ассоциацию (ГМА). Однако свою главную задачу — создать стабильную финансовую базу для проведения всех этапов первенства мира — она, увы, не выполнила и потихоньку развалилась.

Поначалу ситуация с предстоящим матчем за корону чемпиона была исключительно благоприятной. Еще в 1991 году Каспаров договорился с корпорацией «Intermark» о том, что матч пройдет в Лос-Анджелесе. Причем корпорация заранее внесла в ФИДЕ необходимый задаток. Однако летом 1992 года ситуация резко изменилась: из-за расовых волнений Лос-Анджелесу на какое-то время стало не до шахмат, и в преддверии матча его финансовым обеспечением пришлось заниматься заново.

Финальный матч претендентов закончился в последний день января, и Кампоманес тотчас объявил, что последний срок подачи заявок на проведение матча на первенство мира — 8 февраля. Однако предложения, поступившие к этому сроку, не могли удовлетворить участников, и Кампоманес продлил срок подачи заявок еще на две недели. Естественно, что наибольший интерес к предстоящему матчу был проявлен на Британских островах. Первым подал заявку Манчестер, между прочим, родной город Шорта, но вопрос широко осуждался и в финансовых кругах столицы Англии, которые могли предложить лучшие финансовые условия.

Кампоманес спешно объявил Манчестер местом проведения матча, хотя в ФИДЕ уже была заявка из Лондона с большим призовым фондом.

Шорт, недовольный тем, что с ним ФИДЕ не согласовала этот вопрос, а также и финансовыми условиями Манчестера, позвонил Каспарову в Линарес, где тот выступал в турнире, и предложил играть матч вне ФИДЕ, как это было в старые времена еще до войны.

У Каспарова были планы порвать с ФИДЕ или, точнее с Кампоманесом, но он собирался это сделать после матча. Немного поразмыслив, он согласился с предложением Шорта. Вскоре они опубликовали совместное заявление, в котором объявили, что президент ФИДЕ принял решение о месте и сроках проведения матча предварительно не посоветовавшись с участниками, что ФИДЕ нарушает свои собственные правила и что ФИДЕ нельзя доверить проведение наиболее важного профессионального шахматного соревнования в мире.

Исходя из вышесказанного, они решили создать новую организацию — Профессиональную шахматную ассоциацию

(ПША), которая будет защищать интересы шахматных профессионалов во всем мире и работать на пользу шахмат. Свой матч чемпион и претендент решили проводить под эгидой этой организации без участия ФИДЕ. Участники матча готовы отдать 10% от призового фонда в пользу этой организации.

ПША и участники матча приглашали вновь подавать заявки на проведение профессионального мирового шахматного чемпионата, который должен определить сильнейшего шахматиста мира.

Сейчас, когда мы знаем, к чему привело это решение, можно утверждать, что Каспаров, к сожалению, не учел всех его последствий. Чего, кстати говоря, нельзя сказать о Кампоманесе. Задолго до этих волнующих шахматный мир событий он проявил прямо-таки сверхъестественную прозорливость. В старых правилах первенства мира было записано: если чемпион не может играть, то чемпионом становится победитель финального матча претендентов. Именно поэтому в 1975 году Карпов был провозглашен чемпионом, когда Фишер отказался играть. А если не может играть претендент, его место занимает запасной участник, проигравший финальный матч претендентов.

Однако в 1989 году на конгрессе ФИДЕ (в разгар борьбы с ГМА, которая собиралась взять в свои руки проведение первенства мира) в правила были внесены пункты о целой скамейке запасных! Вторым запасным был назван участник, проигравший финальный матч, но имеющий больший рейтинг в двух последних списках Эло. Третьим запасным назван полуфиналист с меньшим рейтингом и, наконец, четвертым — шахматист, имеющий наибольший рейтинг в тех же двух последних списках Эло.

Появление четвертого запасного указывает на спешку, с какой делались эти добавления — ведь это означает, что теоретически возможность сыграть матч на первенство мира мог получить шахматист, который вообще не участвовал в отборе!

Невольно закрадывается мысль, что президент ФИДЕ уже тогда предусматривал возможность отказа от игры в рамках ФИДЕ и чемпиона, и претендента.

В ответ на заявление Каспарова и Шорта Кампоманес немедленно их дисквалифицировал, затем предложил сыграть матч на звание чемпиона мира Я. Тимману и А. Карпову, что точно соответствовало новым правилам — проигравший финальный матч претендентов против проигравшего полуфинальный матч, но имеющего лучший рейтинг по сравнению со вторым проигравшим Юсуповым.

Естественно, что Тимман и Карпов, не мешкая, согласились

на свалившееся с неба исключительно выгодное предложение. Так нежданно-негаданно проигравшие оказались победителями! Осенью 1993 года почти одновременно начались два матча. Каспаров и Шорт встретились за доской в Лондоне в матче на первенство мира под эгидой газеты «Тайме», выигравшей тендер на проведение чемпионата. Тимман и Карпов сели за доску в Амстердаме в чемпионате мира ФИДЕ.

О лондонском матче я могу рассказывать как очевидец, поскольку вместе с испанцем Карлосом Фальконом был главным судьей того соревнования. Старт матча проходил в острейшей борьбе, но и в страшном цейтноте. В первой партии в значительно лучшей позиции Шорт просрочил время, не успев сделать последний сороковой ход. Вообще в первых четырех партиях он добился лишь одной ничьей. В дальнейшем Шорт белыми отчаянно атаковал, но пробить защиту чемпиона мира ему никак не удавалось. После первой половины матча Каспаров вел 8,5 : 3,5, победил в пяти встречах, семь свел вничью.

Уже после 15-й партии счет стал 10,5 : 4,5 и будь это безлимитный поединок до шести побед, он оказался бы самым коротким в современной истории борьбы за шахматную корону.

Видимо, посчитав задачу выполненной, чемпион мира несколько ослабил натиск, и уже в следующей партии, к неописуемому восторгу англичан, Шорт одержал первую победу. Однако она оказалась и последней. После 20-й партии матч закончился досрочно — 12,5 : 7,5.

Совсем в ином плане проходил матч в Нидерландах. В первых партиях произошел обмен ударами, затем две закончились вничью, и очень многое зависело от того, кто одержит следующую победу.

В пятой партии Тимман получил подавляющую позицию, но Карпов защищался исключительно упорно и в конце концов сумел спасти партию. А в шестой партии, получив перевес, не упустил своего шанса и завоевал важное очко. В итоге после первой половины матча счет был 7:5. Вторая половина соревнования должна была проходить в султанате Оман, но еще перед 11-й партией Кампоманес сообщил, что Оман не обеспечил обещанный призовой фонд и снял свою кандидатуру. Судьба матча повисла в воздухе.

«ФИДЕ на грани краха», — заявил Карпов, узнав о произошедшем. Оба участника матча пригрозили подать в суд на ФИДЕ, если Кампоманес не обеспечит достойное окончание поединка.

Какое-то время ситуация оставалась неясной, но уже через 10 дней Кампоманес объявил, что матч продолжится в Джакарте. Его

организует Шахматная федерация Индонезии, а призовой фонд обеспечивает бывший одно время министром финансов

Индонезии бизнесмен Мохаммед Хассан, близкий друг филиппинца, в 70-80-е годы входивший в руководство ФИДЕ. После трехнедельного перерыва игра возобновилась. Сделав ничью в 13-й партии, в 14-й Тимман затем получил отличные шансы на победу, но не сумел их использовать и потерпел поражение.

«Теперь для Яна почти все кончено»,— констатировал его помощник гроссмейстер Ясер Сейраван. Действительно, Тимман проиграл еще две партии, и желанные очки Карпов взял в 21-й партии, выиграв матч досрочно — 12,5 : 8,5.

Так в шахматном мире появились два чемпиона. Один — ПША, другой — ФИДЕ. Поначалу Профессиональная шахматная ассоциация действовала очень активно. В Гронингене был проведен межзональный турнир, определивший семерку сильнейших, которые вместе с Шортом в претендентских матчах продолжили борьбу за право в 1995 году бросить перчатку чемпиону мира. Высокий призовой фонд (в три раза больший, чем в межзональном турнире ФИДЕ) привлек в Гронинген почти всю шахматную элиту. Это оказалась самая сильная «швейцарка» в истории шахмат.

Однако главным достижением новой организации явилось подписание контракта с корпорацией Intel, ставшей генеральным спонсором ПША. Уже в начале 1994 года ПША, поддержанная Intel провела в Москве международный шахматный фестиваль по быстрым шахматам «Кремлевские звезды», который и на самом деле проходил в Кремле.

Очередной съезд шахматистов России был запланирован на начало 1994 года, но возглавляемая Бебчуком федерация не торопилась его проводить. И было отчего. Несмотря на отдельные успехи, как проведение международного блицтурнира памяти Таля и мемориала Бондаревского в Ростове-на-Дону, в работе федерации было немало очевидных проколов.

Так ряд призеров мемориала вместо призовых денег получил долговую расписку Бебчука с обязательством их выплатить, что так и не было выполнено. Фактически оказалась сорванной поездка наших детей и юношей на очередное первенство Европы. А на командном чемпионате мира сборная России заняла только третье место, пропустив вперед коллективы США и Украины. Но главное: положение с шахматами в стране не только не улучшилось, но стало заметно хуже.

Поскольку, как я уже сказал, руководство федерации всячески оттягивало проведение съезда шахматистов России, группа

активистов, в которую вошли и я, и председатель федерации Москвы Э. Дубов, выступила в печати с предложением провести этот съезд. Предложение было поддержано многими местными федерациями, и в середине апреля представители 67 регионов прибыли в Москву. Заметим, что на предыдущем съезде их было только 40. Съезд избрал новый состав Президиума. Президентом федерации стал известный адвокат Андрей Макаров, член Государственной Думы. Я же снова был избран вице-президентом.

Новому президенту совместно с Каспаровым удалось привлечь в качестве спонсоров ряд ведущих российских компаний, что, естественно, благоприятно отразилось на положении дел.

Бебчук пытался сопротивляться. Он даже сумел собрать съезд своих сторонников, но это была попытка с негодными средствами. Тогда, покидая помещение федерации, он решился на мелкую месть — унес с собой печать федерации и секретарю пришлось заказывать новую.

В Москве и Париже

Осенью 1994 года в Салониках должны были состояться и Олимпиада, и перевыборный конгресс ФИДЕ. Еще задолго до начала из штаб-квартиры этой организации пришло сообщение, что на пост президента собираются баллотироваться Георгиус Макрополус (Греция), Иоахим Дюрао (Португалия) и Башар Куатли (Франция). В списке не значился тогдашний президент Флоренсио Кампоманес.

Кандидаты уже начали свою предвыборную кампанию, когда из штаб-квартиры ФИДЕ пришла тревожная весть: в Греции сменилось правительство, и новый его глава отказывается от проведения Шахматной олимпиады и конгресса. Штаб-квартира ФИДЕ, за год до этого переехавшая из Швейцарии в Грецию, была вынуждена возвратиться обратно, а вопрос об Олимпиаде и конгрессе остался открытым.

В этот критический для международных шахмат момент на помощь ФИДЕ пришла недавно избранная Шахматная федерация России во главе с Макаровым и совсем уж неожиданно чемпион мира, тем самым развеявший слухи о том, что он стремится изничтожить ФИДЕ.

В конце сентября я находился в Элисте, где проходил чемпионат России, и был главным арбитром. По телефону меня срочно вызвали в Москву, причем я летел на личном самолете президента Калмыкии. А в Москве меня ждала сенсационная новость — вместе с Макаровым отправиться на президентский совет ФИДЕ в Грац. Там предстояло объявить, что Шахматная федерация России готова провести в декабре, то есть в заранее обозначенные сроки, и Олимпиаду, и конгресс.

Обычно подобные мероприятия готовят, по крайней мере, за год, а мы брались это сделать за полтора-два месяца. Что и говорить, это был эффектный, но вряд ли хорошо обдуманный ход, заставивший нас решать задачи поистине исполинской сложности.

Президентский совет во главе с Кампоманесом с восторгом встретил наше предложение и единогласно предоставил Шахматной федерации России право провести Олимпиаду и конгресс с 30 ноября по 16 декабря. От Макарова я узнал, что наше предложение поддержано Московским правительством, Олимпийским комитетом России, а также Национальным фондом спорта. Последняя организация активно участвовала в подготовке и проведении задуманных мероприятий. Финансовую поддержку нам оказал ряд спонсоров, главным из них был концерн

«Хоперинвест».

ФИДЕ утвердило меня главным судьей Олимпиады и, вернувшись в Москву, я немедленно включился в работу.

Олимпиаду решили проводить в отеле «Космос». В нем достаточно мест, чтобы разместить участников, арбитров, журналистов, конгрессменов и тренеров. Там был зрительный зал со сценой, вмещающий более тысячи зрителей, а также несколько других залов и помещений, достаточных для пресс-центра и арбитров.

В конце октября Кампоманес прибыл в Москву, чтобы лично убедиться в том, как идет подготовка и соответствует ли отель и места для игры международным стандартам. Он отметил, что впервые за 25 лет участникам Олимпиады предстояло жить и играть в одном помещении. При холодной декабрьской погоде это было далеко не лишним. К тому же снимались проблемы безопасности и транспорта.

Первоочередным вопросом было: сколько команд приедет на соревнования?

Греческая федерация передала нам список, составленный еще в июле, из которого следовало, что 74 команды намерены участвовать в мужских состязаниях и 57 — в женских. Положение примерно с 20 федерациями было неясным.

Прогнозируя примерное количество участников, Организационный комитет считал, что следует ожидать около ста мужских команд и около 60 женских. Поначалу так и вышло: за 10 дней до старта Олимпиады мы имели точно сто заявок на участие в мужских соревнованиях и точно предполагаемое число в женских. Однако затем стали поступать десятки заявок от федераций, которые, видимо, не собирались ехать в Грецию и предварительных заявок на участие не посылали. Мы обратились к Кампоманесу, а он решил их всех допустить.

В итоге накануне официальной церемонии открытия мы имели 124 команды в мужских соревнованиях и 81 — в женских. Это был первый, но отнюдь не последний рекорд Олимпиады. Вместе с капитанами сборных число участников превысило 1200 человек, что, конечно, создало массу проблем. Все, что мы планировали, пришлось увеличить на 40%: число столов, шахматных досок, стульев, шахматных часов и даже документации. Два зала для игры оказались слишком малы, но уже ничего нельзя было изменить. Поэтому мы приняли решение допускать зрителей только в центральный зал, где на сцене играли 10 сильнейших мужских и 6 женских команд.

Ввели и ряд новшеств. Впервые в истории Олимпиад игра продолжалась не 6, а 7 часов с тремя контролями времени.

Сначала 40 ходов за первые два часа, затем 20 ходов за час и наконец полчаса до окончания партии, естественно, с накоплением времени. При таком контроле не было необходимости в доигрывании.

Также впервые использовались электронные часы. Большинство игроков и арбитров были с ними незнакомы, поэтому пришлось разработать специальные инструкции. Для арбитров провели небольшой семинар.

Впервые в Олимпиаде в Москве играли команды незрячих шахматистов, причем это были интернациональные сборные. И наконец, впервые в шахматной истории мужскую команду Венгрии возглавляла представительница слабого пола — 18-летняя Юдит Полгар.

В мужском турнире, как и два года назад в Маниле, победа досталась России, но на сей раз в более трудной борьбе. Медленно обретал форму Каспаров, кстати, сражавшийся на два фронта: он играл и одновременно занимался организационными вопросами, в частности, налаживанием отношений с ФИДЕ. На финише чемпион мира выиграл три партии подряд, да и вся команда проявила себя как бы единым механизмом и продемонстрировала всю свою мощь. Решающим оказался 13-й тур, когда россияне победили англичан со счетом 3:1. Вдохновленные этим успехом, в последнем туре они разгромили команду Германии со счетом 3,5 : 0,5, не оставив преследователям никаких шансов.

Одна из сенсаций Олимпиады — второе место Боснии и Герцеговины. И конечно, сенсацией была бронза молодежной сборной России (как известно, страна-организатор Олимпиады имеет право выставить две команды). Юные гроссмейстеры не пасовали перед авторитетами и ровно провели соревнование. Финальная ничья с англичанами принесла им дележ третьего-четвертого места с грозным соперником, а «по Бухгольцу» они оказались выше.

В женской Олимпиаде, по существу, борьбы за первое место не было. Команда Грузии, сыграв на старте вничью с основными конкурентками — венгерками, стала затем крушить всех подряд и без особых хлопот завоевала золотые медали. Второй была сборная Венгрии, в которой блистали Жужа и София Полгар, но для большего им очень не хватало Юдит. Бронза досталась упорным китаянкам во главе с чемпионкой мира Се Цзюнь.

Нагрузка, которую я испытал во время подготовки и проведения Олимпиады, оказалась чрезмерной — я попал в больницу и был вынужден уйти с поста вице-президента федерации. Конгресс ФИДЕ, проходивший в другом отеле, должен

был определить взаимоотношения между ФИДЕ и ПША. К сожалению, занятый на Олимпиаде, я не смог на нем присутствовать и не могу объяснить некоторые принятые там решения. Поначалу все было отлично, о чем свидетельствует следующий документ:

«Декларация о сотрудничестве ФИДЕ и ПША. В духе единства и в свете будущего сотрудничества мы, Флоренсио Кампоманес, Президент ФИДЕ и Гарри Каспаров, представляющий Правление ПША, настоящим заявляем:

Как ФИДЕ, так и ПША признают, что раскола произошедшего в марте-апреле 1993 года, можно было избежать, если бы обе стороны не встали на путь конфронтации. В то же время они признают, что раскол имел положительные стороны: в первую очередь это выразилось в активизации деятельности по привлечению денежных средств, что способствовало выявлению новых источников финансовой поддержки шахмат.

Для разработки этих новых источников и укрепления тенденции к поиску коммерческого международного спонсорства, что ускорит стабильное развитие шахматного мира, необходимо в настоящее время любой ценой предотвратить безответственные действия, предпринимаемые отдельными группами в своих корыстных целях.

Эта «Декларация» направлена на преодоление всех негативных сторон настоящего раскола, который наносит вред не только игрокам, но и национальным федерациям. Мы полагаем, что «Декларация» приведет к соглашению между ФИДЕ и ПША, которое откроет новую эру, основанную на всеобъемлющем и активном сотрудничестве между двумя организациями. Мы считаем, что в настоящее время важно объединить наши усилия, чтобы не упустить исторический момент, возникший в мире шахмат.

Мы убеждены, что, объединив наши усилия и скоординировав политику, мы сможем превратить шахматы в профессиональный самофинансируемый вид спорта, которому не страшны никакие подводные течения, который займет достойное место в центре общественного внимания.

Флоренсио Кампоманес Президент ФИДЕ Гарри Каспаров За Правление ПША

Москва, 8 декабря 1994 года».

Уже из самого документа видно, что далеко не всем нравилось это объединение, и, естественно, основным вопросом было: сколько средств ПША, взяв на себя проведение чемпионата мира, будет отдавать ФИДЕ.

Позднее, подводя итоги конгресса, Каспаров писал:

«Пожалуй, главным событием минувшего года стало подписание Декларации о сотрудничестве между ФИДЕ и ПША. Президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес оказался умнее и дальновиднее многих своих бывших соратников и сделал решительный шаг в будущее.

Очень важно, что ПША подписало договор именно с Кампоманесом. Его знают все: и мировая пресса, и спонсоры, и президент МОК Хуан Антонио Самаранч (как знать, не станут ли шахматы олимпийским видом спорта?). Его знают даже те, кто в шахматы никогда не играл. Договор с Кампоманесом означает больше, чем просто деловое соглашение,— это конец старой эры».

Кампоманес на все 100% использовал тот вотум доверия, который ему неожиданно оказал чемпион мира. Он изменил свое первоначальное решение и прямо на конгрессе пожелал снова баллотироваться в президенты ФИДЕ, хотя по Статуту ФИДЕ это следует делать за несколько месяцев до начала конгресса. Можно догадываться, какая борьба шла вокруг этого вопроса, но в конце концов он был включен в список для голосования и в конкуренции с французом Башаром Куатли победил, набрав 79 голосов против 65 у соперника.

Хотя Кампоманес и остался президентом, но финансовое соглашение между ФИДЕ и ПША так и не было подписано. Это фактически означало, что Каспаров и Макаров не достигли желаемой цели, а раскол между ФИДЕ и Каспаровым превратился в раскол между федерациями, поддержавшими Кампоманеса, и его противниками, главным образом, европейскими федерациями, поддержавшими Куатли. Кстати, на его стороне был и чемпион мира по версии ФИДЕ Карпов.

Оценивая итоги конгресса, приходится признать, что то преимущество, которое получила Шахматная федерация России, проведя Олимпиаду, на конгрессе было упущено. Следовало ожидать, что противники Кампоманеса и Каспарова продолжат борьбу и дальше.

Решающее столкновение произошло на конгрессе в Париже в следующем 1995 году. Мне довелись на нем присутствовать: наряду с испанцем Луисом Рентеро и итальянцем Николой Палладино я был приглашен для получения диплома и знака «почетный член ФИДЕ». Одновременно по просьбе руководства Шахматной федерации России я стал советником у официального ее представителя, ответственного секретаря федерации Юрия Зеленкова. Третьим в нашей небольшой делегации был член комиссии ФИДЕ по помощи развивающимся странам Николай Ананьев, директор орловского шахматного клуба. Президент федерации Андрей Макаров, избранный в Москве вице-

президентом ФИДЕ, не смог прибыть из-за болезни. Отсутствовал и Каспаров. Зато присутствовал член ЦК ФИДЕ Карпов и Бебчук, представлявший интересы Гаты Камского, эмигрировавшего в 1990 году вместе с отцом в США. Был на конгрессе и бывший президент Федерации шашек СССР Байрамов. Владея французским языком, он, вероятно, служил связным между Карповым и Куатли.

Как только начались заседания Центрального комитета, оппозиция сразу же набросилась на Кампоманеса. С острой критикой выступили норвежец Мортен Санд, континентальный президент ФИДЕ по Европе австриец Курт Юнгвирт, президент Германского шахматного союза Эгон Дитт. Их дружно поддержали Карпов и Куатли.

Какие же были претензии к Кампоманесу? Во-первых, он «завалил» матчи на первенство мира Карпов — Камский (Бебчук тут же распространил среди делегатов резкое письмо Камского) и Се Цзюнь — Жужа Полгар. Во-вторых, его избрали в Москве для того, чтобы он успешно решил вопрос с договором между ФИДЕ и ПША, а он его не решил. Правда, проект договора, предложенный ПША, был готов, но, по мнению оппозиции, он никак не устраивал ФИДЕ по крайней мере по трем пунктам.

Нельзя «просто так» передавать ПША такое важное мероприятие, как проведение первенства мира.

Финансовые условия (т. е. средства, получаемые от ПША) должны быть более выгодными, чем те, которые предложены в проекте договора.

В предполагаемом объединительном матче чемпион по версии ФИДЕ должен выступать на равных с чемпионом ПША.

То, о чем следовало договориться в Москве, снова выплыло в Париже. Давно было известно, что с последним пунктом категорически не согласен Каспаров. Он полагал, что единственным способом для 14-го чемпиона завоевать свой титул будет победа над его предшественником.

Кстати, эта мысль была высказана в приложении и единодушно одобренной в Москве «Декларации» о сотрудничестве между ФИДЕ и ПША. Словом, проект договора повис в воздухе...

Бурная разборка на ЦК завершилась открытым голосованием по вопросу о том, рекомендовать ли Генеральной Ассамблее вынести вотум недоверия Кампоманесу. Итог —13:13 при нескольких воздержавшихся.

Как видите, Кампоманесу все же удалось отбиться, хотя в нашей печати было сообщено нечто противоположное.

На следующий день никаких скандалов не наблюдалось,

заседание ЦК шло спокойно и строго по повестке дня. Так представитель Канады сообщил, что матч Карпов — Камский готов принять Монреаль, а испанцы при поддержке Рентеро взяли на себя проведение матча Се Цзюнь — Полгар. Делегат от Армении подтвердил готовность Еревана провести в 1986 году межзональный турнир, а также Олимпиаду и конгресс. Была удовлетворена просьба Украины о выделении ее в отдельную зону.

На следующее утро должна была начаться Генеральная Ассамблея, и разделившееся на два лагеря руководство ФИДЕ до глубокой ночи решало, как жить дальше. Оппозиция требовала, чтобы Кампоманес добровольно ушел в отставку, а тот упирался.

Как рассказывали очевидцы, в комнате, где шли переговоры, раздался телефонный звонок. Это был прилетевший в Париж Кирсан Илюмжинов. На ассамблее он собирался проинформировать ФИДЕ о ходе подготовки к Олимпиаде 1998 года, которую намечал провести в столице Калмыкии Элисте. И тут Кампоманес якобы обронил историческую фразу:

Вот человек, ради которого я готов подать в отставку хоть завтра!

Наступило утро. Заседание Генеральной ассамблеи началось с опозданием часа на полтора. Все чего-то ждали.

Вдруг появились Кампоманес с Илюмжиновым. Выйдя на трибуну, президент ФИДЕ сразу же объявил:

Посоветовавшись с женой, я решил уступить дорогу молодежи и подать в отставку. Предлагаю на мое место выбрать Кирсана Илюмжинова. Я его знаю как личного друга Каспарова и Карпова. Это наш единственный шанс прекратить распри и раскол.

Сенсация! Зал зашумел. Раздались выкрики в поддержку Кампоманеса. Действительно, в истории ФИДЕ еще не было, чтобы президент складывал свои полномочия раньше срока. К тому же, согласно Уставу ФИДЕ, на очередном, а не чрезвычайном конгрессе делегаты полномочны голосовать только по вопросам, заранее включенным в повестку дня (а там о выборах ни гу-гу). Не говоря уже о том, что для избрания в руководящие органы ФИДЕ необходима поддержка национальной федерации. К тому же в случае отставки президента его пост до следующих выборов автоматически переходит к первому вицепрезиденту — в данном случае к Мохамеду Гобашу из ОАЭ. Но Кампоманес хорошо знал, что эта кандидатура никак не устраивает делегатов европейских федераций во главе с Куатли, который сам метил в президенты.

Что же делать? В поисках выхода из тупика был создан

специальный комитет, состоящий из юристов.

А пока начались так называемые «двухконтинентальные встречи», на которых с успехом выступил Илюмжинов.

Он рассказал о себе, о свой мечте, чтобы люди занимались не политикой, а экономикой, о своем намерении сделать Калмыкию шахматной республикой. Подчеркнул, что проведение Олимпиады в Элисте поддерживает президент России Борис Ельцин (было известно, что он подписал указ о государственной поддержке Олимпиады в Элисте).

Это был сильный ход: выступление президента Калмыкии, к тому же на хорошем английском языке, несомненно произвело впечатление на делегатов. На следующий день стала известна «конституционная» рекомендация специального комитета: до выборов на конгрессе в Ереване предложить Илюмжинову пост chairmena (председателя), ответственного за договор с ПША, с правом решающего голоса на президентском совете ФИДЕ, а функции президента передать на этот же срок первому вице-президенту, то есть Гобашу. А как же Куатли? И вновь поднялась неимоверная буча...

Под конец заседания Кампоманес снова стал советовать избрать на его место Илюмжинова.

«А как относится к этому Российская шахматная федерация?» — спросил кто-то из делегатов. Для Зеленкова случившееся было полным сюрпризом. Поэтому он ответил, что должен связаться с Москвой.

Вечером от президента Российской федерации Макарова пришел факс, озвученный Зеленковым уже в последний день ассамблеи. Он сообщил, что Российская федерация не может поддержать выдвижение Илюмжинова на пост президента ФИДЕ, так как это противоречит уставу ФИДЕ и требует его строгого соблюдения, поскольку под вопросом договор между ФИДЕ и ПША. Однако к тому времени в недрах ФИДЕ уже был найден компромисс: Кампоманес уходит со всевозможными почестями, Илюмжинов становится президентом, Куатли его первым замом, а все остальные деятели остаются на прежних постах!

На заключительном заседании ассамблеи все было разыграно как по нотам. Сначала выступил Карпов и, не в пример разборкам на ЦК, снял все претензии с Кампоманеса, назвав его чуть не лучшим президентом за всю историю ФИДЕ. Это заявление зал встретил всеобщей овацией.

Выступил и Куатли — в том духе, что Кампоманес мог бы стать председателем президентского совета. Тот растроганно поблагодарил и ответил так:

О'кей, я согласен — но если президентом ФИДЕ будет избран

молодой и энергичный Кирсан Илюмжинов!

Тут же сотрудник российского посольства зачитал послание из Москвы, подписанное Чубайсом и Тарпищевым, поддерживающее Илюмжинова, с пометкой «Доложено президенту Ельцину. Президент одобряет. Первый помощник президента Илюшин».

Тут подоспел и вердикт комитета юристов. Они объявили, что если признать ситуацию форс-мажорной, то есть чрезвычайной, то можно пренебречь Уставом и все-таки провести выборы.

Для того чтобы стать президентом ФИДЕ, Илюмжинову предстояло набрать не менее $^2/_3$ голосов.

Он снова появился на трибуне, заявил, что у него далеко идущие планы, что он продолжит диалог с ПША, что он считает себя другом и Карпова, и Каспарова — и может привести их к миру.

Затем состоялось голосование. Его итог — 95 за из 108 возможных, намного больше двух третей. Блестящая победа!

В заключительном слове, произнесенным уже по-русски, Илюмжинов сказал:

Мы открыли новую страницу в истории ФИДЕ, все предыдущие грязные страницы перевернуты, о прошлых конфликтах и обидах мы должны забыть. Я наведу порядок и дисциплину, пора прекращать этот балаган...

Итак, 13-летнее президентство Кампоманеса в ФИДЕ закончилось, и мы вправе оценить в целом его деятельность. Нельзя отрицать, что он проявил себя мудрым и дальновидным политиком. На этих страницах я привел немало примеров его проницательности и изворотливости. Однако при нем заметное место в ФИДЕ стали играть представители стран третьего мира. Он активно использовал их поддержку при решении важных вопросов, в том числе и касающихся первенства мира. Именно благодаря их поддержке Кампоманес стал, по существу, диктатором и провел несколько серьезных и небезвыгодных лично для него решений. Как я уже рассказывал, он значительно расширил права президента в матчах на первенство мира. Весьма показательно, что в регламенте этих соревнований пункт, касающийся его прав, стоит впереди пункта о правах самих участников! Теперь немного о его взаимоотношениях с нашей федерацией. Он быстро понял, что федерация — всего лишь марионетка в руках Спорткомитета, и нашел способ вступить с ним в прямую связь. Так ему удалось наладить контакт с говорившим по-испански зампредом В. Гаврилиным, после смещения Ивонина курировавшего шахматы. Это позволяло Кампоманесу получать и поставлять нужную информацию, минуя

федерацию. Вот только один пример:

На конгрессе в Севилье в 1987 году мы собрали совещание делегатов соцстран, чтобы сообща определить нашу позицию по какому-то пункту повестки дня. Однако на следующий день от Гаврилина было получено указание изменить нашу позицию. Сначала я удивился прозорливости руководства Спорткомитета, но потом сообразил, в чем дело — через своих людей Кампоманес узнал о нашем решении, которое его не устраивало, связался вечером по телефону с Гаврилиным и попросил надавить на советскую делегацию.

Когда в конце 70-х годов на исполкоме ФИДЕ в Тунисе решался вопрос о том, где в 1982 году проводить Олимпиаду — в Триполи или в Люцерне, я голосовал за Швейцарию, полагая, что в Ливии будут недостаточно хорошие условия. Участники двух предыдущих Олимпиад в Аргентине и на Мальте жаловались на питание, размещение и условия для игры. Да и вообще после Ниццы-1974 уже было давно пора провести это престижное соревнование в старушке Европе. Кроме того, после второго места в БуэносАйресе и не очень убедительной победы в Ла-Валетте нам предстояло доказать, что сборная СССР по-прежнему сильнейшая в мире. А это легче сделать в более хороших условиях.

После того, как я поднял руку за Швейцарию и она прошла большинством голосов, голосовавший за Ливию Кампоманес воскликнул:

А я думал, что ты будешь голосовать за Ливию! Ведь всем известно, что Советы поддерживают Каддафи. Правда, это ничего бы не изменило: тогда бы за Швейцарию голосовал я!

Это были слова опытного политика. Думая о будущем, Кампоманес заранее искал поддержку в арабском мире и использовал любую возможность показать арабам свою лояльность. Позднее это ему очень пригодилось.

Когда я вернулся в Москву, первые слова Батуринского были:

Правда, что ты голосовал за Люцерн?

Мне стало ясно, что об этом его проинформировал Кампоманес.

За последние четверть века конгрессы ФИДЕ проходили ежегодно. В годы Олимпиад делегатов оказывалось вполне достаточно для кворума. Совсем другая картина была в нечетные годы. Чтобы и эти конгрессы оказывались правомочными, в устав ФИДЕ внесли пункт, согласно которому федерация, не присутствующая на конгрессе, могла отдать свой голос тем, кто присутствовал. При открытом голосовании на заседаниях ассамблеи нередко можно было видеть делегатов, поднимающих две руки — одну за себя, а другую «за того парня». Однако

больше одного «прокси» иметь не разрешалось.

Во времена Эйве и Олафссона число таких «прокси» обычно не превышало дюжины. Когда Кампоманес стал президентом, ситуация кардинально изменилась. Филиппинец и так контролировал немало федераций третьего мира — а тут он обнаружил, что при целенаправленном сборе «прокси» и умелом их распределении среди верных ему делегатов он всегда может иметь большинство.

Вот статистика трех нечетных конгрессов при Кампоманесе (в то время в ФИДЕ входило примерно 120 стран).

Место и время конгресса	Манила 1983	Грац 1985	Севилья 1987
Зарегистрировано делегатов	91	90	89
Фактически присутствуют	52	53	58
«Прокси»	39	37	31

Не правда ли, красноречивые цифры? Машина действовала безотказно.

За все те годы не могу припомнить случая, чтобы Кампоманес проиграл хотя бы одно голосование.

Я полагаю, что в расколе, который до сих пор трясет шахматный мир, в значительной мере виноват Кампоманес. Он не наладил нормальные отношения с 13-м чемпионом мира, более того, пытался играть на возникших противоречиях. Это нанесло немалый ущерб и самим шахматам, и престижу ФИДЕ.

Вместо заключения

Как-то незаметно мы оказались в XXI веке. Событий, которые прошли после избрания Илюмжинова президентом ФИДЕ, я касаться не намерен. Это уже настоящее время, а я рассказывал о прошлом. Хочу надеяться, что он выполнит свое предвыборное обещание — наведет порядок в ФИДЕ. Шахматный мир получил наконец единственного чемпиона мира. Осталось восстановить стройную систему определения претендента. И тем самым поди нять престиж и авторитет Международной шахматной федерации.

Что такое несколько десятков лет в многовековой истории шахмат? Однако как раз за последние 15—20 лет стал особенно заметен прогресс в постижении и изучении древней игры. Для того чтобы познать ее сокровенные тайны, сейчас используются все самые последние достижения науки и современные технологии. И компьютеры на равных борются с сильнейшими гроссмейстерами, а иногда даже их превосходят.

В самом деле, ведь человеку свойственно ошибаться, и даже в настоящее время ни один из шахматных светил не может сказать, что играет безошибочно. К несчастью, а может быть, как раз к счастью, творческие возможности и ресурсы человека ограничены.

Возникает вопрос — не прекратят ли безошибочно играющие компьютеры само существование шахмат как игры, которую Гете назвал «пробным камнем ума»? Я все-таки верю в то, что шахматы живучи, что наша старинная и благородная игра, в которой, как утверждали древние мудрецы, «разумом одерживают победу», будет жить и процветать и в XXI веке.

Научно-популярное издание

УДК 794.1 ББК 75.581 А19
Авербах, Ю. Л.
А19 О чем молчат фигуры / Юрий Львович Авербах. — М. : РИПОЛ -Классик, 2007. — 320 с. — (Искусство шахмат).
ISBN 978-5-7905-4946-5
УДК 794.1 ББК 75.581
© Авербах Ю. Л., 2007 © ООО Группа Компаний «РИПОЛ ISBN 978-5-7905-4946-5классик», 2007
Серия «Искусство шахмат»
Авербах Юрий Львович
О ЧЕМ МОЛЧАТ ФИГУРЫ
Генеральный директор издательства С. М. Макаренков
Ведущий редактор серии Я. В. Дамский Выпускающий редактор Е. Л. Крылова Художественное оформление: В. Ю. Шумилов Компьютерная верстка: О. К. СклярПодписано в печать 14.02.2007 г. Формат 60x90/16. Гарнитура «NewtonC». Печ.л. 20,0. Тираж 3000 экз. Заказ №3007
Адрес электронной почты: info@ripol.ru Сайт в Интернете: www.ripol.ru
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик» 109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д.23
Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова,

Авербах Юрий Львович (1922). Гроссмейстер, теоретик, литератор, историк шахмат. Чемпион СССР, неоднократный претендент на шахматную корону, победитель международных турниров, тренер и секундант ряда чемпионов мира. Свыше трех десятилетий входил в руководства советской и международной шахматных федераций. Почти сорок лет был главным редактором журнала "Шахматы в СССР/России". Автор нескольких десятков книг, переведенных на многие языки.

ISBN 978-5-7905-4946-5

О ЧЕМ МОЛЧАТ ФИГУРЫ

ЮРИЙ АВЕРБАХ